

Иван Овчинников

**Я помню, помню всех,
кого любил...**

Избранное

Новосибирск
2017

ББК ГР7
О 67

Редакционная коллегия:

А. Б. Шалин - ответственный редактор,
В. В. Асанов, И. А. Ахметьев, Ю. В. Гуров, А. И. Денисенко,
Н. М. Закусина, Е. П. Иорданский, А. С. Метельков.

Овчинников И. А.

О 67 Я помню, помню всех, кого любил... Избранное. *Стихи. Проза.* – Новосибирск: РИЦ «Новосибирск», 2017. – 672 с. + цв. вкл.
ISBN 978-5-900-152-80-1

Стихи и проза Ивана Овчинникова – уникальное явление в литературной жизни Сибири и России второй половины XX века и начала нынешнего. Его стихи вошли в состав нескольких антологий российской поэзии. Настоящее издание наиболее полно представляет творчество нашего выдающегося земляка. Выход «Избранного» И. А. Овчинникова – настоящее художественное событие для истинных почитателей отечественной Музы.

© Ануфриев Е. М., тексты, 2017
© Кайманаков А. Г., графика, рисунки, 2010
© Фотографии из архивов И. А. Овчинникова,
Е. П. Иорданского, Ю. В. Гурова, 2017

Для знакомства (Автобиография)

Я, Иван Афанасьевич Овчинников, родился на Алтае, где очень распространена эта фамилия. Есть даже село Овчинниково. Странно было видеть, приятно в Москве Овчинниковскую набережную. Родина – село с Алтайским названием Нижний Ашпанак. Но, признаться, мало что помню из того. Вот с четырёх лет, когда мы переехали в Тайnú, там уже начинается моё сознание. Первого села моего нет. Так я хоть во второе нет-нет да наезжаю.

В Тайне́ было электричество до Первой мировой войны. Это мне сказали в Красногорске. В музее об этом знают. С каждым годом Тайна́ всё незнакомей и незнакомей. Скоро так будет некуда деться. Ну, что дальше? Дальше город с девяти лет, институт (неоконченный), работы всякие и, пока не встретился с фольклором, ясности не было. Но стихи начал писать

в школе классе в девятом. Фольклор все-таки считаю старше авторства нашего, сильнее. Красногорск – это бывшее село Старая Барда, а по старым, до революции, атласам значится: Старо-Бородинское. Недавно узнал. Большая радость.

И. Овчинников

Из книг

Из коллективного сборника

ГНЕЗДО ПОЭТОВ

Бесценные весны деньки

* * *

Хорошо, когда люди дружат.
Но когда ты — долго один,
даже тот, кто был просто нужен,
станет очень необходим.

НЕЗНАКОМЕЦ

Так глядит существо неземное,
появляясь в зеленых очках.
Очень ценное, как золотое,
серебро на прекрасных висках.

Кто-то резко его не полюбит.
Понял все. Не прощаясь, пошел;
И, как самые разные люди,
заиграл, заиграл в волейбол.

В ОТПУСКЕ

Сегодня что? Десятый день.
Давай подумаем... Сентябрь.
На славу в нашей слободе
повяло, вывесило стяги.

Куда девались эти дни?
Когда ползелени пропало?
Узнать бы как-то у родни,
которая не выпивала.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Десять рублей. Мне нужно десять рублей!
Ты прав, брюнет, мой черный человек,
ничего не вышло за столько лет.
Даже десятки не дашь.
Мы моментами были приятели.
Ты думал — я хуже.

И в том,
когда на меня валят,
валят, валят, валят,
я с детства слабо оправдываюсь —
а может,— я.
Иногда я гляжу в глаза.
Ты о деле, а я — в глаза.
А в лесу там, за городом
я не кричу: тангенс равен тому-то, тому-то!
Понимаешь, внемли, ух, не люблю нелепость!
И несколько лет уже думаю о мастях.
Положим, проиграешь ты, черный человек,
десять десятков,
а занять ты их мне никогда
не займешь. Неестественно. Что ж —
у людей научился. У нас.
Вот сейчас мне никто не даст, и
я не сделал того, с чем могу подойти
в тихий вечер, мой черный товарищ.
Я часто думаю о тебе, о твоей доброте:
кипятится, как мы. Только это досадно.
Чёрный человек, а чёрный,
дай десятку!

* * *

Памяти моего друга Саши Ромашова

Нечего делать — воображаю:
в конце октября,
в уже темнеющую субботу
выходят из Оби
тридцать три богатыря,
разбегаются
и находят по сердцу работу.

ПЕРВОКУРСНИЦА-ГОРОЖАНКА

Ты по утрам выходишь в сад.
Центральный сад у окон дома.
Навстречу мощная роса.
От листьев мокрые ладони.

Минута в окруженье астр.
Над ними, немо холодея,
сто раз покрашенный театр
стоит с плакатами, старея.

У светло-розовых колонн
есть тени — тихие творенья,
соседи... о, где угомон.
Где тоже выход в сад. С куреньем.

Любимица из всех аллей
одна — широкая, сквозная,
шумящая, что ей, что ей
дорога нравится лесная.

Когда любиешься, идешь
среди блестящих листьев, веток,
действительно, добра и света
начало брезжится, ну что ж.

О старый сад! Его края
оглашены грузовиками.
А вот и город, и роясь
другие думы возникают.

Сад где-то, словно облака,
сквозь кроны изредка заметные
и розоватые слегка,
мелькают пятна Музкомедии.

* * *

Достраивают цирк. Достроят.
А рядом, на разгон ручьев
выходят юноши достойные.
Выходят девочки ничо.
Ну прямо чувствуется лето!
И ты, ученье разлюбя,
сбежишь с гуманитарных лекций.
Идешь и строишь из себя.

* * *

Из Новосибирска выходит корабль.
Идет по морю Обскому.
С берега ветер вчера был.
Так завывал по-морскому.
До края сине, глубоко,
не видать
села под водою нисколько.
Откуда бы взяться на море — опять
прощается с нами иконка.

* * *

Наш вуз на самом берегу.
Сегодня, у окошек стоя,
мы наблюдаем, как в пургу
затон готовится к застою.

Идет последний пароход.
Почти недвижим. Как он долог!
У схода, где сквозной проход,
сейчас свистит ужасный холод.

Едва продвинулся. Как в рог,
трубит протяжное, печальное.
За ним спокойно катерок
по делу к пристани причалил.

ПОЮТ ПО-СТАРИННОМУ

Не выключайте! Пусть играет.
Эх, кто-то взял и повернул.
Глядеть родной пейзаж мешает.
Дороги лучше ровный гул.

Многоголосие, блаженство
зависит от людей таких!
От их общаг мужских и женских,
от снимков с дурочек нагих.

* * *

Девушка
кружится с зеркалом.
Вертит такие дома!
То проплывает, то меркнет
зима...
Девушка остановится —
видно, как падает снег.
Весело с ней
становится.
Когда полюблю кого-нибудь —
других кое-как терплю.
Но снег, синеву подоконника
невыносимо люблю!

ЕСЛИ ОБМЕН, ТО...

Мама права — надо окна веселые.
Чтоб на дорогу, на день.
Мама воспитана солнцем и селами,
ясной мечтой деревень.

ПОЛУСТАНОК

Здесь только станция дрожит.
А так, цветы и очень тихо.
И жарко очень. В поле ржи
златятся сладко буквы — «Льниха».

Подросток-девка босиком
на прокаленном рельсе павой
нарочно медлит пять секунд
и вдаль идёт по тёплым шпалам.

А станционные гудки
щемят, свистя над разнолесьем.
Ответно стадо у реки
даёт своё разноголосье.

Грустя под выкрики гудков
и разревевшейся гармонии,
десятка два призывников
с разбега прыгают в вагоны.

Сейчас отец на костылях
с окошком в ряд заковыляет.
А потому, что был в боях
на Висле, Одере, Дунае.

Сойти б. Живём-то одна.
И, на траве, рубаху скинув,
под песни горько изнывать
от в плечи вьевшихся травинок.

В ДЕРЕВНЕ

Ты любишь по улице тихо брести,
мирно вдоль вечера, вдоль огорода?
Есть еще время подумать, семью завести.
Мысли заветные с прошлого года.

По улице детства, былой беготни,
где, вон уже—Танькины, Ванькины маки
пылают у окон, в которых они —
романа — а как же! — веселые знаки.

У РОДИТЕЛЕЙ

— Девки-и-и!
Девушки убегают от тучи.
По волнистому клеверу, будто бы в плавь.
Чтоб скорее прекрасной расцветки могучей
постирать и развесить свой вымокший плат.
Прибежали, а солнце — над всеми над нами!
И мамаша варенье несет на огонь.
Сыплет сахар в него, не сверяясь с часами.
Бьёт над жаром спокойно ладонь о ладонь..

* * *

Уже давно и далеко
и снег, и тракторные гусеницы.
Гора сбегала так легко!
Как с плеч гора.
Решительно, как пустится.
И сразу длинным стоном пил
день запрещался, поднял шапку.
Как я сегодня всё любил!
Краснел, темнея шаг за шагом.

Как стало очень, очень жаль
терять, рассеять всё на свете.
Заметить только темной – шаль...
И тихий флаг на сельсовете.

ВЫХОДНОЙ В ТАЙГЕ

Протока ли, речка под хвойным навесом
петляла и стала совсем ручеек.
Лохматые ели, скучая над лесом,
шептались: а вечер? А вон, недалёк.

Ладья закатилась в коряги, в объятя.
Придётся, как древле, как исстари, ух! —
мужам, мужикам искупаться, захватит
вода терпеливый языческий дух.

Бредём, что твои бурлаки, что коняги,
что скифы, глазами к воде наклонясь,
счас, жёнки, запрыгнем, на весла налягем,
нажмем на остатки воскресного дня.

Темно от тайги, а не сумерки это.
То сумраки крепкие в темном лесу.
А только уплыли от елей — и нету
вечернего света. Весло на весу.

Теперь по-казачьи, особенно, тихо,
да не на траву из воды! — Загребай!
Три раза по водам ударили лихо.
Промчались, оставили лодку у свай.

Пожалуйста, вечер. Овечки, как море
валами, с ягнятами семят.
А их голосочки в пыли, в этом хоре,
как раз, как звоночки, в квартирах звенят.

Трамваи, столбы в понедельник железные.
Забудем о прошлом, поди, что всегда
мы есть казаки, голованы полезные,
глаза наших милых лучатся тогда.

ВНИЗУ ВО ДВОРЕ

Девчонка с дворнягой.
Девчонка с дворняжкой.
Хоть как назови их —
зима и зима.

Вот март какой серый
над сквериком, сквером,
снежок надоел уж.
Зима да зима.

Когда позовут их.
Верней, назовут их.
Ага, уж зовёт кто-то,
вот как оно.

А как их зовут,
называют? Не слышу.
Не слышу! Не слышу —
закрыто окно.

А, вот как зовут их,
из форточки: «То-о-ня!
Дождемся тебя или нет?»
А девочка сразу
как топнет.
Как крикнет собаку
так звонко: «Ко мне!»

ДОБРОЕ УТРО

Руки замерзли поверх одеяла.
Настежь распахнуто к небу окно.
Сам захотел. Как вчера полыхало!
В честь мою, что ли, зарницы. Да — но ...

Битый, учёный я, только гостиниц
не разлюбил из-за слова. И впрямь —
память, как будто гостинцев и горниц
с окнами в горы, а может, в бурьян.

В детстве мечталось: столбами по свету
в гору, как та вон, пойти со двора.
Вот и сейчас! Но возвышенность эта —
та, по которой приехал вчера.

Может ли, чтоб, зеленея, покатошь
нас соблазняла, как будто судьба?
Чем похвалялась немного когда-то,
где-то в высотных домишках толпа.

Аз многогрешный из дедовских правил.
Разве скажу, что мотало, как лист?
Всё ж выбирал, выбирался и правил.
Был же и выбор и те, кто плелись.

А погорельцы? А как же солдаты?
Там, где остался отец. Я молчу.
Там уж судьба. И моя — без отца-то.
Родину где теперь, как получу?

И не промолвлю небрежного слова
я о судьбе волевых и простых
сверстников, жителей края родного.
Около них побывав, погостив.

СУХО

Надо мной опять летают тучи.
Теневые, треплют волоса.
Не дождят, не балуют, а мучат,
улетая за город в леса.

А за ними по железной линии,
раскаленной, покатилося вдаль
чисто поле полосами длинными.
Каждой — предыдущую не жаль.

ДВА ОСЕННИХ ЛЕСА

1

Осенний лес. Немного стыдно.
Его легко одолевать.
Идешь-идешь, и долго видно —
еще маячит голова.

2

Кому бежать — едва ли скрыться.
За лесом только, за горой.
А там... чащобам тем открыться
и замереть самим собой.

* * *

Разбросанная баня
давно уж вся в цветах.
Эх, бревна, забыванья,
затихшие места.

Хорошие, задымленные.
Сбросал их богатырь.
За городьбой, за тыном ли
смущают зря Сибирь.

ДОМОЙ НА СНОПАХ

Хорошо в сентябрьской степи.
Кажется теплей, теплее лета.
Облако остановилось, спит.
Облака другие потерялись где-то.

Спит, напоминая снег.
От его сияния простого —
тот уже, неизносимый свет
над желтеньем поля золотого.

Там, где на соломе по полям
еду я, а все еще поля все.
А я маленький — легко снопам.
Можно до околицы валяться.

Без конца охота плыть и плыть
дальше, даже дальше дома
ехать по дороге, чувствовать теплынь,
окликать ровесников знакомых.

* * *

Всё реже туристы.
Всё тише леса.
Меж сосен далёкие горы.
И выстрел. Пока до конца доплясал,
давно уже заяц дал дёру.
Листва полетела, и вновь по кустам
расселась безвольная стайка.
Багрянец... А кажется, только что там
маячила красная майка.
Как вспомню её, перед кем
вчера ещё прыгали в омут...
Что делать сейчас на реке?
Спортсмены на городских стадионах.
Лесок повздыхал и затих.
Сломалась какая-то ветка.
Сама. Здесь шаром покати —
ни одного человека.
Становится грустно. Подходит оно —
окружающее бездействие.
Посмотришь — такое пространство у ног,
и некуда деться.

* * *

Зима. Как- будто так и было.
Как будто осень — это сон.
Пока я спал, поля покрыло,
заборчик снегом занесен.

Смотрите, с первой же метели
поднялся маленький народ.
От всех крылечек заскрипели,
елозя, лыжи — кто вперед?

РАССКАЗЫВАЛИ В КОЛЫВАНИ

С горы сорвался грузовик.
На повороте канул в вечность.
Колонна встала. Глядь – мужик,
шофер этот грядет навстречу!

Под крутизною был лесок.
Своей сомнительною крышей
подпёр, сдержал, и мужичок,
пока прощались, вылез, вышел.

По низу пробежал волчком
и выскочил. Смотри — засада.
Ух, голова! — пеклась о том:
означить счастье еще надо.

* * *

Люблю за деревней лежать.
Отстав от друзей, только скромно
Молю темноту не бежать —
на небо красивое, ровное.

Шепчу ему — дли свою жизнь,
прекрасное, алое небо!
И солнце, пылая, лежи
на золоте тихого хлеба.

В ИЗБУШКЕ

– Бабушка, ты не спи-и-и.
Ты сказала: значит.
– Ну, значит, говорит,
что её они,
если в этих цветах, соловьи.
– Ну и что, соловьи
её в белых цветах.
– Отпугнуть их велит.
Вот они в облаках. Ох и гром!
Люди спят. Слава те,
Господи. Ох, люди спят!
Соловьи в высоте,
журавли летят.

Жили-были старик
со старухой один
Повалил, было, снег.
Привалило малину
Да так, что не надо вязать
Лазить в снег пригибать.

Ладно, спит соловей...
Отцвели у отца
помаленьку цветы.
Листья, слышишь, отпали.
Стары бабушки спят.
Одна старуха не спит.
А медведь в сенки идёт.
И поёт-орёт, поёт,
что старуха спит.

* * *

Деревня цвела, наслаждалась.
Гроза разбивалась о лес.
Как тысячелетняя шалость —
над сеном стоял ее блеск.

В поляны, томимые зноем,
не туча плыла — темнота.
— Вот эта, ребята, помоем.
Завесит сейчас навсегда.

В ней облаком небо казалось.
Синело во тьме в вышине.
И пряталось. И сбывалось
пророчество. Но не вполне.

* * *

Рос теленок среди роз,
георгинов, маков.
Дома в январе в мороз
то скучал, то плакал.

В мае во дворе стоял,
сам с собой играя.
Милый, маленький жевал
сено у сарая.

Как повеяло тепло
на луга-поляны,
замелькал повсюду лоб,
забасил баяном.

Побежал скорей к другим
маминым сыночкам.
— Гоша! Гоша! Георгин! —
Все кричат телочку.

РЕБЯТА

Слизали с оладий варенье.
На улицу! В майскую степь.
А там в бесконечной весенней
траве заржавевшая цепь.

На ней в замешательстве пчелка
томится секунду, поёт.
Гудит, выясняет: а че это?
Смекнув, по медунке ползёт.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ЦВЕТ ЗЕМЛИ

Светло-синяя карта. Румяные страны
утопают в воде — за квадратом квадрат.
Океаны пузатые от Магадана
до Америки Южной, сберегшей солдат.

Страны новые да уж по-свойски,
колокольчик уроки закончил, звеня
Ваньше, Петьше, а в классе — кто с двойкой,
остаются одни — океанам родня.

Небо в окнах, на улице синее-синее.
Горячо. Но уже зарыжело, поглянь...
Нам на радость в полях всевозможные лилии,
разноцветные полосы. Просто земля.

* * *

Осень за школой. Вот она.
Смирно в юннатском пруду
Спят на боку земноводные.
Сыплются листья в саду.

Холодно, невозможно!
Пусто на бережку,
в поле. Природа сложена
на школьных столах, на току.

Музыка в окнах — жалоба
на невеликий день.
Какая-то жалость к жабам —
спят неизвестно где.

Но на момент, на миг ведь!
Это всегда-всегда
снова природа никнет
у школы и у пруда.

ДЕРЕВУШКА НА ПЕНСИИ

Побурели, сильно побурели
прясла над рекою на снегу.
Оттепель весенняя, капли.
Над водою грусть на берегу.

В тихой глади проблески не льются.
Не идут рубахи полоскать.
Огненные руки после ноют, руци.
Старенькие. Отдохнут пускай.

* * *

Ах, представляю лето!
Утром Шульгина, Томилина, Замалина,
вздрагивая, возражая, зябко входят в лес.
— Здесь уж кто-то был... Эх, опоздали мы!
Ой, пастух, пастух на сучья влез!
Всю деревню видит.
А внизу прохладно, мрачно, тихо, дико.
— Валька, Валька, гляди-ка, клубника.

И глядишь, глядишь, тепло, тепло, жара.
— Чш-ш! Кукушка где-то, где речушка.
Вот она и летняя пора.

К вечеру устали, грустные
смокли шестиклассницы, идут.
Под ногами веточки похрустывают.
Сколько леса, сколько неба, столько дум.

Милые, простые, показали нам,
с чем пришли они, —
Шульгина, Томилина, Замалина.

* * *

1

Ах, милей, еще милее!
Степь уставлена снопами.
Ласково осмотрена глазами.
Остается, вечереет.
Далеко уже комбайны
с поля едут к дому, к бане.

Банька дожидается до ночи.
Мужики ли, бабы ли вперёд
моются уже, хохочут.
За окошком снег идёт.

РУССКОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Бесценные весны деньки
как одиноко, плохо полетели.
Живу опять, как старики, —
люблю в своей ограде зелень.

Поют вверху, и заодно
оттуда майский дождик льётся.
Участье, счастье — за окном,
со всех сторон ко мне несется.

Слетает с листьев на меня.
Я высунулся к темным тучам.
Вот, братцы, одинокий я.
Лицо в воде, в весне плакучей.

ЭПИЛОГ ОДНОГО СЕЛА

Думаете, кто там светится,
крышами сверкает, кто зовет?
Да никто, а просто грезится.
Грезится уже который год.

Никого там нет у неба синего,
где мелькало стеклами село.
Нет его давно в горах, красивого.
Все из этих гор ушло.

Нету нашей русской деревушки.
Нету-ка. И не поставят вновь
к лесу пятистенные избушки, —
где мы бились, бедные, с войной.

Вечером вернуться не к кому.
Разве к стогу тихо подойти
лесникову, одному тут, летнему,
надавить рукой и отойти.

* * *

С. М.

Бредет ли старый человек
тропинкой к Дому престарелых,
цветет ли наш XX век,
или тридцатый, где пределы?..

А собирается гроза
среди бела дня на небе мая.
Старик глядит во все глаза —
куда идёт она, стреляя.

Мольба при молнии — любви!
Секунды ясности великой.
Зигзаг над нами, объяви! —
как быть: с мольбой или с молитвой.

Из книги
МИЛ-ЧЕЛОВЕК

Для знакомства

* * *

Бог мне дал хорошее лицо.
Ежели так, отчего
Несколько лет колесо
ежевечернего одиночества.

Столик, перо, да листы.
Лишь головой не ложись.
Помни, что ропщешь ты,
мил-человек, не на жизнь.

БРОДЯЖКА В КОЛОМНЕ

Дождь. Люблю, когда поленья
мокнут. А я задумываюсь и...
Плывут по небу пополнения
задумчивости на Руси.

День... тот... когда-то в детстве
теленки замер. Всякий звук.
Охота дикая — раздеться
и прямо в мокрую траву.

Всего не скажешь. А ворон в Коломне!
Все вместе, бросив тополя,
всерьез уже летят к проломам,
скорей к величию Кремля.

Да отчего так грустно?
Сера вечерняя пора.
Наверное от грунта —
такой же глинистый накрап.

Чудак, пожалуй, кто бродяга,
в бетонной странствует стране.
Вдали от трав, грибов и ягод.
А кто, скажи, не в стороне?

Асфальт исцвёл весь от блистанья.
А дождь идёт, идёт, идёт,
пока не перестанет,
я дождь люблю, люблю, люблю.

* * *

С. М.

Прямо на краешке крон
солнышко село и пляшет.
Темный мужик, как Платон,
что-то у девушки спрашивает.
Девушка, как Сократ
всему головой кивает.
Кивает всему подряд
и, хитрая, забывает.

* * *

Россия песенная —
самая великая, величайшая.
И я — сорокалетний,
по ничтожеству своему
узнал об этом, узнал я
недавно.
Услышал не только то
и о чем в нашей деревне пели.
Нашлись люди, поехали по Союзу.¹
И нашли такие песни.
Я заплакал от первых же слов.
Я думал — только я,
только для меня.

---

¹ Имеется в виду Союз Советских Социалистических Республик (1922–1991), первое в истории социалистическое общенародное государство (СЭС, 1981, с. 1261). — *Прим. ред.*

Здесь, вокруг

* * *

На область прислали 120 Бальмонтов.
Кто-то достал. Кто нет —
ходит печальный, как Лермонтов,
ищет свой высший свет.

* * *

Спит моя рыжая, спит.
Вал натуральных волос
властно разносит мой скит,
дрогнувший от ее слез.

Выплакалась и цветёт
при увяданье моём.
А у неё, у дитё
запросто — спать — ход конем.

* * *

На футляр. Положи в него маску
тысяча триста двадцатых годов.
Позови понимальщика Макса¹
похвалиться. Винишка готовь.

---

¹ Маковский Анатолий Владимирович, один из представителей сибирского поэтического авангарда, автор книги «Заблуждения», вышедшей в поэтической библиотеке «Мангазеи» в 1992 г. — *Прим. ред.*

Деньги что... Ни себе, и ни людям.
А кому? — А вот так — никому.
Чтобы из-за кордонной валюты,
чтобы жить по чужому уму.

И делец-то берет не себе.
Он не шибко уж материален.
Фокус в том, что он бешеный пёс
любит видеть, как все мы теряем.

На футляр. Положи в него маску
тысяча триста двадцатых годов.
Позови понимальщика Макса
и огромные слезы готовь.

В ДЕТСТВЕ

Хорошо в сентябрьской степи.
Кажется теплей, теплее лета.
Облако остановилось. Спит.
Облака другие потерялись где-то.

Спит, напоминая снег.
От его сияния простого —
тот уже, неизносимый свет
над желтеньем поля золотого.

Там, где на соломе по полям
еду я, а всё еще — поля всё.
А я маленький — легко снопам.
Можно до околицы валяться.

Без конца охота плыть и плыть
дальше, даже дальше дома
ехать по дороге, чувствовать теплынь,
окликать ровесников знакомых.

* * *

Делается вечер и темно становится.
И плохо. Горестно глядеть во тьму.
...Хорошо, где нас нет — общая пословица
в голову приходит одному.

Сам уже слабее тусклой лампочки.
А спокойно, в летний вечер, ввысь
молчаливые, стремительные ласточки
над тобой скорее пронеслись.

НЕ БОЙСЯ НИЧЕГО

Да не пугайся, не бойся ты сфер!
Ночью не ройся, как малонер,
в небе среди звезд далеких,
ничьих, ни тяжелых, ни легких,
протянутых в грустную строчку
среди ничего, ну его к лешему!
За Млечным Путем сразу точка —
все остальное — крошечное.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА СЕБЯ

Ну-ка, ну-ка, повидать-ка
пахаря перед собой.
Стойка, крепкая раскачка.
Человек. Мужик седой.

За плечами сини горы.
В зеркале, конечно, я.
Позади несданный ворох
темноалых одеял —

роскошь, лишняя в разлуке,
весь июль — моя постель.
Сделаю узлы и вьюки,
отнесу — такая цель.

Вот, прощаясь, грустно понял,
как прекрасно здесь, вокруг,
лес темнеет, темны кони.
Снова ярко светит луг.

Как стемнеет, просто выйти
в ночь ли, в вечер из избы.
Где-то слышны крики выпи,
или танцы. Без судьбы.

* * *

Солнце во всех зеркалах
льется в июль напоследок.
В небе во всех облаках
вздых расставания с летом.

В августе всё, да не всё.
Родина в зелени сосен.
Около умных сёл
древние песни под солнцем.

* * *

Ни плаща, ни курточки, ни дома.
Ну, даю разгону в листопад!
Я люблю её, златую дрёму.
Я подумаю. Пока я рад.

Всё потом слетит, всего оденет.
И от снега буду защищен.
Так что ладно, со своею тенью
постою на солнышке ещё.

* * *

Опять из колхозов «Апорт Бергамотный»¹
по станциям мчится в Москву.
Грузин белозубый, кацо искромётный
качается, как на плаву.

— Шота Руставели! Шота Руставели!
Как скучно, как долго в Руси.
У станций, пакгаузов нету ущелий.
Ай, сколько без гор колесить.

Вон море с водою — красивое море.
Но гор за волнами красивыми нет.
Лишь русые девушки русские гордые
смеются словам: сколько лэт?

---

¹ Сорт яблок. — Прим. ред.

Нас помчали

* * *

Самолёт сел и сумерки
нас помчали, меня
по Москве белокаменной,
потемневшей в огнях.

Что — меня? Что мы рыжие
в слове «нас», словно мы,
как две радостно лыжины,
понеслись с вышины

от волков, и столица вон,
за домами видна.
...На лицо не узнать никого.
Незнакомых, как знать.

Нас не знали, не ведали.
Со своими — а чё ж? —
разбирается Сагами, Ведами,
Кришнами молодежь.

Забивается в залы вся
рысь-побежка от стуж.
А снаружи остались,
кто ленив да кто дюж.

В холле — нутрии, белочки,
воплотились в мех.
Это — местные девочки,
вздыбив волосы вверх.

А вверху-то над Машами,
Виками, глух и нем,
недовольными башнями
поднимается Кремль.

* * *

Светило село.
Ликовал транзистор.
А за грядой благословия
Сёла как сёла.
Зарницы (помехи).
И по горам:
Фигаро здесь,
Фигаро — там.
И где бы он ни был.
И чем сильнее был
музыкален, сыт ли, голоден —
негде Сыну Человеческому
преклонить голову.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Вот уже замолкли комары.
Вот и у стекла отпели осы.
На еще зеленые дворы —
прыг! — и замелькала осень.

Это было время. Это — я.
Думал о тебе, слонялся.
Под окошком в скверике стоял,
никого не видя, улыбался.

Было мне пятнадцать лет.
Необыкновенно было очень.
Я пошёл домой и лёг.
Просыпаюсь утром — О!-с-е-н-ь.

ИСЧЕЗНУВШИМ ИЗ ДВАДЦАТЫХ-ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

Чего хорошего этапами
идти-шагать от сера камня
да с надписью во мху царапанной:
«пропасть иль жить»

опять в исканьях

до новой глыбы, там, где общая,
без надписи, тропа мирская.
Опять-таки, привычка отчая —
остановить себя, смекая.

А не пойду от места скучного.
И не начну из камня я
закладывать, мол, из подручного
на случай моря здесь,
маяк.

Кто зовёт

В ПАМЯТЬ О НИЖНЕМ АШПАНАКЕ

Думаете, кто там светится,
крышами сверкает, кто зовёт?
Да никто, а просто грезится.
Грезится уже который год.

Никого там нет у неба синего,
где мелькало стеклами село.
Нет его давно в горах красивого.
Всё из этих гор ушло.

Нету нашей тихой деревушки.
Нет народа. Не поставят вновь
к лесу пятистенные избушки, —
где мы бились, бедные, с войной.

Вечером вернуться не к кому.
Только к стогу можно подойти
лесникову, одному тут, летнему,
ласково погладить, отойти.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В НОВОСИБИРСКЕ

Если ветер могучий в окошко убийственно
потемневшее, капли с размаху швырнёт,
знаю — туча с Алтая — Катуньская, Бийская
долетела досюда и все тут согнет.

В это время там солнце. Под кедрами домики.
Школа. Лес. Синева на горе — вечный снег.
Далеко где-то плач на могильнике тоненький.
Мириады цветов, где меня уже нет

* * *

Всё же в Сибири осталась
в сёлах и в городах
и старина, и старость,
память в преклонных годах.

Бабушку спросишь — помнит:
что было раньше, где.
Если с ней вместе, в комнате
старый весёлый дед.

НАСТЕНЬКА (Шутка)

Настенька простенько и со вкусом
справилась со змеиным укусом.
Быстренько на краю села
подумать себя заставила.
В горы она не пошла,
и её змея не ужалила.

* * *

Владимир Мономах
глядел на красный август.
А я смотрю в окно
на этот алый куст.

МАШИНА С ВИНОМ

Стекла плывут на кусты.
На лопухи, на беднягу малину.
Из-под колес разбежались цветы
и развалились на две половины.

Глянь-ка, браток или брат, —
речка ли, улица в дыме...
Сзади бутылки стучат, говорят,
что дураки мы в кабине.

* * *

Желтей скорее, Летний сад!
Повянь, пока я в Ленинграде.¹
Чтоб знать, что маме написать
о золотой твоей ограде.

Пускай они себе плывут —
два лебедя белее снега,
маленечко волнуют пруд —
пусть отличается от неба.

---

¹ Прежнее название г. Санкт-Петербурга. — *Прим. ред.*

* * *

Эх, иду вдоль розовых рядов!
Розы улыбаются мне — Ваня,
ты уже покинуть нас готов
мокрых от росы, без любованья.

Поглядел и к морю побежал.
Тороплюсь я, розы, до свиданья.
Заберу когда-нибудь на бал
вместе со слезами в центр вниманья.

БАБА-ЯГОДКА

— Да, милая, был июль, июль лился.
Да только с другими, считай, без меня.
До августа павшие листья
бабенок иных одиноких казнят.

— Как жалко, что я для зелёных глаз,
для юных его — бесконечно прощальная.
А что... если я... если что — последний раз
не старая. Так, почему-то печальная.

* * *

В озерные тихие дни
кувшинки плывут — не плывут.
Две дальние соедини
и отпусти — пусть идут.

Нырнул кто-то, крикнул прощай!
И сзади плывет, улыбаясь.
Ладонкой по темным кувшинкам хлеща,
за лодку с любимой цепляясь.

* * *

Мало ли гадов в лесу.
Так нет же, их надо везде.
Мерзкие кольца несут
в город, пугать людей.

Лихость зверей в лесу:
вкрадчиво до поляны добреть,
выбежать, разорвать лису
и в одиночестве съесть.

В КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ

Зверей будет меньше в лесах.
А в цирках — все так же.
В столицах все больше писак,
а в области — многоэтажек.

Стеснительных, добрых людей
беспечные будут мучить.
Домой приезжать, как в музей.
Подыскивать к бабушкам ключик.

А в некое время вперед в
чём есть побегут, всё забудут.
Ну что ж... их потом без обуток
не мать, так природа вернёт.

НЕ НАШ БРАКОНЬЕР

Кабан! Кабан! Пли! Бах! Бах!
Вались, свинья или кабан,
визжи, кровавь кусты, стихай давай, тише —
космос уже, звёзды.

* * *

Вот слушай, вот как на море-то было.
На чёрном да на синем сено плыло.
Плыла бы так копна да всё желтелася.
А как в той-то копне будто никого нет.
А и нет как никого в соломе-сене той.

Да ты подплыви, подгреби к ней, копне.
Да высади ты из копны на лодочку,
уж ты к носику наперед посади
да разлюбезную свою, эх,
мыслишку.

* * *

Дальше так быть не должно.
Хватит. Хорош уже. Гут.
Мерзкое пить вино
между собой в логу.

Дождик бы, снег, крупа!
Все разошлись бы — в чём суть.
Рядом до дому тропа.
Тут же на родину путь.

* * *

Мечтая, любя и динамя,
любимая входит моя.
Горячее красное знамя
сияет на стане ея.

А я как Печорин, не вижу
особенного, и она
нисколько не лучше, не ближе,
что прошлые времена.

* * *

Самая прихотливая Муза
не посетит музей.
Бродит под солнцем Союза.¹
Лёгких ласкает людей.

Грёза слетает случайно.
Только не для письма.
Ум отделяет с участием.
Жалко. Да как без ума?

Юные думают: Муза —
первых листочков весна.
Нет, это — Грёза, Грёза,
нежная пелена.

---

¹ Смотри примечание к странице 29. — *Прим. ред.*

НАЧАЛО АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Горы, горы, полугоры,
полухолмы, полудолины.
Котёл небес и зыбь заборов,
тыны, смородины, малины.

И обернувшиеся мальвы —
когда-то были мы друзьями...
Отлеты белоснежной марли
от двери — настезь над полями.

Сейчас на горку заберусь,
на синь счастливо озираясь.
А мне мешает серый гусь,
сжимая крылья и кидаясь.

ЛЕТО 1946 ГОДА

Снова сена хорошие копны
зашумели, поехали на ветвях.
Мужики у стогов загорелые, потные.
Силачи, побывавшие в страшных боях.

В своих местах

НА ВОКЗАЛЕ

Свете Дегтяревой

Радуетя городу новый человек.
Радуетя лету Алла Пугачева,
да одна воинственная тучка над домами
плавает по воздуху, бравая, над нами.

А моя два дня всего, как знакомая,
дождалась меня,
до сигнала не пошла в вагоны.
Очень, очень нравится человек, но уезжает.
Дали отправление. Целовать? — Не знаю.

Модная певица заставляла,
и она спокойная русская стояла.

* * *

Никого нет дома.
Аленький цветок
в алых цветах тонет.
Не глядит никто.

ДАЛЕКО ПОСЛЕВОЕННОЕ

Этот город едва ли
сохранит тех людей,
кто Каменского знали,
Бенуа и музей.

С миром, беженцы-снобы
оглянулись — ау!
И уехали снова
в Ленинград¹ и в Москву.

---

¹ Смотри примечание к странице 40. — *Прим. ред.*

НА ОТШИБЕ

Огнем горит печурка белая.
Снимает снег с моих колен.
Весна в окне гуляет смелая,
а май замёрз у тёмных стен.

Да, год в столице отбогемствовать.
Теперь за эту дымку год
(не срока) просто жить, не бедствовать,
где не богема, а народ.

Среди хорошей жизни стоящих,
когда и снег, и зелено,
теперь волочь в упряжке (сколь еще!),
хрипя, сосновое бревно.

ЛЮБОВЬ КАТУЛЛА

Что! Что ты грустишь?
А, понимаю, думаешь, стих
начинаю. Я понимаю,
думаешь, думаю снова
не о тебе.
Да на тебе! Вот теперь
о тебе:
ты же такая баба простая,
кто-то тебя не любит,
так пускай я!

НА ЭТО СТИХОТВОРЕНИЕ

То ли степи,
то ли горы
повлияли. Море,
музыки наплыв.
День стояли, вечер,
ночью, люки пооткрыв.

Полная луна — не вдохновенье.
Странная, поражена.
Звезды холода вселенной.
Но земля пощажена.

* * *

Я думал, Бог за облаками.
Как, думал, Он там высоко!
Тогда безоблачными днями
Он бесконечно далеко.

В НОВОМ РАЙОНЕ

Двенадцать часов.
Москва разбежалась, спит.
Передо мною лесок,
так же, как я, стоит.

У незнакомых спят.
И у знакомых сон.
Где же... куда бы себя?
Спящего испокон.

МЫСЛЬ НА ПРАЗДНИКЕ

Вон там, где лампы, свечи, тишина, амвон,
зазвенел пасхальный перезвон.
То ли я люблю мир, то ли нет,
то ли он во цвете, не во цвете лет.
Никогда не чувствую себя.
Мучает меня сей бес.
Точно я философ, не поэт.
А поэт — все знают на кружке.
Бабы меня любят на лужке.
Уезжая: ну, прощай, прощай, Иван.
В сотый раз несу их чемодан.
В основном, в уме. Опять — в моём?
Можно позабыться-то. И встать.
Божий раб и все. Как встарь.
Можно, если бы кругом, со всех сторон
раздавался колокольный звон.

ПОДРАЖАНИЕ КИТАЙЦАМ

Послушай, старик, научи меня гаммам.
Я из простой семьи.
Вчера как дурак напился.
Сегодня на день предосенний гляжу.

* * *

Таня тоже в зеркале
за тобою тонет.
В тихом полумраке
почему тревожно?
Почему тревожно?
Солнце над кустами
и другая Таня.

Шум такой спокойный.
Там кричат. Ребята.
И Москва-река
и август — ах ты!
Листья где-где светят,
светят неземные.

Таня та уехала.
И не напечатают.
И дела плохие.
И дни золотые
через две недели.

Вот моя тревога.
Дальняя пока что.
Я на самом деле,
я на самом деле
плыть не собираюсь
к лесу на машине.
Далеко от дома.
Где-то на чужбине.
И в Новосибирске
я не собираюсь.
Скоро ль побываю,

там, где я родился?
Как там, на Алтае?

Детства, детства дали!
Горы, тучи, горы,
спрятанные бором.
А в горах есть люди
тихие, седые,
бодрые да старые...

А Москва на поиск —
где же я, такой.
Нет, она ни с места.
НУ И Я НИ С места.

ГОСТЬЯ НАШЕЙ БИБЛИОТЕКИ

Перед тем, как выйти из зала,
где, это пишуший, так и живет,
сентябрю и себе на дорожку сказала:
о, провинции сладость и мёд!

Зал читальный, любезный читатель.
Как вдали заиграет баян!
У окна шелестящий листатель
заморгал и вернулся
на круги своя.

* * *

Любишь... И он тебя
любит.
Не представляю.
Даже не сентябрь, май пусть,
День Аттестата Зрелости.
Тут же и грусть — все...
Как-то я пионером
раз первым прибежал к финишу.
Помню, поскольку память есть.
И много, много
меня любило преподавателей.
Раз за минуту — я! —
угадал, что скажут.
Оказалось — гипотеза Вернадского.
Потом выгнали.
Тот горячий комок в груди,
о котором писала Марина Цветаева,
не покидал меня десять лет.
Но ведь любя, признавшись
друг другу,
не правда ли, так не любят
уже.
Согласись,
и я стану настоящим
поэтом.

* * *

Цветочек ехал по ручью,
подпрыгивал, смеялся:
«Хотите, ездить научу?
Я раньше сам боялся.»*

---

* В машинописи приписка: Мы с Колей <Шипиловым> сочинили.

* * *

Ещё кого-нибудь боготворя,
немного поброжу, не понимая,
таким, изнемогая, встану в ряд
с ушедшими далёко от Алтая.

Неужели поздно

* * *

Стараюсь не думать о том, что придёт
на смену земле, небесам.
Как память о Данте возьмёт и пройдёт,
как тень пробежит по лесам.

Упадок духа весенний.
Сперва наступило тепло.
И вот она, бренность,
тающий снег, как ничто.
Уныние это, а жижа
на стройке, на сапогах —
не жалко. Темнеет позднее.
Как только день прибывает,
уже сожалеешь:
потом убывает.

А так уже по-земному —
ага! — неохота!
Вдруг резко на стройку
со всеми своими стихами,
с рассеянной головой
таскать, выпивать над домами,
над смесью и грунта и снега,
над речной синевой.

* * *

Слепили снежную бабу —
оставили под луной.
У друзей по две, по три бабы,
а у меня ни одной.

* * *

Тина пруда. Ряска.
Тина... осока, холодно.
Милая ступает девушка
мимо болота в воду.

НА ЛИХОВОМ ПЕРЕУЛКЕ

Здорово, сердце здоровое!
Привет, небо синее,
здравствуй, оконная рама,
здравствуй, напротив дом.

Что же мне делать рано?
Что мне делать потом?

Лучшая в мире Москва,
умная, деликатная,
глядя на небо,
сильно-сильно
думает о другом.

* * *

Флаг... флаг... флаг...
На ветру.
А утихло, и —
фла... фла... фла...

В МОСКВУ

Влюбиться и не получить ответа.
Как это грустно для поэта.

...И ПРИСПЕ ОСЕНЬ...

Улыбается баба.
Нравится на моторке в Ленинграде.
И сразу в музей.
Девки с филфака
в диалектологической экспедиции.
Сами же из деревни.
Гипсовый Антиной,
Афина у Мишки-художника на столе.
Я и не гляжу на них.
А в музее... в музее смотрю.

Скоро, товарищи, осень —
поп-арт 19... любого года.
Художников тысяч пять. И поэтов тыщ пять.
То есть, пять человек живёт, а шестой
и живёт, и описывает как живёт.
Или рисует.
(Надо быть Хлебниковым, надо понять —
что-то будет).

Любя, добавляешь — я, действительно, люблю.
А чистоту доказываешь — Вера Ивановна,
я, действительно, не крал
в восьмидесятой комнате вещей на семьдесят
рублей,
хотя я там появлялся в пьяном виде.
– А чё скраснел?
– Осень, дура Вера Ивановна.

Вот такая же на моторке улыбается,
честное слово — нормальная
Вера Ивановна.
Но почему,
почему,
почему,
я-то себя понимаю,
а она меня — нет.

* * *

В старой тихой комнате
среди вечной природы
доживает один человек.
Ничего уж, пожалуй,
не помнит он —
ни лесов, ни полей, и ни рек.

* * *

Сам Орион засиял
над перелётною стаей,
несколько Россиян
в небе — шутя — растаяли.

* * *

Я помню, помню всех, кого любил!
Апрель, апрель! Застой на самом деле.
Пластинка та и шум из тех глубин.
А это — зеркало. А я седею.

А сам качаюсь и качусь туда,
неудержимым ходом полным
в полусчастливые свои года
невысказанных чувств любовных.

1975-1989

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ РОССИИ В ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

(Из билетов)

Восьмой, девятый класс,
шестой, седьмой, да все —
футбол берут... без нас.
Пинают до шоссе.

А ты гляди, хоть плачь.
Учи в разгар весны
«Причины неудач»
«Сны Веры Павловны».

Стихосложения —
чтоб к завтраму назвать.
Да эти поражения
при классе разбирать.

А это нелегко —
от Волхова, от Цны
Батый был далеко,
как речка от луны.

В Ливонии дела
кто вёл, не разберусь.
В Японию пошла эскадра,
а не Русь.

Во время «смуты» царь,
хоть шаромыжник, свой.
О, представляю встарь
закрытый Кремль, глухой.

Никто ни разу нас
дотла не разорил.
Все. Покидаем класс.
Учитель разрешил.

Никто, никто, раз я
живу себе, учусь.
И Новгород стоял,
чтоб сохранилась Русь.

* * *

Гляди-ка, дом твой облетел.
Вернее, тополя вокруг.
И я — уже твой старый друг
наполовину облысел.

Пора подумать о душе.
Так быстро... как-то нелегко.
Вблизи осенних облаков
стою с улыбкой до ушей.

Не верится — ты там одна.
А вашим это хорошо, —
что без меня, что отошёл.
А я остался у окна.

* * *

И, все вместе — влево!
И, все вместе — вправо!
Ветки над хмельным четвертым этажом
целый день, качаясь, это повторяют
на ветру июля тихом, небольшом.

Спинки листьев то и дело серебрятся.
В небе светловатом север облаков.
Скоро, значит, будем осыпаться, братцы,
но отдельно, потому что мир таков.

Час уже такой, что некуда податься
в гости. Весь июль кончается везде.
Надо, что уж, откровенно оставаться,
к занавескам руки честные воздев.

* * *

Я, как будто лебедь — однолюб.
Никого не надо. Ничего родного.
А, поскольку, ты жива-здоровая,
я живу и здравствую, как дуб.

Я живу один. Любуюсь небом.
Выгул самолётов каждый день.
Оттружусь, приду, а думать не о ком.
О себе заботиться мне лень.

Окончательно в стихи поверил.
Всё-таки сознался, что не блажь —
вывести, что было, в грустной мере
отходя, легчая, ладя образ наш.

* * *

Неужели поздно!
А может, я так думаю,
как тяжелодум. Тогда, значит...
А вдруг, не значит?
Ни там, ни здесь.

Одно еще, что на улице — Москва.
Вот тебе и некогда.
А мог бы как все.

Переводы на стихи
с прозы и фотографий журнала
«Музыкальная жизнь»

НАКАЗАНИЕ ОПЕРОЙ

Князь Михаил Павлович
будто бы солдафон,
будто бы отправлял солдат
будто бы, разумеется,
в» оперу он.
Нет, не солдат, офицеров
в театр.
Чтобы подумали те
(думал он) — ад.

КОЛОКОЛА В ОПАЛЕ

Как-то царь,
проезжая проездом вдоль церкви,
вдруг слышит: бум! бум! бум!
Бам! Бам!

Царь из седла
чуть не вылетел к нам.
— Колокол снять!
Ушки ему отрубить, сбрить, содрать!

А Екатерина Вторая
у колокола
приказала язык отрубить,
бум!

Чтоб не ревел.
Не усиливал, чтоб,
чумной бунт.

В КВАРТИРЕ
(перевод с фотографии)

Между двух пианино
гость. Он добрый бедняк.
Странно, странно — в квартире
два рояля стоят.
Чтобы двое дуэтом
играли в гостях.
Без гостей в нашей бедной
жизни выглядит странно.
Правда, я бы не смог.
Только я за одно,
а пустое другое.
Вообще-то прекрасно.
Вспомни — едешь и облака...
Чуть читаешь газету
в чьих-то руках.
А в своих — сразу скучно.
Два рояля стоят.
Даже можно не пьесу
сочинить, можно — стих.

* * *

Уехала не прощаясь...
И не беда —
со слезками норме
не покорилась.

Сегодня я сетую
на самолеты, на поезда,
сетую на людскую
неповторимость.

* * *

Забудь, забудь, о счастье забудь!
Думай о чём-нибудь другом
и оно не придёт.

* * *

Чем отличаются утки от крякв?
Какой в биологии будут «отряд»?
Можно смеяться. «Семейство» —
нельзя —
там будет родина рядом моя.

А на Алтае сейчас теплота такая!
Тракторы тёплые, кони в кустах.
Дома открыто. Оса залетает,
правит к божнице, где лики грустят.

ВСТРЕЧА СО СВОИМИ ЦВЕТАМИ

Завяли цветы и фиалки
у свалки в зелёных глазах.
Кидала и не было жалко?
Нисколь не катилась слеза?

А я, озорник, слёзки эти
поймал всё же. Плачет она.
А день ещё светит да светит,
и светлая сторона.

БУТЫЛКА ЛИМОНАДА

А, лём! И, шумя, убывая,
бутылка горит на окне, молодая.
Твоими-моими устами
без устали пить.

Ивняк такой слабоцветный...
шевелится летом
у леса в реке.
В листке стебелек тоже
чуть-чуть хрустнет...

О, так потихоньку, тебя на любовь наводя,
я тебя обнимаю, а осень! —
я без конца, бесконечно поэт.
Извини, что заносит.

А ровное небо нагонит, а вот из чего? —
лиловую, чёрную-чёрную тучу.
Целуя тебя, я тебя обнимаю.

Дождь на сентябрь. Сентябрь отпрянет.
В воде облетевший октябрь вянет.

За чудесную улицу!
За размах!

Гроза в начале сентября,
в начале конца века, —
шумящая, тревожная.

УШЛА

От интересных, от этих ребят?
Тихая, очи потуплены.
Ты ли? А вдруг там, у них, у тебя
целые годы погублены.

Бледность уже, а не свет.
Веки такие тяжёлые.
Глазки... А тот, лучше нас человек,
я уже понял, ушёл уже.

КОНЕЦ ТОГО ВЕКА

Был бы я Салтыков-Овчинников,
я бы в розовый утренний час
исчезал, пропадал в осинниках —
важный-важный, болезненный, чахл.

Знал бы, что за спиною — любили.
Знал, где осенью прячется зверь.
Дожидались автомобили
на опушке. Открыли дверь.

Александровское училище
все в огне на закате небес.
И собака бедняга тащилася
хоть куда — от стрельбы к молотье.

НОВОГОДНЕЕ

Не думал я и не мечтал,
что этот вечер, вечер тихий
переберется в яркий зал
и в зале тоже станет тихо.

СО СТОРОНЫ

В комнате одной, темнеющей,
с гирями часы, комод, альбом
бархатный и, «Жития» читающий,
парень с поэтическим челом.

В тишине Кирилла и Мефодия,
заведенный бережно его рукой,
чуть корявый, шепелявый
всё же раздаётся бой.
Деданькина музыка, веков мелодия.

Отблески военного билета,
красные земли запросы.
Ой, как ёкнет сердце у поэта —
мой состав при случае — матросы.

Мать моя все время в огороде.
Там ночует в домике в июне,
в августе и даже в сентябре.
Подхожу невидимый — не вздрогнет.
Темная, со шлангом на жаре.
Незнакомым кажется сурова.
А я знаю — ко всему готова.

БРОДЯГИ

(заметки)

1

Бродяги не прекратятся,
пока голова не варит. Глядит
и ладно. Ноги вперед
шагают, а мысли — туда-обратно.
Бродяги не исчезнут.
Летит самолёт.
Внизу будут они появляться.
А где-то, наоборот, не являться.
Себя не заставишь.
С работы, ура! — полетели.
Подделали справки.
А те все — в канавки.
В гуманитарные Вузы,
тут только о тех, кто в уме
двузначные складывать не могли,
в вольные Вузы пошли.

Есть, есть такие
идущие люди!
Как они, где воплотятся?
Тогда прекратятся.
Бродяги не оттого, .
что так легко на воле.
Не оттого, что велит душа.
Бродяжить всегда тяжело.
Где уж был, там не стоит
надоедать.
Да и отсюда пора еще вчера.

2

Он в армии был по тревоге
расписан на пушке.
Она как даст, так
у некоторых из ушей кровь.
Пушка железная на корабле
железном как даст вновь!
А я был на целике.
Целиться, то есть считать.
А он: пока один в уме
да три, плюс два
будет...
да то в уме...
Думали, что хитрит, что боится.
— Да ты что! Закалишься, не трусь.
Кое-как доказал, что туп. Да...

3

На лекциях девки
не успевали писать.
Бродяга успевал в стихах.
Друг математик-поэт
взял его техником-программистом.
Ой, смеху-то было. Снег летел.
за углом, кстати, Дома ученых
Толя ему два часа объяснял,
объяснял, чертил
наименьшее общее кратное.
Тот поймет и опять забудет.
Толя, конечно, понял,
что он не играет. Не понимает.

Александра Дмитриевна
после уроков осталась,
четыре часа объясняла,
как скорость делить на время.
Ну, скажем, скорость поймёт.
Приступают ко времени.
А время и там, в том действии,
время.
И всё запутывалось, рвалось.
Кто-то сказал: ты — философ.
Да не философ, не глубина.
Просто не успевал, не держалось.

(Бродяга к Байкалу подходит).

А из Вуза его даже
гуманитарного исключили.
Из-за одной методистки.
Из-за её методики.
Давно уже...

Работать может один.
Но как только кто-нибудь смотрит,
он, как назло, тупеет.
А вчетвером, впятером
соображает сам, а другие
соображения не слышит.
Не одухотворен, ворона.
Но бывали, бывали
изумительные секунды!

Он всё-таки ищет,
спрашивает
работу, чтоб время,
что, может, в стихах выедет.

Уже говорят:
— Ну как ты столько лет?
Люди работают.
Люди, в конце концов, пишут.
Шатаются так же.
Но как-то в них чувствуешь.
Так говорят более-менее,
кто покупает книги.
Даже писатели:
вам надо переменить способ существования.
(Я сам в своем детстве нашёл
столярный кружок.
И сделал там табуретку.
А меня увели в рисование.
Страшно любил автомобили.
Сманили на пение.
Потом на хореографический,
на тяжелый кружок.
А я уже договорился
снег сбрасывать с крыш.)
«Надо, надо». Вот вы говорите мягко.
А там, где... где не твое место,
там припечатают, так уж да...
Там тупость презренна.
Там некогда понимать.
А кто понимает, так тот

уж не там.
Или умеет считать.
И сидит с укоризной
на добровольной своей,
как говорится, стезе.

Дорогие, дорогие,
существование не меняется.
Люди рождаются.
Родители смотрят книги.
Дают имена, отпуская к сцене,
не зная, что так
бродяги не прекратятся
в какие бы то ни было времена.

О ПАСПОРТЕ

(поэмка)

Вот, пришёл я или:
я опять пришёл! Чтоб паспорт
заменяли краткосрочный.

После Пасхи
тополя в окошках
жёлтые, пушистые. Начало
мира нашего. Попросим
снисхождения.
Попросим, чтобы не оштрафовали
за просрочку.
А деньга
на лето красное:
                                клубники, земляники.
Занял очередь покорно.
Отошел сидеть нахально.
Книг не захватил, простак,
пришёл в учрежденье.
Где невообразимо кроме
этих стен.
Кроме стен с плакатами и фото.
Надо медосмотр до субботы.
Как быстрее — тут сообразим.
В среду... в среду — кровь, рентген,
лекция в четверг — занятно.
В пятницу сам медосмотр, понятно.
Еду экспедитором, ребята.
Бабу надо поотменней,
жёны Цезаря вне подозрений.
Эти люди умерли давно.

Облака над ними, повилика,
меж руинами калитка,
Ничего не чувствуя, не чую,
по земле задумчиво кочуя,
что люблю я в этот вешний час?
Чтобы лампочка уже горела,
и горело солнце.
Чтобы день и телевизор пёстрый.
Где уж там до юного, старинного, красивого!
Хотя бы странно.

Очередь большая. Больше, больше, Бендер!
Тот без очереди. Тут не выйдет.
Здесь милиция.

Вспомнил: тоже длинный
коридор и так же
по нему ковровая дорожка.
Близко — прямо. Вдаль
посмотришь — извивается, и это —
рассмешило, помню, меня, бедного поэта.

В Бийске тоже примостился,
думаю, вокзал срисую некрасивый.
Двое в штатском подошли: ты это,
это для кого?
— А, это я для Си-ай-си.
— А документы!
Дураки, но для меня весьма —
их как раз и не было к моменту.
— Думаешь, тут у тебя карниз?
Твой карниз — во-о-н тот завод.
И полоска — не полоска.
И... пройдем!

Наклонились, чувствую — водяра.
— Да, пройдем!
Что значит ярость.
Отошли и всё.
Ещё потом увидел,
как они валялись ниц.
Как их увозили — просто пьяниц.

Та-та-та, та-та-та, та-та-та.
Тоже вечер. В вагоне никто не спит.
Где-то лагерь разбежался что ли.
Тоже: приготовить документы!
А со мной в купе две школьницы.
Девятиклассницы.
И у них один незаполненный
ученический билет!
А иначе раньше осени бы в армию.
На Алтае в это время изумительное лето.
Бланк без фото. О! И, юрк —
я туда свою фамилию.
И лейтенанту: так и так —
забыл. А бланк не достаю.
Записная книжка только, вот...
Роемся, девятиклассницы и я.
Ну и тут мой, как бы, выкатился бланк.
Без фото.
Самому на вид мне было
лет шестнадцать, мало-мало.
— Ладно, так, но впредь!..
Девочкам теперь по тридцать лет.

Что мы думаем в эту минуту?
Что нас это волнует?

Скоро очередь, очередь, очередь
будет мне безразлична.
За мною.

Говорят у поэтов не бум.

Ключ, приду, попрошу у соседей.

Шум на улице. Здесь тоже шум.
Брось и тоже беседуй.
А весной на море Обском не людском
мы без грусти несемся.
Жаркой осенью синее море.
От мотора весёлый бурун.
Целый день было солнце. Стал вечер.
Чай на острове и поехали
я, Володя, а завтра, а после нас
полетел сразу дождь.
Не то дождь, не то снег.
Отраженья, пальто. Похоже...
Если Надя — обернется.

Вот и дома я, с ключами.
Паспорт дали
и пошёл.

Говорил я туманно,
а поверили — странно.
С октября (не Великого) не тружусь.
Неужели в лице отрешенье?
Да, я же про нервы им, змей.
А тогда паспорт не надо.

Из книги
ТО ЛИ К НАМ,
ОТ НАС ЛИ

Поехали

* * *

Любо-дорого река
за штакетником рябит.
Аленькие облака,
вон, гуляют на Оби.

Милovidная калитка
начинает новый век.
Перед ней стою, калика,
распрохожий человек.

Лето 2001

* * *

До Милославских – миллион.
А Первые бояре,
которые от боя,
от прозвищ только,
пожалуй, Косачевы, Щубины,
Поспеловы. Да Скопины, пожалуй,
Стрекаловы, Овчины, Кучки.
Сказать короче – от лесов.
ото всего.
Потом, как откололись,
(до раскола, может).
Народом стали. Это – мы,
народ боярский.
Треть от нынешних людей.

ФОЛЬКЛОР

Это Русь доязыческая,
доболванная.
Даже нет –
Внеязыческая,
внеболванная.

* * *

Закинуть, что ли, удочки.
На травку пасть в теплынь.
Глядеть как разны уточки
на волны сели плыть.

Щученции под волнами
сплясали краковяк.
Нырнули враз и, вольные,
пошли. Прощай червяк.

БУДУЩИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

На дорожке, на аллейке
наросло, как на узкоколейке.
Где гуляли с лялями
матери, отцы, сестрицы.
А на них с тоской глядели
матерёшки – пьяницы.
Ёжь твою, в двух метрах спали.
Кто работать не умели,
шли в музеи, подметали.
Жизнь, поди, везде заставит
кинуть заводи и стаи.
Не сказать на рожу я,
чтобы птичка божия.
Зарабатывал, как мог.
Тратил, как дурак.
А вот матери идут, сестрицы.
Не война, а есть вдовицы.
Ух и время шло – каноха.
Никакая не эпоха.

* * *

Ну-ка, помолись, чтоб не меняться.
Чтобы никогда не изменяться.
Так и быть и не бояться.
Никуда не развиваться.

БАСНЯ

Пушинка с Пушкина
летела к нашим дням.
О! Да в дождь попала.
Мораль от басни такова:
Пушинка высохла, другая стала.
Ещё мораль: что это не пушинка, а
пылинка.
А суть сей басни: будь здоров!
Когда не любят шоферов,
не интересны слесаря,
пустеют Пушкина поля.

* * *

Ой, какое небо мягкое и грустное.
А я ни в кого не влюблён. Ай-я-яй!
Как это я появился в капусте?..
Сижу одиноко в безмолвном углу.
Нет, не уныние. Я не унываю,
а люблюсь. Любовь эта —
без конца и края.

* * *

А как мечталось, ково? –
хотелось, да сильно,
через десяток, двадцать лет
того же дома человек
опять как завернёт Россию.
Про это, брат, забудь, сестра.
Заметят сразу кочку.
От, казаки, пятнадцатый-от век.
Кого там только нет.
И кто в бою, ведут кого?
Кому приговорок атаманит.
Кого ложбинка отведет.
Кто самый главный?
– Конь. А кто же?

* * *

Жили-были, значит, все.
Кто князьями, кто бояры.
Кто в капусте, кто вообще
зачинались круто-яро.
Во прекрасные года.
В лета лучшие на речках.
На качелях: ах да ах!
И не знали о далеких
под землицею рабах.
Пусть и знали о шахтерах,
раздостанешь как, спасешь?
Что народ ни делал – скоро -
как попался – на правёжь.
Это что за наказанье?
Это за любовь не к тем.
Страсть когда, напасть, незнанье.

* * *

Куда пойти? Куда бежать?
На Дон? Оттуда – с Дона?
Бродяг, поди, такая рать,
какую не представишь дома.

Теперь от нас бегут в Москву.
Она в раю и в славе.
На колокольнях звон. Зовут!
Привет честной ораве.

Смеёшься, брат. А вдруг её
оравы эти завоюют.
Вот, скажут, дом. Внесут ничьё
своё. И дале ни в какую.

* * *

Сухие стихи в сторожке
Уже забытого тунейдца.
Весело осень в окошке
требуется замедляться.
Хлеб, хлеб, хлеб...
Шорохи, капли, мычание коров,
нет, сторожем — это блеф.
Блеф сторожевых катеров.
Да, нет смысла.
Пойти покричать?
И кацавейка свисла
с русского, ты, плеча!
Что закричать, кацавейка?
Слабнет могучая статья.
Хвоя, хвоя', навей-ка,
что в города написать.

* * *

Сашке да Андрюшке, да тебе, да себе.
А иным... Кто их знает. Перво, наших...
Лучше сразу отдать, али как?
Эко место!
Сей рухлишки будет
нам до ста лет, годов. Што жалеть.
– Ин, боярин, мы как ведь ссылались:
Как своим де, хто шёл с нами де.

* * *

Мельчайший снег идёт. Просто мельчайший.
Не помнится такого. Будто пыль – гляди.
А что в Москве? Кто там у нас живёт?
Любуется, поди. С детишками бредёт.
Завязнуть в белокаменной – не диво.
Не диво – около нее. Церквушечки. Красиво.
Но в самое-то миллионы, миллионы
усталых рож.
Сперва народа ото всей Руси... годов...
Советской, значит как, двадцатых
да тридцатых.
Оторва ить. Хоть плачь. А всё одно
потом — отбросы.
Ну, встреча там: О, Ваня, Митя, Витя,
Шура – хоть тот, хоть та – Саня.
Но н-е-т, ни в жизнь, уверен – не Обросим.
А Петя, Толя. Так то вот, Порфишка, Гришка.
От такой посыпался снежишка.

ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

Задавил нас полдень.
И палило, и парило.
Изо всех сил полных
гневалось Ярило.

А вокруг темнело.
Да со страшной силой
как, вдруг, загремело
аж на пол-России.

Милые укрылись.
В спальне обнимались.
Двери растворились –
просто целовались.

А кусты переливались,
весело шипели.
К ним перегибались,
поглядеть хотели.

Отдохнём

* * *

Бас-балалайка – что попало.
Струна, как будто из чулков.
Звучит, как будто из подвала,
из отопления оков.
Народного (какого?) хора.
Народного народа? О-оо...
Под акробатику да споро
являть себя стране дедов.
А не докажешь и не скажешь,
да это вовсе не народ.
Совсем не то, что заумь даже.
Как из двух булок бутерброд.

* * *

Дети гнали колесо железкою.
Только пяточки сверкали по лугу.
Большаки встречали власть Советскую
с ленью иль со выстрелом, со сполохом.

Хлеб отдали. Сяли на телеги, ехали.
Ноги свесили босые до низу,
до травы, до муравы, охали.
Довезли бедняг всего-то до лесу.

От того ли случая бессильного
стало так и как не статися.

Провожатые давно уж сивые.
Позабыли, верно мать, отца.

* * *

Я, сказать, не видел так уж,
как написано, плясали.
Сам играю, дома еслив,
На полянке лучшее, али.

Ты скажи, скажи, друг запасный,
Самый главный, стало, что,
вон, сказать, что там за пашня? –
ни руками, ни сохой никто.

– Я не понимаю совершенно.
Иван Афанасьевич, извините – ем.
Так сказать: я сейчас другой совсем.
Завтра, а? Обсудим много тем.

– Не допросишься. Не-е, по-другому.
Раз другой, и я, ить, может, и не такой,
Сколь живёшь, так? Аванец токо.
Сколько месяцев-то полных?

Ланно, спать пошёл. Сиди тут.
Завтра день. Будет день и будет пища.
Ты меня не слушай. Ишь, сердитый.
Будет день, сказать, и будет тыща.

* * *

Я ли не умею лить на грудь,
если захочу, холодну воду!
Я. А деданька ружьё сам-друг
из литовок лил в такие годы.

* * *

Ай, как не в городе на зорьке громкой.
Не как над речкой с главным её руслом,
стоял я, будто-что во всей вселенной.
И мне товарищи, они со всех,
не сговорясь сторон,
со всех времён, без командира как запели!
На сѣдня и на сотни лет. на тыщи эхо.
Да всё одно, одно, что на Руси стоят, живут,
летают – йех-ха!

* * *

Не лай, собака, я пошутил.
Всё равно с того краю не слышно.
Что я сказал, что шутил — всё одно,
Звёзды-то не огни...
Тянет к ним дураков.
Нет никого там родни.
Никто с них не смотрит сюда.
То, что слетит с каблуков,
или с подков – неизвестность.
Как тот, неизвестный мне,
выеденного яйца останец.

* * *

Забор-забором, а забавы
над бабами имеют власть.
От дома разбежались травы,
что не споткнуться, не упасть.

Лежит себе в обнимку снова.
Она и песенку споёт,
А если любишь, еле слово
про то да сё произнесёт.

Да, бабы, еслив ты сильнее,
вольнее; от тебя задор,
уж никуда не тяготеют.
Тут самый лучший им забор.

* * *

Растащите нас, добрые люди.
Гордские и деревенские, а?
Мы уж так собираться не будем
миллионами в лёгких местах.

Сами стаскивались. Да не-е-т.
Кто по дурости, глупости если.
По неволе да. Вот и одне
веселимся под грешные песни.

* * *

Да иди они с их современностью.
Не знаю. Не узнаю. Не вем.
Не стану заигрывать.

Возьмём для начала перо,
потом, значит, курей опаливши.
Грустят наши деды далёко.
Сейчас бы, как деды, вдали
замаячить с победой да с песней.

* * *

Если ходишь по мосту
тёмными ночами,
не кричи о помощи,
до тебя кричали.

Раз пошёл ты по мосту,
на них не равняйся,
не кричи о помощи.
Обороняйся.

Адольф Белопашенцев

- Ну, как самочувствие?
- Да ничего, как всегда.
- Ну и хорошо. И слава Богу.
Больше не связывайся.
- Конечно, ты что...
- Обожди-ка... Кто это?
- Стой! Куда!

* * *

Мать ты моя – медведь!
Да спаси!
А она стоит. Звать,
закричать что ести сил.
Дак то сичас говорить. А тогда, вить,
где их сил тогда,
голосу, чё реветь.
Кака тут прибежит рать.
А он, Миша-то, едак ойкнул,
как поросёнок,
да к-а-ак
в обратную порскнул.
Я, прям, забилася.
Дак ты поверишь ли, мать моя,
я ведь с того и разродилася.

* * *

Не наши дни. Не наше время.
Но и у них нельзя сказать,
что веселятся. Ихно бремя
нельзя по-нашему назвать.

* * *

Легко ли отняться от роз.
От крылечка вскочить на дрезину.
Скажите, Олежек, Марина,
лесочек заметно попрос?

Не горы, леса, плёсы, речка –
несётся, идёт ли иная совсем полоса.
На поезде катим уже – чудеса.
«Здорово!» – вскричал, было, да осёкся.

Своих никого. Час прошел в громе.
В дыме.
А рад без ума земляку.
Грусть-печаль отодвинем.
Спрячем домик в закут.
Закинемся на железку.
Кто мы едем, откуда,
от какого далёкого люда.
Скажем-скажем, дак ежели есть с кем.

* * *

Раскрепостился берег, разбежался.
А кто стоял на берегу реки,
хоть в памяти на родине остался.
На случай грусти или грусть-тоски.

Подмыло берег. В плёсы превратило.
А плёсы вверх да вверх, да в степь ушли.
Пошли и мы и шли, пока тащило
да впереди бежал осенний лист.

* * *

А я, давечь, как ты сам
видел, может, пробирался
за ограду, к погребам
перебраться картошку.
Опускался
полчаса ли, час, не знаю,
сколь там пробыл. Забываю.
Шел отсюда, сопляки два,
то ли выпили, один-от
стару детскую коляску
сохватал да как закинет
за столбы. А там об трактор,
как об трактор её хряснет.
Старики мы. Где уж... ясно.
Хто отец тогда, кто мать их?
Поглядеть хоть на отца бы.
А видать какое стати.
Перед детьми-то слабы. –
Дак а чо, а свояки?
Никого что ли на свете?
Этих... дома мужики.
Окна в сторону не ету.

РЕШЕНИЕ

По небу по лесу летают грачи –
недавно влетевшая радость.
Сегодня спокойно речушка урчит
у крайнего домика перед оградой.

Окраине счастье какое дано! –
реки синева, разнолесье.
Хозяин далёко бросает вино
и слушает, как оно треснет.

А так как мужик он хороший, то – нет,
пойдёт соберёт те осколки.
За это ему будут тысячу лет
во тьме благодарны лисицы в околке.

В РЯДАХ

Утре силу ждут.
Перебранка стала, завтрае.
Наших будет ко дню.
Не помнут нас? Не гляди что...

А над бранью звёздочки ясные
перемигиваются,
никтошечки.

От, прямо так
от песни.
Да что!

Мир-от, мира-то
прибыват.
Как река.
Завтрее, значит, на убыв.
– Пошли!

* * *

Помаленечку вьётся метелица.
А потом я её соскребу.
Дело так – по Сибири безделица.
Завтра праздник, посмотрим гульбу.

Погуляем и сами тихонечко
В одиночку. А нет — по гостям
побредем. Мы соскучились нонеча.
Не уда, эх, да-ряли давно по песням.

* * *

Крестьяне не любили дворян
за косы, за ноги, за пудру,
за обтяжку в боках.

Много дворян не любило крестьян
за моды, устанавливаемые
на века.

* * *

Я, мол, птица, мол, ночная.
Знаем-знаем, что за сыч.
Оторваться лень от книг.
Папы, мамы командир.
А под старость – старый хрыч.

* * *

Всяко говорят. Только не говóрют.
И я не говоряю.
А скажу: одиново
один дядька испровещился:
я, мол, всё знаю.
Всё? И ладно.
Ладно, вместе с этим дядькой
мы идём.
Он ступает, я ступаю.
Он поёт и я пою.
Не слышал, а песню знаю.

17-Й ГОД

Да вот, прямо так вот и маячит:
Только что интеллигентный мальчик
Отвязался от сопли,
а ему навстречу –
Пли!

* * *

Что грядёт, никто не знает,
Завалился в дыме запад.
Звездочёт приказ читает,
как нас чувствовать нам завтра.

Сколько платят мракобесу?
Крестится, поди, кассирша,
отвернувшись от балбеса,
как от рака альтаирша.

* * *

Раньше раньше вставали.
Не спеша, одно на друго надевали.
Ко скоту шли в тёмную ночь.
Утро зимнее утешительно
самого подхватывало.
Рукавицами крестьянство похлапывало.
Без тальянки снежок-от потаптывало.
Счас конягу охомуаем.
Хорошо тому, у кого жена
молоко несёт второ ведро.

А грядёт на двор революция.
Рычит собака чужая, сумашечая:
ты пимы снимай, так дойдёшь.
А куды?
Внуки, правнуки будут бесхарактерны.
Скажут им, что они
ни народ, никто.
Часть поверит, а часть
будет воинска.

* * *

На память нам, живущим в серебре,
из каменного века назиданье:
чтоб не вступали на своём дворе
со временами в бой-соревнованье.

Всё уравниется. Останутся,
как вам от нас, одни каменья.
Но обобщать нас (да ты сядь!)
с камнями – это заблужденье.

* * *

- О-ох, ох, дядя Ваня, дядя Ваня, ей худо.
– Оклемается, ну, опохмелится.
– Но, понимаете, понимаете, да?
У меня ведь, я ведь...
совершенно пуста.
– Это как так? Ладно, а у директора?
– А у него – ау-у, о-о-о!
– А у хампаниатора если...
– Афанасьич!
Она ведь из нас изо...
Изо всех она звезда.
Блузочку, кофточку, маечку, может,
может, поможет кто?
Попросите, а?..
– Не-а, ни-ни.
А ты сама состирни.

* * *

- Весело, аляписто пошла
наша Троица* на улицу, на речку.
Пробежась по кумовьям,
несла по яичку, сальцу, пышке с печки.
- Ты ж не веруешь, Танюшка, да?
– Дай огурчика-то, налил стоко.
Крестик видишь? Я, ты чо, всегда
с ним. Да мало ли... Чего ты?

---

* праздник

* * *

Доставляют, заставляют
удовольствием. А ты
на довольствие не встал.
Отираться не пошёл.
Мусор нёс, чуть не увлёкся –
На помойке – ух ты! – рысь,
нарисованная.
– брысь...

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЮ

Между небом и землёю
редко-редко волки воют.
Чаще – игры, в чаще схватки,
догонялки, свалки, прятки
без немецких извинялок
за укусы. Без шпаргалок,
без сценариев, ребята,
сентябрята, октябрюта.
Чтобы, значит разбираться
как сбегаться, разбежаться.

* * *

Задождило. Задожжило.
Потащило. Поташшило.

От такие полюса,
Разны горы и леса.

Совершенно очевидно.
Нам понятно без того.

– Вы добры. Вы очень милы.

– Нам за это вы постылы.

– Есть же рамки, место, мера,

– Ну и баба же – Валера.

* * *

Трое шли. Один отстал.

Стал на улицу глядеть.

Надоел весёлый зал.

Захотелось лететь.

А его зовут – Кулибин!

Понукают – Эдисон,

Ползунов, ещё как либо.

Над имя церковный звон.

Как рванут они быстрее.

Побыстрее надо им.

Постояли на горе и

порешили: побежим

на другую. Выше надо.

Дальше, больше гор, цепей,

От цепей в свои ограды.

А сцепились – ой, разбей!

На обслугу их ума,

как людишек будет мало,

цепь тогда рванёт сама,

не успеешь крикнуть. Мама.

* * *

Бредни, сети, невода, а то – взрывают.
Ловли всякой стало вдвое больше.
Егерей полста процентов сокращают.
Что творится! Что же делать! Чё же?
Мы же с лесниками песни пели.
В бывшем пионерском лагере засели.
До утра, считай, тряхнули стариною.
Было хорошо. Не мы тому виною –
буйному банкету, ночью угощенью,
утреннему сообщению о сокращенье.

* * *

Среди дремучих всяческих лесов
не встретишь никого, а то бы
поговорили да и всяк в свою
пошли поляны да чащобы.

Мы как-то с дяденькою через лес
в жару пошли. Нисколько ветра.
А семьдесят ему и мне семь лет.
За два дня семь десятков километров.

* * *

Расширяется улица, что ли?
Али сам похудел, герой.
Отодвинулась речка и поле
затерялося за горой.

* * *

Сад-от голай. Совсем голай.
Да, вот едак-то, считай,
мы остались, как соколы.
Во саду собачки лай.

По-советскому восьмое
сентября уже, восьмо.
Дождик девке чолку моет.
Та бежит, несёт письмо.

Град вчера по город-саду
прохлестал, ранетки сбил.
Соберут, которым надо.
Я-то яблочек вкусил.

Кабы на город бы град-от,
высохло бы, дак-от – нет.
Нет, однако за ограду,
за черту летит, на хлеб.

* * *

– У меня умное поле.
У тебя хоть какое.
А ты Лермонтова читал?
– Не наю.
– У мня умное поле. А ты Пушкина
читал?
– Не наю.
– У мня умное поле.
У тебя дикое поле.
А ты Гусарова знаешь?
– Не наю.
– Вот так вот.

Обед

* * *

Помнит она о нас
через все свои полосы.
А потому, что мы –
Нинкина молодость.

НАГНАЛ

В тиши одинокого особняка,
или маленького замка
никого нет. И ни одного замка.
Здесь, ладно, тихо. И там. А там как?
Я-а-а та-а-м! Как дам! У меня сто ...
Что ли птички летят?.. Или тень...
над плечом...
Тень. На меня.
А тут как раз, ну откуда он, друг:
–Ребята, вы чё, вы чё?

* * *

Когда кому захочется понуть,
иди и ной. Считай, что песня.
Над гитарёшкой. Ах, ты, волчья сыть!
Хрипит, орёт, кого-то крестит.

Другой тихонько, тоже тать,
глаза закроет, ну – китаец,
поехал душу вынимать.
Сиротка, рядышком скиталец.

Когда кого, ох, неохота слушать,
есть способы, как надо тут.
А так: глядь на часы – о, время!
Бегу на встречу там, для дела, в институт.

* * *

Ржаная ты, ржаная, милая да сильная.
– Садитесь на телегу, девушка.
А что это одна вы по лесу?
Как звать? – Васильевна,
– Вас как? – А, мы, что ли? Мы Колосовы.

Давным уже давно, а как вчера.

Художник Сашка говорит пора
чад называть Степанами, Кирьянами.
Зовёт нарочно Никоноровнами
Анжел, Снежан из тех, кто с норовами.

В 98 ГОДУ

Что-то много незнакомых, неизвестных.
Не похожих ни на что, не годных
для здоровканья. Ни наших и ни ваших.

До пупа расстёгнутая армия,
кое-где, как работяги, валится.

Выпила малёхо, со стаканчик, школьница.

Трезвые, в папахах, казаки заходят.
Чернь со смехом крутит у виска и скалится.
Но под их спокойным взглядом затихает.

* * *

Того же разу, тот же час
явилась помощь нам. Орёт.
Побуйствовала. Стой! Берём.
Жердина любит спать – раз!
За тот конец, за этот – два!
За это всё, за всё её берем — три!
Глядел народишко на ротушку солдат.
Народ сапёрный, удалой
изладил мост. Зенитки ставь.

НА ЮГЕ

Море не шумит.
Нет полоски шума.
Нет работы. Спят.
Я не сплю, я думаю:
не дурак ли я?
Вот когда на юге,
то есть на работе.
В серый сизый холод
берег моря роют
скреперы, бульдозеры
вырывают трубы,
грязные коряги.
Москвичам тут – что ты –
бухта тут, лощина...
Как в деревне, лес.
Хорошо им здесь
без колонн, как в Сочи,
в Гаграх или в залах.
А вот мне бы это!
Мы всю жизнь без моря,
без ступенек в воду,
мрамора в воде.
Как в деревне, тихо,
как в деревне, просто.
Сам я из деревни!
Сам-сусам со стройки.
Так всю жизнь не то,
что у многих тысяч.
Может тут причина.
Может не случайно
те же кирпичи

и раствор и скука.
Хоть бы раз!
Да, забавно всё.
Всё как будто было.
Но когда уже
все поразъезжались,
или не приехали.
Словом, дача в мае,
в ноябре, пожалуйста.
Я тебя люблю, но
я уехала.

* * *

Ой, сельская, сельская песенка
попробовала и молчит.
Как будто по воле кудесника
певица лихая гудит,

хохочет. Никак не уехать,
желательно бы туда,
где нету нахального смеха,
где эти прошли бы года.

* * *

Прощай, февраль московский! Тает всё.
Через четыре дня весна.
Совсем весна, сверкают стёкла
и дует ветер смело в нас.

Вверху с воронами сгибаются
черёмухи и тополя.
За город гнутся и стараются
Москве показывать поля.

Там вся весна в снегу, равнинная
несмелость, тишина небес.
И смелость к солнцу яркосиняя,
где самолёт-светляк залез.

* * *

Солончаковая степь.
Скажи – до свидания.
Ну и, ни оскорбления, ни расставания.

По телефону дикое оскорбление.
Так вот солнце моё не звонит.
В степи гласило,
гласило предание – не говори в середине
ей: до свидания,
Не говори : до свидания.

* * *

... И тогда тепло, счастливо
в море станет, наконец.
Где медузы так лениво
в волнах виснут, целый лес.

Говорят, иные с ядом.
Чуть колышутся. Тогда,
проплывая тихо рядом,
не касайся никогда.

Сыпь пойдёт везде, и слушай,
как пойдёшь опять на брег,
надувной матрас получше
захвати. А в час – обед.

А плыви – не спи, уносит.
Как грузин, весь обгорел.
Вот какая в море осень.
Видишь, парус забелел.

Побелел и снова прячет
парус маленький гора.
Всё желтеет, сохнет, плачет,
не звенит, не та пора.

ОСЕНЬ. НА ЗЕМЛЕ

Листьев с каждым днём и часом больше.
Я уже привык. Прощание легко
забежало в осень, в солнышко подольше.
Хорошо, светло без облаков.

О, спасибо, яркая погода.
Бог тебе велел погреть мои края.
Может быть не будет гордой.
А счастливой будет жизнь моя.

* * *

Не лети, Надя.
Он далеко, далеко.
Грустно на море глядя,
на свет облаков.

От моря уже уезжают.
Ставят в купе цветы,
не зная, что их догоняют,
Надя, твои мечты.

* * *

Куда ушли армянки молодые?
Куда исчезли в синем, голубом трико?
В зелёный лес, в дома свои другие
под пологом далёких тихих, нежных облаков.

А там на сто, на тысячу километров
синее море синее, солёная вода.
И нежный облик девушек ушедших
от грустных глаз моих, наверно, навсегда.

* * *

Столетия, события, сосны и ночь.
На речке круги от Марусиных ножек.

Скроешь, что нужно помочь –
И никто не поможет.

* * *

Июль и пение плывёт!
И лес качается, за лесом
такая тучка начинается.
А ты за книжкой всё, читаешь всё.
Бросай, кусты уж погибаются,
Ой, туча!.. Туфельки снимай!
Ты оператор, ты снимай!
До слёз, до слёз было давно.
Бредёт, бредёт в дожде и в памяти оно.

СТУДЕНТЫ

В копны бежали от дождика прыткого.
Бедные, сена, соломы рядки.
Мокли, темнели, валялись открытые
около пузырястой реки.

В дождевиках, в капюшонах колхозники
смотрят на дождь на воде: ох, даёт...
Невозмутимые, с катера водники
погружены только в дело своё.

Даже студенты в себе не заметили,
что о любви позабыли. О стыд?
Как на каникулы, все же уехали
от разлюбезных и образ застыл.

Значит, студенты не очень пока что.
Ухарям местным великий намёк.
В поле, в ромашках, во тьме, на закате
перехватить небольшой городской огонёк.

* * *

Проезжаем улицу Есенина.
Вдоль неё бежит река.
Кто нырнёт, она, осенняя,
выкинет под облака.

Кто нырнёт? За типовые здания
юркнет. Ну и шут с тобой.
А Есенин смелый был.
Купание
принял со своей страной.

ДВЕ ИЗБУШКИ

Две избушки не глядят на поезда:
уж привыкли – то оттуда, то туда.
В окнах в небе одинаковая синь
не менялась сколько лет уж, сколько зим.

Сколько поколений вечера
проводило как вчера, позавчера.
По утрам – по сторонам глушь,
тем чудесней на траве битъё баклуш.

Ну и, выросши, остались на век
чудаки-то эти двое – Чук и Гек.
Их избушки не глядят на поезда:
пообвыкли: то оттуда, то туда.

* * *

По дороге в деревню позёмка
перелезла машину и – в степь.
Брось лопату быстрее и пойдём-ка,
а не то закопаемся здесь.

Нет, лопатки с собой, а то волки.
Чуть-что встанем спиной к спине.
Перед нами лишь тёмные колки,
а ружьё далеко на стене.

БРОДЯГА

Это в городе... как с горы
под навес. А под сенью
есть такие глухие дворы,
где отлично играется в теннис.

Верно крученный мячик летит.
Никогда его ветром не сдует.
Разве с улицы тип
забредёт, глазомер заколдует.

А дворишко любезен, тенист.
Ах присяду, потом и прилягу,
поглядев понимающим взглядом,
будь-то я теннисист.

НА АЛТАЕ

Изба без изменений.
Всё два окна горят.
Вздыханий извинений
цветов виновный ряд.

И астры и магнолии.
А приподымешь взор,
увидишь до Монголии
снега далеких гор.

Услышишь реки быстрые.
Вечерняя пора.
Дымок. Там в небо выстрелил
какой-нибудь... чудак.

Ворота полусонные
стадам уже скрипят.
А тихий трактор сломанный
так и стоит... в полях.

Когда играя вёслами,
он через реку шёл,
Всего его охлёстывало
свежило хорошо.

Я первый догадался,
весь красный побежал
и первый покатался
Из всех, кто окружал.

* * *

Мне так понравилось у моря
О, я там даже не писал,
что обернулось страшным горем.
И я, как странный, уезжал.
Я знаю: без стихов нелепый
и ни к кому не подошёл.
Лишь думал – в волнах,
в море в клетки,
где жил, что как здесь хорошо!
и обещал, что скоро деньги
Придут на житие моё.
Мне обещали – я как дети:
Раз обещали — значит всё.
Однажды я саккомпанировал
им на гитаре пьянки всей.
И сам играл, что перенял –
всего примерно пять вещей.
Через неделю как-то странно,
что пять вещей и только-то.
Еще талантов надо, странник.
Я, странник, глянул в потолок
Купили всё же мне, купили
билет, разжали кулаки.
Они почти что там не пили,
всё хохотали дураки.

**Пойду-ка-ся,
возьму-ка-ся
ручку себе-ка-ся**

* * *

Разлетелась ваша, как её, Евразия.
Ну и вот у нас опять Россия.
Только меньше той. А буржуазия
в сто раз хуже той буржуазии.

* * *

Дом учёных. Дом учёных
не зовёт людей никчёмных,
(бьёт фонтан свою фонтаншу)
освежает Ваньша Маньшу).
Зимний сад, эге, не пахнет.
Во саду никто не ахнет.
Встретить милую бы тут,
я закончил б институт.

* * *

Согласен, ты эти слова
по радио грустно пропела.
Но в печку толкать дрова
ты в ноябре не умела.

* * *

– Легостаево? Не знаю.
Не бывал. Оно, поди,
алиментами богатое.
Красивое. Звучит.
Друг за другом сини горы.
А сблизити
зеленеют. Горя мало.
Лес да лес. Жара всё лето.
Что река шумит, тайга что.
А моё село Тайна́
Не слыхал? Не знаешь.
Небо малость потемнее.
Надо собираться. Говоришь –
Легостаево? Ну, буду знать.
– Оно.

* * *

Кош-агач, или агаш.
Километр ходу, лёту.
Маленький, как в гору зашагашь,
да и кубарём к себе, с неё-то.

Либо с мостика на дно
глянешь – вроде бы по локоть.
А зайдешь – ой-ёй, оно,
с головой тут, дядя, во как!

Жили-были мы тогда в избе
с великанскою кедрою.
Хорошо было побыть рабу, рабе,
верующим над тайгою.

* * *

К-э-э-э-к даст! И чурка – на две.
На то и край родной – дрова.
Леса, поля. Да Бога ради.
Они ... вот кто уж снова.

МЕЖДУ ПОЛАМИ

Веками было: сердцу не прикажешь.
А счас вам, душеньки, приказ:
Соображать. Ну как это расскажешь?
Есть, кто вообще не любят вас.

* * *

На тонкой речке не утонешь.
Не проплывёшь до бережка.
А только весело отмоешь,
эх, глину, грязь от сапожка.

* * *

Хорошо бы на Чаусе побыть.
Хоть по бережку поехать,
хоть по ей самой поплыть.
По всеё длине речушки
понаставлены мордушки.
Над ушицею с мутовочкой
сероглазые мордочки.
Черноглазы черемисочки
наводили на мыслишечки:
Всё такая же песня моя.
Через год мне уже будет пенсия.

Дон Кихот, мол, хороший такой.
Да дурак, старикашка глупой.
Кто, как он, и твердят сотни лет,
что его никого лучше нет.
А писателя он за решеткой достал.
Ну... В тюрьме в сочиненье попал.

* * *

Есть, правда, старое.
А есть – старинное живёт.
Полно сторонников.
А есть – пока поймут,
вдоволь насмеются,
слезинки вытрут,
впереди встанут.

* * *

Папку с мамкой не спросили,
в рощу вышли и скосили
травы около дерев.
Около своей деревни.
И литовки положили
там же. Чё – если спешили.
Что? Я вру? Что ручка скажет.
Это вам не то что сажай.
– Слушай, не займешь двацак
на литовку для отца?

Ох, и вечер. Дай гармонь,
походить с ей, как с ярмом.
Да сними сперва в кино –
сабля чтобы, кимоно.

Неохота жить в деревне.
Девочек нет. Как мерин, евнух.
У, козлина, у, Хрущёв!
Проучился год и всё.
Крым отдал. Ты дай двацак-то.
Твой на завтра точно трактор.

КАЗАК АНИКЕЕВ ВО ТЬМЕ

Кто же в самом деле так
разорался в буераке?
То ли песня что ли там,
или кто вопят на драке.

Неохота никуда.
Только слушать или кушать.
По трубе пошла вода.
«Господа», пошли на кухню.

Гальки нет. Казак один.
Сам себе картошку чистит.
Сам за кошкою следит.
Потакает ей, как мистик.

Свет зажег. Пошла мысль.
В миг один перековала
буераки и поля
с бою-драки на орала.

* * *

Зелёный змий, как аэростат.
Ему отрубишь голову,
а у него их две
вырастат.

* * *

Сколько время?
Без часов. Без понятия.
Долго ль так-то ещё?
А кто знает?
Кто знает –
на пикет не пойдёт.
Да и он, думаю,
что не всю жизнь знает.

САМОАНАЛИЗ

Двенадцати часов, похоже, возле.
Народу никого, а я играл.
Это подумать – ополночь.
Нет, врать не буду. Вряд ..ли, вряд ли.
Без солнца-то. На что мне.
Спалось безмятежному да снилось
одно, другое. Ладно, завтра.
А то сомнение берёт:
возьмёт ли в руки бред народ.

У КАНДИДАТА НАУК

Начинается не песня, не стишок.
На траве широко лёг стожок.
Выше, выше, уже, уже.
Завершают бабы – ужас.

А смотря на чей тут взгляд.
На стогу-то бабы испокон стоят.

* * *

Кто-то едет как попало
через лужи на машинах.
Из под снега лезет глина.
Кто скользнул и встал удало.

Дело к вечеру, однако.
Всё изгадили собаки.
Волки, те вот никогда.
Их никто не видел с этим. Да.

* * *

Пролежала не дорога.
Пролегла бетонная
книга тыщатомная.
Как плотина с тинной.
ГЭС как пиво с пеной.
Кто про что, а я о лишнем,
кой о чём, а ты-то: о!
Как вы там на «вы» как?
Будто англы, франки,

немцы, нерусь... Нет уж.
Некогда мне тут
с вами. Все свои уйдут.
Да не пью я ни с того,
ни с сего не пью, сказал,
как Ершов, что этих пьяниц
окаянный окиян.

* * *

Как по западной группе войск
детина расхаживает.
На поединок ребят вызывает.
Дескать, нет ему поединщика.
Как увидят его, как грибы стоят.
Нет как нет никого по силе его.
Ровно груши у их руки висят.
Того гляди из перчаток вывалятся.
Вот, пошёл он, детинушка в гаштет сидеть,
где ребята русские в увольнении
пьют, едят, прохлажаются,
немецкими бабами похваляются.
зревновал тут детинка солдатиков.
Захватил одного за белу грудь
одной рукой. А другу-то назать отвел.
А того не знал, что тот боец,
этот боем владел.
Боем великобританским.
Не сымал тот солдатик-от. Мишкой звать,
со грудей кулачища пудового,
да как даст-ы. Тот и стал, как столб. А стоит.
Через день, через два ли очухался.
Ну, а Мишка, когда уж в друзья вошли,

говорит ему таковы слова:
не сердись, говорит, на меня.
Самого не по-русски учили ведь.
Кабы знал, что ты горячей меня,
первым делом отсел бы подалье.
В молодецком бою да и так в бою
ты детинушка всех удалее.

* * *

Казачья лава с зелени вулкана.
Сибирские лошадки вылетали.
У Тихого стояли океана.
А пить его нельзя нисколь – вода ли?

* * *

А у нас цыганы
задержали лето.
Грешники купались,
грелись на жаре-то.

Долго так держали.
А потом вдруг кони
как заржали дико.
И все пожелтело.

Помнишь, где был выгон,
первый появился
чёрный чёрный цыган.
Рома поселился.

* * *

Нарисуют бродягу. А ему не покажут.
А давайте начнём уж кормить голубей.
А родных из деревни водить к Эрмитажу.
Соберём так работников всех с полей.

* * *

Ой-ли стали мы на поле, ыэх-ха!
Ивановы мы, литовки – хо! – отбивали.
Бабы наши Ивановы на реке,
сѣдни банный день, одне остались.
Стрешневых-то, глянь – все поколенья
валят степь. Они в ряд ступают.
У кого какое нонче будет сено –
Бог знает. Бог даст. А что скосили –
если вѣдро — хорошо бы – свозим скоро.
Сухова бабѣнка, ах ты, вот те ето!
В тягости опеть Марфушка. Верно,
аль двадцатый будет, али двадцать первый.

* * *

Ясно было, весело на небе.
Крутоярая сторонка стояла.
Выстрогана, ровно огорожена.
Что? – Нельзя а нам-то
разбежаться да наделать острожков.
Песен старых взять на лес, на поле.
Не стихков насочинять, стожков наставить.
Жалко сразу кой-какие достиженья.
Аи, да чѣ! Всегда с любого места

с Богом свяжешься спокойно.
Да, поди идёт уж это.
Сторона-сторонушка стоит.
Проезжающие зарятся. Гляди что
с поезда соскочат и зайдут.

* * *

Легче лёгкого лежать.
В синем небе еле-еле
туча движется на север,
не ложиться, не вставать.
А сама? Её и нету.
Каждой части о себе
нету дум, как о избе.
Для чего-то вид имеет.
Долго быть собою может.
Цветом милых наших ложек.
В небе синем не синеет.
Как бесчувственное море
в каждой капле на просторе.
А поэты оживляют.
Лихо жизнью наделяют.
Жалко что ли ничего-то.
Чё не славить никого-то.

* * *

– Э, а Ивана-то Андреевича, забыли!
– Какого Ивана Андреевича?
– Такого Ивана Андреевича –
Крылова.

* * *

Чтоб дома был твой дом.
Как затевали.
Терема были. Не дачи.
Обласкали своих и гостей.
Сгорали они со всей красотой.
Рисковали хозяева, значит.
Это ведь... Шли и до места без компаса.
По степи и по лесу, и по морю.
Запевали без аккомпанемента.
Без сопровождения,
Всегда попадали запеть.
Любили только – кто их любил.
Никто не поехал.
Есть же сейчас такие.
Да будет стонать-то!
Речки одне сохнут,
а другие полнеют.
О, не хотеть бы куда-то?
Желать на телеге ехать.
Исть, как Суворов.
Маленькие окошечки вечерком.
Занавески от мошек, от мошек.
А что, если отмоют, отмоют.
Ежели дурость отцедят.
Деньгу повернут.
Это бы – заодно.
День ещё за окном.
Свет ещё ничего.
Кто не любит закат?
Охота побыть в тишине. А быть?
Не забыть её – деревеньку – одно.
Не уехал – другое.

* * *

Оля, аля с двумя эл?
Без ответа. Устала
мне отвечать. Посмел
понапрасну. Попало
мне от себя: погоди,
не донимай, да: молчи ты!
Можно. Один так один
сам себе свой учитель.

* * *

Простите, летние деньки,
я не воспользовался вами.
В теньке бы... Да тенивики.
Куда бы мне, а, дядя Ваня?

Красивых с улицы смело.
Поусажало на машины.
Туда же мат ушёл от слов.
В салоне меньше матерщины.

* * *

Если голые стали опушечки,
может быть, может, будут грибы.
На пенёк сядем, вынем ватрушечки,
выпьём квасу, пойдем за столбы.

Как за линией, значит, встанем,
справа город у нас, влево – лес.
За него ажио выйдем и канем
под наплывом, покровом небес.

* * *

Кто любит свет.
Кто, неужели тьму?
Темнеет?.. — Нет, ещё светло...
Тьму любят... если уж, ко сну.
А свет... Ну, свет и свет.
Но свет в огромном мире тьмы.
А вдруг, наоборот —
что беспределен свет.
А тьма, лишь — вот.

* * *

Не заря, братцы, занималась.
От лица к лицу братина двигалась.
Без двух лет проходил XX век.
Русь как Русь — сколько было
её при Владимире, столько и сейчас.
Как побольше станет — отламывается.
Сколько нас тут сидит,
столько завсе нас.
Миллиончиков десять на правиле.
Остальные сто — как Бог подаст.

ЛЕТОМ

Э-эх! Сколько ходит жён.
Плавают милых дев.
А кому я нужён?
Вот притулиться где.

Девки-берёзки шумят.
Всё ж таки хорошо.
Ну поколочен я, ну помят.
А, поживём ишо.

* * *

Ну, совсем, гляди, как лунь.
Пожалел бы кто, послушай.
Ладно уж, пускай из клунь,
хоть какая-нибудь клуша.

Я еще ничо лунёк.
Птичка та ещё, над морем.
А к дивану путь далёк –
дремануть, едрёна корень.

ДВОЕ В ЖИЛМАССИВЕ

К радости чая с тобой
наши над чашками взгляды
Солнце играет отбой.
Прячется за громады.

Наши, сказал, с тобой.
Значит, тебя отделил.
Что я наделал, стой!
Чай-то наш не забелил.

ПРИШЛИ

Областной центр
русского фольклора
и этнографии.
Девкам эту надпись
целовать-миловать.
А нам бы спать-почивать.
Да нет – остальных встречать.

* * *

Путепроводы, пути.
Как по-своему идти?
Кто за речкой за Казанкой
заказал простые санки.
Кто подался в мужики,
кои на подъём легки.
Посмеши кого другого.
Нас-то что. Как есть, мы-ста
если вечер, вечераем,
или кушаем с листа
пирожка в разгаре мая.
Всё равно что лишний, мёд
по щеке к столу течёт.
Из деревни, а не любим
неоближенные губы.

ПРАВИЛА

Если ты не трезвый, детка,
надо вдоль забора красться.
Если ты не красна девка –
красся.

* * *

Опеть гремит. Как в бубен.
Пророк Илья. Ванька, крестись.
Окно, ох, Осподи прости,
закрой. Гроза счас будет.

Вон мороку нашло. А тама...
за сопками, совсем как яма...
Зрак Божий молонья-то. Свят-Свят.
Гляди-ка, гли, как воссият.

РОДНЫЕ ФОТОГРАФИИ

Долго, коротко ли, близко
стали мы вот, где сейчас.
Нас окликнули по списку.
Мы с дружкой в пехотну часть.

Навсегда родны просторы
скоро скроются из глаз.
Глазки скроются, которы,
проводжали с плачем нас.

Эх, земля, землица милая,
до свиданьица совсем,
наша родина красивая,
до сих пор глядишь со стен.

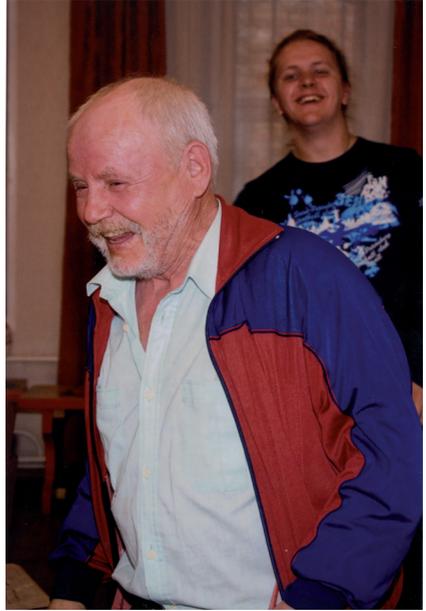
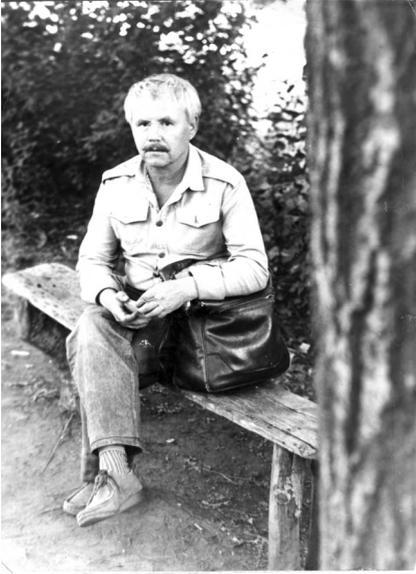

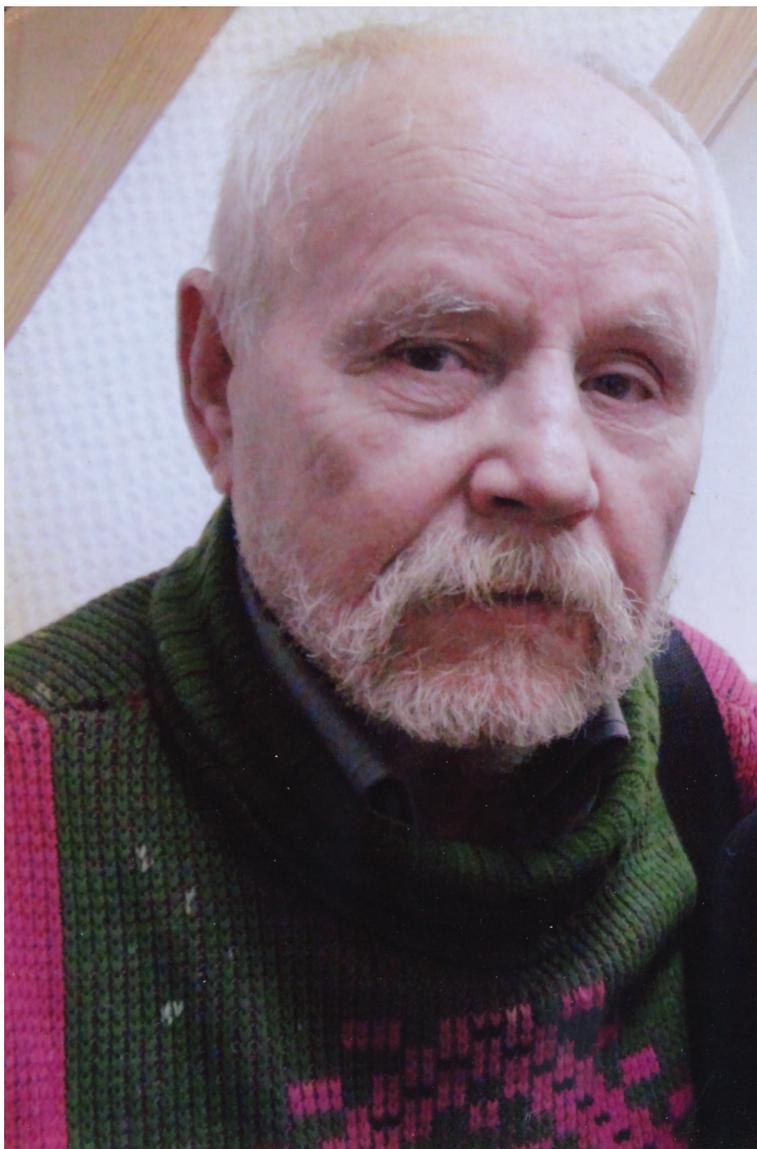
Фотоальбом
«Бог мне дал хорошее лицо...»

Записки из города

Первая часть

* * *

Бабы, женщины... Почти все «чудные мгновенья» одеваются как мужики.

* * *

Молодец писатель. А вот есть ум? – разобраться в чувствах до последнева? Это ведь недалеко как понимать в винах, в курицах толк знать. До всего недалеко.

* * *

Это как одна курочка нашла зернышко. Дала петушку. Тот поперхнулся и упал – все. Побежала она тогда к самому старому петуху: деда Петя, как оживить петушка? Да само-то как не соскучиться? – А вот слушай. Пока люди не говорили. Дрова нарубят, и опять есть куда руки девать. Дрова сжег-

чи, стготовить. Стготовлено съестъ. А там пилу придумали с рёвом. Да и учить на ней стали пилить, да школу открыли. Школа ученых вызволила. Те время прибавили. А лисенка не увидели. – Какого лисенка? – А он будто работает, будто сам поет, будто храброй, будто, как живой по стен бегаёт... Заговорили больше. Стали записывать как ели, спали, печь топили... Кто и не был нигде, тоже будто на лошаде катался... Будто за небо летал. Научились, не сходя.

С учёных пошли писатели, с тех – ишо.

А! Все надоели. Не могут вылечить петушка. Побежала домой курочка, без победы, как дурочка. А петушок-то чихнул, сам зернышко столкнул. Ключнул другое. Спел зарю, чо не так говорю? Стали они жить – поживать, по ночам почиывать, цыпляют наживать.

* * *

А во что мы одевались, как ели после войны – это теперь большой секрет. Почти некому вспоминать. Почему многие из нас тянулись тогда в восьмом – девятом классе из подвалов, из баракков к Тургеневу, к Чехову, к Евгению Онегину. Так это было далеко от наших сараюшек и самодельных ключек, скучных пальтишек.

* * *

Из города пишу. С девяти лет увезли из гор, с Алтая. Мама одна была на семь человек нас. К родне надо было, к тётаньке, к тёте Дуне – спасительнице нашей. А там уже город. Города замотали.

* * *

Вот черти бесей учат с пяти лет немецкому языку.

* * *

Солнце – главный агроном.

* * *

Здравствуй, братцы! Здорово, умы!
Городские с окраин, крестьянские.
Доводили нас до тюрьмы
залихватские песни дворянские.

Служилые дворяне – тут склонись.
Один из лучших опыт человеческий.
Дорожники, послы, бойцы. Учись,
как надо, у людей отеческих.

* * *

Хорошее было все рано настроение – грусть-тоска. А потом взяли и разбили. Тоска-то похуже. А цыганы и рады. Сердце моё, мол, разбито.

* * *

Вечность – миг. А потом ещё жизнь. Хорошо бы.

* * *

Жили одни старики. Дед был кривой на один глаз, а старуха с тремя глазами. Вдруг ни с того, ни с сего родили девочку стопроцентную. Она подросла когда, раз как-то глядит на них, прищурилась: че это вы, папа с мамой, глядите как-то странно? Те расстроились, ночью не заснут никак. А слышат из Девкиной комнаты – «ой»! Скорее накинули че на себя, да пока шарились, все стихло. Все равно пошли к ней со свечой. Зашли – ничего особенного. Только два сапога рядом. А она зевает, говорит: че вылупились? Сапог не видели?

* * *

А вот от кого фокусы пошли между мужиками и бабами? От стариков культурных, понятно, каких. И от слабаков, которые пахать не могут. Жить на одном месте.

* * *

Герой романа «Война и мир» Пьер Безухов. Впрочем, наибольший интерес вызывает героиня романа Наташа Ростова... Что в них геройского?

* * *

Не люблю выходцев из народа. Из них уже никогда не бывает входцев. Никуда не выходили, где бы ни были: Шаляпин, Есенин, Миша Евдокимов. И вот Коля Шипилов... Всем царство небесное.

* * *

Зачем, ребята, на заре смеяться?
Или немислимо орать.
Ведь кто уж спит,
кто смотрит святцы,
кто сказку просит рассказать.

* * *

Когда это завелось – называть героями персонажей...

* * *

Действующее лицо. Это как? Если только носом катить горошину.

* * *

Легче легкого лежать.
В синем небе еле-еле
туча движется на Север
не ложиться, не вставать.
А сама? Ее и нету.
Каждой части о себе
нету дум, как о избе.
Для чего-то вид имеет.
Долго быть собою может,

цветом наших милых ложек.
В небе синем не синее,
как бесчувственное море,
в каждой капле на просторе.
А поэты оживляют,
Лихо жизнью наделяют.
Жалко что ли ничего-то.
Чё не славить никого-то?

* * *

Государство становится. Потом зависает по чинам. А то, что его создало, из-за кого Русью назвали, смещается, или вытесняется за Урал, на Алтай (слава Богу), в Забайкалье. Да и в места не столь отдаленные. А выжимается вольный человек с талантами хитро: дураками или буквоедами. А язык. С великим русским языком такое же приключение. Тоже, когда за горами оказался, ушел из городов, потом из городков, двигался до последней своей надежды – деревни. Его и назвали деревенским. Просмеяли. А он там остался, на заряд, на падение Берлина. И для нас.

А через учебники пошел литературный язык. Жвачка, на которой нельзя говорить.

* * *

Дорогая незабываемая тень Розанова. Хорошо идти по стопам. Можно немного отойти. Поближе к нам.

* * *

Чем же Русь лучше других? Тем, что во льдах возникло простое сознание. А это – самая лучшая реакция. А тело потом и в турецкой жаре было и в одиночестве. Народы, как жить будете, если потеряете, если забудете наше явление на земле. Были тоже племена, завоевывали по полмира. Но они шли только по теплу.

* * *

Первокаменка. Точно, они стрельцы или из бурлаков. Поют, как будто пушку вытаскивают из болота. Или баржу враз с мели стягивают. А...про девку разлюбленную, как она за это рощу зажигала. Ой, ты ро-о. Ну, ро-ой, рощица моя зялё, ну, ра-а-й, раззялё-зяленья...

А я, беспечный, как и вся экспедиция, плясал, пел. Башка-то у меня тоже задорная. Один мужичек глянул так: – «Смотри, Иван, в Первокаменке народ дёрзкий». Как они, кто-то рассказывал, чужаков гоняли – тоже из гор, только не наших... Стон стоял по всей... слободе!

* * *

Как время медленно идет!
Как долго катится дорога.
У немцев взять бы грязеет,
Покрасоваться хоть немного.

* * *

... А то вот у нас говорят: смесь французского с нижегородским. А французскую культуру принесли бедуины. Орнамент, боевое искусство, почти многоженство (Ален Делон).

Всякие такие смеси бывают. Но самая неловкая, это – наш-не наш 18 век.

* * *

А приставочек было в разговоре, вставочек: петь-су, мыста – сотни. А сейчас, чуть что, выручают: мм ... да: э, э-э-э.

Ещё одна революция, и не будет складных людей на земле, умелых. Остальные сами себя закопают за сто лет.

* * *

Не-е, пока наш народ щелкает семечки по дороге или на скамейке, он непобедим. Меньше ерунды в голове.

* * *

Смотришь военную хронику, а на кадр – две-три секунды. Из пяти лет. Но представишь как: все тут сгорит, всех разорвет. Зачем, куда раненый ползет? И тащит на себе почти неживого товарища. Тут уже вроде бы без памяти беги до воронки, никто не осудит. Некому. Трудно понять. Едва доходит. А так: на душе легче и страха нет.

* * *

Какие были знаменитости в моем детстве, в молодости у нас! Где сейчас мировой известности десятилетний скрипач Вадик Репин. Ясно, что он – городское дитя. Выступает, работает. А никогда фортепианная, скрипичная музыка у нас не будет народной полностью. Никакой консерваторский педагог не поедет, какой там, в деревню, в Бердск хотя бы.

* * *

Народ ничего не поймет в классической музыке, кроме отдельных мест. Основное удовольствие там – технологическое.

* * *

Лет с двадцать как пропускаю в книгах описания природы. За городом оказываюсь – ничего не мешает, не гудят словеса. Потихоньку-помаленьку восстанавливаю. Как раз осень, хорошо так: ш-ш-ш...

* * *

Какой из нас горожан хлебобороб, а всё равно как-то неудобно слушать, наслаждаться дождем в сентябре-месяце.

Справится народ с литературой – будет жить. Устарело. Надо детишек обманывать всяко, только бы от экрана оттащить. Какая связь? А такая же: и там и там – наслаждение.

* * *

Да, вот, земляки, неинтересные на вид у нас комбайны. Что бы взять да расписать их орнаментом, «Мезенью» взять для начала. Это Север. Около двух тысяч лет. Пусть библиотекари пороются в архивах, когда в городе оказываются. Сами у себя хоть что-нибудь, хоть кадушки какие-нибудь или двери в дальней комнате распишут. Незаметно что б. Народ не любит, когда учат.

* * *

Сейчас все уже одинаковы на вид люди. Что в городе, что из деревни. Только у сельских мужичков руки побольше.

* * *

В экспедиции подходим раз к дому бабушки хохлушки. Слышали, что она всю свою свадьбу помнит, украинскую. Она как раз на плетень облокотилась. Давно нас видит странников в олимпийках.

– Кто такие?

А Асанов наш сразу же ей:

– Да вот приказ вышел – всех старше семидесяти лет арестовывать.

– А документы-то на это есть?

– Да нет, бабушка, мы так, без документов.

– Ну, раз так – заходите.

И почти всю ночь пела. До сих пор без слез не могу вспомнить. Какой народ веселый у нас, какой умный.

* * *

Вот уж счастливое, так счастливое детство. Не чье-нибудь – моё. В глухомани, в горах. В сенках мед стоит. Сладко на всю жизнь.

* * *

Русская линия – стрельцы, бояре, казаки, деревенские.

Дольше всех она держалась у купцов. Да ладно, и в интеллигенции мужики были с одной стороны:

Ты и во сне необычайна,
Твоей одежды не коснусь.

Или недоволен:

Россия, царщина, тоска.

С другой стороны: Блок-то участвовал в кулачных стенках. Ничего, ничего себе! Блок! – Ну, вообще-то и такая техника есть.

* * *

Нельзя восхищаться народом. Народ этого не прощает.

* * *

А матросы – не чудо? В шторм уже паруса меняли, под пушками с двух берегов на Босфоре. Флот и дольше всех в советское время сохранял на сигнальных флажках кириллицу. Аз, яз многогрешный, чуть-чуть, малёхо, но испытал. Правда, без парусов.

* * *

Помните, в Баязете офицер как закричит на вестового или как тогда называли, как закричит: Сколько раз говорю тебе – сначала докладывай о людях, а потом про лошадей.

– А я и говорю: лошадям хорошо и людям хорошо.
Казак сказал культурнее.

* * *

– Зачем мне эти Карамазовы?

– Даже Алеша?

– Ну, он – ладно. Учили бы лучше в школах, как своих углядывать.

* * *

– Да ты отдыхай, отдыхай. Спи.

- А я уже всё. Пять минут, и готов к труду и обороне.
- Не-е, у меня минут шестьсот – тогда.
- У кого, конечно, как. Тут даже не спишь, бывает, полудремота, секунды хватает. Да я думаю, шофера, наверное, тоже так пару раз клюнут носом и опять на этом свете.

* * *

Тоже в дождь засыпаю, и вдруг предстает во всё небо тень Манилова:

- Знаешь, Иван, как убирать хлеб, когда всё время непогода? Надо придумать палатку метров 50 на 70, на колесиках. Тянуть её и дуть из какого-нибудь устройства туда горячий воздух. Во, Иван, как надо.
- Спасибо. Спасибо. Как по имени-отчеству?
- А зови просто: Николай Васильевич.

* * *

Балет – это гусарский интерес, не казачий. А на войне...

К Двадцать третьему Уланову показывали. Она на помосте три на четыре метра танцевала бойцам перед боем. Я не видывал такой смелости – быстрее света, точнее, музыки. Как они, солдаты, в ладоши били. Я смотрю еще – не мелькнет где отец? Опять же – пять-шесть секунд показывают. Едри их за ногу!

* * *

Что, солдат прежних войн не мог выговорить: превосходительство! Попробуй-ка старые скороговорки проговорить теперешний человек! Полдня язык не твой будет. Значит, так лучше. Как гаркнут: Здр-ра, жла, ваш дит-ство!

* * *

Что значит православие. Болгары, посмотришь на лица – турецкие и турецкие. А народ наш. Не знаем теперь – как они. А мы их любим по старой памяти.

* * *

Как так получилось, что самые родные писатели – не великие. Что Лескова, Аксакова, Мельникова-Печерского отодвинули к выдающимся, значительным и очень ярким. Выберемся, даст Бог, а там уж другое поколение по-другому скажет про Достоевского, Тургенева, Чехова: это самые яркие, выдающиеся, те, кто наиболее полно отразил свое словие. Тоже, как и наши великие, о славе не думали.

* * *

Что получается – твоё. Талант.

* * *

Смешное для всех – смешно всегда. Никто же не осмеет сапоги, тунику, шубу. А пудру на мужиках неохота смотреть, чулки белые. Что делали – солдат заставляли белые штаны, да в обтяжку носить. Сами дворяне в этих сюртучишках, пиджачишках, брючишках – курам на смех. Опять же стрельцы, казаки, солдаты (до наших дней) молодцы. И мужики, когда по-мужицки одеты – куда с добром.

* * *

Дедушки многие говорят, что раньше люди лучше были. И их деды тоже так думали. А правда, как начнешь туда расти: 19 век, 18 век, уж не говорю 17 век – как подумаешь, из какой беды выскочили.

Это какие они были? Лучше, лучше. Мы-то ведь такие же.

* * *

– Семь-то часов есть хоть?

– Точно – семь. Чувствуешь, Иван. Ладно, поехали.

– Ну, Иван, сколько сейчас?

– Пол-одиннадцатого. Скажите, пожалуйста, сколько сейчас время?

– Время... так... время... 25 минут двенадцатого.

* * *

Актёр – хороший так мужик. А играет какого-то сверхчестного. Отложится-то, что умное лицо дурацкое бывает.

* * *

Хорошие физики часто говорят по-русски. Никуда не денешься.

* * *

Классику надо взрослым читать. Молодым – грех это. Да, я не спорю, прошла она через много времен, разных лет. Очень, очень зрелое дело. Только ее взяли и перекинули со взрослых на пятнадцати-шестнадцатилетних. А когда сразу не интересно, потом долго-долго в эти книги неохота заглядывать.

Русская классика. Смотря какая. В школе – это больше классика, написанная русскими людьми, франкоязычными с колыбели. То было в моей школе. Что-то я размахался. Заехал не туда. Хоть столько, слава Богу! Да что столько, уже пол-столько осталось на детское учение. Учители, не отдавайте! Родители, не позволяйте.

* * *

Трактор одиново вытаскивают из лога бульдозером. Мужичок на ходу кинул парню тросик. А тот подхватил. Да как-то сильно ловко. Не для работы. Ничего не скажешь – искусство кино.

Осеннюю

Люблю красивую страну.
Листочки тихо так сметаю,

что тихо тянутся ко сну
или летят куда не зная.
Уже не любят никого,
А мы еще родные люди.
Нам завихренье – хоровод,
А ветра вой – калюки.*

* * *

А ничего, наверное, вояки польские были, если на казаков прыгали.

* * *

Красиво, само собой, правда в нашем произнесении: герцог, виконт, граф, лорд. Барон – властно так. Но сильнее, насколько мощнее, виднее, грозно звучит: маршалы: Говоров, Конев, Баграмян, Рокоссовский, Жуков, Еременко.

* * *

Почему, когда воевода был нерешительным в отпоре, медлил с войском, народ впадал в ярость, собирал, вернее, хватал оружие, бил в набат изо всей силы и несся, бросался в побоище. На смерть же. Наверное, потому, что семьи были покрасивее, чем сейчас, обаятельнее. Ну, ребятишки, как всегда, забавные. За брата дерутся, за сестру нормальные люди, за стариков.

* * *

Ловко, оборотисто, да во всем искусство, быстротечная красота. Где, где? – Да вон! – Где – вон? – Все... Эх, свели к значительности, возвысили и остановили. Да все вверху. Как это высоко! Высшая мысль! А в пустую речь добавили выразительность.

* * *

Как умно ни излагай, все равно не мысль, а данные мысли.

---

* Музыкальный инструмент по всему славянству.

* * *

Что ни говори, а поддержка:

Ох, я, уж я с этой тетевины

Ох, я уж я сделаю дуду.

Ох, я, уж ты дудка моя,

Ох, я, веселушка моя,

Ох, я, весели-ка меня

Ох, я, на чужой стороне.

Ох, я.

Первые наши девчонки, кто по-настоящему запели старинные песни, в основном, консерваторские. А они почти все из других городов.

* * *

Эх, ребята, вот какие экие художественные горизонты: «И яз приказной человек, велел толмачам говорить про государское величество, что наш государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси страшен и грозен и всем царством обладатель; и никакие орды не могут стоять против нашего государя царя и великого князя всеа Руси и против нашего бою; и вы, князь Гойгудар, да князь Олгодий, да князь Лотодий будте нашему царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии послушны и покорны, без драки сдайтесь, и нашему государю ясак давайте по своей мочи; и велит государь вас оберегать от иных орд, кто вам силён».

Ерофей Хабаров, 17 век.

* * *

В шестидесятых годах тридцатилетние поэты, считай старики, везде, хоть на сцене, хоть дома завывали. Длинным таким возносом, монотонном. Не ведая того, а, может знали, да нет – попугаи – приучали нас православных к мессе. Наши псаломщики, другое дело, читают, как будто дождь проходит, стихает. Или, как мы под конец говорим.

* * *

И как только мы вытерпели три века на двух, а то и на трёх языках и выкручивались. Сначала немецкий и наш. Потом по- французски над нами. Ещё два языка – у образованных и необразованных. На мне сказывалось уже – городской и деревенский. И вот, и вот стали себя Офени обнаруживать, сливаться с другими по темноте.

А у Невского, у Ивана Грозного один с мужиками язык был. С 18 века, пошло, значит, «из грязи в князи». Меньшиков первый надел немецкое платье, навёл смуту. Да тоже мало знаем.

* * *

Немцы, немцы... Да самые немцы-то, да им и не снилось даже, какие немцы есть – японцы, китайцы.

* * *

Кто привык за любой пустячок получать: спасибо, мило отплачивать: пожалуйста, одним словом, чтобы за малый от-теночек, флюидичек благодарили, будет очень переживать, когда этого не получит. А уж когда на самом деле не доплатят, или прогорит в чём, ему будет обиднее в два раза больше, чем нам битым.

* * *

Да что ты будешь! – опять Манилов. Обычно в центрах городов есть «Городской сад». А что, если бы на окраине был – «Деревенский сад».

* * *

1

Наконец- то проталины.
Наконец- то ручьи.
Меж сугробов провалины
потемнели к ночи.

Затемнели, как Бальмонт
За границей один.
Где вы рауты, балы,
Красота до седин.

2

Бальмонт, или Бальмонт.
Баловник, Балабон.
Время было ужасное.
А кому ничего.
И другим, что ушастали
за другими. Во-во!
Там о родине плакали.
Дети в дальнем пути.
Не узнавши, как с драками
с мужиками идти.

* * *

Ты что, мне говорят, хоть представляешь какими людьми собиралась хрестоматия, каково число её утвердителей. И ты сверху всех? – А они умнее всех? Что сказал Солоневич, помнишь? – Россию погубила русская литература. Доскажу за него, он же не знал её всю. Литература всё же разная. Вот отбор её – вот про че я! В восьмом девятом классе изучалась одна неудача. Сейчас, дорогой друг и товарищ, через сто лет и дураку ясно из чего пошло что.

* * *

- Ну, всё сказал? А теперь слушай... Слышишь?
- Чо?
- Стреляют что ли.

* * *

Ну чо докопался! Волки, крокодилы когда в чом признавались.

* * *

А в деревне больше культуры. Даже сейчас. В городе только городская. Стихи – первое дело с 2-х 3-х годочков. Театры. Искусственная вежливость. Выправленные песни. А в селе, в хорошем, только озимых сколько, яровых, что – не культур? Масляничных. А с ними и ума. Сами сёла разные. В старинных есть старинные искусства: бичикоплетение, бисероплетение, корзино... Печники валяльщики (узнай – кто). Бугры мужицкого поведения, девичьего. Всякой детской игры за огородами, в овражках, а на полянке... Волос на голове не хватит пересчитать. И рядом с пьяными народ все равно есть.

* * *

Что достала семян? – Вот, две яблоньки. – А в какую цену? – Сто рублей взяла, кругом вить по 150. Ещё вот вишенки маленько. Да одна слива Софья какая-то.

* * *

Никогда бы не стал жить в Эрмитаже. Ясно, что царя тянуло к народу.

* * *

Что за зверь всё-таки была, что за Русь?..

* * *

Хорошо когда бабуси как бабуси.
И в платочке, и годочков семьдесят.
– Ба-а-б, миленькая, где твои два гуся?
– И правда, где-то нет моих гусят.
– А батожок на что? – подставить,
как старая скользнёт ли, упадёт,
без батожка- то кто под старость,
тот в рай, хоть как живи, не попадёт.

* * *

Иду с фольклорного фестиваля и грущу-думаю. Давно, до нас ещё с вами решили, что творческие люди – это художники, писатели, композиторы. Это в самом плотницком, в самом творческом народе.

* * *

Не сразу Москва строилась. Не сразу и разрушалась. С оглядкой.

* * *

Боров же этот Хрущёв. Поставил свои панели на месте крестовых домов. Ладно на месте трущоб. А хорошие- то улки, спокойные зачем портить. Там и так неплохо было. Пусть всё на улице. Зато закалка у людей и жизнь не забывается за тесовыми воротами. Синие ставни во дворе для себя. Непроглядные окна. Перед ними рябина с черёмухой. Где не знали, что плохо живут.

* * *

Маленький, я бы испугался балерины.

* * *

Уже к двадцатому веку, всё, что как надо выразилось, увы, подлежит искажению. Красивые обои квартирные разошлись по всей стране, по всем кабакам. Ровная речь издолблена в гимназии логическими ударениями. Как сейчас на сцене народную песню поют? Сыграют вступление. Подготовят, значит, нас, дураков. И- и... потом потаптывают на каждую сильную долю.

* * *

Балет – дикарство до какой сложности доходит, совершенства какого.

* * *

Скоро солнышко сойдёт.
Скоро солнце скатится.
За осеннюю берёзку
Милая ухватится.

Это я так.

* * *

Хороший мужик, лейб-гвардии офицер, ехал с Японской войны с тросточкой. Инвалид. Смотрит, заводские парнишки не военные, мужики фабричные, строятся в линию против другой линии. Он остановил кучера: «Стой – говорит, братец. С кем это они, на кого встают? – А с пожарными. – На, держи целковый. Пойду немного прогуляюсь. «Первый раз такое увидел под Иркутском, ещё к службе направлялся. Решил в тот раз, глядя на эту сшибку, «да, дикость». А когда Кузьма из его роты выволок его на себе. Доволок до лазарета, сдал сестрёнкам, посмотрел; тогда там на койке, он, военный человек, понял, что под Иркутском-то было это для подкрепления.

А солдатик тот бегом-бегом, скорее к сослуживцам.

* * *

А не сойти мне с этого места! В трамвае, вчера обрывок слышал разговора: «Я сразу дом ставить не стал. Сперва всё кремлём огородил.»

* * *

Правдолюбцы обязательно с грешком. Любимые слова у них: никогда и всегда. У меня всегда своя посуда. А в гостях ешь из любой чашки. Ночуешь, там, где ты сторож, хоть и не твоя смена. Невелики грехи да уж молчали бы, древоточцы.

* * *

Думаешь, литература, балет, живопись, это – искусство?

Нет, это занятия живописью, литературой. А искусство – это у кого искусней. А что это я такой умный? Умный не умный, а под это сколько идёт, под марку? Да хоть в чём. Он, может, лет пять не шоферил, да и то на грузовых, а тут, раз нету никого водителей, то и он довезёт, шофёр до овражка. Или мало ли что хирург, пусть лечит. Танька беспокойная. Носится и носится, как угорелая. – Да он же хирург! – Всё равно врач... Бывали, не спорю, умницы, многое что лечили. В народе владели этим искусством. А их море искусств. Сколько дел, столько и великих умельцев. А то ведь до чего дошло. В шестидесятых годах выше артиста, поэта не было человека. А кто его знает, а если это наоборот – здесь недобор моря, девиц, силы, особенно ловкости. Да ладно. Так я. Всех жизнь зародила.

Заехал, заехал. А чем заниматься в больнице? А старым сторожам, да любим, кто дожидается кого. Или на вахте. Да в очереди! А инвалиду, может, счастье, если как перед глазами:

Я помню море пред грозюю.
Как я завидовал волнам,
бегущим шумной чередою
с любовью лечь к её ногам.

* * *

Д. К. – Дом культуры дал крепкого середняка в ней. А за ним и дурак вылез во всей своей дирижёрности. А его уже, э-э-э, левой ногой Европа. Когда надоест-та-а-а!

* * *

Н. И. Наумов: Учил-то меня один бы с вами учитель, да, вишь, не всем, погляжу, эта грамота далась.

Н. И. Наумов из Тобольска.

* * *

– Сам виноват. Не надо было жениться на такой.

– Откуда он, солдат... по разным точкам мотался, чё, Дон-Жуан, что ли? Специалист по бабам?

* * *

В Батуми?
Во, позвала куда-то от Катуня,
От своих петуний, от петухов, от тёти Дуни.
Давай, теперь уж чё
в Сухуми.

* * *

Всё. Штаны с баб уже не стянешь.

* * *

Если бы деревенские дедушки, бабушки, закончили хотя бы по два, по три класса, мы бы не имели нашей великой русской культуры.

* * *

Значит, американцы исследуют, стоят на том пути, что мужская клетка отмирает. Понятно – сама по себе. А тут своими глазами видно, что – нет. Что, когда мужская клетка – в лагере, или здесь на игле и совсем, совсем с другой стороны – в армии когда, на флоте. (Крепким парням как без этого). Вот тогда она, мужицкая клетка бывает уступает интеллигентской, а та – женской. А та – лишь бы мужики были – к бандитам тянется, к охранникам. К чертям ко всяким экстрабыстра. А Китай казнит их в это время. Давит их бесов. Жалеет свою клетку безбородую.

* * *

Наконец-то ура, ура, любой цветной экран для меня грубее настоящего склона дня.

* * *

Если всё время жить с удовольствием, потом удовольствия не будет.

* * *

Ну кино... Да не верю, что у колыбельки спорят, орут, вроде, умные люди, добрые. Спорят, спорят наши по пустякам почти всегда. А уж тяжело если, вот, вот тогда тут не до того. Одна душа у обоих сразу.

* * *

Музыканты слушают музыку всю, наверняка сплошь. А большие любители отвлекаются в слёзы; картинки всплывают. Половина своего получается. Второй раз это же слушают, как впервые. Хорошо. Мне тоже иную книгу можно читать-почитывать, а старинную: подлинную русскую так по сту раз.

* * *

Серое небо в воде.
Тихое лето – не лето.
В самой ещё густоте
Август спускается с веток.

Тысячи, тысячи лет
шло не всегда, как сегодня.
Серый, увы, белый свет.
Как всё равно Беловодье.

* * *

Речь – не больше не меньше, чем ходьба, пятерня. А из неё полжизни сделали.

* * *

Манилов, смотри. На самом повороте на мост заимку буржуйскую выстроили. Над рекой два рядка. Каждый по три-четыре дома. Первый, понятно, южными окнами на реку, а северными на другой дом. А тот своими северными окошками глядится в насыпь, в трамвайную линию. Скучно, Мани-

лов, правильно? Выход один: красивые чтоб квартиры были. И сделать одно ложное окно на речную сторону—на самом деле – телевизор. А в нём пусть всё время Обь показывают.

* * *

В древней Греции было то и так. Нет, эдак – Эллада. Как нам не поверить положительной речи! Там если и пакость, она между делом и сказана. Древнегреческим выражением. Стеснительным переводом. У нас не так. Даже взять у жулья, воров. У них попробуй между собой затереть что, прикрыть—накажут. Римские законы тут и в подмётки не годятся. Разговор- то не положительный. Периодами не усыпляет. На Русе тоже, пожалуй, речей не было. Ну пятьдесят, если хорошая глотка, сто человек услышат. А другим- то по- своему передадут. Кто невольно исказит. Сам обман какой был. Хитрость так хитрость. Особенно с теми, кто лезет.

* * *

Ваня, скажи, в чём тайна русского народа?

– В отсутствии сослагательного наклонения.

* * *

– Всякая нескладуха когда-то была складной у себя на месте стояла. А у нас как столбы, с нами не склоняется. Язык наш давным-давно уже сложился. И в церкви, и в народе. Но в письме житейском, когда часть русских слов, а часть западно-славянских, как- то всё равно неловко получается. ...да с ними два человеце... Не выходит же, не получается такой язык.

– Сам придумал?

– Ну. Как писцы.

– Хорошо хоть сознался. Поди сам хочешь, курилка, чтобы тогда по-русски говорили.

– А думаешь, в девятом веке так не хотели?

* * *

Самая читающая страна... А был самый бойкий народ.

* * *

Композицию придумал дьявол. Ладно бы на сцене. В книге – пусть. Да простаки-то подражают. Наяву, когда не шутка, складывается по-другому.

* * *

Первый серьезно отвернул от полуцерковного языка, да и от былин, Пушкин. А Херасков, Хемницер – не в счет. Вдоль жизни идут. Даже незаметно. Державин зато никак не мог вырваться из народа. Его до сих пор на Дону поют.

Пчелочка золотая
Что же ты жужжишь.
Около летаешь,
А прочь не летишь.

А чтобы петь легче, чтобы веселее, казаки наприбавляли:

Ай, пчёлочка золотая.
Ай, что же ты журжишь.
Ай, екала лягаешь,
А я прочь не лягишь, лягишь.

* * *

Простят меня, конечно, Гайдн, Бах, но русский народ нерифмованный:

На переднем Стенька Разин
С молодой княжной сидит,
Свадьбу новую справляет,
Сам веселый и хмельной.

* * *

Сколько сейчас всего на Руси! Вряд ли какая-нибудь тенденция возобладает.

– Ну-ну...

* * *

Так охота в трамвае ехать (ехати).

* * *

Один все выводы делал. А я ему говорю: каких только мать не родит.

* * *

На дорогу не смотрели как на промежуток. Ехали – жили. По ночам спали.

* * *

Получается теперешние 50-ти, 60-ти летние, не знаю как назвать, но только не бабушки. Старые школьницы. Почти полный трамвай их в штанах. Одна-две старушки. Бабуси.

* * *

Война сдвигает всех назад. Основные, умные мужики по-выбиты. А на их место встали грамотные. Бабам – воля.

* * *

И луна, и полнолуние,
И треть – месяц молодой
Усыпляли нашу улицу
На ночь делали пустой.

Тихо эдак. Так тихоненько
Песню «Степь да степь» слышать.
Или поезд где-то стонет как.
Позволяет засыпать.

А пошли шестидесятые,
Семьдесятые года.
Закурили как закашляли.
Не засну. В глаза – звезда.

Старикам из бывших школьников
чѐ не спится? Чѐ не спят?
Одиночек, всё – соколиков
Стары бабы в брюках злят.

* * *

А ничего наивного в народных песнях, простодушного не вижу. Сила! – как ее видеть? Летит, не успеваешь понять, и не жаль. Не укладывается в твой расклад:

Из-за лесу, лесу копия мечей...

Да это:

Взвейтесь, соколы орлами!

* * *

Садко на дне моря играет на гусях. Угощается, вина пьет. Как это? – В воде же! Ну и что? Гуляет с царем, и все. Да и сам ты от воды от этой отсекаешься. Забыл. Во-о. В этом отсековении и нрав хороший пошел у дитѐ. Силенка невидимая.

* * *

Истуканы, сказал? А их неизвестно кто рубили. Или тоже голованы какие-нибудь. Русские, которые русские, берутся если так (только не за голову), а за то, что умеют. Резьбу умеют. Избу ставить; поглядите хоть в книжках, бабью вышивку, ворота на сто лет. Времен... Татищева, Болотова. Они до-олго у нас держатся ...

* * *

Катит в три зенита солнце.
Зенитки вежливо стоят.
Гуляет зайчик от оконца.
А за оконцем целый я.
А рядышком Максим зелёный.

Промок, дрожит не от стрельбы.
Не интересны ему наши лбы.
Ни разу не видал салют.
Да и впервой глядит на танцы.

Тут в двери тихо постучали.
Гляжу – Катюша-миномет.
За нею Дегтярев причалил,
Встал студебеккер, как жених.
– Олл райт!
– Ол райт!
Входи, ребята, оставайся.
Девято мая, угощайся.
Рыдай и веселись и не стесняйся.

Тятеньке:

Счас как пойдём!
Все двери разорвём.
А хлоп и... темь. Куда идти? – тот свет.
А не ходи на войну.
А если пошёл,
то Вечная тебе память и слава.

* * *

- Папка, а как эти называются?
- Эти?.. Гладиолусы.
- Ой, папочка, а эти?!
- А это, доча, морпехи.

* * *

А погранцы... Море-то не игрушечное, а корабли игрушечные. Э-э-эх, какие там есть офицеры умельцы!

* * *

Ну, никак не спится. Ух, как у нас парад принимали. Мимо

торпедный катер прет. Половина его, спереди, в воздухе. Рожи у торпедников обветренные. Им за это шоколад выдают. Волну поднимают выше себя. И, перед нами встал, как вкопанный. А наш боцман сбоку шипит, примерно, как: стоять! Но, ну, только другими словами. Не шелохнемся. Контр-адмирал произносит пока до нас: «Здравствуйтесь, товарищи моряки!» Его приветствуют. Как встарь. А у нас пауза, или я сейчас выдумываю, как подольше. Нас так, значит, поздравляют: «Здравствуйтесь, славные пограничники!» Молчим. То ли поздороваемся, то ли нет. Да как рявкнем: «Здра жла, та кон рал!»

«Поздравляю вас с Днем военно-морского флота. Ура!»

– Ур-ра-а, рра – рр– а-а-а!

И дальше здороваётся флот.

* * *

Кажись, вместе в увольнение ходили. С девками вышагивали. В одном кубрике живем. А только: дзинь-дзинь-дзинь, сразу как незнакомый делается матрос:

Боевая тревога! Боевая тревога!

* * *

Сколько, где на земле сочетались лютая зима и несусветная жара летом, столько лет и русской культуре.

* * *

Античное стихосложение: ямб, дактиль, амфибрахий не утоляют русского ума игру. И запилось из-за этого буйных голов сколь. Заиграло в картишки. Стрельнулось. Была-не была, зашло в публичный дом.

* * *

Не обижайтесь на нас, греки. А древняя Греция беднее нас по всевозможной красоте. Там никогда не было зимней

культуры. Одна осень и лето. На юге у нас такая же весна. С песнями...*

* * *

О, как народ закалял себя. И прутьями и всяко.

* * *

Ясно, что цивилизация состоит из отходов. Мусор что? – Сама жизнь после чего-нибудь едва направится, от нее, глядишь, отходят, соскучились. Бог с ними бы. За собой тянут ведь простофиль сперва. Накапливаются, их уже, ого! – большинство. Ляпают чё-то. До краха. Что остается разумным? Что делать? Опять кое-как направляют строй там уже новый. Опять, вроде, страна получается. Нет, найдутся, всегда есть люди, который не любят обыкновенную жизнь. Устают от народа.

А потом все вместе, даже впереди всех бегут в бомбоубежище.

* * *

Это было, друзья по искусству,
с друзьями по сорокаградусному морозцу.

* * *

Осень, зима, весна. День-ночь, день-ночь.

* * *

Пушкин – гений талантливости... Ну, удумал. Хорошо, всё равно же гений. Не всё ли равно. Влюбленный в Россию. В той же части 19 века, наполовину на Руси, и не могло быть у нас именно поэтов. Разве, разве Петр Павлович Ершов и... Иван Андреевич Крылов – величайшие по независимости исключения. Позже, потом уже, когда латынь (ямб, хорей) стала

---

* фольклористика знает.

жизнью в верхах и в верхней части середины, пошли русские гении: Есенин, Твардовский (Василий Теркин), Рубцов. Наверное, ещё. Россия большая. В Европе геометрия, размер. Отрезки: та-та-та, та-та-та. Наши рамки легче, не так постукивают:

У самого синего моря.
Старик ловил неводом рыбу,
А старуха пряла свою пряжу.

До Пушкина, коллеги, в голове у пиитов смесь была сташенного из церкви языка и... игривого. Что говорить, оттянул, сколько можно, спас язык.

* * *

За что?

Напоит, накормит, силу даст. К брату старшему направит. Каурку отпустит Ванюшке в путь. Первый раз видит человека. А они заединщики до знакомства. В одной стране.

* * *

Умные-то да, везде бывают. А вот кто культурнее – археологи или фольклористы?

Вторая часть

* * *

Чтобы поменьше, что ли, помнили о русских великих победах в XVIII веке, полководцам пририсовывали бабьи лица. А, мол, основное художественное направление тогда. Веяние такое было. И так эти полные мордашки круглые с мягоньким подбородком века два, грешные, представляли то время. Суворова-то не трогали. Но изо всех его дарований, напирали, в основном, поражало живописцев – его одухотворённость, культурность. Это ничего. Есть и мужские его изображения. Да мало кто их видел. Как будто не было мужской художественной работы. Не верю. Пора.

* * *

Археологический романтизм. (Коля К.) Исторический романтизм. Историко-этнографический романтизм. Языческий романтизм.

Надо с умными поехать в экспедиции. Помёрзнуть под солнышком. Пожечься под ним. Ждать кого-нибудь. Поужаться, как долго-долго всё на месте находится. Печь глинобитная двести лет стоит.

Покричать с берега на берег. Эхо послушать. Двести, триста, четыреста лет пели так.

Греция до чего красиво останавливала себя. Портиками, Парфенонами. Лучше всего не стоять перед ними, а проходить, идти. А народ хитрющий был. Наверное, его ненавидело всё побережье.

* * *

Городской человек более обучен книгами, а деревенский довоенный более образован жизнью. Из-за этого и победа была.

– Деревенских-то больше было. – Один дед рассказывал. – Городских тоже много шло воёванных. Наша-то рота почти вся из деревень. Сходим в штыковую, человек больше двух-трёх раз и не ходил. Или ранят, или положат совсем. Рванём, значит, закрепимся, считаем, а городские ребята почти все лежат. А которые остались. Может, с окраин, рядом стоят. Тоже пот утирают.

* * *

Глагол же про движение толкует, сам двигает. Во-о-т. А его в предмет ставят. Всё чаще и чаще. Не проехать, а проезжание там сопряжено с огромными трудностями. Менять, значит, меняние. Поднимаются когда, это – восхождение.

Зовут не учиться, а к постижению. Улавливаешь? Охота не чего, а учиться. В постижении быть. Не дровишек наколоть, а добро сделать. Самое любимое существительное в доме культуры – сочетание с родительным падежом: День благода-

рения. Дворец бракосочетания. Дом Актёра. (Смешно хоть. Хорошо. Забавно.). Чувство радости. О-о-о!..

Всё стойка. Стойка. Стойка. Мучают сибиряков. Хоть сейчас и потеплее, а всё равно крутиться надо.

Но это – великолепные вехи для краснобаев, дикари ведь сплошь обставляются знаками. Хитрые людишки быстрее всех за эти вехи хватаются. Как за палки. Как за живое. Тоже, значит, живут, работают. «Мыслю, следовательно, существую» – и это на них работает. На ничто.

Преобразования тоже. Люди бежали, брели по грязи, отскакивали от пушек. А кто-то потом легко, удовлетворительно, просто донес это как преобразование, но уже совсем другим людям.

– Да ладно, это – обобщение.

– Да не ладно. Неладно.

* * *

Ну ... слов нет, что за киноделы последние наши! Как застолье, так обязательно в кадре у них заспорят. А то и подерутся. Всё больше тянет к любительским фильмам.

* * *

Царь читает. Руки у него на отлёте, далеко от лица. Ух, как важно, грозно держит на вытянутых руках письмо. У него уже дальнорукость. Мужики старые с хитринкой, с прищуром. Близорукость же! Молодёжь так не изображают. А молодняк хитрит с нами только так. Дорогой нам Александр Васильевич Суворов поднимался в три часа утра. И многие так после 45 лет. Не в обиду сказать – это не главная его добродетель.

* * *

Ладно, я не прав. Зато прямо говорю. А на мою цельность – другая найдётся. Моё дело обидеть, твоё – обидеться. Господи, эх, если тебя напечатают.

* * *

Ивана Фёдорова тоже не понимали на улице. И того, и другого – лётчика.

* * *

Серёга мне говорит: ты знаешь, что на Украине народ нашли. Знаешь, как называются?

– Ну, как?

– Русины.

* * *

Ох, жулики... Полкниги по-человечески идёт. Всё путём, как говорят. От приключения к приключению, а с половины, дальше, когда уже свыклись, трудно уже оторваться, люди в ней ни с того ни с сего вдруг делают чё-то не то. И это ещё вроде как в жизни, годами скрывали. Из-за сего рассуждения дальше читаешь. А там – пакость. Не-е, пошла-ка ты ... дальше. Знаешь куда. Редкая, говорит, птица долетит до середины Днепра. Но ещё реже, которая от этой середины повернёт к своему берегу.

* * *

Как это людишки чураются родного? Да как, так и чураются, что не родные. Эх – ты-ы, индийцы! Да ты-ы-ы... как настоящие. А наши ребята, русские. Девки голопупые. Ага, устроились против нас, фольклорного центра. Магазинчик завели. На барабанах шпарят. Лыдые. Кто в тогах, кто в шортах. Ласковые. По виду на идиотов похожи. Так, им по двадцати-тридцати годов. Даже по сорок, совсем дуракам. 2007 год. Запросто, что они уже никогда не пересекались на своём веку со своим.

Но меня тоже учили, уверяли в таком обширном удобстве как индоевропейский язык. Язык, именно. Не азы. Или в таком легком удобном одном языке – старославянском. Единственная моя тройка за ВУЗ.

Шекспиру учили, рисовать, писать, обобщать, но... не строгать. Раз, правда, было.

Но я добрался до Москвы. Спасибо Лене Гулыге, с Федей Селивановым, услышал в МГУ былинку от ансамбля Покровского. Как она есть – пели. Как смогли. Сильнее у меня ничего в жизни не было.

А как эти туда попадут? В университете им не бывать. Их не то что влекло – не влекло к эдакому, даже к людям не тянуло, через которых бы рано или поздно вышли к своим. Они всех любят, а я их нет – противно.

* * *

Никто из моих знакомых ни разу ничего сверхъестественного не видели.

* * *

Наоборот, занимательнее, когда не знаешь людей. Но и не спеши к ним.

* * *

Жизнь по себе выбирает людей. Ай-я-яй. Покрасивее бы каких-нибудь.

* * *

Если бы я умел плясать, я бы сплясал даже лучше.

* * *

Мечта – страшная вещь. Ничто её не перешибёт, пока она треплет человека. – У-у-й, ти, клокодилинька! – А тому хоть бы что. Цап! И ручка вместе с перстеньком в пасти.

Охота побыть зверем и ... Мольером. Казановой ли... Да хоть собачкой его. А настоящей собачкой? С которой дети играют.

Нет, разбойником лучше. Или солдатом. Писали, что служба тяжела, но как-то не получалось, что тяжело. Вальтер Скотт где-то приоткрыл правду своему XIX веку. В романах до него пишут: один человек против десяти-пятнадцати справляется. А у него старый, на отдыхе уже воин улыбается этому. Бывает, говорит, опытный фельдфебель, бывает, и уло-

жит штыком двух-трёх неприятелей. А то и четырёх. Но это больше рассказывают. Может, он, Вальтер, скромно показал. А то не поверят. Исключительные бойцы были. В Первую мировую войну казак по фамилии Крючков отбил от одиннадцати австрияков, непривычных вблизи к шашкам. Зарубил всех. Георгий I степени.

А чего не наплели, как только не раскрасили разбойников, лихих, значит, атаманов... Или, что пили, жили даже в лесу у них. Ели с имя. Якушкин, брат мечтателя, вредного декабриста, все ж таки встретился со знаменитым разбойником Сорокой. Тот остепенился тогда, что ли. Якушкин записал с ним свой разговор. Пером гусиным. Эх, жалко под рукой нет. До Розанова по-русски получалось, описываются там разбойничьи будни. Ну, летом-де лихо налетели, потом спрятались подальше в лесу. Да каждый раз в другом месте. Да всё дальше, всё дальше. Полиция тоже знает своё дело. Зимой разбегаемся кто где как. С осени – по сёлам плохо – быстро найдут. И в лесу, по шалашикам, под капелью каково. Спать, разве. На троечках да на дрожках-то не все время ездят. Да тоже не дураки. С револьверами едут. Но уж как попались нам... Когда и жалко, а всё одно – и мушин, и слуг тут, барышень – всех порешишь.

Как оставлять – свидетелями будут. В жизни нашей, милостивый государь, больше мученья.

* * *

Дорогие мои, миленькие, пишите, пожалуйста, коряво, чтобы не было потом кроваво.

* * *

Якобы Оноре де Бальзак по ночам писал. Кофе, кофе, кофе и, ой! – «Блеск и нищета куртизанок».

А нам прищуриться если, взглянуть, посмотреть что с жизнью стало, то начинает сомнение брать в ночном творчестве? Холера, в основном, из этого выходит. И не у одних пи-

сателей. Он же, кто паровой котёл придумал, ему и в голову не приходило, что толпы в города полезут.

А поэту, под утро уже, показалось, что равноударные стихи лучше чем, чем мы живем-поем. А что тысячи, тысяча, нет, уже миллионы после этой чеканки поползут на сцену – всё равно.

Если они бы умные, остались там, в столицах, отстали от умельцев, сидельцев на месте. Если б. Но от них полилась бесконечная, всё равно безвестная река. Захлестнула родники, затопила озёра, Перекрыла настоящую песню. Да что... после... в итоге родные показались тёмными. Сварщики – грубые.

И, выхода нет, как выводить своих сочинителей, дальновидных грамотеев. Коли ночные ракету придумали, дневным противоракету делать надо. Значит, опять на поединок нас вынуждают. Поединщики наши – заединщики от жизни, им же направлять эти скопления вокзалы строить, мести асфальт, на Север лезть за горючкой под гнус. Народу всегда задача. Так что, сдаётся, думается, нечего переживать, что не наш мужик пузырь какой-нибудь выдумал. Скоростную лопатку дал народу. Кто его знает, может быть за эти первые места потом будет стыдно.

* * *

Битва Александра Македонского с персами. Слоны, слоны-то здесь причем?

* * *

– Я то ведь поверил ей. Ну и что? – Совладелица моя слиняла от дел. Уже месяц как.

* * *

– Ванюшко-у-у!

Это меня маленького зовут с улицы. Долго так. Похоже как поют. И звуку этому десять, или сколько тысяч лет. Курганы копают, а рядом вечность живая.

* * *

Православные соборы наши на вид часто, как несоразмерные. Выступы как сошлись в обороне. Круглые, полукруглые. Квадратов что ли, прямых углов стеснялись колонн. За ними открытого места сколь. Сами колонны голые. Как-то мы не привыкли к эдакому. И книги у нас другие... были. На моей умнейшей родине... Смех – взять бы и почитать бабоньке:

Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен
назло надменному соседу.

Или сказать: Как гений чистой красоты.

Сразу бы за пилой послали, дрова рубить заставили. Ну, мощно же, красиво. Ага, мощно. И красиво. Не для всех. За всё своё детство среди гор ни разу не слышал, ни единого, ничего торжественного. Как-то я маму зацепил всё ж. Проговорилась. Я говорю, вот в писании говорится, что не убий, а как тогда с немцами вся деревня воевала?

– Да если они первые начали, отпираться надо.

Страна огромная. Равнины или горы без конца и края. А крепостцы тесненькие. Другое здесь, другое. Разговор иной. Зато уж ни одному нынешнему да и прошлому сочинителю, ни у кого такого веселья не льётся:

Кошки с ёлок лезьте долой.
Мы вас, кошки, погоним домой.

Да лучше Хлебникова. Правда, он тоже бывал молодец: «Будущее России в народной песне». Но уж учёные... Не все, не все. В тень какую, в лихие домыслы лезут литературные эти работники. Невозможно, я не верю, что в купальскую ночь, все вместе, голые бегут в воду. Зиму в шубе проходили. В одной, считай, упряжке со своей бабой. Всё вдвоём больше. И вдруг бы она бежит со всеми, трясёт. В бане, мол, сообща все мылись. О каком это времени наблюдения? До Руси? Или

когда уж ею были крепко. Хоть один предбанник выкопали? Большой-большой чтоб.

Слава Богу, соборы есть, крепкие, с дверями, со звонницей открытой.

* * *

А в разных странах по разному учили. Англичане, те до последней возможности сохраняли в колледжах порку. Готовили на случай к несправедливости. А католики даже к фальши подводили. За какой-нибудь грешок заставляли сказать: я больше никогда так делать не буду. Да будет. Детишки боролсь, как умели. Урезали выражение: больше не буду... О-ой, куда денутся, охламоны. Ну и к нам сие припрыгало через баб. Меня в лесу, в тайге миновала сия чаша. Верёвкой отвозят и всё. Ну и особо не ласкали, хотя в голосе столько... никак не выразить. Парнишкам ерошили волосы. Девчонок по головке золотой гладили.

* * *

Ишь ты какой! Чтоб сказку сочинил и чтоб не шепелявил. Много хошь от деда. Слушай, значит. Вот на твоём месте, где ты щас болтаешь ногами, травка была и коза-дереза щипала, кушала её. Про нас не знала...

* * *

Да ты не бойся небытия. Его нет. Где-то вычитал.

* * *

Спросить надо учёных, как возвращались, пусть по-другому, иными, вытесненные культуры.

* * *

Вечные ценности: Бог, небо, земля, вода, фольклор. Бог.

* * *

Разок, однако, Грибоедов съел нехорошего гриба, иногда нет-нет да и ради красного словца... Что вот плохого в умеренности и аккуратности? Устами отрицательными шутил над строем солдатским. Сам не испытывал? Неохота, потому что дистанция огромного размера. И пошла твоя шутка по лицам, и гимназиям да по школам. Докатилась до нас, а после войны учительницы – бабы, что, увы, закрепились. Им не впервые плести, что слышали. Но мужикам-то какого беса повторять молодёжь двухсотлетней давности.

– Петрушка, ты чему здесь учишь?

– Я не учу. Я торгую.

– А где товар берёшь?

– На двух горах сразу, на Воробьёвых и Ленинских, у профессора и филолога. Мужик телом, а голова бабья. Кентавром называется.

* * *

Ну что, словесницы, посмеялись над солдатами, над полковниками? а сами уже полвека под барабан ходите. С каждого угла, из каждого окна, с катерка из бедной сумочки.

* * *

Грецию учат любить, а тогда уж любите не одни портики, пьесы. Живые колонны любви, фаланги, фланги. В пятом классе пусть о Фермопилах, о счётке ребятня толкует.

* * *

К чему бы ни звал поэт, хоть Брюсов, хоть Волошин, каждая строка завершена окончательно. В каждой строчке больше нечего делать. В кино что ли пойти.

* * *

В культуру далёкие от неё люди нанимают недалёких людей. Те ослабляют волю к делу. Против ставить бы деятель-

ных да культурных. С любовью. А как любить, что? Кругом одни суррогаты. Надо не поддаваться полукультуркам.

Суп-пюре из шампиньонов с сухариками

Засыпать содержимое пакетика в кружку. Добавить 200 (не разобрал) кипятка, хорошо перемешать и подождать одну-две минуты.

А Я бы так: «Суп из шампиньёнов с сухариками. Засыпать в кружку (эти) 200 грамм, хорошо помешать, подождать минуты две и, готово». Без ума ли, то можно, пожалуй. Не-ет, чушь всякую писать по-человечески. Всё равно что народно-хористок суррогатчиц одевать в подлинные одежды. Древнее шитьё на дурёх навешивать. Всё правильно там напечатано. Бог шельму метит.

* * *

Через чур аккуратисты однажды, раз да звереют от пустяковины случайной. Запросто допускаю зверства немцев, японцев, китайцев. Ух, японский городской!

* * *

Придорожное монгольское иго. Вот бы так правильно величать его. Жгла орда вдоль дороги, которой шли, сёла, стога, города с наш микрорайон жителей. И неслись они по этой, по большой дороге, пока была. Ключевые ли городки те, основной ли путь? Наверное, главная Русь жила за лесами, с городками, с начальством. Кто около дороги, те пострадали. Вечная память им.

В лес конница татарская даже не заглядывала. Не их природа. А лесные люди и между лесов далеко, даже не знали своих пределов. Никакой победы над собой не чувствовали. Спокойное небо, своё же соседство.

Пропадали там конные отряды бесследно. Отчего бы ханы считались и сообразовывались тогда с нашим укладом?

Бесследно... Их, поди, и не жалели в орде. Поди, каторжан тоже сплавляли. Нет, вряд ли. На месте рубили.

Удачи свои, вымогательство, конечно, засветили в истории. Иначе бы Карамзину нечего было кушать. Наши не бегали, что ли, в Турцию, за Кавказ? Ответно к ногаям, в Крым за добычей. Да по разным путям, но и в одних местах появлялись не по разу. Почему не стонут о нашем казачьем иге. Страшное было наше Египетское казачье иго.

* * *

Зачем девки с хорошими ногами брюки носят? А их косолапые обманывают, что в брюках лучше.

* * *

Эх, жизнь! Про нас тоже дурачки сказки какие-нибудь скажут, что сдали страну Горбачеву. Я, Валерка, Санька, Коля, Мишка. Мы, народ, пропили Союз. Как те, кто тоже «предали царя». Даже кто ни сном, ни ухом не слыхал, не читали о Базарове, что за Кропоткин – не знали, в жизни бы не говорили: Свердлов, Радлов.

В Питере, подальше от Лиговки, от Невского жили из Вологодских, Псковских, с Мезени мужики: подмастерья, хозяйева, гуслеры даже. Про революцию немало из них узнали на второй день. Говорят, не так уж и много пальбы стояло ночью. Да что! Про 2-ю мировую из старообрядцев, бывало, из глухих мест, про нее слышали после нее.

Как тогда без народа, что ли, перевороты проходили? Без народа сначала. Понемногу народ из народа вынимали, осторожно. За двести, триста лет. Раскалывали сперва. А потом сушили книгами. По одному дурачку, по одной орясине.

Даже XX века детей выводили из нас сильно или невольно в отличники, в аспиранты мужиков. Это жизнь уже, оттягивали от нас. Да это везде теперь так. За что боролись, на то ... Народ можно встретить нынче больше среди физиков. На кого пенять? Он уже давно в стороне.

Ну, напугал? напугал, только не сильно. За бортом, гово-

ришь? Сам-то за бортом бывал, учился? Не дай Бог. Ладно, посмотрим.

* * *

Голова не хуже компьютера – все войдёт, что по молодости запустишь или в детстве – с тем и жить.

* * *

Не жизнь так идёт, а так уступают. (Не я, кажись, изрёк).

* * *

Друг, отдерни занавеску хоть. Прямо давит. Дак это мы через вокзал поедем.

– Ну, 203-й.

– Я в Нью-Йорке был. Вот там духота, о-ох! Улицы узкие, а дома, где ехали пятидесятиэтажные, шестидесяти.

– Да даже по телевизору смотришь, с моря как гробы дома эти.

– Не-е! Как мачты. Он, Ньюёрк-то, в низинке стоит. Вашингтон тот широкий. Разбросанный широко. В Токио тоже. Я туда за материалами ездил. Дак я даже не поехал город смотреть. – Позалуйста, позалуйста. – Переводчица зовёт. – Поедьте, посмотрите! У нас красиво – говорит. Так и не поехал.

– Октановый бензин там, поди.

– Да всякий. А у нас из травы делают уже...

– Как из травы? Я вот в Амстердаме был, видел... ветря...

– Топливо, правильно, нынче можно из ветра взять. Из жира даже. В Голландии, я вот как ты был, видел до горизонта стоят эти ветряки.

– От ветра, да от солнца...

– Да вот, я догонюсь, – у нас ферма была. Все были занятые. А счас... Как возить молоко, продукты молочные? Горючка вон как весит счас, сам знаешь. Дак вот, не у нас правда, в другом районе из рапса делают, я говорил.

– Э-э-э, а как производство наладили?

– А есть установки уже. Дык вот, из травы, из Рапса – из масла этого, а тянет не хуже дизеля.

– Из Рапса?

– Ну.

– Первый раз слышу. Да вот и моя остановка. Дай-ка, выходить буду.

– Я тоже.

* * *

Ну вот, вроде все народы покрасовались большие. Счас маленькие будут перед зеркалом.

* * *

Сейчас больше любят упыхиваться на тренировках, чем по делу, хоть в саду. Или подумать любят. Так. Хоть про что. А лучше всего над словом. За книгой. Не я, кто-то сказал, что художественная литература отвращает от пользы. А вот:

– Ле-ен, сходи за хлебом.

– Ну, подожди, ну, схожу, отстань.

– Тань, подежурь за меня.

– У меня тренировка.

А у меня прошла давным-давно любовь к безработным движениям. Оно, да, не пьют хоть. Потом уж, когда на третьем месте где-нибудь окажутся.

Нет, лучше метёлкой помахать утром или от всей души палкой по ковру лупить. Не пьют, правильно. Да уж сильно скучными делаются. Как некоторые тренеры, страшно культурные: из положения упор лежа, достать верхними конечностями до нижних конечностей, а если простыл, то: «облегчиться посредством платка».

Руки на ширине плеч... Это, чтобы стать певцами, директорами. Войти... нет, зашло уже оно и в тонкий художественный мир. А знаете когда? Сто лет назад. Со Станиславского, со старичка, однако началось. Похлопал по себе ладошками, побил рука об руку. Так. Так. Так. Так-так и-и раз, и два и раз,

и... Тарас Бульба. Или просто бульбой почувствовать себя. Чтобы полное перевоплощение, без себя.

– Ну что вы. Хитрее, конечно, а как до них учились?

– А природный лицедей, да он само собой артельный человек, стало быть, и в темпо-ритме лицедействует, учится еще хитрее.

Имелась у меня советских времён исключительная сейчас бы книга: Василий Иванович Качалов. Забыл, то ли о нём, то ли сам он пишет. Он там говорит:

«Никакой я не Любим Торцов. Я артист Качалов. Я играю. И никогда на сцене этого не забываю.» Видно, учёба у него другая была, видать, подбирались там хваткие, годные к сцене. И... сами учились, кому повезло на великих людей. Ученики тоже трещали скороговорки. Всё пробовали, твердили, перебивали, до ночи. Но это были не упражнения, а тут... люди на гимнастике хотят в рай попасть. Работы столько же делают, ещё больше, намного больше, чем прямо браться за дело со своей подготовкой. А прямо – глаза боятся, а руки делают.

* * *

Теперь выходим, благословясь, на отвагу. Знаем, что смелость есть во всяком народе, а удаль только у русских. На Русе удальцы брали свое с игр ещё. На вечерке парень отводил девку по игре, или их заводили в закут, занавешивали. Там, если нравились друг другу, сидели дольше. И молодец спрашивал прямо: пойдёшь за меня? Шёл на это: будь что будет. Переживал, если не шла. Что ж... через время все равно женился. Зов-то сильнее грусти, из любви горя себе, или вечного счастья не искали... Рассказывают, жених, бывало уже перед венцом любопытствовал: да скорей бы везли, что хоть за деваха-то у меня будет. Знали: со всеми, у всех потом жизнь как жизнь людская будет. А полюбоваться всегда можно, хоть где, хоть на кого. Фетисова, кажется, Филатов о ней вспоминал, сказала: красота – это пятнадцать минут, остальное – работа. Помните, какая она была ненаглядная в ролях.

Я что, ушел? Да нет. Всё прямизну пою. Девочек у нас хитро-мудро не соблазняли. Было, конечно, бывало, но не так уж как в этой книжной лавине Фобласов, Жоржей. Подъ ты. Думаю, что...

После распроклятого Растиньяка и вредного Печорина среди учащихся пошло не ухаживание, а обольщение (Из моего бы доклада министерству).

Торты со стихами, подороже ужины под шестиструнку, поют не под фанеру – тоже, стало быть, способы, тоже упражнения. У городских, что подделаешь, другого нет. Бегут, бедняги вдоль бензина.

* * *

Добро никогда не выигрывает, пока оно будет ходить с добрым лицом.

Из наблюдений Манилова

Думал, солдаты поют где-то далеко, а это железо сгружают и тоже довольно далеко.

* * *

Маленький, ещё не малыш даже, а уже привыкает к чередке, к ровному. А как понимать начнёт, там уже сказка-выдумка бабушкина бестревожная. Богатырь уходит. Через три года приходит. Баба-яга напоит, накормит, спать уложит. А утром расспросит. В жизни же есть надёжное. Пока такой порядок в головке – и хорошо.

Из Манилова

Из книг наделать огромную пирамиду, так, чтобы, когда верхушка достигнет лунного притяжения, они бы уже посыпались на Луну. Уже тише, чем к земле. Как плыли.

* * *

Наши против Европы выставили Бабу-ягу. А у них злодей и на вид, хотя вид у них – не важно, и по делам зол. Баба-Яга

наша страшная на вид, а если по-человечески с ней поговорить, она тогда тоже по-человечески.

* * *

Ой-ёй-ёй, ох, какое красивое бывает, милое женское тело в старых кинокомедиях. Вполне, вполне притягательное. И смеёшься до упаду. Вот мастера были ясного влечения... Недоступное, загорелое, молодое. О, в операции «Ы» как они читали, как работали над лекцией! Сам знаю. За 24 часа, бывало, успевал изучить семестр. А Иван Васильевич меняет профессию. Песня там над морем, красотища мимоходом. Ноги не про нашу честь.

Вот! О, дак О! Стрельцы, самая Русь, нигде не воспетая, мимоходом упомянутая. В науке бы и остались только. А тут, и где. Умница, солнышко наше Гайдай. Как они мигом подхватывались в поход. Шутка-шутка, а так похоже на правду. Как молниеносно меж зубцов носились. Первый, наверное, раз так радостно показали древнерусскую армию. Ну, что в коридорах дрались когда с Жоржем Милославским, это – чистый смех.

* * *

Старались не обставлять сразу правилами новичка, а то начнёт останавливаться, сверяться лишнего, цельность рваться будет.

* * *

В украинском языке наверняка, если не русские, то польские, либо литовские слова. Подбирались там, видать, довольные нами, Польшей, Литвой. А народ получился. Создался, Пожалуйста, народообразование. Народ. Но чтоб государством за неделю стать. Эх беловежская пу-у-ща, ты тут милая ни причём. Ты, как мы, думаешь, можно и за день огосудариться. Но что это будет за народ, одни воспоминания.

* * *

Елки-палки, ну что за мужик! Про другого расписывает: ка-а-кой он, как... – там – нос хрящевидный у него. И зовут-то как, ого го! – Челкаш.

* * *

Чем больше изъясняться вслух, про себя ли, тем дальше от мысли. Она мгновенна. А народ и не посягал на мысль. Ловил её или подправлял, подначивал. Не поймёшь, кто и за-родил.

- Ох, Лёха, малёхо поздно.
- Иди-ка сюда, глянь.
- Хе-э, че молчал.
- Надьку зови, давай.
- Петровна-а-а.!

* * *

Моя бы воля, посадил бы в лодку и отпустил в море за такие слова: Всё будет хорошо, или: Русь не даст себя в обиду. Особенно в третьем лице: она, матушка сильная. А самая дурь, когда зовут объединиться, давайте вместе, давайте всем миром. Начинай, а как? Никакого зарода нет от зова такого, сейчас не собирать надо. Никто не соберётся. Да и не собирались. Кто-то заводил. Надо не пускать. Закрывать. – Все, все. У нас прием закончен. В сентябре приходи. – Дя-а-дь, я не могу в сентябре. – А че такое? – Не скажу. – Хм... Чёрт острый! Как звать? – Остальным руки крестом. Приема нет. Девки, парняги покрепче так и зацепляются. Не нами, жаль.

– Да куда тебе! Да ты ещё сморчок.

– Да ты, девушка, таблицу умножения-то хоть помнишь? А мамины именины? Не, не со всеми, не всем этакое хорошо. Западёт чудяку иному, он зарядит. Всё образуется, Раскладывается. Убалтывается. А вот когда идёшь напролом, то уже от тебя раскладывается, образуется.

* * *

Своими ушами слышал в Троицу, со сцены Д.К. значит, начинающий пузанчик лет за тридцать. И говорит: Дорогие соотечественники, земляки, уважаемые граждане нашего района и области! В этот знаменательный день для всего нашего народа...» Потом другой. Чуть-чуть по-другому. И каждый следующему даёт слово: слово предоставляется... (мирянину). Вот середнячок (не тот), что вытворляет, как дорвётся до помоста.

* * *

Музыка обозначает... ею называют лучшее время её. – 18 – 19 века, 15 лет 20 века. Далее в этих же стенах, рамках звучат разновидности её.

Распространяется нотная песня, Хоры на ней по 100 человек, или солисты, или солдаты. И хорошо бывает и плохо. Я уже всё. Люблю только природную песню. После музыки 20 век, на Западе первая половина, у нас вторая, – искусство звуков, игра, баловство, заработок, вредничают.

С электрогитарами люди уже другого призыва. Там несколько после-искусств. Первое само собой звуковое всевозможное, до скрипа, до нитья, донельзя. И психология, как ни у кого, знают всё. Напор на душу небывалый. И они финансисты не хуже банковских. Мастера этого – это черствые люди с истерикой. Она же сохраняется в памяти. И воспроизводится. Ненавидят нас, обыкновенных людей. Надо бы и нам, немногочисленным уже; хотя бы на порог их не пускать к себе. Не впрямую только, чтобы не озверели. Сие – исход, увы, дворянской красоты.

* * *

Достоевского читают больше странноватые люди. Иногда он не прав. Например, его обиженные, униженные и оскорблённые умрут, если не выскажут злодею всё, что о нём думают. А тот, ясно, только облизнется и уже с другого бока зайдёт. У горемыки этого водичка-то не держится.

Чья-то картина, забыл, «На миру» называется, мужичок там, до последней степени доведённый, что-то просит, глаза со слезами выкатил. Ревёт. Перед ним купец или подрядчик некрасовский, или приказчик снисходительно улыбается.

У него своё дело. Там даже не поймёшь – зло – не зло. Однако Москва слезам не верит. А Фёдор Михайлович описывает злодеев, да не тех. И не похоже. Гад на то и гад, что издевается над человекам при безысходности бедняги. Как обижаться на рысь, что она дерёт зайчишку слабого. Нечестно же нападать оравой на одного оленёнка. Да им так легче. Нелюди в глаза раненому заглядывают с интересом. А их как людей расписывают. Рви их, чертей, если когти есть, клыки, а нет – сваливай. Ещё поспорь с ним. Он на все твои вопли ответит. Находчивость идиота бесконечна, его учить не надо. Любой шаг можно испакостить. Было бы желание идиотское. У Оскара Уайльда его холодные люди на вид, помешаны якобы на красоте. О, прозрачные мочки ушей! Она, одна красота и держит в сём мире. Из-за неё всё. Не пишет, не выдаёт, что главное в той, в тех его товарищах – измываться, доводить человека до гибели. Для чего в них копать, в бессовестных. Учил бы лучше, как бесшумно лезть по лесу.

* * *

Из-за глупых книг в уме появляется лишнее равновесие. Верится, что за всё, за всё ответ будет. Рано или поздно аукнется ему, поймёт, грешная душа, чё наделал... Сколько верёвочке ни виться... а сколько людей безнаказанных остались. Море, кому при жизни воздано ещё жизни. Нет, готовься, что никогда больше не увидишь обидчика. Хитрый на то и хитрый, он обделывает обдуманно. С учётом твоего благородства – не скажет никому, иль, что опасно жаловаться. Действует, когда никого нет. Так что набычься, придумывай, как побить или избавиться от зла. Тут Бог тебе в помощь. Дело правое и человеческая истина: на обиженных воду возят.

Давно уже где-то читал.

* * *

Едешь, а народ про все говорит с одной стороны, и не спорит, как мы. Так, для затишья добавляют с другого бока.

* * *

Без аккомпанемента люди, почти сплошь, не умеют петь. Нет – запеть. Самим чтобы высоту взять, вести. Это хорошо. Кто попало не залезет в песню. Этим еще недавно сохранялся высокий уровень. Пока баян являть своё искусство не стал.

* * *

А я, что я, я тогда дворничал при клубе. Да уж много лет тому, как-то в середине работы подходит начальница дом-культурщица и говорит: а здесь чё не убираешь? «Не дошло ещё». Культпросвет ты мой сама, недобалет, недоопера, Недогамлет, недо Пан Атаман Грициян Таврический, народ-перенарод, мать-перемать.

* * *

Осмелюсь подумать, что потомки тевтонов со своими бесчисленными говорами так не знали своих Брунхильд, как сейчас филологи. О читателях, современниках и речи нет. И я вот к стыду своему никак не могу дорасти до «Слова о полку». В восьмом классе, понятно, не читал. В институте пробежал по страницам. Больше собой занят был. На зачёт наплёл что-нибудь. Может, на экзамен. Забыл, отбалтываться я всегда умел. Да там можно. Только, только сейчас, любопытство забрезжило. Приглядываюсь через Аввакума и Грозного к церковно-славянскому письму. У них, правда, и другое кое-какое слово есть. Наверное, когда уже полностью на отдых пойду, уже когда завлекусь тем, как переливается один язык в другой.

«Слово о полку Игореве». Это ведь блаженство для полиглотов, научная радость, счастье филологов.

Не о вещи говорю. Определяют его непонятно. Ну, какой

же это эпос? Когда в народ не вошёл? Как эпос? Не лучший случай, не мы с тобой. Отдельный самоуверенный сановитый боец бросился в неизвестность. И получил от половцев (потерпел поражение). Что из плена бежал – тут похоже на наших мужиков. Нет, не это здесь главное. Не об этом молил поэт, он мечтал запустить общее что-то славянское по языку, дабы Христа больше было на Руси, веры. Славяне б усилились вместе, из тех же чувств и «Поучение Владимира Мономаха» и «Задонщина», а если ты не филолог, не историк, то как-то не по себе от такого названия: «Плач о гибели русской земли». Всё, мол, один Бог остался. А она до сих пор не погибла, православная, а Бог всегда был и есть. Живём, хотя море любителей наших краёв. У нас бабы красивые и места много. Комары, правда, пауты, донимают. Вечно против нас превосходящие силы, всю жизнь. И наша вековая подготовка от мала до велика. Ладно, это другое. А пусть! Коли зашло. Заодно, коли поехало. Про нас. Про наше сохранение. Ко 2-й мировой войне с одной стороны государство – ДОСААФ, Осоавиахим – готовилось, а с другой – сам народ изготавливался. Человек восемь-десять ребят, с балалайкой или так пошли в Частинку к девкам. «Эх, расступися улица, Егорьевски идут». Уже кавалеры! На вечерку. Там хороводятся, поют, плясунам их не уступают. К утру, бывает, что домой с шишками ковыляет или синяками светят в августе, а кого и под руки ведут. В другой раз к ним такая же ватага. Ни те, ни другие не думали, что готовятся к неприятельскому окружению, учатся стоять против превосходящих сил. Бывало, как сейчас говорят да и раньше – покруче: «А выселски ребята ждут Ваньку, ох, и Шандрина». Поговорить. В 45-м этот Ванька: «Едет Ванька милый и рукою машет. Орден краснозвёздный на груди». Из каких тогда бы сил брали удаль, из плена бежать умели. На что немцы аккуратные, а и из их дотошных зверски аккуратных лагерей вырывались. Было, из самой Германии. Это какой ум надо, хватку чтобы по чужой

земле пронырнуть. Что-то не слышал, чтобы немцы своим ходом к себе от нас попадали.

Ну, будет! будет. Хватит. И Ремизов плакал о гибели. Живём, слава Богу. Как? – другое дело. Малюсенькая по сравнению со страной часть читателей знает о «Слове о полку Игореве». Не все ходят в балет, в оперу. И опера об этом отлично знает. А литературоведы от лица всех думают.

* * *

С бабами, с девками похристосоваться люблю, а вот с мужиками с души воротит. Не сказать, что я так уж брезгливый, но противно. Да главное, после праздников уже, в другие дни, за какое-нибудь неважное делишко так растрогаться: «Ух, кокой ты молодец, Петрушка. Дай-ка я тебя за это расцалую». Ну и цалуйся с такими же милягами. Лет, наверное, триста заводу. Это не самое православие.

* * *

А всё-таки не всем Бог открывается сразу. Мне, хорошо, младенцу, считай, тётя писание рассказывала. Помнится, о Керженце сначала услышал. Это было в Далёкой деревушке старообрядческой. Само собой верил. Вот и вера. А потом, в первом классе, в другом – большом селе, как дали! После гимна первые слова учителя были: «Бога нет». Он воевал. В школу ходил в военной фуфаечке, но всё равно пока не перешили мою родню. Заходим со старшими сестрами к их подругам. Я сразу смотрю передний угол. С размаху крещусь, а сестры как застесняются. Да он у нас только из Ашпанака, ничё не знает.

А тут и город. И Дворец пионеров с драмкружками, хоры, рисование заслонили божественное. Да и житейское. Так мне религия (не вера) и не далась. И до сих пор было: раз мама верила, а она умница, (в голову не приходило – родня культурнее – не культурнее городского) значит, Бог есть. Кому-то, как я, можно и поболтаться, пока родители молятся.

* * *

А ведь как эта касточка готовилась. Не-е, не в художественном училище, или в музыкальном. В четыре годика уже в пижамке, как их папа и мама. Мы даже не догадывались, что у них совсем другое утро. Начинается со слов: «Доброе утро». А наш брат просыпался и на улку в чём мать родила.

* * *

Моя писанина, понятно, смех для профессоров. Но их-то глубина, ширь идёт н-е-м-е-ц-к-и-м языком на русских словах. Так там и остаётся на кафедре.

– Не скажи, – говорит Н. К. – Идёт ещё как, через учителей, студентов, завмузеями, начитанных посетителей.

– В изменённом виде. Песня-то, как есть она, вырвалась уже.

* * *

Обыкновенный человек – совершенство. Как раз. То, что нужно природе. Замысел её.

* * *

Жизнь не идёт. Жизнь есть.

* * *

Забыл... А! Другое, Н., обыкновенный мужик, пишет мужику, тоже обычному, но выдающемуся писателю. Кто не знает, Н. – единственный из профессоров – поэт. Как поэт и пишет, мол, твоё творчество, ты, единственный, что люблю, я тебя люблю, солнце наше и так далее. Да понятно – исключается вся прочая и так далекая. Но ведь это... зачем дёргать редкие выражения. Да не по адресу. Эти слова когда-то даже в любовных делах не произносились. В песнях упоминали о любви века с XVIII. До нас дошли песни, Слава Богу, мы их слушали. Иносказательно там. Сейчас такая жуть. Пришло время образованным людям определяться: мужик ты, или не мужик.

* * *

Гусарам, конечно, брат, не до сочинения. А то бы тоже по-вспоминали свои многосотенные атаки. Кто-то же говорил с ними из писателей. Я к чему это? Что думают гусары о казаках? О их, значит, сноровке, о проломах, обходах с флангов, казачьей выручке пехоты, гренадёр, егерей. Что говорят, когда вспоминают о бешеных этих в боевых действиях бородачах.

* * *

А что если разыскать или снова издать умниц агрономов, атаманов, послов, кто не поддались литературному языку; Ярофея Хабарова, «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков». Это уже есть, сие. Крылову удивиться до слёз Ивану Андреевичу. Или путевым запискам Якушкина не декабриста. За общеизвестную словесность переживать не надо, она, как шла, так и идёт рядом с нашим письмом. Пока не заняла серёдку. Да, но разговорным языком много не скажешь, а надо ли? Ведь как поехало... Если все книги сцепить, ими уже можно раза три обмотать Землю. И весь этот ум, читанина в одночасье крякнула перед Борькой-хищником.

* * *

Что неправильно в Советских фильмах – когда баб одиночек показывают, каких не каждый день встретишь на улице. Эта никогда одной не останется. Если в кино даже снимают. Тоже где-то прочитал.

* * *

Не от слов жизнь. Даже соринку сбить с брюк, форточку приоткрыть – жизнь из этого. Или уж сказать, куда что положить, к чему чертежи, как сделать.

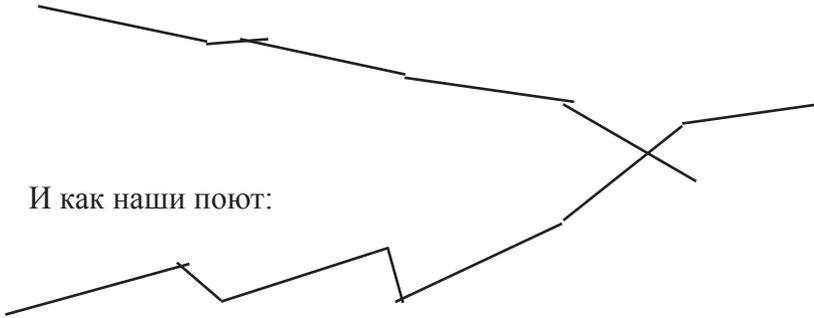
* * *

А химию сейчас добавляют везде. Даже в физику.

* * *

Северная жизнь сибирская на жаре, на холоде всю жизнь идёт через силу. Какой тут Руссо? Из естественности шубу не сошьёшь. Когда, надо подниматься неестественно в пять утра. Или подряд идти, хоть убей, из третьей смены в первую. И песня такая же у нас. Если на Западе квадратами поют. Вверх вниз, вверх-вниз и под конец, разрешение. Мы на спуске, вдруг взлетаем.

Смотри, как немецкая песня поётся, французская:

Откуда это? Без подготовки, не по ступеням. Чудо. Так же Суворов со своими солдатами из последних сил, вместо отдыха перешёл Альпы и опрокинул их песенников. С Божьей помощью, говорит.

Белые, наверное, не думали, что красные под конец войны через болото, через вонючий Сиваш пойдут. Но тут неизвестно, чему радоваться. Да и сил у белых таких не было для приёма некрасивых гостей. С другой стороны другая сила. Сам Врангель, пока не погрузил армию, бедствующих всех людей, народа русского, тоже стоял на берегу.

* * *

- Почему с трудом у нас выносят мораль?
- Чисто западноевропейское предварительное занудство.

* * *

Чай, значит, во дворе любишь. На свободе. Ну, вот и пей – воля.

– А я не-е, я у окошечка, рамочку люблю. Свобода у меня в запасе.

* * *

Подлежащее, сказуемое, не бойся у нас дома и с собой под шапкой. Мы потому, поэтому балуемся, что всё есть. Один местоимение пропустит, один «мня» скажет вместо меня. Другой раз десять за день «оне» скажет, а понимаем друг дружку как никто.

* * *

Пошёл на работу, говоришь. А культурный. Правильно-то надо: пошёл работать.

* * *

«– А мы, прикинь, когда с Анькой познакомились, лошадь которая, пошли, прикинь». А хорошо, складно, ничего, пока так. Хоть так. Не дослушал, жалко. Милые девки. Это их ответ на каменную геометрию Новосибирскую. Как могут уж, как умеют.

* * *

У каждого языка свои мысли.

* * *

Азиатская мечта – быть на первом месте, а русская – на своём.

* * *

Письмо, ну, письменность XVII века: послания, указы – лучше нашей литературы. Для меня – художественнее. Устного языка не знаем. Да уж наверняка – чудо. А он почти не отличался от письменного. Там поважнее.

* * *

А я, тьма нас, кому вбили в голову, что культура культурнее жизни. Поживши, попахав, ясно:

Жизнь – главная культура.

Солнце – Главный агроном.

* * *

В деревне сейчас даже больше нашествия и отшествия. Страха не меньше – заморозки.

* * *

Лето надоедает к сентябрю. Бабушки ждут не дождутся второго часа дня, 1-го сентября, когда внуки придут из школы. Остальное сегодня постольку поскольку. – Вот и хорошо, пришли. Много научились? Проголодался, поди.

Это настоящие бабушки. Неутомимые.

А устают ото всего, кто утомлённые, кто всем интересовались и сами интересными день и ночь были. Особенно с художинкой.

Из воспоминаний Манилова, краеведа

А чай пили за час, полчаса до обеда. Готовились к закуске. И там, уже минут через десять кушают.

– Не-е, у нас за два дня до еды.

* * *

Сказать надо своим бабам, чтобы по кружкам не лазили, от искусственных дел стареют. Особенно когда неумеючи образ какой-нибудь создают. То она бабочка, мотылёк в первой позиции, то во второй, – за полста лет. То, ну прямо певица. Артист, он играет. Он такой с детства.

* * *

Старики, если разговорятся, много узнаешь. У них, говорит, перед боем не было никаких, каких-нибудь чувств. Такое, как наши мечты о них, было запрятано крепчайше. А

так: со шлюпки, ленточку в зубы, с морем в сапогах ну и, кто дорвётся до траншей, тогда уж там ключья летят. Немец воевать умел, но против нашего рукопашного бою стоять не мог. Какого тут политрука услышишь, когда грохочет больше ста цехов кузнечных, и закидывает вверх твои остатки на 20 – 30 метров. А несёт вперёд Бог да тятенька, с маманькой.

– Ур-р-а-а-а!

* * *

Любой строй выправим, только не мешай нам. Тебе же, дураку, лучше будет.

* * *

Владимир Владимирович! Пишет вам ученик 7 «б» класса Захар Гаврилов. Ответьте мне, пожалуйста, на следующий вопрос: почему у нас мало преподают русского языка, а всё больше английского. Мне этот язык не нравится. Хотя в нашем произношении он звучит хорошо. Например, Джордж, а ведь на самом деле это – чо'ч. И ... извините меня, пожалуйста, но настоящий английский язык похож на лягушачий.

Ребёнок полез бы под стол. Испугался б. Вот, что наших животных называют по-иностранному, это – хорошо: Джек, Джесси. А у них людей. Почему вот мы самые богатые, а бедно живём. Я живу около станции и вижу, как целый день везут то в ту, то в другую сторону, то уголь, то баки какие-то здоровенные. А раз вертолёт видел. Объясните, пожалуйста, мне и моей бабушке, зачем, если мы завтра хотим жить хорошо, сегодня живём плохо. А почему нам с бабушкой? Потому что родители целый день на работе на двух ставках. А всё равно не хватает.

А зовут меня Захар Гаврилов.

* * *

У дворян в старину жизнь быстрее под конец, наверное, казалось. Наверное, больше всего, дольше протекала деревенская жизнь при царе. Когда всплывают мамины воспоминания

нения в памяти, они как будто издалека, издалёка наплывают:

«Я в девках была. У нас в Ялуторовск ездили тоже за девками, сваты как. А оне к нам. Подальше, чтоб не родня была. Приедут, с гостинцами, дак радости сколь! До войны всё, до Германской, потом революция эта. Опять война. Ко второй у меня вас было семь человек, старшие младших со мной поднимали».

Да, жизни море-океан. А у казаков, (по матери.) – от это жизнь!

* * *

– А так не честно!

Большие эту речь давно потеряли. А дети, детишки у нас ещё сохранили, держат семнадцатый век:

... «а имали только один бисер, а дав те подарки, и его Ивашка отвезли честно». (отписки Якутских воевод).

Третья часть

* * *

Праздник до праздника не справляли. И после – зачем? А у нас на выходной падает. До него, значит, надо. Так и приучаемся недотерпывать. А уж День-рождение – уж такое дело житейское. Надо обязательно выполнить, раз дело такое великое.

* * *

Неба нет.

* * *

Где скончают свои деньки, дни ли, сутки свои комары.
С песней брякнется распрозанудный хорист.
Ох, и жарко, ох, и нудят.
Галилея кусали? Да там их и не так и много, над морем.
Жить бы только где полностью можно.
Средне-жарко бы.
Возле речки,
недалеко б.

* * *

Как жалко мысли. А потом уже не жалко.

* * *

«Это как у нас в бараках, где шас набережная, абсолютная чистота была.»

Мама Саши Федченко.

* * *

Доконали Фильку доскональные люди. Как заладят, мать моя родная, занудят. Что делать, куда их девать! А Иван Ефграфьевич Федоров смеётся и говорит: я немца долго не мучил: пять минут и готов. Летчик.

* * *

Что т-ты! – куда мне артистом. Не суметь мне под лампами, под фонарями, свечами на гусей любоваться, индеев.

* * *

Манилов:

Не вмиг и не вечно луна.
В окно ли одно? В темноте там.
Азия ли, океаны.
Птицы пищат веками.
Нарастить из водорослей паром
Километров на пятьдесят. Поставить на якоря.
Нет, подвесить к парому-то побольше.
И живи, место любое.
Пауты бы не знали.
Поедем, красotka, на белуге кататься,
на двух.
Ка-ак волна об волну – бух!
Вечное лето – июнь до июля.

* * *

Две художницы, две Нины
или Тины, не умели говорить.
Поразвешали картины,
сели рядом покурить.

* * *

Рим продолжил мощно Грецию. Но он же и зародил болтовню. Могучий, с тяжеленными карнизами и, такое дело – риторика. На радость сенатам, советам, на горе народу.

* * *

Жалееет, как баба молодость.

* * *

До второй половины 50-х годов не было оригинальности. Ничего, никакого не помню странного; мы не представляли отрицательного щегольства. Дома ровные были крыши, как раз по снегу или под ливень. Дети больше ловкость любили. А их больше к делам ставили. Красивыми девками любовались и дальше шли. В день можно было увидеть человека четыре. Не увезённых, не покрашенных. У меня знакомая недавно рассказывала, уже недавно – А я, – говорит, – не хуже Наташки выглядела. Так девицы сказали: не будешь краситься, сотрём, одна будешь. Ну и одинаковая стала со всеми. А такого как счас не знали... Там, тогда жизнь отвлекала от чужой красоты. Что говорить – мороз и солнце. Сколько литература не расхваливала странных людей, в жизни их не любили. И вот, и вот появились под наши улыбки стилиаги. Не знали мы, что с их всякой косотой померкнет наша великая ровность. Как говорил Киреевский: «Вместо любви тяга к интересному». И так неловко, зачем начали без дождя, не от ветра поднимать воротники.

* * *

Всем нравится Италия.

* * *

Плывут облака, середняка рука.
Повернули на юг. До овса достают.
За болотами небо гремит.
Немой, далеко самолетик летит.
Ужасок охватил помаленьку лесок.
Или птичка боится ружья.
Или выбили зубы дружья.

* * *

Да не всё равно? – от чистого сердца, не от чистого. Из

подражания пусть. Самое что ни на есть божественное, когда люди, как другие делают. Вот я, наверняка, после кино, или книги, один когда с котом разговариваю, покормлю его и распеаю: Тунея-а-дец ты, Васька, захребе-етник.

* * *

Нонче роднее, чем нынче. Ноне веселее, чем ныне.

* * *

Дворянство и крестьяне к XIX веку стали разными народами. От разных людей.

Предсвадебный плач девушки-археолога

Родись, родимая, дорога раззелёная.

А я, девушка, овражек покопаю,
пока нет никакой музыки.

Душа без музыки и я.

Таких как ты, как я, за миллионы лет не нашлось.

Зароют все усилия.

Закроют геометрией.

Мечтой своей от А до пункта Я.

Заглушат музыкой, не музыкой уже.

А я уйду, лопату кину к яме.

К ее глубокому лицу.

На, скажу, подавись.

Или воскликну:

Зеленый свет мне, взамуж!

* * *

У-у-ух, морда лошади!..

Как выросла?

Как все это несёт?

Как чувствует?

Никак.

* * *

«Солнце за лес – казацкая радость».
Даль.

* * *

Любимая лошадь погасла совсем.
Слепая, хромая стоит на косе.
Казак одинокий ведёт жеребца.
Военных времён не забыл. Молодца!

* * *

Ты ли, моя милая шинель,
не врагом побита, неприятелем, а молью.
Бабы нет моей. Давно унес под ель.
Некому подправить жизнь мою соколью.
Заору сейчас, как всё равно залаю,
напугаю серого свойво кота.
Всё, мол, я тебя, котик, оставляю,
ухожу от всякого скота.

* * *

А конники, поди, хлестали, бывало, встречных, если мешали. А тем – зарядка: у-у-у, окаянный! Я т-те!

* * *

Я вчера боярина видел. Но это теперь большая редкость. А боярыни везде есть. Идут под снежок. Девчужка в большой шубе, плывёт себе, мороженое убавляет. А мамаша в дохе, боярыня мимо шествует. Один к одному 17 век.

* * *

Что-то такое же есть? Ясно, есть. Бог. Только напривязывали к этому ниточек, дёргают за них и говорят: это сверху приказ. Водолей заставил тебя курточку надеть, поэтому не замёрз. Всякую мелочь сваливают на звёзды. Они все там в куче. Метрах в десяти друг от друга. Пучком так и влияют. Ага попади на одну – вокруг Сахара – сто Сахар. Есть им до тебя дело. Там ни частых звёздочек в окне, ни ясного месяца, ни красного солнца, ни Боженьки на божнице.

* * *

Первый признак некультурного человека – очень культурно говорит.

* * *

Спелись прелесть и ересь. Да к ним сразу надоедка подсакивает. А что есть ересь?

– А это, когда кустик за лес выдают.

– А прелесть?

– А это на десять минут.

* * *

В авторском искусстве всё маленько лучше других. Или намного хуже. А стихи перекрывают собой войну.

* * *

Не-е, бабы не дуры. Там где надо бабу, лучше бабы не придумать.

* * *

А я о литературе опять о художественной. Она ведь, не правда ли, для людей литературного склада. Брать пример если. Потом сверять с тем, что есть, и плакать, плакать, плакать, глядя на разницу.

* * *

Лет с пятнадцати жизнь должна быть беспримерная.

* * *

Никто, не жди, не разочаруется. Не раскроют его, морального жулика. Узнают про всё в пьесах. Всё полегше.

* * *

У художников интерес больше к тем, кто не понимает.

* * *

Да не было ошибок! Шли, кого куда тянуло, и кого перетянуло.

Из Манилова

Когда закончится серый день и такой же вечер, ночью небо всё равно серое. Над городом чуть как будто с зарёй. Ещё больше бесконечное.

Магазин Ноты

Жили-были против Нот
Гусь, корова, козы, кот.
Как Бог на душу базлали.
Что состарились, не знали.
О, да, ох, неладно что-то.

Как-то неприятно так
Что-то, ох, прощай, гусак.

* * *

– Я так вижу.
– Не ври, не ври, не ври! Ещё ничего нет, а ты уже видишь.

* * *

По степи, постукивая палочкой,
шёл гуляка. Шёл и шёл и встал.
Замечтался: хоть бы, хоть какая-нибудь галочка,
птичка вылетела из куста.
И кустов-то нет. И хорошо – нет цели.
А не то б замучился шагать, идти
во-он до тово облака, до синей ели.
До восьми часов, семи, шести.

* * *

А народ молодец – до сих пор грудью говорит, как до французов. Вот после института уже, образованные люди голос в лоб, вверх подают, чтоб убедить. Смысл усиливают. Всё подчёркивают. Да и, бываючи в наших здоровенных театрах, нахватываются этой всякой всячины. А старые-то не зря были двухэтажные театрики. Чтобы как раз не для всех. А кому надо это.

* * *

На Советской улице
Дни влачит весна.
Где, любуясь лужицей,
Будто ищут дна.
Серо, серо-снежная
Грязь гудит, шумит.
Жизнь сама безгрешная.
Светло-серый миг.

* * *

Да там всё, – даже это секундное опережение слов – другое.

* * *

Бестолковые люди просились в кружок.
А толковые их не пускали.
– Всё забито у нас, мужичок,
или бабочка, женщина в шали.
Ненавижу притвор, я мужлан.
Чем мешают ему неумехи.
Пусть посмотрят, побудут, а там,
глядь, и сами покажут успехи.

О разности

1

А знаешь ли, что такое разные вещи? Это самовар, облака, поход, вчера, ты, детдом, стул, сено. Но когда вместо стула пенёк, или подставка из книг, то это уже не стул. Времянка или подделка. Не попадет она в ряд разных вещей. Но, увы, обязательно есть, кто назовет это цельной другой вещью и скажет нараспев: Маня, стул, дни, стопка-стул, малолетка, мезозой, пень-стул, прялка. И скажет: мир многообразен. Всё имеет право на существование. Должна и мутная вода быть, говорит. Дорогая невеждочка, подделка и без права везде залезет. За неё не болей, она тут как тут, муть, если что. И в людях так. Подобие, оно, как никто, завидует кристаллу. И что тогда? Как быть с этим ясным людям? Людей держаться и от людей родиться. А тля искусственная, муть непросветная, разойдется, разлетится. А то её уже больше нас. Не её – волны. Лет за сто бы, ещё лучше за полста бы сошла, если волнами всё. Глядишь, ещё один приступ отодвинем.

2

Что, что за люди бывают: враньё, враньё, бедные что ли? Или какие-то восстановленные. Надо уже о смутьянах говорить. О бесприродных, о ни то ни сё. Да есть ли они, полностью пустые человеки? Как банки к весне. Не-ет, не ненашедшие себя, именно те, что ни к чему не годные: ни к посольству, ни к хлебосольству, ни к лопате, кирке, ни к песне. Одно могут – говорить, ничего не скажешь. Попробуй усадить их на галеры. Привязать к вёслам. Бестолку. Они грести никогда не научатся. Будут зарывать вёсла.

Взяли бы, да сами как-то догадались, назвали себя честно звеном. Вот и тогда и они явлением будут. Считай, кристалл. Увы, извилин таких на это нет. Переделают песню у народа, искусственными голосами ни с того, ни с сего завизжат и объявляются народным ансамблем, фольклорным. (Хорошо. Хорошо, дальше, пока злой).

3

К ним ведь понятие о-н-и не подходит, не говорю – м-ы. ни стадо, ни орава. Какие там м-ы, каждый там сам лезет. Хотя, скажи ему, что океан через тысячу лет на два метра поднимется и всё зальёт. Смотри, на лице жуть на секунду. Без него же! Да нет, не совсем уж никто. Без себя что-то жалеет. На миг. Ну и с Богом, ты, было к ним, а их – нет. Значит, остаемся одни мы. И зависим от себя. А у меня, слава Богу, хорошо, есть биосоциальный инстинкт. Животный патриотизм есть.

Предки Поморов

Завтра в море ледяное,
где канатики во льду.
Среди шума или воя
сколько сдюжит русский дух.

Снег да ветер будут жилы
с нас безжалостно тянуть.
Бог не выдаст, будем живы.
Белым морем ладим путь.
Нас не видно и не слышно.
Далеко мы от берёз.
Знай, мотаает нас, колышет
днём и ночью Дед Мороз.

* * *

В писательской пьесе понятно почему идёт какое дело и зачем являются люди на сцену. В народной драме: (Шайка разбойников, царь Максимиан) а разыгрывали их в избах, на базаре, люди там появляются напролом. Тут как тут. Может ни для чего. Театральную пьесу перечитывать неохота. Здесь, читаешь эти записи прямо от людей, тех архивистов-артистов, хоть через полгода строка за строкой как новенькие. И не заблудишься, никак не спутаешь со своей жизнью. Если ты, допустим, кто склонен к чуду, пожалуйста, здесь тебе море паранормальности. Да, океан паранормальности. Кому – надо – энергетика. Только вспомнят кого, он – вот он.

Барин: Был Афонька малый, да и тот сбежал.

Афонька: Я, барин, тут.

1

Всё сбывается, ёлки-палки, в кои веки. На всё отпор. Вот, когда допекают словесностью, в ответ, невиданное дело – слышат серые слова.

Барин: Староста, а каковы же нынче покосы?

Староста: Хороши, барин.

Барин: Но как же хороши?

Староста: Копна от копны – день езды.

Барин: Как?

Староста: Копна возле копны.

Когда-нибудь обращали внимание, замечали, как люди бодрые не любят повторяться в точности, если их не расслышали. Двойная работа в народе – позор.

Барин: а каковы же у нас были урожаи?

Староста: хороши, барин.

Барин: ну как же хороши?

Староста: колос от колоса, не слышать человеческого голосу.

Барин: как?

Староста: колос возле колоса, не протащить конского волосу.

Да там много чего. Каждый для себя заметит.

2

Что греха таить, улыбались дворяне над деревней. Некрасивой многим казалась там жизнь. «Му-му» отчего появилась, или «Злоумышленник». Чехов, правда, другого сословия, но линия та же. Даже тем более. Механизм этот, школьное обобщение, уже, наверное, с лёгкой руки разночинской работало на всю катушку. До-о-лго потом смеялись, почти до наших дней: ты чаво ты, ентого-таво, куды. Но-о после Распутина, Белова, да земляка нашего Шукшина язычок маленько прикусили.

А народ сам как на это глядел? В ответ хохотал по праздникам. Над искусственностью, над бабскостью их. Была, была мощная встречная насмешка над дурью, которую любой обыкновенный умный человек видит. Веселее всех, любимее прочих потешался Петрушка. /Сам сыщи, почитай/. Народ-то хохотать умеет. Это не мы с вами ехидничаем. Всё там отражалось.

А как сотворялось-то? У кого-то читал, что какой-нибудь хваткий слуга подслушал или с подносом был рядом, когда Демона читали. Да хоть Медного всадника, да тех же разбойников Шиллера. Или казак возле оказался, гонец умница.

Пучил глаза на Онегина: про что тут? И вот из всего этого появляется Преклонский в народной артельной драме «Ермак». Шумит, кричит стихами, какие, примерно, слышал где-то в гостинной. О-о-о, вот они:

Преклонский:

Прощайте, все мои родные.
Прощай, мой дом родной.
Я ухожу в тот свет пустынный,
где жизнь засыпана землёй.
При погребении моём
в колокола не звоните.
А только рюмками да бокалами звените.
Похороните меня в погребке,
в котором я часто выпивал
и вас, друзей, вспоминал.
Положите меня к стене ногами,
а головой под самый кран.
И дайте мне в руки преогромнейший бокал,
чтобы я мог наливать и выпивать,
и вас, друзей, вспоминать.
Ну, друзья, я от стыда прощаюсь с вами
и с вашим мудрым атаманом Ермаком.
Прощайте, друзья, я умираю.
Моё сердце давит грусть-тоска.
Как эта вот толстушая доска.

Когда смеялись, а когда и нет. Народ-то не избалован этим был. А ведь это шутка, именно шутка. И не думайте, друзья мои, что это подражание по мере сил. Не забывайте – народ создал былины, исключительные по широте и глубине. Ну, Преклонский, ай, Преклонский, удружил, низкий тебе поклон, спасибо. Дал волю.

Теперь я сам:

Удлиняется лето. Теплеет земля.
Караваны гусей или уток.
Станицы гусей-лебедей.
Станных мыслей полна голова.
Необычная грусть от небес.
Холод хуже мороза везде.
От ветра лицо отвернул на закат.
Как сорвётся земля!
Да она не летит.
Она есть. А она как тогда
Поворачивает, закругляет?
Сила, сила и легче в душе.
Слава Богу, не одинокие.

Не поеду в село я,
Нет моих лет у реки.
Что шумит и шумит.
Ни Катунь, ни Чарыш не шумит.

Как стрела, ых, наша Сорококша.
Даже валит коней.
Но не казачьих, те умнее.
Те не лезут в неё. Шагают
по перекагу. Татарка,
алтайка ночью поёт –
боится волков. Да так
Шибко красиво.
Мама так вспоминала.
И я теперь помню.

Наше детство не знало долины, равнины.
За спиной прямо в небо гора.
От лица далеко-далеко до Белков.
Их до ночи видать.

А лучше, а лучше не космос.
Милее вселенная.
Есть ещё где? Да уж,
поди, есть, поди.

* * *

Колонна в 20000 лошадей растянулась на 25 километров.
Возвращалась в СССР в конце войны. Вот и подумай, на
сколько бы километров растянулся, Батый, и на какие ме-
сяцы. Иго-го-го-го! У каждого есть по три лошади. Они ели
траву, всё. Всю объедали. А как тогда, чем обратно?

* * *

Люди, люди легкоатлеты.
Нелегко летать с шестами.
Да по странам ездить западным.
После хвастаться местами.
Я своё отзанимался.
В детстве бросил. Пить не стал.
Ни за чем таким не гнался.
Сам себе нырял с моста.
Если я мужик природный,
На природе хорошо.
Ездил на коне по броду.
Всё хорошее прошёл.
За горами, за долами
Надо бы остаться там.
А поют ли вечерами
По лугам и по домам?
Телик смотрят, лиходеи,
Легкоатлеты мои.
Продают коров, не доят
Деньги делят на троих.

Ты кого пошёл винить!
Виноваты ли они.

* * *

Поэт не выражает чувства, а создаёт их. А выражают все одинаково. На выставке с десяток человек за неделю навострились одно и то же: «Какие вы, нет, чтобы: какие вы право, ребята, молодцы! Так – даже не могу произнести – чувшь уже – держать!» А ко Дню календарному какому-нибудь желают мирного неба, удачи. А самое для меня, самое непереносимое, хуже нет, когда желают всего-всего. Думают, что это лично-лично. Не-ет, Тютчев сочинял. Сами посудите, как это можно ещё, выразить чувство.

* * *

Всё медведь, да медведь.
А медведица в спячке не лапой живёт?
Рысь-мужик сиганёт, не рыча.
За едою мяучит.

За селом синева.
За рублём на просвет – закат.

При коммунизме у каждого будет кедр.
Дальше – больше, слышишь,
Азбука у нас раньше всех пошла.
А зачем её? Что, не знали –
Днём дневные дела.
Летом – летние.
Розанов Василий Васильевич
Предлагал за грибами сходить.
Ты гордись, что оне
До последнева
Нотам не поддавались.
Уж когда уж нельзя,
Что, тогда уж.

Например: нота У.

* * *

Деревня Ужаниха
До заката уже в огнях, в двухэтажках.
Денисенкина Сашина буква.

Света свечки охота бы, надо.
Дабы ткать и ткать.
Чтобы не рисовать.
Чё, что человека изображать...
Надоест оно – тот человек.

Вот как это у нас, как бегут они, миги, блики, мелькают вместе, врозь ли, друг на друга насакивают, как идут по руке, гляди-ка-ся, на воротах, досочках в вилюшечках, в загогулинах, кружками, поворотиками, мысли, отправочки, подвижки – в росписи всё, в чашечке весь ум есть.

* * *

Авторская песня для солдат на походе не годится. Не все там с европейским слухом. В композиторской песне силы мало для заряда, случайности нет. У роты уж если рёв, так уж рёв идёт. И в офицеров дикость вселяется для боя.

Для своих

А песни получают, ладно, создаются не плотниками да рыбаками, не конниками, не городскими и деревенскими, а песенниками. Ими и живут. А то ведь замучили со своей имманентностью, свойственностью, принадлежностью. Да ясно, ясно само собою, что петь лучше своё, из своих мест. И Бог за это, и все предтечи. Так что вот что, из Норильска-то кто – на луну выть? А ты на каком основании на Камчатке Забайкалье поёшь? А как Рязань в Канаде оказалась. И как тут петь, после такого философского приказа? На риск идём. Вот как.

* * *

Сказка Терем теремок – уже быль.

* * *

Лезет во всё, ни слуха, ничего, всё врёт, всё мимо. А у кого нет слуха, он и не знает об этом. И невежда не знает, что он невежда. Плохо с ними, лучше подальше.

Не баба, а так себе, не хочет бабьей жизни. Обижается на это слово. Великую мечту держит, гимн – о, женщина! Чтобы под ногами море синее-синее и вился, весь в голубом, Петрарка.

– Ну что – хамство и только. Вы кого трогаете? Человеческий мир его почитает, учится, в рюкзачках носит.

– Весь мир? И все любят? А не сотая ли часть от народа?

– Ваши дикие измерения вас доведут... в России дворянство составляло процент от населения, а Пушкина знают от мала до велика.

– Так Пушкин-то наш.

– Нет, наш.

– Ваш, ваш.

Ладно, Капитанская дочка – всех. Проза его и довела Александра Сергеевича до пистолетов.

* * *

И, покатилося. Дорожку как намазали.
(Почти сам).

* * *

Простить – а что это? Особенно, если человек по природе своей дурит. Значит, свойство такое в нём благословить. Большинство наглеет после сего отпущения: опыт есть.

Когда случайно, с кем не бывает.

* * *

У вас как у нас. Только у нас не так как у вас.

* * *

С трепетом, опять без отрыва прочитал-перечитал «Няню

из Москвы». Наверное, половину будто впервые. Опять чем-то одним завлѣкся во всю книгу. И сейчас что-нибудь проглядел. Значит еще раз, да не сосчитать сколько ещё, будет весело. Зарадуюсь и зарыдаюсь от Няни.

Вот как она говорит: «Река Угла у нас там. С той речки я буду». Ещё вот: «Водила меня по грекам старые дома показывала. Не на что глядеть, а все глядят. Обманное место такое».

* * *

Девушка зовѣт корову.
А сосед кричит: Здорово!
Подросла. Зарделась, разгорелась,
На зарю на горке засмотрелась.

* * *

Уж какие извилины, серое вещество у муравья, а обществом живут. Не мозг, наверное, уже, а Бог там. Бог их водит за лапки. Идѣт он по костям, по извилинам этим, всюду или так, так тогда: Бог, а навстречу ему извилины, кости.

* * *

А когда только в одну голову дело приходит... и нету здесь тебе ещё никаких помощников.

* * *

На лес глядеть – совсем другое дело, чем в нём быть. Не говорю на горы.

* * *

А заря взошла и на курортах раскурортах, и в горах разгорах. Снова колонны, озеро, серокаменное село немедленно превращается, стаѣт обыкновенным. Вот к чему готовиться надо.

* * *

У пограничников не должно быть социального мышления. Власти летят, строи меняются. И что, с каждого случая разочаровываться в стране? Дедушек с бабушками выкинуть из головы?

Мысли из «Государственной границы».

* * *

А поди-ка ты по типу Петипа.

* * *

Дорога-то далёкая, далека.
И на море и на бричке, и на своих двоих.
Ы-ы-эх, сине море облака.
Ниток нету, починяться чем да как.
В прошлом том году седьмом
Заблудился. Шёл над речкой, прямо держал.
Через месяц вышел мужичок.
Борода с локоток.
На дворе 21 век.
Даже баба не узнала, что за человек.

Со скалы, ай! Дельтаплан
храбро полетел на океан,
под скалою приземлился.
Человеком стал, не лень-птицей.

А я что мечтаю,
значит, что борцы с борцами
всяк по силе пусть берут.

А тайга с медведем знает как.

Давно замоченные грибы
в сенках там, в ведре они, в воде.

Ба! Зачем нам пианино

в десяти шагах от бани.
Детвора терзает.
Бедное ощерилось зубами.

Комары чтоб с комарихами.

Гусляры, они поют без нот
не однутысячный год.

Когда на гусях играют,
Никого не представляют.

Новгородское вече не поют.
Псковское вече...

Недалеко океан, а подумать –
ни рыболовов, ни краболовов.
Эх, Сибирь ты наша, западна.
Библиотека до восьми.
А была до девяти. Куда теперь пойти?
Ты пока моя бесплатная, и окна в сад.
Литературоведка бестолковая.
А извилин, о, извилин – ого-го-го!
Ни словечка там не вставить,
Оборотца огородного.

Пойти на все четыре стороны?
Гуляй, пожалуйста, а неохота.
Устали ноги за вчера.
Ково тут любить, если дождь?

Пора за ум. За что фуфайка?
За ум. Где сильно любят жизнь.
Да как её любить, избу,
Копать-то когда.

Ленинцы – ленивцы? – Нет.
Ленивцы – это животные.
Плетни и прясла, и слова:
Полный карман с орехами
А по диким степям Забайкалья –
Вальс. Австрия.
А размер – Амфибрахий –
Греция.
А моё-то, своё-то
не буду кидать, не поймё,
не поймут.

От поэтов живого места на небе нет.
И годы сворованы.
Турухан Туруханович
и ты не озлился,
пошёл, как вся Русь, грудью
в сорок первом.

Не бракуйте, девки, раненых,
не надо браковать.
Они за нас, за нашу родину
ходили воевать.

Иначе не будет нас.
Мы дороже борцов.

Это лето за нами
расписано со восьми утра.
А кому хоть когда.

* * *

А вот, ух! И размах, и любовь, и жар спели девки из Магнитогорска:

Закатилось красно солнышко
За тёмны, за леса.
Оттрепала меня мамонька
За русы волоса.

* * *

Не один же, не десять человек завели французский язык на Русе. Враз, или за полста лет прошло? Не знаю. Сдаётся мне, что вот как: немецкий язычище стал, видимо, разрастаться до угрозы нашему дворянскому, чуток ещё боярскому. И, как выход из положения... а-а! Вольтер-то и пригодился тут. Зря что ли он императрице что-то там калякал. Ну и удумали с Мень... с Потёмкиным выбить французами немцев и... погрязли. Как бывает, не всегда, правда, почти всегда зло едет верхом на добре. Благое дело, вроде.

* * *

А я мечтаю, что Орловы со скрипом оказались в этой мешанине.

* * *

Совращают людей двояко: добавками, чуть-чуть каждый раз новыми. Пушкин, Лермонтов, Сысоев. И размывом привычек, особенно там, где благодарят и сотни лет не задумываются, как поздороваться, привычно прощаются, расстаются. Что плохого в благодарности, например, такой: «Оля, пойдёшь к нотариусу, сама продиктуешь им. Желательно сегодня же; спасибо». Благодарят, а как же, благодарят за про-

шедшее дело. Иногда-иногда за предстоящее. Но по-русски оговариваются: – заранее благодарю. Здесь же не поймешь – любезность – не любезность. Ясно одно – обязывают. Иногда обрывают: А я хотел... – «Спасибо». Этим и оплачивают слегка, заранее. За всё надо, говорят, платить.

Особенно за вторжение без спроса коммерсантского этикета. Да за всё-то не ублажишь, всё не ублажишь. И ко всяким несвоевременным кивкам привыкаешь. Кто смотрел «Дикое поле» Гусарова – светлой-светлой памяти. Дикое поле было ничейной, вроде землёй. Ну и там рыскали турецкие шайки по 15-20 человек, и казаки в таком же числе, схватывались насмерть. Как-то в их прибежище, казацком жилище ли ночевал странник. Утром прощается и говорит: Спасибо вам, добрые люди. Один, около коня стоял: глянул: «Мы не добрые люди. Мы казаки».

* * *

А я не обижаюсь. Я злюсь.

* * *

Исповедь кулачника

Дверь закрывалась, думаю, сейчас грохнет. Подскочил, да не успел. На весь дом загрохотала.

* * *

1

Зачем огонь горит на столбе одиноком?
И над ним весенние звёзды горят.
Мне-то лучше обыкновенщина,
коли я деревенщина. Не избыть.
Зачем на краях без конца совпадать, рифмовать.
Наоборот хорошо – где как.
Итальянцы, испанцы и любимые на наш звук
пуэрториканцы.

Нашими буквами славно звучит:
портэ ларио, корделарио,
уэртэ поло мортэ,
герардэ.
Вот оно, этим нас покупали.
Нет у них ни лэ, ни как следует рэ,
ни сэ. Да и тэ не всегда твёрдо.
Что наделала дура транскрипция.
Или бция. Полюбили химеру.

Оле! Орут на английском футболе, их баскетболе, британском их волейболе. Действуют, хоть и быстро, да одно и то же.

В лапту не играли? Там то стоять, то бегом, то мячом падаи. Разная в ней жизнь играет.

Что мне цыганы? Зато в их речи Рэ дак Рэ. О роспсел тубен кортрэдака дяк хорэ.

2

«В маленькой избушке огонёк горит» – тоже вальс – распето на наш манер, шаг за шагом чуть не заняла первое место за нашим столом. Если бы не бабушки с исключительной памятью, исключительным слухом. Жизнь, жизнь. По-русски говорят одни разбойники для тайности. Другие по-английски тянут, некоторые девки.

* * *

А советская интеллигенция всё же хитрая была. Спихивала воспитание на книги. Ну и к 21 веку подготовила тысячи, сотни тысяч хороших сторожей, дворников.

* * *

Съезд не всех съест.

* * *

Охота писать классическим стихом, такая же как охота жить в Москве, в Ленинграде. Со временем: от реки Лены.

* * *

Человек без чувств.

«Пиши поразымчивее». Пришло в мою голову, но не сам придумал, чувствую.

* * *

О-оо-о! Во-о-о! Охо-хо-хо! Вот на кого похож Филиппов там, в «Карнавальной ночи», – на Петрушку.

* * *

На Ледовом побоище была победа русской сноровки.

* * *

Ты, грамотей, не шаровары там, шальвары. Не штаны.

– Да никогда с ними не смирюсь на бабах. А как было угадать их, переспорить насчёт у них мужиковства. Чем уговорить?

Чё, не знаешь?

Мало. Нечем. Нечего было возразить молодняку. Тургеневская эта, советская ксёндзовская болтовня даже второгодника не переборет. И никакой здесь не дьявольский туман. Технари наосвобождали народ. Что на свободе хотят? Дети хотят сладкого. Парни – баб. А те – чтоб их бока видели. Что пуп не боится мороза или простынет «какая разница».

И кто же всё же рычажок-то задел? Указ о вольности дворянства? А о бабьей вольности указа не было. Муштина, чёрт, прилично одетый, подкинул бабам – не бабам сначала, соблазнил на брючный костюм. Вчера его, морального уroda по телевизору показывали. Самая обыкновенная личность. Жулик. А народ в середине 20 века был другой ещё. Не разорвись мы с ним на книгах, имелось бы что сказать и молодым, на место, если надо, поставить. Теперь сперва надо во-человечиться по-русски.

* * *

Старый молодой человек решил, что бабье безумство – прелесть, кайф. Только сейчас понял, под шестьдесят. Э... за шестьдесят. Стоп! Седьмой же разменял. По дороге на Гусинку, к матери на кладбище:

– Мам, сколько мне, мам?

– О-о, как ты был глупой, так без ума и остался. Хорошо хоть пришёл. Крест мне поправил. Спаси те Христос, разгрёб всё. А то у меня снега нынче, не пройти ко мне. Холодно мне тут. А чё в сапогах, лето, что ли?

* * *

Обычных людей люблю, дружу. А серого человека ненавижу. Ни волка в нём, ни утки. Пингвин. Кепочку-пингвинку напялит с километровым козырьком – о! – загородился от загара. У-у-х, пингвин, пингвин, купился на птичку неповоротливую. Штаники скаутские, плантатор, сопляк полсталетний, загоральщик, в гараже выпивальщик.

* * *

Глянь-ка – восточная мудрость: Не надо верить, что вода добрая – в щель не пойдёт. (Сам придумал).

* * *

Народ не ходит на балет. И балет думает, что народ дурак. Мне приходится перерабатывать чувства, не быть податливым на их ласковые названия: Чайка. Лебединое озеро. Три сестры. Вишнёвый сад! Дикое слово: Вальпургиева ночь. Чем выше они порхают, быстрее, тем больше видно, что это не лебеди, а человеки тяжеловесные. На одной ноге едва-едва подпрыгивает вперёд, и вперёд сама себя ручкой впереди ведёт, отвлекая от тела. (А ты не отвлекайся). Рыбки... Да им самим давно наплевать, кто они. Их цель – адажио.

Народ пляшет, как люди.

* * *

Нет, неладно устроен человек. Между лопаток, повыше,
не достать, как зачешется.

* * *

Бурлаки на Енисее были – не были – узнай,
посиди хоть раз в архиве,
испытай-ка то, что я.

А вот как оне поют
енисейски сплавщики,
как плоты отодвигают
от порогов. Знаешь как?

Э-эх, Ра-а-зик поразик
Да ишо.
Эх-ы разик поо-разик
Да ишшо.

* * *

Передаёт бережно шишечки от наушников. А там – поме-
ха, там скрежет, вой. Кто сделал? Попов! Попов! Подловил
их, вселенские, не-е-т, космические – мерзость – скрипы.

* * *

Зачем, для чего сказала: «Двуглавый красавец Эльбрус».
Одного Эльбруса хватит. Страшнее бы от него было. Лёд,
снег да холод.

* * *

Не в книгах счастье. Написать на библиотеке.

* * *

Вышел в чистое поле, свистнул по-молодецки, крикнул
по-богатырски... Сейчас только это и умеют. А кони-то не
прибегут на «клюкву».

* * *

За толковым словарём,
за широким полем
на стогу сизой орёл
любовался морем.
Всё ему видать оттель.
– Расскажи-ка, птица,
что за птица коростель
и кого боится.
– Я те так скажу, Иван.
Ты три курса кончил?
Коростель как будто пан,
гулеванит к ночи.
Эх, а меня боится мышь.
Эх, а я ей хуже коршуна.
Чё хотел, хотел-то, слышь?
Много нас тут спрошено.

Дак сижу как-то один
на стогу на этом.
– Мысли всякие, поди?
– Что ты! Это нет уж.
У меня готово всё.
Орлица на яйцах.
Ну, сижу, веду расчёт,
ковыряю зайца.
Захотелось в небеса –
я уже под тучей.
– Сам летаешь во леса
или кто-то учит?
– Э-э-э – гроза. За нею снег
с тучи тут же сеет.
Не скажу – ты человек,
Где я прячусь, где я.
Мышь она боится что ль?

Разве кошки-мышки.
– Да, кто перья, а кто мех
бережёт, кто книжки.
А племянница моя
напрочь всё выбрасывает
нет чтоб, нате, братцы, на,
бомжи, нища братия.

Отошло, мол, вдаль ушло.
Отошло, мол, и ушло.

Что словарь ей, что ей Даль...

– Полетать охота?
– Скучно там. Я в самолёт
лезу с неохотой.
Эти два ли три часа,
через час – обычно.
Скука – сами небеса,
не людски, не птичьи.
Хорошо представить.
Э, пора, пора мне.
Дома кой что переставить.
Поскрести хоть рамы.
До свиданья, сизый царь.
– А, бывай, до встречи
что ли в будущем ли встарь
поиграем. Есть чем.

– Я еще хотел сказать.
Или нет уж, ладно.
Предок дальний мой, казак
из огня летал оладьей.

Вот ещё: словарь возьми,
пригодится в небе.
Буквы видно к осени

ярко как по снегу.
Волки тут не подойдут.

И весною льдины
до Губы обской плывут
преспокойно мимо.

Я уехал далеко.
Заскочил не близко.
Не обсохло молоко.
В кружке ещё склизко.
Вихорь, ветер повалил
на плетень кустарник,
Или выстрел накалил
Молодняк бездарный.
– Прямо весь?
– Беру назад,
вылетело если.
Здравым деткам, ясно, рад.
Вёсла в руки, веслы.

– Всё сказал? – Да, вроде, так.
– Вроде иль не вроде?
– Чё пристал, у нас и так
сору сколь в народе.
Я вот чё хочу. А вот:
Как ты там, покушал?
Нут-ка, ну-ка, полиглот,
Речь мою послушай.
Будто десять языков,
Кто-то будто знает.
За десяток ямщиков
Сходу отвечает.
Друг ты мой, таким не верь
Родным не владеет.
Так, летает. Лондон, Тверь –
всё равно хмелеет.

Ни начала, ни конца
нету у беседы.
Что хохол бы, что кацап
жили как соседи.

То ли топят... жгут ли что?
Я, вообще, на запах.

Наш народец, коли что –
спрыг! – себе внезапно.
Ну и я пошёл. – Давай,
кланяйся там низко.
– Ты к нам тоже залетай
со своей орлиской.
Словари, вы, словари
где же ва-а-а-ши де-е-ды.
Расскажите что-нибудь
опосля-а беседы.

* * *

Знание увеличивает печаль.

– И как сыр варят? – прости меня, грешного. Знание увеличивает. Это ведь перевод учёный. Переводчик тот мимо нас как немецкий слон прошёл. Есть же по-русски: Много будешь знать – скоро состаришься. С этого, правда, не запечатлится. И не надо. Народ переводит в точку.

* * *

Злодеев одна тысяча к народу. Но что они в Гражданскую натворили. Показались полностью идиоты. Девушки... выходите только за здоровых, обычных людей, крепких. Дурака никогда не выправишь. Выход один – надо хорошее поколение. Родить ясного человека.

* * *

Л ю б о в ь к я з ы к у. Нехорошо это. Нельзя ничего такого любить. Бабу свою не надо воспитывать как Джульетту. Нравится, весело смотреть, как жеребёнок подпрыгивает. Со всем малыши борются, со щенком играют. Лопочут что-то. Остальное всё про себя.

* * *

Литература суть мою не меняет.

* * *

Ну, кажется, окончательно, и пересмотру не подлежит. Поэт – самый ужасный учёный. Собиратель чувств. Месяцами подбирает слова, годами они его не устраивают. Ходит, руки за спиной, по аллее, в облака глядит. Одни стихи в голове. В чудака влюбляются. А он еще подыгрывает по молодости.

Толстой по 20-30, 100 раз менял хорошие места в рукописи. Снова и снова, вольно или невольно представлять, представлять. Потом уже не надо наяву ни полей, ни лесов. Только в мечте. Всё. Амфибрахий.

* * *

Пусто застолье моё неудачное,
А ничего. Только чудная грусть.
Тайна воды, её вида невзрачного,
Веса бесцветного истинный груз.

* * *

Узнают ли когда-нибудь, вспомнят, где родился великий русский полководец Михаил Татаринов? Под его началом 6000 казаков с мая по сентябрь не пускали и не пустили в Азов 300000 турок.

* * *

С помощью данного приспособления, имеющего цель продлить работу, появились несомненные признаки того-того.

Во, вода с бревном на дороге. Сам придумал, а проговорить не могу. Этакую нескладицу выговаривали в сказках для странности или для опаски.

– Меня зовут страх на всю гору.

– А скажи мне, страх на всю гору, как мне пройти в тридцатое царство?

Язык скидывает с себя нагромождения за десять, двадцать лет. Пройдёт, пройдёт. Сломам. Как уральцы казаки, если что не по ним, даже царю писали: «Не желам».

* * *

Невежество – когда лезут. А кто хороший в своём, у тех настоящее образование.

* * *

По-разговорному и поймёт. Ничего не почувствует.

* * *

А ты чо, как Наполеон ходишь, а сам ростом с Петра Первого.

* * *

Кутепов с двумястами офицеров, сутки удерживал Новороссийск. Без солдат, что ли?

* * *

Работяги ещё по-русски говорят.

– Да уж как по-русски.

– Я сейчас не об этом. Не мешай.

* * *

Друг, ты её не образовывай. Дурёха она, пусть и остаётся дурёхой. Виднее будет её.

* * *

Машина за машиной. Ну хоть маленько-то надо злиться на народ.

* * *

Необработанные сказки полны-преполны подряд неслышанным и невиданным. С любого места: «Смотрит, сидит мужичок, палочки строгают». «Бог не помощь». Наслушается человек с детства, наудивляется, и не надо ему потом пузыриться, новью удивлять. А как не удивиться: У утушки у суренькой коротенькие ножки. Уж как я для вас бычка приведу, уж как мой бычок призадумавшись стоит. Призадумавшись, пригорюнившись. Повесимши голову. Не горюй, бычок, не горюй горюн. Я нарочно говорю, гостей с ума свожу.

А обработанные воспитывают идеалистов.

* * *

Дак вот я тебе счас и скажу. До смерти неохота помирать. Да ладно, похороните. Токо по мне не надо стрелять. Я не воевал.

* * *

Зимний для славы брали, для значения. А до революции держались наши предки за него как за Север. А север потом во вторую мировую войну ни на шаг не отступил, Отчественную.

* * *

У народа речь глагольная. Лодочка колыхалася. К бережку прибывалася. У графов, простых дворян культурных больше определения: Какой вы, право, совершенно потрясающе! Изумительный, чудный, удивительный вечер!

* * *

Зачем уж так – всех под одно. Девок, пустых-то, тех, которые курят, которые матерятся. Встретишь раз в день, два. А то и в три дня раз. По задумчивости.

* * *

Жизнь вытесняет жизнь... Ого, н-н-да. Ого... А та не живёт уже, стало быть. И придумали-задумали: Жизнь идёт вперёд. А кого обгоняет? Никого тогда. Или другая должна стоять. Но там тоже солнце всходит и заходит. Вдох-выдох. Ты, наверное, про человеческую деятельность речь ведёшь? Дак вить и там на работу сначала заходят, открывают, хоть ветки от шалаша, хоть сами открываются двери. Значит, вход есть, был. Устают люди – хотят отдохнуть. Мысль блеснула – хорошо, как сотни лет назад. Удивляешься во все века так же.

Опять не про то? А, ты про дома, про машины. Так в них так же стоят, сидят, как и встарь вверх головой. Жизнь-то состоит из этого. Это и жизнь, Света. И, если она хоть на миллиметр сдвинется, хоть куда, то будет конец света.

* * *

Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что; спасибо. Эта быстрая благодарность – подхалимаж. Посмотри, когда это у себя вылетает. Наверняка заискиваешь.

* * *

Дикую-то природу смотришь? А шакальчики-то, погляди, красавцы какие. И непосредственности... хоть отбавляй. Бордавочники отгоняют их. Почти на клыки сажают, а у тех никакой досады.

* * *

Да, пора уже, Луиза Иванна, бороться с теорией в быту. Дело, однако на полтинник скоро пойдёт. А то как начнёшь потом каждый шаг обосновывать. И тебя вознелюбят близкие твои.

* * *

По математике хорошие учебники были. Вообще по естественным, по естествознанию. А то бы одно лишь в уме: Я помню чудное мгновенье. А Пушкин Александр Сергеевич умница был. Сожалел, что у них через чур гуманитарное образование. Кто знает, может, мы потеряли великого министра. Он! В то время! Говорил, что, нашими словами сказать – в начальном, среднем учебном заведении, надо обучать и ремёслам.

* * *

«Подмосковой» – ватажку бы так объявить певческую. А то люди устали от именительного падежа. «Звёздочки», «Родимчики», «Песочники», а, нет, «Роднички». Чтобы так расписывали сами себя или веселье, гулянку, какое-нибудь собрание!

«Веснушечки»... Да-а от скромности...

– А помнишь, это была Пасха?

– Да-да, как раз пасхальная неделя шла.

А то ещё загнут: А помнишь, был День Святого Валентина?

А кто, чтоб не тянуть, быстренько согласится: Ну, о Пасху, ага. А, нет, вроде, Троицей, кажись, виделись.

Живём то по всякому, то как покатит, а то в гору идти, стоять некогда да и неохота в этом падеже. Не-е, с разбегу – бутых! – на Ивана-то, ночь-то на Купалу, в реку, в устье её.

А у латынян как-то больше поперёк реки. Тут гребёшь, отвернуть надо, а у них всё одно фомулюс, токулюс, Фемистоклюс да ад ойбендум, да ум, да ум. Как знаки. Стоят, с нами не бегут. Писали, что их языки и так рифмованные.

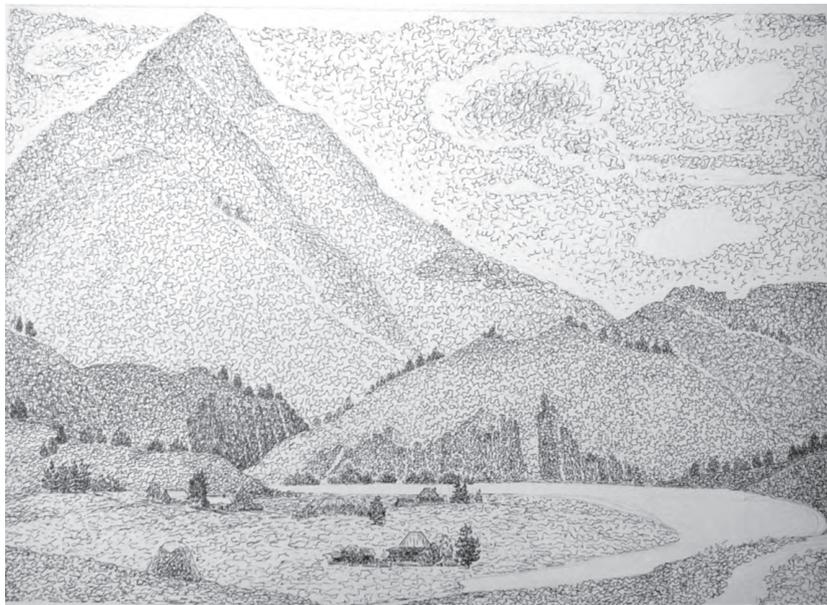
Сам Бог велел ямбы им, анапесты петь. А мы на этом способе бледнеем, карябаем изо всей силы, кто нас туда тянет? Нет, красиво, спору, что ли?

Вы мне писали, не отпирайтесь.

Безусловно, тысяча случаев есть. А больше, как курица лапой. Нас и высчитывают они там, в Сорбонне и держат за детство мира. И мысли, и ходы под итог получаются одни и те же — хореические, дактильные. Лёгкая-то атлетика и тяжёлая к тупичку подходят. Тысячные секунды, сотые миллиметра, миллиграммы.

На кой нам широкую жизнь ловкую нашу забивать в эти квадратики.

Ещё один царь — причастный оборот. А как они разбухли причастия? А так же как с именительным падежом. Не хватает слов, ну и подпирают родительным. День Чуши, День перехода На неполную восьмичасовую рабочую неделю. Отвлёкся — зла не хватает. Здесь, в причастии — наоборот, человека и дело сливают в одно для быстроты. А потом делать что? Найдём, говорят. Делаящий да будет получающим. Начальствующий велел. Мало. Писцы не вытерпят и добавят. Однако, мы широко поехали уже. А добавят через век: делающий это солнце, этот свет зажигающий нас, хлебом снабжающий нас. А ведь из Божественного языка взято. Зачем трогать? А писатели схватились. Умные-то меру знали, потому что любили меру. А остальные — пошло-поехало, заббили весь XX век своим сопричастием.

Четвёртая часть

Городская речь, литературный язык далеко не всем по зубам. Ну и думает иной молчун, что говорить не умеет. Да там надо нарочно сидеть, сочинять втихаря, упражняться, поближе к интеллигенции быть. – А как?

* * *

Ох, люди-и ... чувства разбрасывают по книгам, плачут под телевизор, на спектаклях. Простой жалости всё меньше и меньше. Из-за этого ведь.

* * *

С в а л и в а т ь, сваливать. Хорошее слово. Заметно употреблено. Надо им пользоваться, как только забубнят о мно-

гообразии мира, о «том времени». Как оно порождало онегинных, а пароходов потом как будто не было. Особенно тяжело мне, когда речь пойдет об интересных людях, широко образованных и умных: играл на фортепиано, рисовал, сам сочинял стихи..., то есть много умел, нравился женщинам.

И как, не моргнув, сдал Русь большевикам.

А сваливают что-то, а не сами.

* * *

– Смотри, послезавтра снег обещали. Едь, копай. Мешков-то не надо?

– Есть всё.

– Картошку-то ты, Сашка, отбирал поди. У тебя сорт какой-нибудь. А сколько соток?

– С обеда поеду сам. А эти две бабы... давно бы выкопали. Чё там делать, сотку-то? Берлинка, что ли...

* * *

Литературный язык насадили переводчики. Англичанин что-то полубуркнул, процедил сквозь зубы, а тут уже развели на литр: совершенно с вами согласен. А там всего-то: йес. Да мы бы и сами сообразили в их конт... по их рожице. Непереводные места, сугубо иные, старательно растолмачили. А толку? Оставить лучше бы. Другое дело, если важно, там уж трудись, проясняй. Доводи до полного моря. Для чего в посольских бумагах меж царями писалось проще. Грозный подобно обращался к Стефану Баторию, Елизавете приятные вещи говорил, английской королеве. Без единой игры: шутку нашу и нам, и мы не расколдуем до конца, никаких образов, загадок, ни-ни.

Здесь, а кто знает, может и раньше, начался наш, подчеркиваю – наш литературный язык. Но другим царям после него, их дьякам, сказать надо было много. Пояснять при-

шлось и себя. Да выходило еще длиннее. Примерно, вот сейчас сочиним. «Присмотрев необходимое нам по качеству и по деньгам олово и увидев, что уместится на кораблях царских, мы и принялись артелями земляными да бурлацкими, кои пригнаны особо, вынимать с гор руду оловянную и сплавлять... м-м-м... по Ишиму».

Один шажок остался до ли-те-ра-ту-ры. Это что от нас. А к нам, добрым людям, к нам как плотину прорвало французскую, немецкую и так далее: «Пришлось таким образом отказаться от надежды пополнить «Пилигрима». Когда к нему обратились с просьбой принять пассажиров с просьбой, на которую он не мог ответить отказом».

О-о-ой, у-у, дочитал. А несолёно. А им в море выходить на верную неизвестность.

Ну, вот же, вот какой простой, какой хороший переводчик: «кузену было лет пятьдесят».

Да, уввы, дальше опять, но нам познакомее. А ну-ка, на что-ка похоже?: «Но, несмотря на довольно солидный возраст, было бы неразумно выпускать его одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу... В этом долговязом человеке с первого взгляда нельзя было распознать одного из тех почтенных...». Гоголь! Видно, что переводчик начитанный; в отечественной словесности был как рыба в воде. Только Николай-то Васильевич нарочно распространялся. Для смеха: «Стало быть, если он и мог назваться молодым человеком, то только относительно, то есть в отношении тех, кому семьдесят, восемьдесят лет».

Стивенсон сам-то выражал уж, наверно, исключительно. Не зря нельзя оторваться. И здорово, дорого человеку. А они, а не удлиняют ли переводчики?

Вот и Марк Твен – первая ласточка лихая. Да нет, нет, ничего. Но язык пошел у нас: «Насколько мне известно, из столь поздних источников, вы, масса Овчинников, давно не обращали ваш взор в нашу ограду». Вовка, из деревянных

домов по соседству, Колупаев, Колупаша, умнющий, не настырный, уже изрекал так лет в четырнадцать. А Лёвик Ермаков, потом биолог, а тогда – ну, Шерлок Холмс и Шерлок Холмс: «Вы недостаточно определенно выражаетесь».

Сейчас вспоминать забавно. Способные были. Но большие-то, большие – ка-ак пошла писать губерния. Даже в письмах домой, у поэтов, о-б-р-а-щ-а-ю-т-с-я: я не исключаю возможности, возможно, милая, ты, ну, одним словом, мы давно в разлуке.

Это кто хотел стать культурным через избу-читальню, чтобы скорее подальше оказаться от этой избы.

Провожают гармониста в институт.

Хороводом. Ходят девушки вокруг:

– До свиданья, до свиданья, милый друг!

И совсем «совершенно другие люди» в солдатских треугольных письмах. Самый ум наш, разум. После подвига, после дыма, всё трясётся. В госпитале диктует: нахожусь по ранению в госпитале.

Как жалко и горько – куда-то делись отцовы письма. Когда переезжали. В письмах нельзя всего писать. И уж когда вернулись, кто живы фронтовики, Егор Абабков сказал: «Афанасей был в пешей разведке».

* * *

Так, чё хотел, чё хотел, старая голова?

* * *

Ну и ну, жизнь, август месяц.
Под тридцатник жгёт, ох, жарница.
Да уж, месяц. Вон, луна горит.
Гляди, горит оно с полдён глазище.
Да. Ни днем, ни ночь не спится.
Я вчера читал, что севера,

Его не было, где сейчас. Кто меряли?
Антарктиды было-о во! – земли.
Едут, значит, потихоньку.
Значит, наши полюса.
Мы с тобою час, однако,
Сидим на месте, Толька.
Да и нас ремни теперь
обтягивают, а не пояса.

* * *

На описаниях природы чуть не потеряли русский язык. Он
не для этого.

* * *

Бывает, фальшиво поет. Это фальшь. А, бывает, непра-
вильно, не то поет. А музыкантам на всё... всё фальшь. Кто-
то переиначил, перевел в нехорошее. А ты повторяешь.

* * *

В любом человеке столько же бесконечности, сколько в
кандидате наук.

* * *

Небо так приятно обложено облаками.
С той горы бы скатиться,
ухнуть
на рыхлые те ущелья.
Время есть. Время подумать,
завести отношения
далеко одно за другое.

Стихли тучи. А в море,
то есть в самом...
В море подводникам

ни зари, ни сосны. Там одни
стаи, стаями рыбы,
лучше птичьих строев.
Мимо водорослей, мимо чертополоха.
навстречу такой же корабель без окон.
Или худой кит.
... или акула во сне.
Развернулась. Против Африки стала.
А её африканские, ой-её,
барабанские, ой! Эти
её мавры в наушниках
сбили с толку девиц на солдат.

Чё мы чёрные что ли?
Мы ль не десятая часть, в десятку.
Мы есть русские.
Что, зародыш опять?
Но-о. Опять надо из суровых.
Вновь Россия – земной шар.
А мы как не знаем,
что нам создаваться,
родиться, нехотя обрисовываться.

День-то, день-то серый пошел – пошел.
Нас не видно в лесу.
В уме друг у дружки.
Вдруг: «Здорово!». Как будто...
Как стадо на выгоне.
Вы, говорит, бык, а я корова.
Тогда еще раз: «Здорово!».

* * *

Это вот этому способствует. Это обогащает, а вот это больше всего развивает. Всё мало ума. Признаемся помаленьку.

* * *

По разговору было четверо.
А по уму – как тысяча.
А сказка сказывает семеро.
Семь Симеонов. Ты-то чё,
восьмой? Да вот во тереме,
который Мишка раздавил,
зверья, скота жило немеряно.
Любой обедал, спал, печь топил.
Так вот они по пьяной пьяночке,
по простоте да красоте
все оказались в тесной ямочке.

Живые, слава богу, все.
И вот на свете путь-дороженьку,
как братьев семеро искать.
Кому что лучше. В лес ли, в рощицу
зайти, остаться ночевать.
Её не зря, видать, оставили.
Ой, умный, ай, сообразил.
А дальше-то, душа простая ты,
забыл, медведь как разорил.

Он, лицедей, слова медовые,
остаться лишь бы, изливал.
Избушку нашу двухметровую
враз косолапый изломал.

А что за добро такое доброе,
дало себя в минуту смять?
И дунуть в горы, в Индию, а там над коброю
глухой совсем, качаться и рыдать.

Спросить ученых как их мнение,
что снится гадам по ночам?
Избушка? – нет. Их сновидения –
а солончак да Баскунчак.

Во – лень! Во – сила! Всё бы – во...
Поесть малинку у логов.
Кричать на лес на Новый год.

Трясину пробовать ногой –
Не надо! Нет, а ты такой!

А мне, а мне нового не надо.
Я чё-нибудь уже люблю.
Не выбиваться бы из лада,
и я к другому глуп да глух.
Как ни с того, ни с сего бороться?
Хотеть чего не надо, не хотя.

А почему из инородцев
индийских нет у нас ребят?

А дело к вечеру – закату.
Песни хочется за рекой.
Какие пела и поет баба Катя,
деды с казацкой бородой.

Серьезны ли теперь крестьяне?
Давно уж не был, не скажу.
Однако шпарят на баяне,
забыли всякую межу.
Отсель доселе. Да им стыдно
так разговаривать. Да что!

О чем ты! Это им постыло.
Им город надо, окон, толп.

Как заглушили наши песни.
Язык смутили, взяли скот.
Украли ловкость, увезли на стадион.
А некоторых на сцену.
И сказали: ты народный плясун,
На квартиру.
– Давай!
Деды с бородкой с Красной Пресни.
А мы бы пресно жили чтоб.

А нас-то, нас-то, Гумилевы,
отец и сын не скажут нам,
когда воскреснут Ивановы.
Забросят бубен вдаль к чертям.
– Ну что ты! – В небе небоскребы
почти как алые паруса.
Так изгибаются, оно бы
и ничего, да надоест сажень коса.
А ураган Катрин нагрянет,
ток оборвет. И как домой?
Да ладно, как-нибудь затайнем,
заташим если всей семьей.

В писательстве легко дается – печалиться.
Ехидничать, простак прочтет.
На радость, юную начальницу,
На резвость мастера, тут – ёк.
А Северянин мог. А помните
Его стишок «Весенний день»?
Глядел везде, не всё из комнаты.
Летел, как северный олень.

Красивей нет моих крестовых,
Твоих домов далеких лет.
Походов нет на них Крестовых.
Вот умницы и вот мой свет.

* * *

Я был во Франции. Немного, несколько часов. И ничего декоративного не видел. Там сразу построено со всем весельем.

* * *

Не было у нас юмора никогда, где мы жили. Да и остроумия – так, не для чего. Шутка у нас.

* * *

Из двух зол наименьшее пусть будет. Для этого наибольшее нарочно суют.

Плач на проводах сына в музыкальное училище

Да ты, кровинка моя-а, ненаглядная-а-а. Да куда ты, куда ты поехал. Да отъезжаешь-то не во солдаты-ты, не во казаченьки. Не в казарме ты, не в чистом поле ночевать будешь тёмну ноченьку; на четыре челове-е-ка в комнате. Соберутся твои друзья, найдутся тебе товарищи. Заплетут они тебе, полудевушке, косынку. Будешь петь им на скрипочке. А оне усмеваются, игре-то не удивляются. А на улице мужики надсмехаются. Девки кривятся, кривляются-а-а.

* * *

Народная глубина. Ее не меньше чем философской. А многие боятся мужиков.

* * *

Но это, говорит, в просторечии. Ну, когда не справляются с головой, появляется сложноречие. А словцо «простонародье» – это уже другое... Нехорошо это.

* * *

На биологии: русская клетка – самая жесткая. Настоящая, когда работяцкая, летчицкая, моряцкая, пехотная, шахтерская. Самая стойкая в окопе, в атаке. Жизнь все равно без этой корпускулы не обойдется казацкой. Славянское дергают кто не попадя. Искажают стихами, памятники гордые, всякой чувствительности ищут. А Русь этим не взять. И в голову не приходит где она, когда в человеке.

* * *

Девушка, чё тебе этот старик? Там кожа как у крокодила в музее.

В автобусе

Любить людей... Все время? Любить, любить, любить. Да ну вас. Надо ехать да и всё.

* * *

Как стали меньше читать – остроумнее стали.

* * *

Стараюсь на все смотреть со своей колокольни.

* * *

Немцы говорят: мы свои города тоже отчаянно защищали, не хуже чем вы свой Сталинград, Орел. Но русский солдат оказался более непредсказуемый. И генералы – немцы поняли: у русских меньше регламентации в жизни и в культуре. Да подвела их силлабо-тоническая система. Да, ботаническая сила.

* * *

Ишь ты, ишь ты! Поскреби, говорит, хорошенько русско-го и окажется татарин, или еврей, или, забыл ... кумык. Уж изрек. Вот с него бы и начать скрести. Кипчак, ну и... А вот когда такой чудила в автобусе ораторствует: да мы сами, рус-

ские, такие. Да мы хуже всех. А спросишь его: а ты русский сам-то? Замолчал. И скрести не надо. Никто.

* * *

А говорил: буду яко штык.

* * *

Культуру сдавили с одной стороны культурностью, с другой – быдлянством и обезьянами.

* * *

Украшает, к чему не прикоснется. Слышал, к ней страшно в квартиру зайти – тошнит от мешанины.

* * *

От пустоты или с ума сошли, все лезут в центр. Мне он надоел, чертяка пошлая.

Во дни Олимпиады

Как только мы верх возьмем, лет через пятьсот, первым делом надо отменить разряды: это гениально, бесспорный талант, для одаренных детей. Упраздняются первые места. А дальше – пока не знаю. Там видно будет.

Пьеса

Филипп: Герцог!

Герцог: Успокойтесь, государь, я сделал всё, чтоб было всё в порядке.

* * *

Всё течет, всё меняется. Да не так быстро. А что быстро, то и возвращается.

* * *

...Поздних наших полунемецких песен... степь да степь кругом...

* * *

На верхушке, хоть Советской, хоть у дворянского сословия была, да, разница между отцами и детьми. Отцы еще из русского шли по своей жизни, а дети к сорока годам уже чистые латиняне.

За столом

Запевают, как будто разговор начали. Чтобы голосу всем хватило. И вверху не завизжать, и внизу чтоб не захрипели. А еще ведь вот из-за чего. Разговор ведется на первый взгляд ровно, а вникни – море всякой волны, оттенка. Так, как будто начало песни, а растянут слово – ну, прямо запев. В шуме, главное, гудят, слова всплескивают:

Да уж, молчи-и.

И-еех, Тася, забыла как...

Ой-ой, памятливым.

И-и-е-е-х-ы, Питер, Питер – городок, ы-ы-эх-ы – ра-з-ы-дался широко.

Поют уже. А мы вчера сидим. Столько песен знаем, а ни одна не приходит в голову. И как вспомнить – не умеем. А что – речь у нас только для ума.

* * *

Таксисты, много уже, какого-то благородного вида. Похожи на инженеров, на учителей. Сорокалетние, со специальности сорвались, на обочину выехали. Вот и возвращается народ в народ. А сверху остается идиот. Уж он-то кнопку и нажмет.

* * *

Молодость – опора всего передового. А о середке она и не знает.

* * *

Хитро нам показывают Европу. На своих улицах она, в основном, некрасивая, средняя, носатенькая. За день одну красотку видел. И то на нас чуть смахивает. Что же, что в людях случилось? Нет. Там вот что, там соизмеряют состояние перед женитьбой. А на лицо – тут уж кто попадёт.

И эта краля пододвинулась к нам, учит жить. И любить, ага, их.

* * *

Литературе вечно быть, и тлеть, и гореть. Пока есть язык, будут охотники и ловкачи на разговор и в письме.

* * *

Гундаре-ва-а-а!

Э-э-х, где вы были, ничего не видели, глаза мои, литературой замазанные. «Все люстры посядирала». И, начитанный рабочий, и тот, инженер, что ли, культурный, аж отшатнулись. А выражение-то сейчас на вес золота. Да не столько слов, побоялся бабы живой. Тут бы сходиться без оглядки после таких слов сильных.

* * *

Закончим с того, что Англия, Франция, Германия попятись перед Африкой. Запустили ее. Хватило им силы, хватки на... только на захват. А как пришло время культуры, европейская оказалась намного слабее а р а п с к о й. Среди англичан, немцев обиделся человек и ушел навсегда. А эти тысячу раз обидятся и не заметят. Достучатся своего. Да еще сохранят свои замашки. Будут плясать на твоих костях, втаптывать их в траву и петь свои три кровожадные нотки.

* * *

А хорошо было, не учили умно разговаривать. И не поправляли... Евдокея ошибкой не считалась.

* * *

Так ничего и не нашел рабского в «Недоросле». Только грозятся да кулаки поднимают. А как до потасовки доходит, сразу видно, что все свои, незачем.

Митрофан: Мамушка, заслони меня! (Мамушка там и нянька, и кормилица. Прим. Моё).

Еремеевна: (заслоняя Митрофана, остервеняясь и поднимая кулаки на помещика – эти скобки мои), издохну на месте, а дитя не выдам. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бельма-то выцарапаю.

Или вот не запросто ли, как своих, представляет учителей из солдат, из дьячковых детей:

Г-жа Простакова: А! это, батюшка, Митрофановы учителя: Сидорыч Кутейкин.

Еремеевна: И Пафнутьич Цыфиркин.

Митрофан: пострел их побери, и с Еремеевной (так ведь на своих злятся только).

Или он сам Фонвизин не понимал, что пишет. Забавных людей, презабавных – злодеи, дескать, представляет. А они ведь Мишки в сосновом лесу. Такой талант на язык, равных мало и такие выводы. Нет, поди, нет, конечно, может и любил, но зачем надо было свое замять. И мы, семиклассники, должны были читать одно, а рассуждать – ай-я-яй – другое. Врать учили. Вральманы поневоле.

А те-то Милоны лихо расправились потом с мишками нашими.

* * *

Если у кого из моих знакомых будет ферма, попрошу их назвать ее именем Тараса Скотинина. Вот за что. Его спрашивают, например: – Но так что, батюшка, все о свиньях да о свиньях, другого нет в голове что ль? – А я все время о них думаю – и днем и ночью. Неделей экую матку было, нашел, да переняли. Ух, вспоминать невмочь, сон потерял.

Про остальное хозяйство забыл, наверное. Около мечты стоял человек. И нам надо было смеяться над этим. Как Зощенки. Да и наши, эх, учительницы, уже городские, уже, однако стеснялись хозяйства, скотины. Мы ведь сами недоросли, а у них на лбу написана истина. Сейчас и подумаешь чуть не обо всех. Да и много ли ума у людей, допустим, что такую навязали чушь.

Скотинин Тарас – природный животновод.

* * *

А тут люди все время проходят, и дети катаются на велосипедах. Скотина проходит. Кто-то рядом разговаривал по-русски. Наши дни.

* * *

Заря красивая.

* * *

«Газет не читает, радио не слушает, в кино-то не ходит».

Даже в кино? Значит, были, были настоящие люди, самостоятельные. Редко ведь кому неинтересно было. А я маленький еще тогда видел их.

* * *

Неохота, помню, писать сочинение. Роман разбирать лень. А сочинять его... представить не пробовал. Нужно заранее укладывать мысли, размещать их, ставить, вести, как будто сами идут. Опускаются руки, веки... В школе я не любил эту работу. А запросто получалось. Зачем? Не для писательства же. Учат мыслить на всякий случай. Организовывают сознание. Но, по-моему, толку нет. Что-то люди такие же, как всегда. Кто смекает, ну и смекнет. А на нет и суда нет. Учебу ведут на талантах и сверхталантах – Гоголе, Пушкине, Блоке. Поднимали до них всех 35 человек. Кто поднялся, а кто остался. И в итоге то же соотношение.

Слава богу, есть математика, биология. Для ума, патрио-

тизма – самые полезные вещи. Токи эти Фуке, или как? – вихревые потоки. Там же не один, не одна частица барахтается. Враз, нырком поворачивают, втягивают. Мир по природе коллективен. Как стая уток. Я люблю изложение. Рамочки там тоже есть, конечно: лист, 45 минут, грамотно чтобы, вечер дома. Но рамки такие привычные, окна. И ума там больше окажется.

* * *

У чертей самое любимое баловство – орать на человека под руку, когда тот сооружает что-нибудь и для него же, нехристя. Ругать в самом начале, что не так же делают! Руки что ли не оттуда растут. Любимая игра – над бездомным или без теплого угла человеком, смотря по изнеможению. Как бы это... а, вот бы для начала, похोजее, но не тот случай расскажу. Для введения. Разгружали мы как-то бумагу, или толь, под Иркутском, прямо из окна, цеха ли, дома. А кто рулоны оттуда подавал, выпускал их из рук маленько раньше до плеча. Чуть кидал. Да смеется так. Надо бы мне разок в сторону ступить, ухнул бы к нам. Попал бы в грузчики. Но это шутка между своими.

Я хотел про другой случай. А вот тот. Когда похоже, да не шутка. Сапоги надел, а не почувствовал, что гвоздь стельку проткнул. А стелька-то – картонка тонкая, стерлась и что – давай страдать. По весне кой где босиком попер. Одол-ж-и-л мужик. Может, и правильно. Научил бездельника по горам лазить без дела. – На, – говорит, – обратно пойдешь, оставишь.

Не те, не те случаи. А зачем те? Кому они, зачем нужны? Есть, именно этого и ждут, нравятся чужие случаи, подстраивают их. И упаси, упаси бог, делиться с ними же на эту тему. Зря, что ли, крепкие мужики не распространяются насчет своих злоключений. Тут и правильно делают.

* * *

Давным-давно когда-то лицедеев не хоронили на общих кладбищах. Подальше относили, обижали веселых. И те дали клятву на то, что заменят у людей в мечтах образы собой. По их почти и вышло. Посмотреть в газете, лучше по телевизору бригадира знаменитого (те времена) и артиста, что его играл. Артист выразительный, высокий, а тот колхозник, ну, застегнутая на все пуговицы рубашка, медалька за войну – металла на всех не хватило бы. И сами герои... Рядом с актерами на них неинтересно смотреть. Да одежда еще довоенная. Сам с одним глазом. Старались такого не снимать. И стеснялись узнать про глаза. А там...

...Там как дало! Сперва обоими ниче не видел. Каску сбилось. Не знай, как вылез. А пулемет, ага, с лентой. Вот она... Подсумок-от... зде-е-сь.

* * *

Когда написал «Недоросля» Фонвизин-то? Неважно. В XVIII веке впервые был осмеян труд.

* * *

Любишь кататься,
Люби и на горку подниматься.
А то на канатах ехать –
Это любой может нехоть.
И народец доволен и расслабляется.
Туда, не туда катается.
Да на доске этой боком.
Как-то совсем без «ура».
День как всегда под конец потемнел.
Закругляться пора.

* * *

У какого-то – а-а, все равно – у турка беру банан. Только говорю: поменьше чтоб. Южанин уже схватился за гроздь. А там как – не могу смолчать – слонихины титьки. Да, сначала

полста рублей дал ему: маленькие давай! Те, слоновые, кто их знает – может и не бананы давно. А все одно тянет здоровенные. Закипел я, плюнул и пошел. И денег не взял обратно. Ему еще отмашку сделал бешеную: «Не надо!». А он лупит свои мексиканские глаза. Якобы ничего не может понять. Но я-то, дурак, уж какой раз уговариваю себя не кипеть. Так и делаю по знакомым случаям. Да не каждый раз продавцы те же. Нельзя меня посылать к ним. Я, как в магазин захожу, там уже радуются. Я вроде начеку. До первого ловкого словца удалого: едри их (мать их) за ногу. Да в это время они за товаром за бочку лезут. А когда продавщица нагибается, да тут, да тут и старик застесняется. Ну, жизнь, жизнь неведомая все время новье подсовывает. Каждый день по-другому шутит. А с другой стороны... э-эх, успокаиваюсь, однако... у-у, толстуха... с другой стороны, когда пораженцы или прохиндеи горюют, что все схвачено, мол, бесполезно, я наоборот сомневаюсь. Только из дому выйдешь, на первом же шагу перемена или отмена, или климат другой уже, или погода так пляшет. А то бабенка прошла красивая, поглядела. То прямо в домину, поставленную на попа, вопрешься. Хоть и не люблю такое зодчество игрушечное – а не игрушка – потом сучка смертная. Но тут противная неожиданность. А бывает и хорошо. Мужик поплыл через океан, и доплыл Федор. Как-то про хозяина слышал одного – он без пахоты растит пшеницу. Лушит и все. Девчушка только-только по четвёртому годичку, зимой, не прощается, оставляет: не ходи туда, там темно-о.

Не-е, схватчик, не отловишь всё. Идет бескрайнее возникновение, неподотчетное море. Понятно, в любое занятие наше юг, восток вцепляется, запад. Но уже после. Ход все равно за нами.

Башню деревянную чудак один построил о 139 этажах. А! поверил! Попробуй-ка сам. Какой картон? Дерево!

* * *

В очерках люди, цеха описываются ни с того, ни с сего. И мы тут ни к селу, ни к городу.

– «Мы с вами находимся в гальванической лаборатории; все стеклянное здесь», – говорит рабочая.

В романе человек новый сейчас в дело войдет. Приятно самому сообразить, где он там окажется. Привыкаем, уже привыкли за описанием плестись, в надежде на будущее.

На самом деле начало начинается от заделья.

С чего ты на том заводе? А труба прорвалась в твоём доме, соседним с этим заводиком. А она от него идет. Да как раз в выходной. Как пройти? Первый цех на пути гальванический. Там твои знакомые по заводской газете. О, ты и там. Он тебе и рассказал: отходы кислотные портят водопровод снаружи. Трубы надо бы из другого металла. И пошел с того.

А не мы с вами в гальваническом цехе. Зачем выдумывать.

* * *

В каком году, веке появилось роковое слово «если». Слово это – щель для воды.

* * *

– Вы не представляете, так забраться, копнуть, настолько, это такая...

– Хватит. Глубина в озере.

Приказ

Называть создателей-строителей, отделочников Эрмитажа исполнителями.

* * *

Интеллигенция говорит, что надо материться. А то, как белые вороны. Все время приходится пересекаться с народом. И навсегда порой. Сам посудит: рассуждают – на людях одно, а дома – другое. Вот когда одинаково заговорят, мат уже будет не мат. Детей, черт, говорит надо приобщать. Чтобы тоже воронами не были. Жизнь матерится. Хотя, знает же, бес – останется большая, немалая часть от природы культурных людей. (Как моя родня далеко-далеко, в пятидесятых годах на Алтае). И когда эти к ним попадут со своей хитрой школой,

тогда нечаянно, что обязательно случится, сорвутся, проговорятся. Рядом выйдет и «Вы», и мат. И – аллес. Глубокие люди отодвинутся от них талантливых – неталантливых. Еще один раскольчик. Потом ведь надо, захочется опять шаг сделать. Всю личность открывать. Из народа – какой из народа! – глупых бабенок подначивают, а те и рады, орут частушки про все. Записывают, гляди. Ну, уж такие прямые простые. Дуры! Дурехи, настоящие-то, те бабы всегда место знали всему и время этакому порыву. Девчонки глядели на них, приучались к уместному слову. Елки-палки, какое рассуждение. В бане так, а на пляже другие. Кто говорит-то.

Шагнут, шагнут. Лет через... станем голыми. И как раз теплеет совсем.

* * *

Простая русская девушка подбежала бы ко мне. Вырвала у меня мороженое и убежала.

* * *

Дурацкость, дурость не имеет она далекого назначения. Такого как мы раздуваем. А последствия могут сразу наступить или через двести лет. Смотря где оказался орысина. Только думать, что кто-то с умом, какие-то хитрые дальновидцы приложили руку – не надо. Эти, они о своих днях пеклись. Подтолкнуть их, конечно, могли.

* * *

Художественных писателей сначала всех удивляет бессмыслица на войне, а потом возмущает. Вересаева или Толстого Льва Николаевича взять. Пусть меня простят их тени и солдаты, что я лезу не в свое, но там и должно быть, наверное, так. Кто со смыслом, с приказом добирается к своему расположению, подорвался на mine. И расположения-то нет уже, мотоциклетка сломалась. Коня убило. Как хочешь, добираться. А на то и противники, сначала разбивают у той стороны весь ум, всю подмогу. И – половина столкновений идет

без приказа. Тем более удивляют люди в грохоте, все новые, новые в землетрясении, видят что делать. И война по-своему организывает побоище.

Отчего и наша жизнь получается, часто не от нас. От воли сентября, мая. От родительской воли когда-то. А на свадьбе море песни, а прорывается через шум, собирается в одну музыку, часто неслышанной красоты. И вдруг бы выходит, объявляло и говорит: «Сейчас будет украдывание невесты». Опоздал парень, украли уже и вернули.

И рукопашка наша идёт поперек случая.

* * *

Не объяснить нам и не понять ненависти прохиндея к простому человеку. А, наверное, поди так же, ну, немного, похоже, как начитанных людей раздражают неначитанные. У-ух, сам слышал как на людях волк орал на ягненка: «Ах ты, гад, бес, я тебе устрою, демон!».

* * *

Артисты не притворяются сейчас, когда любовь показывают. Они играют притворство.

* * *

Мусин – Пушкин – Катапулькин. Ого! Что ж так! Гений быть может. Ученые люди не догадываются, что вдруг они его тревожат, его тень почти двести лет. Так. Издалека начнем.

Звали Мишку, под конец пришел. Этот, Николаев был. Сибирцева, вроде, Анохина ждали. Кто же еще? Долговязого лысого. Египтянину Тольке звонили. Созывал всех (по-разному).

Значит, по-разному припоминаем, стараемся. Взяли бы да просто перечислили: Мишку, Николаева, Сибирцева, Анохина. Не-ет, мы так не можем, чтобы такой холодный перечень. Тоскливо нам сразу. А у писателей запросто: танки, пушки, самоходки. Мы из-за какой-то надобности перебираем и бо-

гаче выходит: где его шас взять быка? Ну, че, пошел к Юрьевне: «Таня, ты хозяйство любишь, дай бычка, коровы-то непокрытые остаются». От Тани, ну баба. Завели меня ноги аж на прииск. «А мы – грит – в Зыковку увели. Да кой как. Бычище-то зрелый. У Фроловых кот один да пес. Че с них, сам понимаешь.

Это я к чему веду? А вот к таким, к такой речи: я как Толька не стал. Тот разовьет на километр, уведет под облака, лисой всегда растекается. Это сейчас... Говорят люди, не описывают. А уж в далекие времена... Не представить, чтобы как в книгах наших перечисляли: ...мыслию по древу, шизым вьелком под облаки. Всего через запятуно, как у нас.

Ну и начало. Анализ такой качественный предшествеников: начатися же сия повести не по замышлению Бояну. Боян бо вещей, кому хотяши песнь творити, растекашесь мыслью по древу, шизым вьелком... (за буквы ответственности не несу – не помню). Да тут человек в серьезной литературной среде. Постепенно ход набирает. Соразмеряет себя с другим поэтом Бояном. Который, когда хотел «песнь творити». Тогда песнь? Ладно, чуть про другое. В народ «песня» как слово поздно пришла. Пели-играли, закликали, славили. От писателей научились озаглавливать веселье, песни пошли... «Славили князя»... Что садились перед ним за гусли и пели, играя. Жаль, утрачено явление. Ни в одной экспедиции не попадалось гусельного сопровождения былин, да и вообще пения. А держится сотни лет в народе.

И вступление как для обширного круга взыскательнейших читателей. А грамотных, (какой грамотностью?) было он да Боян. Да княгиня Ольга. Князь читать не умел. Все это надо теперь снова доказывать со знанием инструментов, как когда веселились, для кого писали, а лучше бы: когда стали петь «для».

Старого времени – как-то не по-старому, чтоб совсем по-древнему.

А может, Шаховской, не Мусин-Пушкин. Да если так, тог-

да бы ещё больше читали. Там же зверски талантливо, невероятно свободно.

* * *

У многих тоже своя выдумка про жизнь. Не только у писателей. Вот и не обижайся на мужика, что не сосредоточился на твоей.

* * *

Ох-ы хитрые, ух и ловкие были, коварные наши враги азиаты, половцы, гунны, далекие от неги печенег, татары, турки. Но всех, но самые хитрые оказалась... всех страшнее она – культпросвет система. Не подсуетись мы, не подойди к бабушкам, к дедам, от русского не осталось бы и следа. Культпросвет система – это наяву, выдуманные нами немцы. Пора, однако, и обрисовать их. Т-с-с, занимаются:

– Мальчики, мальчики, за руки, шире, шире, свободно развели руки и-и-и засме...ялись! Анжела, где у тебя голова. Это не твоя голова. Где радость! – «Светлячки» какие-нибудь. А вот их приметы, когда они и вправду в народе: все время про корни говорят. Со сцены, разумеется. Родники не забывают, и сами называются ими. Желательно «чки», ага, «Кривоносовочки». Отцов и дедов тормозят всеуе. А любят город. На культурное изделие... От болванки ни на шаг.

* * *

Синтаксис – опережение слов.

* * *

Поэт в России больше чем поэт. А во Франции еще больше. Руже Делиль. Он что хочешь сбачает.

* * *

Латынь на слух – гонористый язык. И поза есть, от нее – речь. Осанка – глядит поверх тебя с карнизов, с постаментов.

Бесил, уж представляю как, азиатов. Скачут, визжат перед колоннами.

За какое время исчез язык? Стал книжным. И добычею одного-двух варваров. А уж позверствовали, поплясали на черепках, ломали что под силу, вместе с людьми. А кто из варваров полюбил, и пришлась латинская речь по душе, того называли поэтом. Выделили его. И до наших, до наших дней, до нас даже докатилась латинская волна. А послушайте: и плащ, и стрела, и лукавый кинжал... Нараспев охота. Как наши тогда «шестидесятники» пели свою латынь. Красовались.

А средиземноморье древнее – ведь водоворот азиатский, норманнов, и наши предки бывали, монголов, негров, европейцев – огненная река. И вдруг – стой! Колоннада. Величавые люди каменные, вечные.

* * *

Дом с мезозоем.

* * *

Мёд, мёд, мёд и еще раз мёд. Жаль, не получается. Больше – наоборот, чаще из последних сил дотащиться бы и кваску бы.

Но хотеть страдать, извини, Федор Михайлович, ты нас перепутал с кем-то.

* * *

За правду шли и белые и красные.

* * *

Улица Красноарийская.

* * *

Виртуальное мужество Арама Хачатуряна, Вагнера, Шостаковича, Элвиса Пресли. Их же виртуальная нежность или разбойничья, якобы кутерьма, ловкость на вид необыкновенная, а на самом деле вызубренная до десяти сантиметров –

Половецкие пляски. На эти пляски созывали, почти что сгоняли пионеров, солдат, а те там ничего страшного не видели. Ух, ух, ух... вон он Спартак. Вот гляди: носки развернуты и-и – оп или – ап! Или – раз! Носки оттянуты, пальчики сжаты; у, дам.

Миллион, ровно миллион лет назад кто-то почувствовал удовольствие не от земляники, не от орехов и не от речки на жаре, а от голоса, нет, от эха. Давай еще кричать. Потом отвлекся, забыл. Одежда изнашивалась, пустел быстро желудок. Ладно, отдохали кто как. Без забав до поры. Или забавы и до людей были. До веселья еще, наверное, тысяча лет. Вот тут-то и подвернулось, послышалось эхо. А кричал мужик и как-то по-косачинному. И кто-то повторил. Остолбенели вокруг люди. Потом еще через тысячу лет рассмеялись и понравилось. И давай, как давай делать всякие удовольствия, изображать уже начали. Знали – это нарочно, пока отдых. Некоторым неодолимо хотелось еще. И начал он, не ведая далеких последствий, сочинять удовольствия. Товарищи нашлись. Не на шутку занялись. Дошло и до соревнования. А у меня такое удовольствие, а у меня вот какое, трехчастное. А я, брат, семь лет ухлопал. Я, вот, полотнишко принес 5/8 метров. А! А у меня своё лицо.

Да но, че, что это за гармошка с одним рядом. У Никандры Ивановича – двухрядка. Удивил баян пятью рядами, поразил мужик нажатием семи кнопок в секунду. Чудак, че жать, гляди – тянуть не надо туда-сюда – электричество. Лиха беда начало. До эха ли? А играем-то, играем-то все как смертные. Зато басы – виртуальная к а н о н а д а. Ну конечно же, ни пионеры, ни солдаты не поняли.

Зато нежные люди, мужики р а н и м ы е, девицы стойкие как пошли в панки, хиппи, твиги, бомжи. В ответ сочинили неудовольствие для своего удовольствия. Но удовольствие не обманешь. Ответили на тоталитарную, было, классику. А она притихнет, среди своих побудет и опять ко всем с открытой виртуальной душой.

* * *

Ответственно заявляю: у, вернее, ни у богатырей, ни князей задачи не было. Им надо было так. А вот и нам так надо.

* * *

Что за кризис? Никогда не поверю, что денег нет. Что, сожгли что ли, или подмочили, или где-то потеряли? Это они их сами туда-сюда, там-сям держат.

* * *

На датах, завершениях, началах людишки спаиваются. А то личные отметины выдумывают и исполняют. Вот до того столба дороюсь – и шабаш! За три метра свалился. Никто не гнал. Цель.

* * *

Место кондуктора просьба не занимать!
Будто плохо обрусевшие немцы. Или казахи по-нашему стараются.

* * *

Народное искусство – самое интересное, самое талантливое, самое правильное.
М. Даниленко.

* * *

Где бы взять какой-нибудь перевод, лучше с английского, и там найти бы дотошную велеречивую вещь, или с любого. Вроде такого бы: «Мэм, вы говорите, что не могли прийти, потому что вы были заняты, тогда для чего Вы, точнее, почему Вас видели на бульваре Сен-Жермен-Лоранс-Дитрих.

И доказать, что и французы, и немцы, хоть кто, так не говорили. Не сильные на думку словесники сами себе кое-как растолмачивали. Тык-мык, половина только частиц, вводных слов получалось, предлогов. Через слово помощь нам: «потому что», «для», «так», «тем не менее», «если». Изю всех сил

пытаются, никак не могут. Но другие-то люди, наши хвальные князья, по пяти языков владеющие, полжизни прожили за границей, что, не видели, что ли, разницы, не чуяли, как навязывается тягучее рассуждение бойкому народу. XVI – XVII век словом «для» часто обозначал «из-за». «Коня отпустил, поехал на арбе для своей немочи». Свое-то не поймут. Поехал, значит, он до Сакля Кля, Силяхтяр. Ну, о чем я? Да, и «потому что» редко писали. По тому делали. Мешали толмачи те, задерживали понятливость. Обороты всякие длинные, они же мельком, про себя летели.

* * *

В Порт-Артуре настолько разомлели, что на кораблях были женщины. Макаров узнал, что было! А там женщины полусвета, как давай визжать.

(с Колей вычитали где-то).

* * *

У меня теперь один и надолго учитель по стихам – Суворов. И наука – он же.

* * *

С голоду у людей появляются видения. И представляется солдату Богородица. Вот так она есть. В небе ли, случайно в тебе.

* * *

Олег, товарищ молодости, поэт, на мои усилия так отозвался: Иван, честно скажу, понимаешь, всё это уже где-то знакомое, как будто читал.

– Правильно, у меня всё, почти всё – перепевы из русских журналов 80-х годов, второй половины. А где эти журналы? Надо перепевать.

Пятая часть

* * *

– На тренировках – асы. А как в безобразии будешь хлестаться?

– Безобразно. (Паша сказал).

* * *

Композиторскую песню угадать легко про что она, даже иностранцу. То по-боевому кричат, или печалются, то затихнут и тихо – тихо поют, еле слышно. В поле, значит, на речке – далеко-далеко. Или визжат, чтоб даже застонали в зале.

А как наши деревни пели! Кажется, колыбельную напевают, будто раскачивают. А они воеводу Шереметьева в конце XX века славят. Не постичь ни поэтам, ни певунам этим нашей памяти.

* * *

Говорили к революции, чтобы поровну и тому подобных през неполные люди, не добрали когда. А о счастье – кто ничего в жизни не углядел.

* * *

С женщиной одной заспорили. Каждый, говорит, стремится к совершенству. Ясное дело все получше любят и полегче. А есть – только тем и живут, что еще надо. И как пошли по этой дорожке, она всё не той будет казаться. Ладно, есть ум, достиг высшей власти или так хорошо. В кругу оказался, самом том высшем, вокруг одни таланты и ты. Ну, как чувствуешь себя? Всё время высоко? А не привык ли, не заскучал? Опять знакомо в себе и перед собой, а не высшее состояние. Припомнил жизнь. Когда хорошо работалось, зачем в себе совершенство? И так неплохо, о счастье не думал. Об этом верхе.

Великий скрипач так же ли счастлив, как зрители? У них слезы на глазах, радуются, хлопают (во время исполнения, дураки), крикнет иной. А он не понимает. У него-то, в нем-то сейчас нет такого. И когда исключительно играл, как струна был, ровно вел, нажимал, как не сам. Но сам-то себя не сознавал как со стороны. Счастья первых, вторых... десятых рядов не испытывал. Вот уж бы кому на обоих плечах выколоть «Нет в жизни счастья», а не заключенным.

А несколько тысяч репетиций? И все по душе, всего захватывают – вот как надо, что надо, где надо.

А бывает, люди и не знают слова «совершенство».

* * *

Ай-я-яй! Срам какой: греческая музыка до слез доводит – что красивая, что чужая.

* * *

Всегда ли было, что козыри под конец выкладывают, у кого есть. В игре ясно, да. За столом. В столетьях, там, поди, по-другому шло. Ближе к нам уже заначка была и появлялась на свет, когда надо. Как, например, донцы в решающую минуту вступили в схватку и вышибли поляков из Кремля. Или как в летописях решил битву засадный полк Боброка.

Я никакой спорщик, но завидую, вижу, как умеют поддерживать основной удар. А в кулачных боях главный боец – надёжа – не вставал даже бывало в стенку, если у своих видно, что перевес.

Детишки – те сразу расскажут что видел, что сумел. Да и в старину, будучи одним народом, в лесах жили-были, мысли не копили. Учесь, что любое дело – работа, день уходил на добычу. И со стороны от иных людей отбиваться – тоже время: готовиться, канавы копать, чтобы под ветками. Какие тут разговоры при этом! Главное только и говорилось о защите. В самой речи – какой смысл в ней? Не было хвастовства, хоронить надо и строиться, вновь обживаться.

А привычку прямо говорить, выкладывать – гляди – товар лицом – держали дольше всех на всевозможной окраине, в лесу, в штормах на севере. И привычка эта стала пагубной, как вышли из леса, ступили на берег. Как тяжело отучаться!

* * *

Совращается человек обыкновенным голосом и обыкновенными словами.

* * *

Белоегипетские бабы с извитыми губами и длинными глазами их вкось. Вот ничего, ничо же не знаем. Их ведь выводили кто-то, или сами, каждый, не сговариваясь, лет за пятьсот сходилась, стягивался с такими же. Вот ход породы. А Русь – поморов, казаков, солдат, Микулы Селяниновича породила

жара, море, мороз. И когда приделались, шубу сняли, начали стравливать их с германцами в 1812, 1914 и 1941 годах. Кто знает, эти же белоегиптяне, поди, и рулили издалека себе на гроб и на заканчивание всех. Бесполезно уговаривать, но девки, парни, обращаюсь – кто поймет, Русь надо, хоть где. Мужиков, баб, деток давай.

* * *

Были и поболее теперешнего захваты. Голубые, не здесь будь сказано, полосы (периоды) волны такие уже были. При Людовике XIV кружева на мужиках, банты, духами прет. От Арамиса. Около часа одевались. И помогали королеве английской. А их собственные дамы обрисованы так себе, наскоро. К нам же приблизилось это дело с Петром Долговязым. Под видом культуры, а может, культура и есть это? У-у-у, страх божий. Они, это подумать, за бороды кнутами били, если борода на пути их стоял. Какая ненависть к здоровому человеку!

Можете представить себе сельского тяжелого жителя средних лет в шортах или, как сейчас носят, в брюках длиной... как закатанных по воде брести? Ты бы тут же поник, разочаровался во всем. Стариков городских полно уже недоростков, пожилых дам открылось, коленок их, ключиц. Но ладно. А теперь вообразим, каково людям 18 века было увидеть вот что. Полгода назад в Москву первопрестольную поехал хороший хозяин, боярин, считай, руководитель Акинфий Архипович. И его долго нет, и никаких известий. И вот как-то смотрят что-то движется к селу их. Поближе когда стало видно – карета доселе невиданная. Прямо к дому боярина правит. Да слуги все свои знакомые. Остановились. Сразу двое подбежало слуг, подножку подставили. И тут из кареты какая-то баба вылазит. С белыми завитыми волосами, с пряжками на ногах. За ней еще баба... О, господи! Да не может быть, нельзя, не дай бог такое видеть!

– Акинфий Архипович! Во что преобразили...

И превратился же, не сбежал.

Так что, так что сильно не пугайтесь. Бывало уже. Все равно это не жизнь, а игра. А игра все равно схлынет.

* * *

Почему, как их, игроков, запустили во власть? А боялись. Но то не военная боязнь, а культурный ужас, как от бесов.

* * *

Да русские они, русские писатели. Думают как-то не порусски. Объясняльщики, выясняльщики, больше рисуют. А чтобы вывели к жизни, начали её, таких из них надо поискать. Или отодвинуты вбок. Много ли знают, какой умница был Аполлон Григорьев. Леонтьев нам не известен, Константин. Открывают Василия Васильевича Розанова, когда такой Вавилон, мало кому дела до них. А там и суть есть, и дорога литературе.

* * *

Везде нас из сказки в сказку спасает просьба – сделать что-нибудь напоследок или сказать, высказаться. Сейчас казнят, а все равно дайте, говорит, напиток. Принесли. Ну, а там видно будет, что дальше.

* * *

В великой стране и должно быть бы меньше изменений. Пока дойдет волна до окраины, да там и останется. И жизни в тайге больше. А столицу трясет без перерыва; мечтают, что она главная. Набиваются туда, как в банку.

* * *

– А что ты скажешь о русском поведении?

– Резко не сценическое.

* * *

От девяти муз шаг в сторону – и никто?

* * *

Как ныне собирается вещей Олег...
Все равно балет.

* * *

Сладкий поцелуй. Чё врут? Иная девушка и разочаруется.
«Совсем не сладкий». Я-то думала... Зато недоверчивой будет как раз – вот это именно то.

* * *

Ни лев, ни волк, ни тигр на пули не пойдет. Самый храбрый зверь – кобыла.

* * *

На Западе есть установка на личную жизнь. А нам хорошо, когда всем хорошо. Ни те, ни другие, ни особенно такие. Мы все равно живем отдельно. А они радуются, когда их взгляды разделяют другие люди.

* * *

У зарядки побуждение-то к движениям-то искусственное. Где-нибудь скажется, сгородишь нескладуху на том месте, где получается только по воле. Там насильно, да там пережмешь, да сям, потом жаль, что так вышло; малость, конечно, да малость и разрушаешься.

– Да откуда мы знаем свои запасы?

– Ну, говорят. Сидячим, ясно, надо нет-нет, да и разгибаться.

– Как на огороде?

* * *

Хотят развиваться дураки. (Из разговора. Кажется, я сказал).

* * *

От фальши стареют. Особенно «хористки» народные, плясуны. Поскалься-ка лет двадцать, а давно не молодые, не деревенские, не то запоешь. Глазки станут гляделки, и всё.

* * *

Анисья Васильевна... А другие... О, Дарья Амбросиевна! – пели не меньше двухсот песен и «календарной музыки», если подряд, надо неделю слушать. В конце 20, соображаешь, – в начале 21-го века. А мы перешли-и, не мы, город, на книжные куплеты. Поехали по нотам. От какого отборного народа отошли.

* * *

Геометрия – магнитного происхождения.

* * *

Тянет же без обиняков.

* * *

Насчет сцены-то. Не знаю как другие, у нас, мои земляки особенно чувства не показывали. А уж когда жгут грудь, вообще ничего не прочтешь. Не наше бы дело выше всех на метр страдать.

* * *

Ансамбль, значит, «Воздвижаночка». От Воздвижения, значит.

* * *

– Ты сам-то хоть понимаешь хоть, что это – литературная грамотная речь?

– А это как родственники академиков, артистов говорят.

* * *

Омывают, омывают ноги, омывают не свои и не детишек. И поняли, что зашли в этом далеко, в этом усложнении. И потянуло вновь к началу, на самом деле милому, ко времени, когда еще не здоровались, не желали попусту чего. Не зудели: люби, например, лук, или: думай, думай. Вообще люби. Природному ходу бесполезно приказывать. Слегка можно: будь добр, подай... Не зря народ не взял на ночь пожелания: доброй ночи. Гутен Ахт.

* * *

Дело... э... литературное, наверное, не в крови. И тех, и других есть во всех кровей.

- Но в одних больше, в других меньше.
- Что-то не понял.
- Меня тянет к Пушкину, а тебя – к Лермонтову.
- Невдомек что-то. Пушкин тоже... арап.
- Арап до сказки о царе Салтане, до капитанской дочки.

* * *

В горах тишина деревенская. И в деревне, поэтому нравились сапоги со скрипом.

* * *

Горожанка на поленницу оперлась и бормочет, бормочет Фета.

* * *

В картине, когда пишут, мазки почти опережают побуждения к ним. А роспись любая – мезенская, Городецкая – без числа ее, она из всевозможных движений. Там движение – изделие.

* * *

Старообрядцы, кто, которые были на «Варяге», что живые

остались, потом хоть один, хоть раз, да спели: «Не думали, братцы, мы с вами вчера, что нонче умрем под волнами...».

* * *

А потому и как будто пели стихи в 60-70-80-х годах, что хотелось петь, а слуха не было. Немного казалось, что поют.

* * *

Для удивления, что ли, для новизны живем?

* * *

Вот и своими глазами увидели, кто хочет походить на отца и мать. Чужих – море. Никого. Народного человека стравили войнами. Чтобы жизнь была, надо нет-нет да возвращаться к ней.

* * *

Семинаристы, говорят, были знатные драчуны в стенках. И начальство на сие смотрело сквозь пальцы. А что – им потом приходилось впереди полков идти.

* * *

Помнится, в сочинении начинаешь думать – с чего думать. Да думается – когда что не так.

* * *

Сим надеемся, что меня поймут. Великие люди, они великие, но тоже увлекаются: «Там позлощенные и на подобие весны процветающие корабли в тихой поверхности изображаясь, красоту свою усугубляют; инде достигнув спокойного пристанища плаватель удаленных стран избытки выгружают к удовольствию нашему». Тарабарщина с красотой. А написал ее, пока не скажу кто... Такая же как, как у... , да... его:

о, красно украшенная и... многими (или ма) красотами удивлена еси.

Положа руку на сердце, скажи: на самом деле красиво? Привычно? Жаль, что сам не сказал? Мило? Врешь, поди, братец. Тут два языка смешались. Названа красота, назвали своими и не своими словами, и осталась она за страницей. Надо всем надпись: Авраам Палицын.

А начали мы с Михаила Васильевича Ломоносова и продолжаем его же: «Описание стрелецких бунтов и правление царевны Софьи».

Сентябрь – 10 октября. Возьмем недалеко от начала: «За два дня до его кончины стрельцы, притесняемые своими полковниками, которые посылали их на различные работы, не давая отдыха даже в праздники и под разными предложениями не доплачивали им жалованье, подали царю челобитную, в которой просили удовлетворить все их жалобы. Они поручили одному из своих товарищей снести их в стрелецкий приказ. Там, в приказе, хотели стрельца наказать. Стрельцы не дали, когда он крикнул своим: «Как же вы позволяете меня так бесчестить!».

Тотчас прибежало несколько стрельцов, и освободили своего товарища». Москва большой был город. «В ту же ночь они столкнулись друг с другом, и наутро предложили стрельцам нескольких полков действовать сообща... Побежали бить в набат. Большинство стрельцов бывших в Кремле, устремились во дворец. Другие заняли выходы и никого не пропустили». И наказали своих командиров. «Тех же, кого стрельцы ненавидели меньше, пощадили и они получили меньше ударов». (Кнутом или плетью? Под рукой нет книги... Нет, есть). Они бросились, как бешеные, в Кремль с оружием, с развернутыми знаменами, захватив с собою пушки».

Ничуть, ничуть не хуже писателей 19-20 веков. С того бы и начатися нашей повести. Бунт, не смута. Стрельцы – русская армия. Сохранила нам государство. Держала Сибирь рядом

с казаками. Провожала гонцов, послов до мирных ногаев, до турок. А какова самоорганизация! За полчаса сбегались после удара колокола.

Старосоветские помещики

Всегда чист. Побрит с одеколоном. И так до ста лет жене своей должен нравиться. Жалеет её, тоже культурную, с нею только на «вы» говорит.

Ночью... при огромной луне, шепчет ей, представляю: «Повернитесь, пожалуйста, поудобнее».

А на улице людей не жалко: им глядеть какво, когда под волевым подбородком бритая какая-то кишка болтается. А если ничего не растет там?

– Тогда честно старься.

То ли дело гуси, всегда одни и те же. А они летят над нами, уже поворачивают. А-а-ай, что-то капнуло. Фу-у, нехорошо, гуси.

* * *

В морозных странах звери, животные, зверьки и так, и на вид аккуратнее, чем в жарких.

* * *

Цыгане пляшут, и я до слез люблю, когда любят свое.

* * *

Стихотворение растягивает чувство. Не вредно ль для головы?

* * *

Взойду я на гой-гой-гой, ударю я в нелель-лель-лель. Утешу царя в Москве, короля в Литве, старца в келье, дитя в колыбели. (колокол, Даль)

И туда читаешь – поэзия, и после отгадки – еще раз. И не навязывается.

* * *

Не авраамься, не исакся, не иаковься. (Даль)

* * *

Соответствие формы и содержания. Чтобы всё всегда было хорошо. А вот не всё хорошо, а здорово. Вот русская народная пессимистическая песня:

Я сегодня больна и бессильна,
Нету в сердце бывшего огня.

Это повторяют, а на повторе как дадут – стены дрожат.

Я-а-а севодня больна и бессильна...

А под конец: из друзей моих верных, наверно, уж, никто не придёт хоронить.

Тут уже вся изба подхватывает. За рекой слышать: и-и-з друзей моих верных, наверно.

* * *

Западные слова у нас выглядят как существительные, как подлежащие, будто неподвижные. Махен, махать, делать. Шпилен. (Что за шпилен? Как манекен, супермен. Они у нас беспадежные.) Я кое-как доковылял до мисс... Этуаль. А на-встречу мне глыба мистера Рейли... По-нашему Рэйли это, как много; песни, Пресли. Говорю тем, кто не забыл первых чувств от чужих слов. А кто ни то, ни сё – тем само то.

* * *

Онегин или Вронский были выше окружающей среды? Выше кедра... Это нам, стрелецким, казацким потомкам, чьи прадедушки, деданьки помогли Москве, на несколько лет отодвинули Запад, нам командует какая-то не смазливая особочка. И денек нашли же – среда. В самую середку.

* * *

В иностранной книге читаешь, а там описывается вечером на закате рожь около церкви де ля Грез или де ля Фер. Я,

Ваня, послушно поддавался обаянию. Но грусть была странная из-за нерусского окончания «эр». Замирал и от этого, и от такого: солнце опускалось, было уже у церквушки де ля Ден.

* * *

«...А выше того города гора вельми высока и крута, и с той горы можно тот город землю засыпать валом, а из ружья бить бесстрашно, понеже город стоит под горою, а на город из пушек стрелять нельзя, да и пушки все управлены на море».

(Хождения к Царьграду).

Ого, какие старцы были у царя!

* * *

Русаки, которые рассказывают о картинах, об искусствах, отличаются от Белинского, да и от Бенуа; мысль иная, но на один глаз: «А другой фонтан: мужик в рог трубит очень громко, водою ж. Еще на горе девять девок лежат, у каждой флейта в руках и органы великие, как пустят воду, девки в органы играют очень приятно, никогда не вышел бы».

Еще о Италии: «13-го числа зачались кулачные бои, бьются на мостах каменных. Сперва один на один; промежду ими выбран третий и по два человека на стороже, тут же стоят, ... кто первый зашибет до крови или с моста сбросит, тот и прав».

* * *

Дюма тянуло к смелым полубабам. Ко изысканности. До Гюго я и не знал, что можно крупно говорить по-французски. Там в одном заглавии мощь: Собор Парижской Богоматери. Перевод поневоле достойный. И высоко, и достойно. А Ван-дея... о, народ! И где? – Во Франции (!)

* * *

Три-то мушкетера. А из мушкета за всю книгу раз пять выстрелили.

* * *

А еще чем вред испанского – не испанского стиха на нашу голову. Там череда, повторения, совпадения легче им, чем нам стараться сгромоздить эту легкость. Само собою и они доходят, как в любом пробовании, до сверхсложности и отчаяния. У нас это фокус – поместить чувства, в основном, в три – четыре – пять размеров. Дай-ка, попробую я.

Но когда они свое читают, мысль идет как без труда, из того же разговора одинаковых окончаний. Нам же надо рыться в огромном разнообразии, думать – думать, сооружать мысль и находиться далеко от ее полета. Аморес, Долорес, Теодоракис. Там они стихи – столбики и зародились, вычленились из жизни. Поэтому поэты – явление их-но-о-е!

* * *

Милая, весёлая певица романсы как песню поёт. Раза три встречал такое. Зачем стараться, художничать, когда в голосе всё есть.

* * *

И пошли дальше под барабан, под ноты, под баб.

* * *

И всё маленько подломить. Не тот человек, который тот. А тот, который не тот. Такой зуд у них, таких, этих. Смазливую назвать красавицей, навязать во весь экран.

* * *

Тань,

истина в последней инстанции – это не моя художественная идея. Это Розановская. Я сказал, а ты как хочешь. Идея-то

мужская. До него пустяковую мыслишку начинали с истории. Допустим так: я ехал и моим глазам представилась ужасная картина; нарисует её и начинает: и я подумал, и далее... А то как вступление: я знаю с десятков мнений на сей счёт, но позволю себе своё... оно заключается в том... Или так ещё: быть может, вполне возможно, я не прав, но я всё-таки рискну предложить. Половина извинений в статьях этих. Как я нарочно растянул.

И вдруг Розанов сходу рубит: как, Что делать? Если лето – ягоды собирай. За грибами сходить можно. К чему?.. А Ахматова, как хорошо заметила у Пушкина. Рассказ его, если помнишь, «Выстрел» начинается с такого: «Мы стояли в местечке N. Или: «Наш полк стоял в местечке N. А. Ахматова Анна Андреевна, прочтя, воскликнула: «Да как он смел! Кто такие «мы»?» Умница, буду знать. Всегда ведь: в каком году, какой осенью, от кого, из кого. Поначалу приятно от словесных сопоставлений себя с другими, а потом... потом приелось. И вот я, Ахматова, Розанов, рассердились и я заявляю:

Всем нравится Италия.

Конечно, конечно, Таня, разумеется, не всем. Это я для знойного юга: сухая роскошь. Акрополь... (Успела перескочить? Куда? – В Грецию). А перелёты для разминки, кто читает или слушает. Или пляшет «Крутуху» – сплошные перелёты. Затопила в печи дров, сама по воду пошла... На речушку, на Неву.

1

На речушке, на Невой* гуси серые сидят...

Ни собиратели, ни вокалисты не поймут; (не все) – какая Нева в Сибири, а теперь и в Новосибирске не узнают – бабушек тех великих уже нет.

А таким, как твой покорный знакомый, не надо и вникать. Там, сама знаешь, знаю – чувствуешь – по звуку полная правда. Стих для поэтов невозможно разлетаистый. Отвага. Начало отваги. А я вот так вот считаю и все. Никакой инстанции.

---

* Как спели.

А раз однажды один самый ценимый мною человек по поводу частички любимого дела начал, как у меня там, в начале, преповский этот презанудный проговор извинительный, и я воскликнул: «имя – отчество! говорите интересно». Говорят, правда, я не слышал: краткость – двоюродная сестра таланта. Так вот, я тебе, музыкантше, сказывал, а ты, оказывается, знаешь сама, что часть вместо целого – синекдоха. Ну, не полная правда. Эй ты, борода! А у него – да-да, есть и плечи, и ноги, и костюмчик. И он не злится. И я, ну, Тань, коротенько вещаю, эдак даю тебе на весёлую головушку посоображать. Трижды, четырежды, пятью прав, что люблю народный разум. Только я... И Розанов... и солдаты, и плотники. Любуюсь на Парфенон. Перескочила на камень? А там всё он да он. Лаокоон. Да Польша. Да, Пелопоннес. Откуда они потом? Ус, юс, ум, ис, ос? А? В Греции? Пишу – не могу терпеть скорости за восьмой класс по литературе: к ней, Таня, давно уж по необходимости прибегают. Таня, Таня, пощади! Не рассказывай ты мне, битому словеснику, что, вот ты знаешь, Ваня, есть такая-то литература и такое-то письмо. (У тебя бы – письменность). Да уж знаю, а ты вряд ли настоль, что в том и в другом и то есть и то.

Татьяна батикована, а что народ-то, шельмец делает, смотри: душа с телом вышли из тела, что с ними делать?» Ну, как, ну, как так? Ну хотя бы вышли из дома, что ли. Тело, получается, осталось и вышло. Как понять? А так: брось ты это – отгадка такая – крестить.

Приступаем дальше к народу: «Гуляй нечетом. Один день на разживу покидай». Мы ведь всю жизнь школьную на ответственности плывем. Если что там вчера неровно получилось, выпили, непарно получилось – это не в счет. Ан – нет, выровнять охота, да не выйдет, видно. Так что гуляй нечетом. Один день лишней; он и нечетный. Пусть на жизнь дальше пойдет. Какая у меня телега поехала, было. Не-ет. Народ в десятку, в

точку смастерит. А нам... никак нельзя, чтобы не разложить, как схоласты, киники, пифагорейцы». И Дидро, Лао-Цзы, Песталоцци, Бисмарк так не говорили. У них точно: если вначале «ты», то и в конце «ты». Сколько – столько.

4

А тут опять как-то располагается и где она, в чем мыслишка? «Худая кляча зря куда скачет». Зато запоминается правильно.

Почему народ, еще не прошедший, еще есть, так «несимметрично» летает туда-туда, а, Танюшка?

Давно-давно в журнале картину увидел. Почти затонула баржа с белыми. А ноябрь, по воде пузыри от дождя, снег на шинелях, почти снегопад. Белогвардейцы вытягивают пушку с кормы; она соскальзывает уже, оседает в воду. Вытянут? Неясно.

Художники ищут свою «динамику» как передать. Да вот она, тут, накренилась. Один бок выше. И вот все к тому. Меня пробрало всего, когда я наткнулся на однобокие пословицы. Радости не было измерения. Из этого, этим жизнь все время выравнивается. И идет этим. В тот миг, в тот час. Теперь окончательная истина. Не в последней инстанции. Еще кому-нибудь пригодится. Да как жить без веры в свои мысли. Ну, я – о! – с умной пословицей такой несусь к людям. Людям с умным видом сначала. А на меня ушат застоялой воды: у вас нет какого-нибудь мышления. Не знают, господа, кандидаты, что обзываются. А словесники. А я, да уж, наверное, я просто обязательно не прав, не искренен – вон сколь пишущих.

5

А теперь дальше. Я уже про тебя, Таня, забыл. Разошелся – не остановить. Про них. Они же и мечтатели. О-ох, где, куда деваться – надоели со своими самодельными чертежами. Чтоб везде можно было побыть, сто раз пожить, в два раза быстрее доехать /потом в три/, повлиять на любого. А вот чтобы не хотеть больше, что хватит, как раз, с цифири

чтобы слезть с этой... умного не слышал. Русь помнят 50 тысяч лет (!) На скале читали нашими буквами.

Ну, чё, ладно, запросто, свободно может быть от заговоров или, как там, от пассов, влияние и последствия, если веришь. Враз могут подумать в разных местах. Мне это не дано. Я и не лезу, но и не оспариваю. Сам знаю – 90 процентов жизни не осознанно. Да каждый шаг – почесался, зевнул, вдруг махнул на что рукой. Так что все может быть. А мне охота не оказаться там, перескочить миг, а прожить. Интересно, у нас Алешка, маленький все время выключал телевизор. В три годика явно интереснее явь. А тут уж так уверенно, так специалистки впечатывают, такими сантиметрами, граммами, такими липтонами мир Божий. Всё знают. А что же названия берете у производственников. Радостных ученых отталкиваете живых. Энергия, энергетика. Коли особая она, тогда и слово должно получиться свое. Какое-нибудь леголеление, амрарит хоть. Спроси у любого главного энергетика завода не разворованного, что это такое. Энергия, да, пошире. Хорошо вам или кому – засосало под ложечкой в полночь, это потому что Сириус оказался там, полнолуние над Марсом.

Нам бы так! Рад бы в рай, да грехи не пускают.

Возьмем для середины былину. Мы на прежнее опять. Шевелю снежок.

Заходит князюшка в зелену третью комнату,
Бежит в ее, нет никого в сиреневой.

Совсем все на круги своя невозможно, а круг легко повторить и песню круговую спеть; ее слова:

Уж вы, девушки, играйте,
На меня младу не завидуйте.
Уж как я млада
За купца, купца сговорена,
За приказчика молодого,
Холостого.

А есть и соответствия, фамилия у Чернышевского не зря же. Он трудился, в основном на недовольстве. А народ нарочно скажет неправильно. Чуть в другую сторону скособочил, а у тебя уже выправка пошла. Как так – тело из тела? А-а... и ум у тебя есть. И-ы-эх ты, застывшая математика, сыграй что-нибудь.

Дроля думай, дроля думай,
Думай, да головушкой.
Никогда не назову
Твою сестру золовушкай.

* * *

Татарин из Калифорнии рассказывал: «Вот индейцы – монголы и монголы на лица. А в Тюмени зовут ханты.

* * *

Может быть, может быть ребенку из гор и не понравится первый раз барокко, залы Рококо после своих Синюх, Белух, после того, как синяя вода обтекает скалы.

Совсем не помню как впервые на стене картины увидел, или за площадью колонны. Большим уже будучи любовался полукругом и аркой Генштаба перед Зимним. После Алтая, после родных сопок над деревней, незнакомая красота покажется как чужая опрятность, ровность.

* * *

Солдатам 1900 года рождения, 10-го – костяк армии и основная культура – на войне в сороковых годах необычно слушать было, непривычно тенора. Еще ведь в конце двадцатого века записывали колесную лиру. А в середине, даже чуть к Хрущеву, фронтовики на гусях играли, дома.

* * *

Древние бумаги, указы или описания читаешь, надо все время догадываться. А им, думаешь – обычный язык. А ну как нет. Каждый раз ведь лично писано. Общей дворянско-

социалистической школы не было. Разбираешь, если разберешь, не сразу; тихо читается. Да и в 17 веке не всем понятно, и тогда соображали над бумагой чтецы. «Да в прошлом во 161 году ходили мы в поход на неясачных людей чуванзей. И они люди оленные, сами ушли и жен, и детей увезли. А которые были робята не большие, и они после того скопяся, многие люди тех робят отбили...». Свои запятые ставлены... Ну, и не робята же себя отбивали.

С удовольствием дойду до смысла сам, и спасибо скажу Семену, а по его – Семейке Дежневу – за прозу. Повникайте, повникайте чуть ли не в 16-17-е века: «да в той же церкви есть в стране кладезь, и те священники, и дьяконы, клирные греки служат во весь годь, той водою питаютца. емлют на всякую потребу». Ладно, не буду чад мучить. Ни за что не догадаться, что «в стране» – стороне. А «священники» – священники по церкви.

* * *

Указ

А с цунами. значит, так управляться. Дома ставить углом к морю. Высчитать, понятно, всё. И крыши чтобы как у нас на крестовых домах, и чтоб ребром к воде стояли. А с окнами рядом – ниши выдвигаемые, закрывать их. До девятого этажа, раз волна такой высоты бывает. Может сыграет, может – нет, на пользу. Улицы также продолжают косо к воде, а через километров сорок – как хотят.

Да гаражи и укрытия волноломами – все так же. И метров через полста-сто успеть чтобы забежать. А наверху этих крепчайше упертых домов должно вестись дежурство, глядеть все время на край моря.

Царь царей, король королев,
Иван царевич и Бонч-Бруевич.

* * *

– Алина, у тебя кнопки есть?

– Есть.

* * *

Послезавтрашние фрески.

* * *

Скиф играл на скрипке,
Гот на гитаре,
Гунн на гумне,
А я на пионерском горне.

* * *

Жила-была бедная и жадная девочка. Вот как-то раз пошла она бутылочки сдавать. А навстречу ей по аллее идет принц. Он сразу понял, что у девочки мало денег. И дал ей рубль. Потом посмотрел на ее бедный вид, на авоськи и спросил: «А почему ты не грязная?». Девочка сначала даже растерялась, потом сообразила, побежала домой, вымазалась, и у нее приняли без очереди.

* * *

Русская речь – это все продолжение.

* * *

А вот русские стихи:

На поле на Ордынском стоит дуб сорочинский.
Прилетели птички, принесли по спичке.
На спичке по яблочку. (Воскресенье)

Триста орлов, пятьдесят соколов, дерево сухое,
Верх золотой. (Будни. Воскресенье).
Два орла орловали, третьего купали (отгадайте).

Идет не мужик и не баба, не домой и не в гости,
Несет не пирог и не сбитень.
(священник с евангелием. А орловали – о Крещении).

Только одна тема, а их там – тьма тем.

Рыкнул вол на семь сел.

(колокол)

А вот без всякой звукописи: рассыпался горох на четырнадцать дорог. А тоже – колокол.

* * *

Художественно развивать свое дите – значит, менять у него то, что ему нравится, на то, что нам нравится.

* * *

Услышал недалеко от дома:

– Здорово, Попов!

– Русский.

* * *

Что в 19-м, что в 20-м, 21-м веке:

Вечор сокол,

Вечор ясен

Сыры боры облетал.

Вячеслав Владимирович и серый волк

К 60-летнему юбилею

Вячеслава Владимировича Асанова

Вячеслав Владимирович — Ермак нашего времени. С него пошла снова по Сибири старинная и древняя песня. И было их 1981 году от Урала до Читы, людей с ним, семь человек. В 82-м я пристал к этой ватаге. По середину 90 годов проездили вместе, прошли. Чего только не было. Только сразу скажу — ни одного приключения за всё время. Вот какой умница он. С ним, правда, самим одно было. Значит, с чего? Ну вот.

Он же любит приходить на вокзал тика в тика, а раз на Алтае, то ли он без очков расписание посмотрел, то ли... Да нет, мужик точный. Мы давно здесь на месте, даже девки вовремя прибыли. Изперетапывались уже, извертелись: может, остаться кому? Ехать-то всего станцию, вообще-то.

Он к бабусе побежал к одной, чудной певунье. Нарочно пишу, не к исполнительницам. Ясно, что не одна тогда пела. Ну и вот, через час он пришёл, а нас нет. Дело ещё не к вечеру. К бабушкам неудобно как-то возвращаться. Не к вечеру-то, не к вечеру, а электричек больше нет. И поезда мало останавливаются здесь. Что делать? А, где наша не пропадала! Человек он простой, дай, думает в лесу хоть раз переночую. Как Иван Кольцо, когда один. Испытаю, думает. Сказал себе и пошёл. Хорошо. Лес хвойный. Стало темнеть. Вячеслав Владимирович насобирает сушняка, много так, потоптался на нём, чтобы помягче спать. Сел сперва. – Посижу маленько — соображает, со-о-бра-жа-а-ет...

Открывает глаза, глядь на часы, потом на солнце — Елки-палки мои зелёные, пропустил электричку утреннюю, протёр глаза и... замер. Перед ним волк. Какой-то спокойный. Ввввв-чеслав Владимирович сам человек бурный, но мечтательный, маленько даже готовился к такому. Да, только и нашёл, что: «Ты чо, Вова, как здесь оказался?» Значит, собрался с духом. Знал — нельзя бояться. «Чё, Вовка, тоже заблудился?» – врёт за двоих. Тот стоял и вдруг улёгся лицом сюда, голову на лапу свою серую положил и как человек, смотрит. Ну, вот тут как? Любой тут свой страх забудет от удивления. Может, подраненый, волчишка, может, голодный. Хорошо, у Асанова сумка с собой была, а там колбасы, наверное, с полкилограмма, чай ещё в термосе, Ну, чай-то на что волку. Хлеба полбулки. Вытащил по середине между собой и серым положил. Тот не шевельнётся. Всё глядит. А-а. Догадался Слава. (В лицо-то я так не зову его, а тут можно). Славка, значит, постоял чуть и отошёл в бок метров на десять. Спиной не стал поворачи-

чиваться, мало ли. Сел и тихонько запел. Слышит, будто кто помогает, а это, волчище-то подвывает ему. Обоих, видать заела тоска. Ладно, попели. Волк подошёл к еде. Поел. Ну чё, вроде как друзья. Только не подходи. И что думаете? Насытился волк, подошёл к Асанову и лёг в ногах. Маленько прошло время. День уже не прибывает. А, пойдём-ка пешком. Направление Вячеслав Владимирович знал. Километров там с двадцать идти. Что опоздали — что теперь? — Девки там опытные. Афанасьич подбасит, подсипит, если что.

— Идут, идут, идут и заблудились. И день сошёл. Вот опять ночь проводят Вячеслав Владимирович и серый волк. Легко сказка сказывается, да нелегко жизнь дается. Тайга вить! Второй день у них, значит, экскурсия по лесу. Второй день и праздник «Троица», где-то рядом идёт. Рукой подать, может.

За полдень уже вдруг далеко, далеко как собака залаяла. Он сразу на волка глянул. Шерсть не топорщится. Чё-то другое. Поезд ли... Может, грибник? Опять стихло. Двинулись дальше, а волк-то как будто даже ведёт. Час, два прошло, не засекал. Опять звук. Да подольше. Зарадовалось у него всё. Ну, ну, ну-у! Нашлись мы, однако. И тут же грустно стало православному человеку Славке. Как друга бросать одного? Прощаться надо, придётся. А тот сел на задние лапы, сидит, как рыбак. И снова, да не звук же это, это голос! Точно: пи синим волнам океа-а-а-ана-ааааа. Лишь звёзды блеснут в небесах.

Давай по привычке подтягивать. И волк опять подвывает. Да, главное, кое-где в лад попадает. Или лад в него. — «Ну, Вовка, ты точно из зоопарка. К музыке привык. Песня — это хорошо, и жизнь как надо идёт. Ноги в руки и айда на голос, на голос. Про корабль, так, поют мину... не меньше полчаса, а у нас километр за это же.

Кажется, ровно шли, а тут, вроде, под горку. Обана! Ух ты-ы... Поляна.

То место, куда на Троицу ехали. «Ну. Вова, голодные мы с

тобой, как волки. «Подожди меня здесь. Щас обернусь и тем же макарон ворочусь».

Как увидели наши Вячеслава своего Владимировича, как заблажат: Вячеслав Владимиро-в-и-ч!

– Подождите девки, у меня там друг, давайте еды какой-нибудь холодной.

– Может, вам телятинки с галанским сыром?

– Давай телятины, хоть что. А тут Валька, парняга, сержант милиции, Он сам не поет, а пряники делает, народ подкармливает, чтобы девки толстели скорее.

А пряники — не шутка – по тульскому образцу. Давай с ним совет короткий держать. «Вячеслав Владимирович, надо его обратно в зоопарк. Пропадёт он в лесу. Ну, куда? – совсем ручной.»

Куда, куда! Ты что! С нами пусть. Намордник наденем.

— Ага, дастся он вам в намордник.

Разгорячились на радостях. Давай бороться. Значит, кто сборет, по его и делать. Ну, что вы, куда нам. – Валька рукопашник, смеётся, понятно, не сразу, свел на ничью. Ясно, в город надо зверюгу эту лютую. Эх, эх, эх. Позвонили по мобиле и стали ждать автомобиля. Сидят опять вдвоём с волком, ждут, а внизу, на полянке тоже несколько машин. Урчат которые, а зверю нашему — хоть бы что. И, когда подкатил на другой день. зоопарковский, для этого грузовик, он даже, как говорится, ухом не повёл. Может, соскучился даже.

Откинули задний борт. Какую-то, вроде трапа, лестницу спустили. И один мужичок зовёт: «Хоря, Хоря, – ишь, назвали, — иди, иди». Да с тихим эдаким присвистом. У волков шея ведь почти не двигается. Так ровно и поднялся.

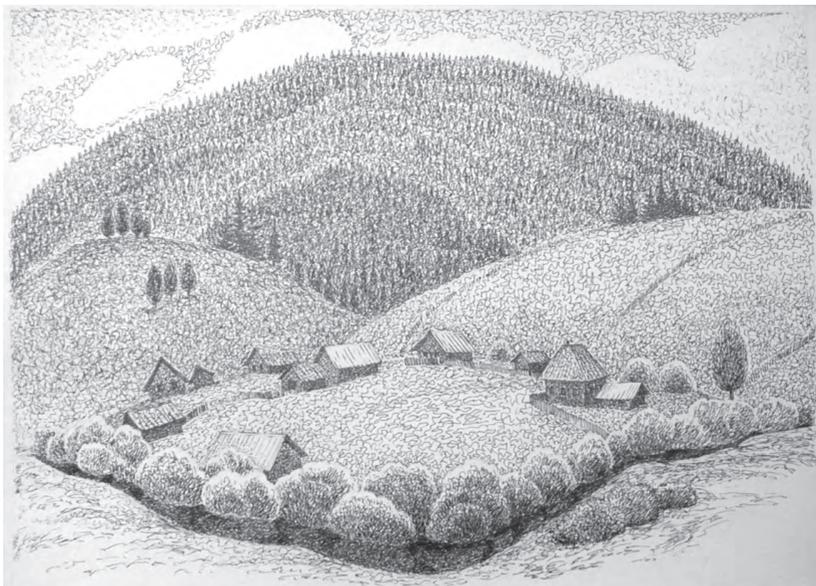
Те тоже спокойно закрыли борт. Не-е. Там клетка была. Её сперва, а он, Вовка, там сразу повернулся и стал как тогда, в лесу, глядеть на Асанова.

Как только приехали в город, Асанов сразу пошёл к другу,

а его в зоопарке нет. Сказали, сбежал. А где он... помещался-то? Вон, в конце. Подошёл к тем прутьям. В клетке мужик что-то ремонтирует. Разговорились. Ну и тот ему обсказал как. Тогда же, – говорит, – по дороге. Клетка там широкая, как раз по бортам. Места много. Инструменты туда, бывает, кладут, запаску. Как отъехала, значит, часа не прошло, прокололись. Полезли за ней, запаской. Клетку раскрыли на секунду. Он и дёрнул. Поверили...

А в тот вечер на Троицу девки до утра хороводились. На речку кричали. Парней не было, мужиков. Не мужиков, село казачье. Может, кто-то и был. Девки не знали про это.

А за домами братину вели по кругу. И я там был, всё пил. По усам вроде бежало. А в рот ни капли не кануло.

Шестая часть

Глава 1

* * *

«Во Францию два гренадёра из русского плена брели», и я как дурак за ними повторяю. Не нами сочинено и перевели для слезы дурацкой. Когда дружно-то они по России шли, не то пели.

– Их, Европу, на нас тоже гнали, поди, не все же хотели,

– Ну и что? Где-то далеко в башке было у всех, что наступают.

Куда? В сугробы. О, наступаем!

После Березины брели. Отбирали продукты, жгли дома с лавками, табуретками. Стреляли в защитников своего.

* * *

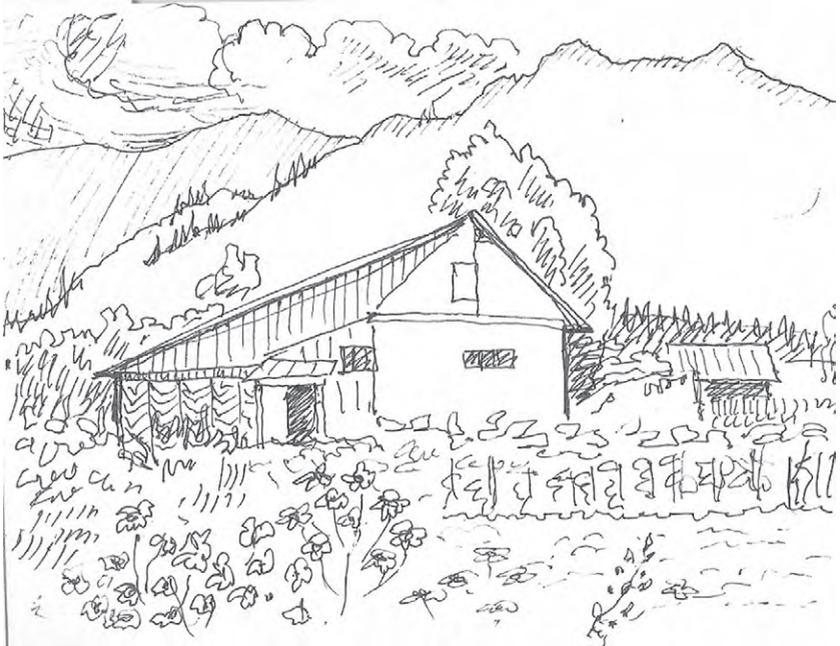
Сижу в автобусе. Лица мужские мужиков. Заскочил парень. Разболтанный чуть, а крепкий. От Студенческой, уже поехали, преподаватель, по виду лет за тридцать пять, статный такой, идёт к автобусу, не бежит. На ходу ступил на подножку. Девка спит себе, сидя. А у меня умное лицо, а сумка рваная.

На кого полезли?

* * *

Есть наша песня про ребят раненых в 40 году:

Шли два героя
из Финского боя...

* * *

А как было хорошо: «Эй, любезный, а ссади-ка ты мне этого молодца!»

Может, не так там, конечно.

Или как хорошо успокаивали: Ну, будет, будет, погоревал и хорош. Как вдруг начали: будь любезен, будь уверен. Ен, ен. Как у немцев. Там много этого эн, ен. У них что дательный, что творительный енами идут. А у нас это самые связанные оконцовки: к ему, к сватье. Парням скажи, всей ватагою чтоб. Чем хотят, пусть и орудуют; лопатой, ломиком, любой орудью. У немцев артикль подставил и хватит. Слово не меняется.

И наши слова коверкают всё на именительный падеж.

Почему я тревожусь? А всё больше и больше неподвижных слов. Был я в магазине «Книга» в селе Линово. Зашёл ко всем Розенкранц, попил Кларетти, взял с собой сухого Гра-тиешти.

* * *

Вот вам откуда взошел этот язык: «Когда я начал вести свои записи, я не преследовал другой цели, кроме желания отдать себе отчёт в своей жизни, в своих впечатлениях и своих поступках. (Арман Огюст Коленкур, секретарь Наполеона)

* * *

Учительницы, будь они неладны.

* * *

Тореадор. Скотобой. Случаи для сюиты, сюитчики в чёрных костюмах, в белых рубашках. Если бы не знал, что «Кармен», ни за что бы не догадался, что про это. Совершенно без этого, без быков, не могут всё-таки.

* * *

А вот у нас. Почти наше время. Книжка называется «Мифологические рассказы»: «Рассказывал мне это дело один шофёр.

Один раз, говорит, поссорился я в Берёзове с мужиками, поспорил чё-то. Потом уже собрался уезжать, подходит ко мне баба:

– Посмотрим, как доедешь.

– Доеду.

А у меня, говорит, в кабине парень сидел гармонист. Вот мы поднялись на хребет, давай спускаться. И только на самом крутяке разогнались, смотрю: обрыв на дороге! Парень:

– Стой!

А я ему:

– Играй во весь мех гармонию! – и перелетели. Вроде и не трягнуло. А по дороге сзади кошка, замякала. Это ведьма подделала. А нам показалось: обрыв». Концовка веселая, мифологическая.

Глава 2

* * *

Что пели призывникам нашим, рекрутам? Не сосчитать этих песен за проводы. «Последний нонешний денёчек», само собой. И такие, которые в другие дни пели, и такие, где падёшь в степи и ворон выклюет очи, или ручки-ножки свяжут, и не воротиться домой. « На том дальнем, на Кавказе срубят голову мою». Бабы глаза вытирают, у мужиков – не слезинки.

А не было страшнее русского солдата в рукопашном бою, а казака в кавалерийской ошибке, Наполеон не рекомендовал кавалерии Марата сталкиваться с казачьей конницей, за честную страну шли.

У царя колокол по всей России (рекрутская пословица).

* * *

Даже в пустяке правда шла: в четверг... нет, не в четверг.

А сказывается казацкая кровушка. Мне хорошо думается, когда еду.

* * *

Ладно, для связки скажу: теперь. Во всем, во всем централизация, в одно место. Это получается 28 букетов, да хоть роз по одной. Куда она географичка их денет?

* * *

В горах Алтая
После Эдгара По
Лина и Тая
перекликаются среди гор:
Линка! Линор!

* * *

Ну да, по мелочи люди разные.

* * *

А ведь народ не знает сказок, рассказанных по правде. Про Илью Муромца: «К давешным товаришам назад воротился и девку не увидел... Чего товариши, значит, проворонили, не доспелись?»

– Нонешной гром, куда поедет? Ну, поедет, говорят, к нашему отцу. – Да поехали, они ведут его.

Теперь это уже не деревенский язык... Теперь сказочный. Ребятишкам страшно нравится. Да и взрослые чё-то слышали.

* * *

Городское бесцветное слово закладывалось... Наверное, весь этакий был филологически мутный весь 18 век...

* * *

Толстой упражнял ум, по старости память укреплял. Его дело. А вот можно взять, а где? древнерусские (не старославянские) любые записки, нет, отписки, ревизские сказки, где безо всяких знаков препинания, нет больших заглавных букв. Где начинается предложение, где следующее? Зато, если уловишь, в самом ходе окажешься, в самой мысли. Отложил, на других страницах нашёл, и ум бы остался, если ты стар.

* * *

Про «необратимость». Один мужик отказался проверяться на ВИЧ. «А зачем это мне знать?». Тебе да. А для других плохо, если что. Но вот что. Писатель известный, хороший, а пишет: боюсь, говорит, генофонд понёс необратимые потери. Где голова-то? Чё не понимает, один мужичок может наплодить город, если с умом взяться. 5-я рота из поздних поколений задержала 2000 боевиков. Ни про какой генофонд не слышала.

Глава 3

* * *

Ух, иркутские девки! Солнышки.

— Дя-а Вань, а ангарские?

— Ну, Ангара, Ангара-а... она будет покалёнее Байкала.

* * *

Река Неглинная, наверное, уже — подземные воды.

* * *

Купил, значит, я себе швабру. Еду с ней на автобусе, к ногам поставил низом. Вдруг её кто-то покачал, опёрся на её,

и стал садиться. Я тогда покрепче держу. Не сразу так сел, посмотрел на меня и смеётся: поехали.

* * *

Не всем не всегда удается жить, а не вести себя.

* * *

Ой, времена, ой, нравы!

* * *

Будет ли сейчас кто-нибудь знаменитым. Боюсь, боюсь, что нет, что не надо. Прошёл смысл в идолстве. А то на другого как на Бога, а на себя как на чёрта. Тем более писатели. Говоруны ручкой. Есть и сейчас, такого воображения Дост..., как Гончаров, как Толстые, как Чехов. Столь же углубляются и по столько же людей выводят на чистую воду. А куда муть? Столько всего! Но будем знать через умных знакомых, у кого нынешний толк, теперешняя польза.

* * *

– Еду как-то в гараж. Как раз на Покров было. Нет, обожди, раньше.

– А чё такая честность?

– Обожди, не перебивай. Точно, Покров был. Я ещё лыжи хотел взять. Иду, значит...

* * *

Электропоезд прибывает на второй путь. Путте осторожны! (Пока так.)

* * *

Совершенно потрясающе. Созшен потрясающе. Сшен потрясающ. Шен потря...

* * *

Туда же: соршен блестящее образование получил. Речь блестящая.

* * *

Конечно, у него сомнений не было. У Крылова, что самая-то глубина не в писателях, а у народа.

* * *

Непроизвольный символизм и написанный.

* * *

Ничего противнее американских городов нет на белом свете, а ночью тоскливее.

* * *

Слабый, да ещё мозгами неповоротливый, пишет об отношениях только. И описательность одна. Привыкаешь к тому, как там сверкает, идёт, смиряется, находится, стоит, лежит, заходит. Без тебя. В книгу же не залезешь; и оседает, что не ты. И ладно, привык. Привыкаешь.

* * *

Спасибо этому дому. Пойдем следующий.

* * *

Мысли захватывает больше чем проговорить, мямлит: э-э-э...скажем... в сущности... и знаменитая: скть – профессорская палочка-выручалочка. Неустный потому что язык. Лучше пиши.

Глава 4

* * *

Есть уже всё высокое. Один маленький, другой великан. Дом один пониже другого. Эвкалипт выше всех деревьев. Надо ещё выше: там высшие существа.

* * *

Задумался над стихами, чуть-чуть забормотал и не заметил над собой старика с костылём. Фольклор такого не знает, не знал. Там, наоборот всем хорошо.

* * *

Поющие акробаты. Пляшущие – нар. хор.

* * *

На самом деле главные таланты: родильные, плотницкие и защитные, да, хозяйственные. А художественные – это отражение. Оно должно быть на втором месте.

* * *

Подражание 18 веку:
Месяц тучами объёмлется.

* * *

Комедию театр ставит. Надо бегать, кувыркаться, увиливать вдруг, хохотать – самое трудное для меня. А есть отделяются ехидством. Есть, есть. Голову скосят эдак, и вся игра, и самая трудная работа – водевиль. Все время жить. Если что, сразу видно бессилие. Потому и... Давно вы видели водевиль?

Глава 5

Басня

Брат городской собрался петь фольклор.
Достал баян, гитару, скрипку.
И дирижёра для хора.
А как без хора?
Как без нот.
Вот.
Всё записал на соль.
А Тань да Мил

Назвал альты, а не Алёны
На первые, вторые, третьи голоса разбил,
махнул – запели.
Да несолено.
Глаза, где надо все закрыли.
Завеселели разом.
Задумались, чтоб и мы
В задачки эти впали.
Или такими стали.
А дело на селе.
Блеяли овечки, петухи кричали.
Мамаши ребятишек звали.
Анисьи, тётки Даши, Дуси, Нюси –
старухи рядышком сидели.
Крестились: да Господи,
Да сроду так не пели.

* * *

В своей деревне да не в своей жизни.

* * *

У Марии Петровых, у Ахматовой, Цветаевой родина – Пушкино, Павловск, Гатчина, Петергоф, Васильевский остров, книги, строчки, строчки. Только разлепили глазки и буквы, буковки. На всю жизнь это. Эта любовь. Навсегда в них самые близкие: Анненский, Пушкин, Гельдерлин, Фет, мама с папой за фортепиано.

А у меня родина – сопки, река между гор. По-моему, одно из первых стихотворений лет в семь услышал:

Ехал. Грека через реку
и увидел – в реке рак.
Сунул Грека руку в реку.
Рак за руку Греку – цап.

Сразу на всю жизнь запомнил.

* * *

Рыцарь. Звучит. А посмотреть где человек-то? Закрытый. Прикрыто человеческое тельцо-то. Наш богатырь – слово хорошее и одет смело.

* * *

Залепили наши дома, наши квадратищи косоугольной латынью. Скоро, наверное, так надоест, что серьёзно будет уже не страшно бомбы. Пожившим.

* * *

Вся жизнь осуществляется и остаётся жизнью через огромное сопротивление дуракам. Только не-е, народ есть, но он и не заметил, как... в стороне. Занят этой самой жизнью по самую макушку.

* * *

Ой! Арина Родионовна передвигается. За нитками.

Глава 6

* * *

То ли Демокрит, а может, я извиняюсь, извиняюсь, Гераклит, не помню, создал нотную запись. А кто-то наоборот, опять забыл – Аксенон, или Ксено... вылетело из головы и всё! его же современник воспротивился. Тупик это!

А действительно, сейчас в любой песне четвёртый звук не нов. В авторской, понятно.

Какой-то рокер – бог с ним – умница, лет пять назад предрек, что скоро живопись из-за обилия её, не будет восприниматься как живопись. Музыка, пение пляска не будут ими. Насчёт живописи и пляски (подлинной) может быть и загнул.

Мусульмане ведь не стали рисовать людей, чтоб от них не уставать. Узоры, пожалуйста, хочешь смотри, хочешь не смотри.

Наша роспись не надоедает всю жизнь.

* * *

Кто хочет по-своему как-то выглядеть – все совпадают: или полголовы обреют, или волосъё до лопаток отпустят, или косу отращивают.

Есть природный ход вещей, а есть литературно-художественный.

Наказ

Чтобы не таяло, надо чем-нибудь покрыть северным и южный полюс. Какими-нибудь водопыленепроницаемыми защитами. Ну, покрытиями. И когда с краёв будет подтаивать, материя будет свешиваться до воды и закрывать бока льда.

Хоздума. Отдел культуры.

Глава 7

* * *

Народная словесность и смелее и удобнее.

* * *

По дороге разнобойная мыслишка... То бабу хорошенькую чуть не проглядел. То собачка общественноодинокая. То чихнешь, а несет куда надо – к метро. Почему народ не выстраивал, что прошло. И пел, на чужой взгляд, без связи. Выносило – плясал. Доплясывал и шел домой.

* * *

Эшш ты! Эш ты-а, еж твою корень, о-от она – Гвардейская, 11.

* * *

Дядька лет пятидесяти, сбитый такой, поглядел в мою сторону: Ванька, а у меня под глазом ни разу синяка не было. Давно случай и разговор был.

* * *

Когда занудно зовут к добру, человек, наоборот, закаляется в грехе.

* * *

Кто с картинами живёт, жил в замках, показывает их и любит. А они уже давно почти безразличные – лишь бы не украли.

* * *

Когда научусь обыкновенно относиться к обыкновенной жизни.

* * *

Вчера было первое января. Сегодня неумолимо второе.

* * *

Стихи – малый наркотик. Ни с того ни с сего зародоваться, в дикое воображение впасть. Надо писать чё-то такое едва-едва обаятельное. Кажется, в студентах, нет, попозже, но давно еще получилось:

Никаких над городом просветов.
Целый день рассвет.
Да, рассвет и в жизни
впереди нормальный свет.

От прекрасных строк тоже есть «ломка». Да не сразу, не на другой день, незаметно жизнь слишком обыденная пошла.

Глава 8

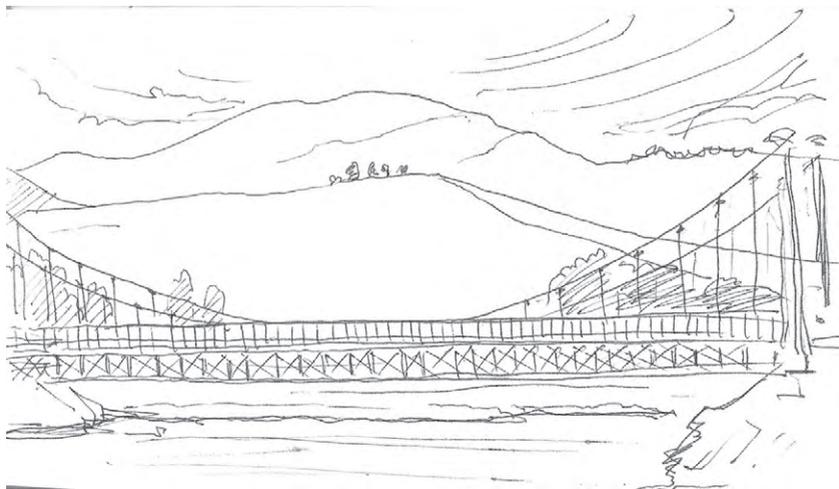
* * *

Был майором в батарее истребителей танков. Танки тоже умеют стрелять. а батарея-то на месте.

– Тяжёлая служба.

– Да всякая.

(А у меня уже свои соображения. Никак не остановить.)

В мирное время так надо истребителей готовить. Взять километровой канат или побольше, чтобы туда и обратно хватало. Обмотать им макет и тянуть к себе на барабаны. Но, чтобы они, барабаны, тоже на, месте не стояли. А двигались, то вправо, то влево, макет чтобы не по прямой шёл. Вилял чтобы, чтоб не попасть. Все, командиром тебя берём батареи. Только со своим канатом.

* * *

У художников похоже на бой, артисты почти, что как есть показывают. Некоторые писатели близко к правде пишут. А петь, как пели, никто не могут. Потому что тут надо нее изображать, а только петь. Еще: художество только мешает.

* * *

Не люблю, когда о народной жизни, что незатейливое такое, говорят, примитивное устройство, наивное, ещё не люблю: первозданное. А ни один певец, какой там? – ни один классический состав, не симпровизируют, как в Забайкалье деды когда-то, многоголосие.

* * *

«Преступление и наказание» изучать в школе – преступление (Я).

А учащимся – наказание (Андрей Е.).

* * *

Поэты к 40 годам нравятся только хитрым бабам. Бабы глядят восторженно, а мужики ревнуют.

* * *

Пришла пора слову «Труфальдино» стать зелёно-красным плакатом, перед глазами на дороге. За что боролись, на то и напоролись.

* * *

В школе спрашивали с нас изображение мысли, а не думать. Лит-ра, «лишние люди». Хорошо мы эти подобия мимо ушей пропускали.

* * *

Заспорят и лихо так, в сердцах сообщают: А все вы! А как пошло к затуханию, согласились: да, конечно, не все. Не всем, правда, не сразу.

* * *

Жизнь наша весенне-летне-осенне-зимняя не нуждалась в таком упорядочении как: пьеса, повесть. Театра не знали. В Москве видели некоторые.

Глава 9

* * *

И то-то у них ушло, и это распалось и ослабело, как будто само. Как будто не пушками, не разведками, не поддержкою занозистых республик. Философская такая лихость – конец

явлению. Мне не верится. Само ничего не уходит – отталкивают, выталкивают, а в последнее время больше обманывают: и нам, мол, пора и честь знать.

* * *

Какая-то вялая Ялта.

* * *

Юг хитрее севера, но...

* * *

– У-у, это как до Китая!

– Китая, ага, вон он стоит, пломбир кушает.

* * *

Журналистка с журналистским голосом пристала к погорельцу: А вот как, когда вы почувствовали огонь? По дыму?

Если бы не про это передача, ни за что бы не подумал, о чём они говорят. Ровно старик, чуть не безразлично говорит:

– Сперва у Фроловых показался дымок-от. Да ветер, потом как-то враз до нас добежало. Только успели кое-чѐ прихватить. Да чѐ тут... ясное дело, чѐ на мне, с тем и жить.

Совсем до сих пор другой народ, чем эта девочка из библиотеки.

* * *

А на Руси были крепкие игрушки. И детишки маленько догадывались про жизнь.

Глава 10

* * *

Уже не смогу, наверное, если приехать, городами польскими, чешскими любоваться. Их всегда показывают по телевизору с мягкой музыкой. А комары там, пчёлки поют?

Днём

Царь лесной однажды
Целый день проспал.
Не снимал одежды
И измятым встал.
Длинный царь стеснялся,
не хотел вставать.
Лес темнел, менялся,
Надо снова спать.
В это время лесом,
стороною шёл
рваный-рваный леший.
Так бы и ушёл.
Только царь окликнул:

– Подойди сюда.
Тот вошёл в калитку,
вспомнил, царь всегда
был такой приятный,
а сегодня весь,
весь как-то помятый
и глядит на лес.
И ещё зевота.
Говорит подстать:
– Я проспал и вот,
неохота спать.

Мне надо поесть,
подожди меня,
мы пойдём по лесу
сон мне разгонять.
Леший согласился.
Царь как царь был строг.
Если бы смягчился,
Сказке что за прок.

Стало солнце прятаться
Тихо за опушку.
Некого бояться,
разве что друг дружку.
Где пойдём, а Леший?
– А где нам угодно.
– Мне угодно влево,
все мои угодыя.
– Ваши царь, конечно.
Мы вас очень любим.
И пошли на речку,
как простые люди.
Встали, отражаются.
Царь тут оживился:
– Может, искупаемся?
Леший согласился.

Никого народу.
Засыпает царство.
Царь заходит в воду
И стоит как цапля.
– Царь, а Царь, ты глубже
дальше за кусты!
Может, леший глупый –
перешёл на ты.
Нет, это не вырвалось.
Видно думал, что
бедный царь не вынырнет
и вообще никто.

Дети, подвигайтесь.
Значит, царь вошёл.
Только не пугайтесь –
это хорошо.

Дальше вот что было.
В самой быстрине
Три русалки плыло,
будто бы во сне.

А они, русалки,
от чудных людей,
Райки, Файки, Алки
прошлой жизни сей.
Царь не раз их видел,
ихних грустных глаз.
Что ли кто обидел,
спрашивал не раз.

Девочки с хвостами
сплылась в хоровод
(Так как там за камнем
был водоворот.)

Сразу подхватили
И, как жениха,
Гладили, хвалили.
Всё без слов, ага.
Закрутили смаху
в тую карусель.
Царь такого страху
не видал досель.
То их выносило,
то скрывало с глаз,
то до дна топило,
то кружило всласть.
Что ж, давай игратьсья
на кого несёт,
за ноги хвататься,
За руки, за всё.
На кого надавит,
вырвется – ку-ку.
Будто вылетает
рыбка к рыбаку.
Ну а леший, Лёха
начал наблюдать,
ждать, когда заохать
И запричитать.
Царь ведь знал,
ведь помнил,
надо вниз нырнуть.
Чтоб до дна и по дну
Вбок себя столкнуть.
Вот и показалась сверху голова
да ещё скричала вещие слова:
Лёха, Лёха, В брюках
у меня трояк.
Лёха тут захрюкал
как спросонья хряк.
И забрёл настолько,
за руку чтоб взять.

Встали цепью стойко
царь и этот тать.
Выбрались. – А чё ты
руки сильно сжал.
Всё ведь. Ну, упёртый,
Всё стоит, как встал.

Тот глядит: русалки
крутятся в кругу.
«Грустно стало, жалко.
Бросить не могу».
Девок же, как древо
с кружины снесло,
разнесчастных девок
мимо понесло.
Царь и леший вместе
подхватили их.
Тут друзья – без лести.
тут и вечер стих.

Стих и стали странные,
Неподвижные
девки деревянные.
Сгрёб их царь в охапку
под напевы ос
и вперёд, где хатки,
в бывший леспромхоз.
Там кружок поделок.
Может это их.
Не теряли девок?
Девок, мол, троих.

Глава 11

* * *

В мои седьмой, восьмой, девятый класс, десятый упоминали для географии, знакомили по истории, не помню, что по

литературе, говорили о Семёне Дежнёве, о Ерофее Хабарове. Но их прямую речь не приводили. Так, два-три слова. Да вру – ни одного. А она еще была похожа на свою домашнюю. У полкласса разговаривали так не только дедушки (отцы погибли), материнская речь 1900, 1910 годов рождения была. эта. Учительницам казалась некультурной, деревенской, это одно. А другие взаправду не хотели единства с дедами.

А вот как мы с мамой говорили, а я незаметно писал на магнитофон:

Я: так эт-а, поближе к Шипуновской горке было?

Мама: Почему к Ши... к этому берегу, совсем на берег, вот, как на горку зниматься-то, ды, у нас вот эдак, вот туда всё, вот туда всё, круг реки ето.

* * *

(Записал неписьменный язык. Запятых наставил, хотя там посложнее). А вот слова с детства близкие по родне:

Я: Платово? А Платово, это в каком районе?

Мама: дак а он... за Катунью..... а потом в Тайнее волость сделали. Ну, волость, это вот сейчас районы. – А таперь Красногорский топерь.....были Томской губернии, Бийского уезда, Тайнинской волости, ну, волость с делами. Тогда. Тайнинской волости, того же села. Всё по себе.

* * *

Кто бабушке не внук, кто молод не бывал (Даль).

* * *

А тут уже всё-таки письмо, дело туманное, побогаче. Аввакум пишет: На другом Долгом пороге стал меня из дощенника выбивать: «Для де тебя дощенник худо идёт, Еретик де ты! Поди-де по горам..... О, горе стало!

Горы высокия, дебри непроходимые, утёс каменный, яко стена стоит, и поглядеть – заломя голову. В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы – перие красное, вороны чёрные, а галки серые; в тех же горох орлы,

и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие – многое множество.

(Прошла беда и тут же забыл русак).

* * *

Мир во все дыры лезет. В сарае догадался.

* * *

За сто-о-о, за двести лет, за много времени до переворота, через авторов убеждают страну, что авторская культура самая главная. А за 2-3 поколения, что единственная.

Глава 12

* * *

Это Англия, Франция мужские страны? Одна лиса с хвостом на полметра. А на другой клейма негде ставить. Язык у той и у другой неудобный для нёба, и чуть не заглывается. А нашим легко говорить и думать не мешает.

* * *

А в небольшой, в невеликой земле, в её стране оно быстро берёт верх авторство. Появляется его язык. Долго он не живёт, потому что чужой народу. Так и латинский язык стая мёртвым. Хотя – как это? – его полно в науке, в гуманитарии. О чём они там говорят лингвисты, филологи, пишут, никто из людей за дверями не знает. Но усе уходит у бездну.

* * *

Роскошная рота стоит на часах
Как в Англии, Дании маршируют.
Коленками вверх, это как в болотах,
рабочие люди гарцуют.

* * *

Ага, да, сдался, говорит крестьянин. Нет больше крестьянина. Да ты первый и сдался, поехал в город за образованием. Конечно, что сделаешь. Оставил деревню без такой умной головы.

* * *

Мужик едва, кое-как нагибается за картошкой, с трудом. А другой проходит мимо, рукой голову ему ещё нагибает. Помогает, чёрт! Хохочут оба: Здорово!

* * *

Когда она делает и не успевает, к ней лучше не подходи. Помогаясь ей, а чуть что, сравниет со всеми. И правильно сделает, а ты что хотел?

* * *

Ул. Старославянская.

Седьмая часть

1

* * *

Кто-то из нас, да я, пожалуй, одному гармонисту сказал: Знаете, когда интересно плясать, охота в круг?.. Когда неинтересно играют. Он посмотрел на меня с добавком и поправил: «Ровно когда». То есть так никто, почти никто не может ни говорить, ни играть. Вести себя – ещё есть мужики.

И гусяры есть. А на гусях лучше всего, когда как будто само идёт.

На пианино оторвал от педали ногу и звук тут же замолк. А здесь три, четыре голоса поют без перерыва, добавляются другими, музыка идёт этими добавками. Как морской гул. И разьяснить себе его, разбирать не надо, неохота, не наши это мысли – талантливо – не талантливо. Под кого тянет плясать, а кого слушать. На одну тысячную дольку чуть-чуть пальцы быстрее отходят от струн, бороздят легче их. Сам гусяр на

этом не зависит – мол, как его гусли ведут. Вроде волна за волною шумят о борт. Морякам на море не скучно, сам знаю. Неделя за неделей ведь.

И кулачка шла под гусли, под ровный рокот готовились ко всему.

* * *

Те артисты часто как-то взлетали голосами. Любовь Орлова, Целиковская. Вверх, вверх, где тонко. Это казалось культурнее и потому, что речь вокруг была низковатая, силоватая от поля, особенно у воеванных мужиков. Да и они старались не доказывать, не взвиваться.

* * *

С XIX века, сверху начался понемногу книжный средне-русский язык. Его добавляли голосом. Скука и простор для фени.

* * *

Давно, давно в голове было. До фольклора еще.

... Едва-едва приучился, что графики, а, нет, чертежи что-то означают. У меня они были сами по себе. Явь. Про что начерчено, то так и выглядит. А на улице на самой, никаких пунктиров, нигде не тянутся, не поворачиваются линии. Явь.

Об улицах, едри их ... за колена. По ним порой водит художественная литература.

Старайся быть внимательным, пока адрес объясняют, несколько секунд и, поехал, куда образ повёл, зацепивши. Совсем не туда. На всё, черт, своя картинка. Преувеличил, малость, загнул немного.

* * *

Прошу меня резко не противостоять наскоку людей, которые ещё ничего не знают.

– А вы по керосину познакомились?

– Нет, в гостях. Потом выпили.

* * *

Мечты мечтами. На бумаге – другое, по телевизору – десятое. Везде другое. Кое-как понимаю, что литературоведы понимали. Зачем они так уже, как само собой, что понятно, как закон пишут. Забыли, как долго доходит. Так вот, надо в школе давать вместе с доходом.

* * *

Думать и писать одно – вольное дело. Потом, потом только плод этих дум. Писать – значит – такой жизни не бывает. Это записывать ее. Вся не войдёт. «Совершенно с вами согласен». Прямо думать не выходит. В своём направлении чтоб. По дороге зацепляемся другим. Записываем, что в голову приходит, что осталось, пока писал. Как Хлебников. Он тоже крутился вокруг Сирии и Славянства. Далеко отлетает. Отлётами, думал. Да нет, как вздумал. Писал легко. И там он и здесь. А наши давно так делали. Только баловством считали. Лихой раёк, скоморошину вспомнить.

(Главное, главное не сами назывались райком, люди придумали Балаган и Петрушку.) А в этой весёлой, свободной этой словесности соображается легче.

* * *

Стал тупой. Годный только не на бойкое существование, а кругом одна сообразительность. И как работать, получать, Какой там выбор! Надо не особенно давать понять, что понял – уж такой умный! Самый шахматист, нет, шашист Одиссей никогда не давал понять.

* * *

И до нас рано или поздно дойдёт, кто стоит чтения, а кто только на полке смотра.

* * *

Сам шучу, а другие шутки не понимаю.

* * *

В 7 часов, или в 8.30 сказали про восход. Прибавляются денёчки наши, ииех!

* * *

Это гусь на корове летит.
 На дороге самолёттик сапит.
 Все на улицу посматривают.
 Бабы бабам не подмаргивают.
 Сами знают, что к чему, что кому.
 Значит, завтра луна полна,
 Как Есенин иду вдоль села.
 Сапоги нашорканы добела.
 Лебедь с лебедью с лестницы слез,
 полетел.
 Раньше всюду стояли стога.
 Нынче вольно ступает нога.
 Перекрикнуться не с кем – беда!
 От липа, ото всех поклонюсь.
 Не совсем уж один остаюсь.

* * *

Мужичок пылает здоровьем, неглупый, очень даже. Махнул рукой. Энергетика, энергетика. Далась вам она. Пожрал хорошо, поговорил с кем как надо, вот вам и энергетика.

* * *

Обольщают плавно.

* * *

– А вить Пугачева не зовут атаманом. Болотникова тоже – Иван Болотников, и все. А Степан Разин – атаман.
 – Дак чё, шайку собрал 20000.
 – Не-ет, шайка – 20 человек, а дальше идеологию надо.

* * *

Облако на всю вечность одно такое...

* * *

Хоть «Щелкунчик», хоть «Жизель». «Щелкунчик» все-таки. Жестко поставленная, безразличная к балеринам мечта.

* * *

Социализм и демократия – тоже мечта, зверски поставленная.

* * *

Симфонии по кусочку растащены по фильмам, на передачи. Звуки ее уже знакомы-перезнакомы, если честно.

* * *

А вот, кроме природной, откуда, с чего берётся жадность? С арифметики. Один, два, три, четыре, пять... больше, да плюс 6. С набавления. Не на деньги, на цифирь многие под-сели.

Вычитание, там другое – долг.

3

* * *

С какой охотой в сказке оказываюсь, в её словах: «Спорил заяц с лисицей, чей бык? «Я когда зародился – говорит заяц – когда свет зацепился, мой бык!» А медведь вышел с болота: «Мне, – говорит, – пять лет, а вам до быка дела нет».

* * *

Стоит богатырь, на усах людей перевозит.

* * *

От музыки осталась одна математика.

* * *

Часто читаете, а часто ли слышали такую словесность: «Вот что, цари, да вот что, короли, я, говорит, вас выручала и вы меня выручайте.....»

Вот цари хором закричали: сделаем, сделаем, к утру будет готово!»

* * *

А ведь сказки до сих пор нами командуют. Вспомните, как перекурите, один махнёт рукой: Пошли! Или так: собрались в соседнюю деревню. А кому-то надо тоже да все не мог. А тут во-о, оказия. Ну и спрашивает: «возьмите меня» – «Пошли». Такими случаями в сказках набирается народ в дороге. «Куда отправились молодцы?» – «Пошли узнать к Высоким горам, где Кашеева смерть». – «Ну так возьмите меня, товарищи». Вот вам и волшебное слово «а пошли».

Еще много такого, что командует. Нет-нет, да и скомандует сказка. Да сами слышали.... идут опять. «Теперь идут, смотрят – идут два бурщика и третий человек несёт сумочку – взрывчатое вещество. И он спрашивает их: «куда отправились? – к таким то горам. Надо во что бы то ни стало убить Кашея бессмертного. – Ну, давайте вместе. (дословно переписал).

4

* * *

Нынешние богатые – это не богатые. Богатыми были крестьяне, купцы. Им и другим от этого хорошо было. Не подходит к такому и миллионщики – работа, их возможности удовольствия мигом переходят в обыденность. Радости больше получается у способных, легких на подъем инженеров, редчайших слесарей.

Но опять у лодочников на море, или работников базы, там тоже – не отдых.

Вот у юных поваришек в детском лагере, вечером счастье.

* * *

Когда в своих повестях дворяне возвращались домой, в поместья, навстречу им попадались мужики с поклоном, стадо гусей, пастух с огромным бичом. А игры вокруг будто не случалось. А вот бы чтоб в карету залетел тряпичный мяч. И мальчишки (белоголовый), посмелее, звонко попросил: «Барин, отдай мячик.»

Увы... Невообразимое воображение, а о подготовке к жизни не было.

А уж по звуку, по звучанию наш язык был насколько богаче.

* * *

Французский язык похож на детский лепет. Взрослым голосом только.

Ле пе тю а ля боля, Николя.

* * *

Есенин, Пушкин, Твардовский, Рубцов – наше всё.
Иван Андреевич Крылов – и все, и Рим, и наши мужики.
Конёк Горбунок – зимним вечерком почти у всех.
Фольклор – никому не объять.

* * *

«65 полицейских получили ранение». Полное безразличие. Если бы по-человечески: У полицейских 65 человек ранено.

* * *

Та баба в платье, у коей муж – мужик.

* * *

Была Закаменка деревянная, из бараков. По оврагу и над оврагом дом на доме. Называлась Тургенева, Толстого, Писарева, Писемского. Насквозь литературная. И ни одна улица, переулок на писателей не похожи.

* * *

Недавно осознал, подумал: из многого большого разговора Платона Каратаева, Бондарчук взял важнейшую вещь. Пьер у него переспрашивает поговорку: как, как? А у того тут же в ответ иное присловье. Ум готов мужицкий к разному.

Иван Солоневич предупреждал Гитлера: Не надо идти на Россию. Вас там встретят не Братья Карамазовы, не Дяди Вани, не Платоны Каратаевы, а совершение другие люди. (Платон Каратаев тут к слову). И он, И. С., жил до Бондарчука-отца. Не знал.

* * *

Где-то кто-то выписал, а у кого, не вспомнить:

А говорят, бывают жёны такие; она спрашивает: что Иванушка не весел, что головушку повесил?

* * *

Только одна мамина речь легка.

Хочешь – хошь, или хто, или так, или эдак.

А мы, а маленьких нас выпрямили, пока.

Мама гнулась на грядках.

Одна уж после Победы.

* * *

Заря Дарья, Заря Марья, Заря Катерина, Заря Маремьяна.

* * *

«Семеро ворот да все в огород». Сколько у Даля правды!

* * *

Пришло письмо. Один мужик, пожилой уже мужчина, прочитал «Няню из Москвы» Шмелёва. Самого его, этого

человека не называю, потому что он никак не назвался. Первый раз, пишет, вижу силу старого человека. Первый раз нашего брата, ладно, сестры настоящий разговор выдают. Что она перевидала эта няня! Как бы теперь мы перенесли столь без их закваски, не знаю. Не бросила она свою воспитанницу дворянку, сироту после революции, мыкались вдвоем с ней. А та ещё капризничает: «Я тебя уволю!». Смех и грех. Обе без ничего, друг другом только и держатся. Хорошо, воспитанница даровитая. Потом стала звездой, артисткой.

А няня рассказывает, как революция началась, потом Гражданская война, так их бедствия пошли. Как бежали, грузились необъятными толпами на пароходы. Что за борьба не на жизнь, а не знаю на что, была потом в Америке.

Но письмо было не про то. Да и не письмо уже. Это я сам пишу. «Няню» прочитал раз десять. На одиннадцатый – как написано – задумался о её ответах тут же хоть на вопрос, хоть на речь. В одном месте, в начале где-то книги Катичка вдруг винится: Виноваты мы перед тобой нянечка, ты хорошая... А мы перед тобой... дрянь мы! Нет мне покою, и всё то ложь. И

Костик меня обманывает (выдумывает)». И дальше так. Под конец устала, спрашивает: «Скажи, что тебе чудится, какое худо? Или сон видела?»

– Образов у вас, говорю, нет. В доме у вас всё может быть».

И открылось мне как никогда Русская речь неожиданная. Она и сейчас есть, без того цветения, конечно. Заглянешь на стройку, хоть и нецензуры хоть отбавляй, а передача мыслей на расстояние на морозе та же негаданная.

– Куда, куда? На тебя глядит!

– Держи, держи сам, Саня.

Иной человек бы загундел обыкновенно:

– Какой сон! Не спал я. Или: тебе самой чудится.

А тут сразу и далёко, и высоко. Мол, без икон живёте.

На рабочем месте, на работяцком такой бы мыслитель давай соображать: «кто, что глядит?» Хорошо Санька оказался рядом, схватился за швеллер.

Сколько я перенес этой всякой нужды. Все ведь мы до букв-то добрались, умные.

* * *

Заташат в библиотеку на какое-нибудь обсуждение. Потом в автобусе мне как праздник – обыкновенная бабья перепалка.

* * *

То ли у меня, то ли еще у кого хорошо сказано: сейчас правда – как свой взгляд на мир.

* * *

«И красик да оббсел, и чернячок да обут.» Даль.

* * *

Люди нарочно так поджимают губы, какие у неё.

* * *

Корректоры с неохотой берутся за подлинное письмо, за несогласованную речь, неправильно управляемую.

– Кого, говоришь?

– У Таньки.

* * *

А почему так пишу? Сколько можно ближе к нам. А жили мы среди всевозможных людей. Без отбора. Но границы знали.

7

* * *

Ух, народ! Наша взяла, хоть и рыло в крови.

* * *

Из кино в кино молодые поживут и говорят: – у меня чувств уже нет к тебе. – И она тоже: ничего не чувствую.

Думают, что чувства должны быть как тогда, такие же.

* * *

Ну, все сыграл, ну, жизнь и жизнь. Мужик – мужиком. Да, степенный в толкучке. А начал кушать – пальцы тонкие, не н-а-ши. Гвозди не умеют забивать.

Режиссёры тоже – крупно показывают эту немочь. А те-то были полные художники. Бывало, отправляли артистов на полгода, в деревню пожить, ту, в которой тот самый говор – который играют.

* * *

Мы как-то с Колей ложки строгали, вернее, я ложки, а он скульптурки. А рядом девчушка стояла лет одиннадцати. И у меня получилась ровная-ровная, прямо по всей ложке, длинная стружка. Тоненькая такая. И звук от этого красивый: ззззз. Малышка: о-о-оох! Как вздохнёт. Я точно видел огромное удовольствие, когда строгают.

* * *

У ведущих передач надо чтобы всё время была связь выра-

жений. Одно к другому, одно к другому. Мысли почти нет. Как все с возвышения плетут. Не метут, сплетённое тараторят. И нас заодно приучают к наружной связи, к монтажу – коллажу. Самая искусственная связь в ДК к-у-ль-т-у-рры. Порча.

* * *

Кассовая ненависть.

* * *

Смотрите, словесники, вот согласование: отец мой дом строил. И плотников чем-то осердили: «А наши тоже ночевали, дядя он ишо мне, пожилых двое, тоже, гыт, такая штука, была». (Мифологические рассказы).

* * *

А геометрическая прогрессия жадная? Нет, там диво – дивное.

* * *

Не-е-е, когда нас хорошо коснётся, хорошо припрёт, о, тогда говорим хвостиками. Другому не понять. Неправильная грамматика (собрались молодёжь, Иван Фёдорович, Светка). Кому надо всё поймут, согласуют про себя. Ещё взбодрятся от своей смекалки и заработали.

У нас бы не дослушали Цицерона, греки (не те, на вазах, пронирыливые), а в тогах разрешали задачи людские речью. Разложит ее по страсти с нарастанием. Им в ответ на этот расклад ещё полста выражений; часок-два убьют и давай промышлять совсем другое. Шучу для краткости. Обидно, в школах до чего любят, верят в институтах, что они почти главные деятели истории. А их как раз посреди тирады у статуи и отодвинули от нее не менее культурные во многом варвары: по орнаменту, по воинскому делу тогда, по пляске, по любви к Родине и к своим. Народ один был, без рабов.

На что сейчас опять я замахнусь! Отец наш родной Достоевский в Карамазовых, помните, как развёртывал истину. На десять листов одну. Хоть и Федор Михайлович, а не верю.

Народ-то наш быстроумный. При любой глубине. На ходу, на обмолвках выхватывал своё.

Как будто знали, что нам не надо и совали. Да не знали! Серый человек настал. Изобретатель. Потеплее зимой было чтобы, вокруг поправдивее. Зато какой простор правдолюбцам. Вот я, говорит, везде правду говорю. Нет, брат, врѣшь, поди, внуку-то, что птичка, вон, летит. Съест все. Ам! Вот хорошо, вот ладно.

8

* * *

Помню, опять не скажу кто, хотя знаю, одна молодая певица, как раз получка была, все расписывала и про щедроты, и про широкую душу, расцветающую как роза. А как только открыли окошечко, она вмиг оказалась первой от нашего хвоста. Один писатель, забыл как всегда, пересказывал Пришвина. Значит... примерно так. Удивительное дело, идеалисты более укоренены, чем материалисты, на земле. Тут бойня гражданская, а они где-то уже в Канаде, первичном сознании. Бог с ними бы и с нами.

А я люблю нашу северную старину. Где на Вече нужда собирала. Случай такой, например, сильно опаздывают из Англии товары. Волхов стал уже. А с моря ничего оттуда, никого с той стороны, даже ни карбаса, ни коча. Площадь гудит. Вдруг на середину выходит на костылях бледный парень с того корабля, который... И говорит (муха не пролетит), что вывели посудину ту на скалу.

– Дак, а ты?

И опять гробовая тишина. Слово лишь у того, кто знает. И кому надо знать, остальные согласно молчат.

Неужели ушло с той поры согласие? Что сейчас? Век прошёл. Даже по книгам надоели студенты те. Нынешних как-то даже незаметно. И слава богу. Те предки-студенты научили и сами узнали, где раки зимуют.

Мишке по столярке приходилось бывать в аудиториях, в

лабораториях. Шутят, палят, как на погрузке, да остро так, сильно. Считай, тоже работа.

На сцене, так там выучивают, запоминают остроты (не шутки) или совещаются. На ходу когда, вроде, так все равно ходы они эти знают. Как джазисты, блоки тасуют, им давно известные. В тасовке и талант, и еще какой. У электронщиков, как у одурелых, тоже свои мастера.

У нас народец не ожидает от себя и от кумы, что скажут, на какой наскок. Брат брату, всю жизнь рядом прожили, нагородит новье такое, что тот никогда не слышал.

* * *

А вы на помосте, Петрушку в его театрике видели? Он наоборот, как будто по-житейски заводит, что известно.

Музыкант: Здорово, Петрушка!

Петрушка: Здорово, мусью!

Музыкант: Что задумался?

Петрушка: Да вот, жениться хочу.

Музыкант: А невеста-то у тебя есть?

Петрушка: Есть. Марь Иванна, иди сюда!

* * *

Быстро, быстро действуют, по мечте летит. Как говорят: быка за рога.

* * *

А напоследок-то – самое главное, самое печальное. Плохое, чего уж. Жулики печатают ответы на вопросы к экзаменам. Губят не готовый ум. Но он есть.

* * *

– Что остаётся?

– Ей? Сотенная только.

– У вас есть чем разменять?

– Найду.

* * *

Сказки-то. Вспомнилась ещё одна правдивая сказка. Так, а где она, страница-то? Есть...

«Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был крестьянин, конечно, жил он ни богато, ни бедно, а так себе, средне. И жил он двое со старушкой. И вот всё им было хорошо, только не было никого детей у них.

(Русские нар. сказители)

* * *

А в классике-то капелюсенькая импровизация. Не называли бы.

* * *

Мужик, значит, – кто преодолеет бабью глупость когда, дурь.

* * *

И так согласуют и ничего: «Народ-то приехали, надеются, что они тут сметали все, а у их, сколько копен сгорело. Ну и – заохали» (мифологические рассказы).

Море, бескрайнее море такой речи, таких случаев:

А деду речку переезжать надо. Пока доехал, все молитвы собрал.

* * *

Твердо поступают богатыри со злодеем. Илью, уж его и в дом позвали, накормили сородичи ласковые Соловья. А он всё равно ему голову снёс в Киеве.

* * *

Придумывают службу, чтоб Иван оттуда не вернулся. А он сослужил и эту и все службы. Ну, казалось бы помягчать пора, удивляться богатырю, ладно, забыть свой умысел и перед лицом этакого таланта. Не-е-ет. Нет, ещё злее делается...

Ещё дело выдумывает. Н-у-у... А люди никак не могут понять, как это, ведь это же сверх сил. Не поднять одному. Надо им сказать. Задают не по силам. Не понимают что ли?

Понимают, понимают, и даже водочкой угостили, закуской.

Как там у Даля: Знает и сила правду да не любит сказывать.

* * *

Сколько на базаре умных лиц! Мать моя! И Родина рядами, среди тыщ стоит без рукавиц. Смекает все без слов, глазами.

* * *

Тащи корову на баню, травы много (Даль).

* * *

Уметь, гыт, задавать вопросы. Очень, гыт, важное умение. Будут вопросы, как начнёшь вникать. А ты мимо дела, значит, чтобы главнее его. С ног на голову. Смелость впереди то есть, а потом уж из-за чего. Ловкость развить, а потом в седло прыгать. Упражнения предлагаешь.

Не перейти речку по последнему льду, а быть храбрым важнее.

10

* * *

Аксакова Сергея Тимофеевича почти не изучают в школе, один «Аленький цветочек» на память. А у него есть, что взять человеку.

Маленький Серёжа учился в гимназии через Каму от дома. И заболел. А Кама уже скоро вскрыется. Дело весной было. Мама его, чрезвычайно порывистая, сильная женщина, тут же собралась, прибежала на берег и стала звать людей, кто там был, перевести её. Ну, кто ж пойдёт. Вот-вот лёд-то тро-

нется. «Как же я здесь, а сынок там один болеет». И всё-таки нашлись двое мужичков, согласились.

Перешли когда, она стала расплачиваться. А те ей: Что ты, матушка, Господь с тобой. За такое дело грех деньги брать. Нам еще на ту сторону надо. С грехом как идти.

Она потом вспоминала: И они, русские люди, поклонились и пошли по льду уже потемневшему.

* * *

Я не понимал и не вдумывался в это слово, не изучал его: авангард.

Да только и всего – разрушение геометрии.

* * *

А дотошно-мелко-длинно-мерзко-пустовитиеватое изъяснение стало после переводов Рабле.

* * *

Стеснительные полосы Греции. Сотни, а, может, вдруг по пятьсот, по тысяче лет были, брали верх. И снова незаметно, лет за 700 наверху оказывались. Аполлоны как есть, Афродиты, Самсон со всем своим хозяйством.

* * *

Было мне одиннадцать лет. Прихожу к однокласснику, они прилично жили, сижу на диване. А мама его, очень интеллигентная, достает из шкафа толстенную книгу, а там картинки. А, сначала говорит: Ваня, ты, как глина, из тебя все слепить можно. Мне же и говорит. Ну ладно, листаем и тут Венера обнажённая. Первый раз это вижу. Главное, у культурных людей. Я застыл, не знаю, как быть. А она мне: Ваня, это произведение искусства, это прекрасно, ничего в этом плохого нет. А мне стыдно с ней смотреть. Я два года как из деревни. Все равно в сторону совсем отворачиваюсь. Ну, уж потом, как-то никого дома не было, мы с Ленькой достали эту книженцию и вдоволь насмотрелись.

* * *

Раньше бились артисты за отрицательную роль. За кого-нибудь отрицательного героя горбуна – злодея – людям было интересно смотреть. А теперь вот-вот и надоедят с этим.

* * *

Это казак рассказывает: «Поженились мы с Устиньей Ивановной. Она тогда была Труднева. Как с Армией я приехал, так мы с ней и познакомились. Правда, сначала-то я сватал другую, несколько раз, да мне все отказывали, не подходил я им. Тогда я себе другую невесту подыскал, высватал Устинью. Невеста в доме все делала: и хлеб пекла, и сено косила, и за скотом ходила, и коров доила. По-разному было: и ругались, и дрались, но как ни поругаются, а не было привычки уходить».

* * *

Были догонялки, горелки, бить-бежать, кто говорит прятки, у кого прятки. Что бы на них остановиться. Не остановишь. Через полста лет уже: на ст-арт, внима-а-ниее, марш! Игра пошла, как работа. Все в её превращается. В каждый день.

А есть ли что не поддаётся, не идёт в пустой труд? Есть. Не сильно красиво, не с первого взгляда.

* * *

- В субботу рабочий день, знаешь?
- Знаю.
- Откуда знаешь?
- Знаю и всё.

* * *

Почему довоенные деревенские в большинстве случаев были воспитаннее городских? Потому что их не воспитывали.

* * *

Никто не могут петь сами. Ни артисты, ни самодеятельность. Привыкли подо что-то и по сигналу. И показывать лицом, добавлять бедную музыку.

* * *

Весь изврат ссылается на многогранность мира. Заменяет слово «есть» на «должно». Быть, мол, и такое должно.

* * *

«Эка понесла: ни конному, ни крылатому не догнать» (не знаю).

* * *

Нищие немцы.

* * *

Начало старости. Начинают изображать её.

* * *

Наказ князя Горчакова: ... а что воровал князь Пелымский да дети его, и над теми потому и стало.

* * *

А деревню мы не знаем, насколько она глубокая и готова к жизни.

Дроля в армию поехал,
посмотрел на облака.
Проводи меня, сударушка,
дорога далека.

* * *

Даль собрал, не я.

«И баба видит, что неправда идёт».

– У-у-у! «Бабьему хвосту нет посту».

* * *

Мать и отец мысли – забота (это я).

* * *

Скука – личное дело (моя).

* * *

Отводные мысли: о корнях, суффиксах древних, об НЛЮ, телепатии. А в это время у нас во всю, во всю дикие пожары.

Мечты

Тётичка с детскими извилинами пытливо посмотрела и спрашивает: Вы читаете мысли? – Ага, они так по буквам и идут. Да и что идет: молоко пришлось все ж таки, пришлось вылить... Ух. Глаза ... Вот зачем старой красота?...

Седня не пройду... Ну, ты погляди! ... А ничего не остаётся делать...

... Да, старая храбрость – потом узнают. Старик полдома отстоял... Надо, значит, прикупить, но не-е, только не майонеза. Дядька Васька зафыркает... И правильно. Э-э-эх, старость – не радость. Помаленьку довлеет... чо довлеет? Старость. Мысль эта чаще. Вот и мысли.

Так ты, тебе, значит, эту всюю телегу чтобы читать надо? Или подгадать, когда мысль будет.

А знали бы, тетуль, как вы надоели.

Первый взвыл от вас умница, он, Сервантес. Кто всю жизнь с книгой, всю жизнь девочки и мальчики расхваливают благородного рыцаря Дон Кихота. А он бедняга – сумасшедший. Тогда, наверное, в той же Ламанче, ещё так не знали эту грань между ними и отступниками. Садили убогих в тюрьму. Или похуже. Где и Сервантес, кажется, четыре года просидел за недостатку. Был сборщиком налогов. Ну, так. И там, представляю, как обсели его эти сновоткрыватели, звездочёты, НЛЮшники, передатчики мыслей на расстояние, скоростни-

ки всякие, представители древней доблести. А ведь что у них главное? Жест. Это в Испании. Где море живой деятельности, море традиций. Тут и замес мавританский, и вдруг застыли, как индейские вожди. И своя статья, своя дробь туфельками. Потом её матросики расхватали по портам. Били чечетку. Всего подлинного там хватало. А в Испании художество все-сословное. Мимо всего этого ехал Алонсо Кихано Добрый. Попробуй такому больному человеку для сочувствия пожаловаться: Ой, коленко заныло, голова раскалывается. Он – ноль внимания. Как дети: один ревет, а другому – всё равно.

О жесте еще. Испания ближе всего к сцене по горделивости. Только если другие начинают ее осваивать, получается смешно. Особенно с нашей медвежьей (самой ловкой) подвижностью. Или бабуськи наши сельские с веерами. О-о-о, я сбегая. Знаете что, в чем предупредил Сервантес людей? Сумасшедший подключает дурака. Даёт идею.

Бедные наши народные, деревенские хористочки и не знают, что когда они гордо застыло, как лебеди больше минуты плывут перед хористами, – что они как испанцы.

(Я не о настоящих веду речь хороводах на улицах. Упаси Бог!)

Испанцы тоже в Америке, считай, детей победили.

У цыган, у тех, да, по-испански, по-румынски получается, они у всех берут, и как-то хорошо укутывают в свое. У тех цыган.

Ну вот, все мысли прочитала?

* * *

Куда ни плюнь, везде аура.

* * *

Где-то стишок завалился про катер прогулочный, как он в шторм попал, небольшой штормишко, но для катерков – серьезно, я про это написал. Начало не помню, а под конец оно заканчивалось так, да, когда все стихло.

Ну все, отогрелись начитанные.

У мачты поют без тоски

о том, как нас видят и любят
на сейнерах рыбаки.

* * *

Народный хор имени Санчо Панса.

* * *

Как бы изобразить физгармонию: ж-ж-ж-ж з-з-з-з лмнэ-эээ. Чтобы из окна, под сиренью на закате. А от железа все едино – тоска...

* * *

Ну, чо вот лапы расставил! Если бы упирался в переднее сиденье и некуда деть, ноги некуда сунуть. А то я и так уже на краешке сижу. Пьер Безухов, ничего не видит, мыслитель, рожа! Как по роже толстой, как дать! Поехали бы слёзы по интеллигентной скуле! Как вон дождь, вон по стеклу. Ух, полил!

Что стоим! Тронулись наконец-то.

Хорошо у меня мощное воображение. Представил и утихомирился. А не будь её, фантазии, что бы с ним было! А неизвестно еще с кем.

– Че, дед, пригорюнился, как по воде пойдешь?

– Не говори.

* * *

Редко нравилась другая еда. Не тянуло к незнакомым. Отвливал от опытов.

Не хотел что-нибудь пробовать. Какой молодец был!

* * *

Где-то прочитал и забыл где. Там человек один умный заметил: в истории на одну книжку, том, получается много злодея. Без конца и края междоусобица у князей удельных. А дел приводят штук двадцать. Из книги в книгу, от поколения к поколению склоняют Ярополка окаянного, князя Даниила, того самого, который разорил боярина Кучку, да еще с этой двусмысленностью – хороший, дескать, племянник.

Тут не на триста лет, на три года маловато. При таком бы зверстве.

* * *

Не верь, Иванушка, вымыслам, интеллигентом станешь. (А. Подистов).

* * *

Интересно предложение, а не слово.

* * *

К мечтам. Перед пьесой.

Надо же так, из одного класса два писателя. Только Женька закончил институт и по своей дорожке покатыл. А я забросил всю гуманитарную.

Встретились в Москве, узнали, что писатели и написали пьесу. Название он придумал. А я слова. Он вообще первый мысль подал эту – «в гостях». В гостях у славы.

А потом уже легко пошли по народу: «в гостях у сказки» и другие всякие гости.

В ГОСТЯХ У СЛАВЫ

Сюжет Е. ХАРИТОНОВА

Слова И. ОВЧИННИКОВА

СЛАВА (в платье из газет и цветах)

Я знаю, страшно, ужас
на конкурсе стоять.
А ты зажёгся – нужен
успех и слава – я.
А тот, кому безверие
отбило этот блеск,
бери высокомерие,
уединяйся в лес.
Но лучше здесь, играя
с повязкой на глазах,
на славу натыкаясь,
искать её впотьмах.
Но уж зато, кто слепо
нашёл меня легко,
с того сниму я слепок
и брошу для веков!
Я в детстве много пел,
пока не стал ломаться,
пока не отвердел
мой голос в восемнадцать.
Немного подождав,
чтобы совсем окреп,
я стал как та звезда,
единственный окрест;
И вот моя попытка
для незнакомых петь.
Но почему мне страшно?
Боюсь я онеметь.
Простите, вы свистите,
а я ведь только начал.
Вы лучше не сидите,

уйдите, не заплачу.
Спасибо, я один,
один, спасибо, в зале.
Пою, пою мотив,
бесславный, как в начале.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Да, я доцент и доктор
голосовых наук,
басовых, теноровых,
альтовых, тремоловых,
и творческих, душевных,
и славы сладких мук.
Ага, свистят, когда вы
поёте; так-так-так –
Эх, гадкие удавы,
шипящие в кустах.
Итак, начнём лечение.
И лечимся уже.
И вот уж измененье,
не правда ли, в душе?

УЧЕНИК

Но, доктор, посильнее,
получше полечите,
чтоб было позвончее,
и чтоб побасовитей.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Понятно, ну-ка, так:
а-а, а-а, а-а.
Прекрасно, только так,
чтоб «я» не получалось,
а было только «а».
У нас тут так случилось,
что только получалась
лишь гласная одна.

УЧЕНИК

Доцент, скажите правду,
способен я на них,
на все на свете буквы?

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Ты в алфавит проник.
(публике)
Да, чтобы вы поверили
в лечение, в меня,
я позову Валерия,
у нас ученика.
Валерий, а Валерий,
вот спойте-ка ему
как будто бы в аллее
встречаете зиму.

ВАЛЕРИЙ

«В аллее ни пушинки,
ни листика, ни травки,
и только две снежинки
садятся на две лавки.
И вдруг ещё, и на три,
и на четыре, и
на пять садятся лавок
гостей седой зимы.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Эх, чёрт, а ну, Валерка,
вот тут, не в облаках,
пройди ещё проверку
на всяких языках.
Ученик поёт на разных языках.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

В кино да и на сцене,
кто пляшет, те поют.

Не верь: обыкновенно,
кто пляшет, не поют.
И всё равно танцующие
дико устают.
Ну, то есть, скажем прямо,
они раскроют рот
лишь так, а фонограмма,
она за них поёт.
Валерий же умеет
и петь и танцевать.
Никто так не умеет,
как я, так врачевать!

КОРРЕСПОНДЕНТ

Можно ваш автограф мне,
лично мне и всем в газету?
О, счастливый, в пелене
родились вы на планете!
Словно вам, для вас метода
эти гласные зимой.
Вот, действительно, погода!
Только сделана с душой.

НОВИЧКУ

Ну, давай и ты про зиму,
только помни гласные
и согласные и мимо
пропуская звуки все.

НОВИЧОК

«Я помню! как помню про Зину!
Она моя лучшая песня.
Как в лучшей осенней картине
зелёное интереснее.
Ещё я запомнил, как раньше,
до вас, я и петь не умел.
И вот как певец я стал старше.»

Я правильно Зину пропел?

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Да нет, про зиму, как кругами
на лавку снег летит и тает,
или не тает, тут уж сами
решайте, кто как лучше знает.
Ну, вот как сумерки быстрее
слетают и уже огни
горят в домах и вечереет
и вот как гаснут и они.

НОВИЧОК

«Зимой очень рано темнеет,
у некоторых огни.
В городе как заметелит,
как всё заледенит!
Стоит кто-нибудь и трясётся,
как холодильник у нас,
и тоже поёт. Но поётся
не для ушей, а для глаз».

СЛАВА

Ха-ха-ха, смешнее не было
претендентов у меня!
Сколько их тут ни перебыло,
долю жалкую вина.
Ха-ха-ха, смешнее не было
ещё в жизни у меня.
Рельсы, у коровы ботало
мелодичнее звенят.
Нет, я слава, я прекрасна.
И редчайший, редкий дар,
гласные там иль не гласные –
всё равно медаль не дам.
Буду я любить других.
И с другими, и с другими,

не с такими, не с такими
буду я. Прощай, несчастный.
О зиме не мог ненастной,
о скамейках даже спеть!
Как тебе доверить бонги,
марокасы дураку!
В попугая дробь насыпать
и трясти, гоня тоску.

Появляется ЭЛЕКТРИК.

ЭЛЕКТРИК

Да, они поют, а поют они, не знают,
что на самом деле
половину я пою, электрик.
Ты, Валера, не забыл?
Усилитель-то в подвале.
Вадик, взял бы, затащил.
Вот, колонки заиграли.
Раз-раз-раз, а-а, а-а.
Как мы слышим наши лампы?
Как там наше напряжение
запело на органе?
Старый кабель, подожди-ка,
перекину вон в ту клемму.
Тихо пой. А то зелёный
свет. Рубильник, как полено.
Раз, ещё раз, начинаем.
Вот теперь давай про зиму.

НОВИЧОК

Я знаю, солнце, солнце, знаю
зимою близко-близко к нам,
жалея нас и забывая,
проходит тихо по полям,
по лебединым спинам леса,
по ослепительным горам,
и, на прощанье звёзд навеса,

совсем уходит, никнет там.
Снега краснеют, пламенея,
дома темнеют и стоят,
и стонет ветер, и теплее
окошки, где огни горят.
И сыплет снег, и засыпает
огромный город в темноте.
Метель устало затихает,
не хочет за дома лететь.
Луна на детские игрушки
глядит в окно, давно глядит.
И где-нибудь такой, как Пушкин,
мальчишка думает, не спит.
Зима красивая, не злая,
белей бумаги белый снег
на нашу крышу залетает
и исчезает, как во сне.

СЛАВА

О, я люблю, я вижу, знаю,
о, бесконечно милый мой!
Зима выходит, как живая!
Мне хочется побыть зимой.
А знаешь, вдруг меня не надо?
Не надо, если так поёшь!
Я слава, я исчадьё ада,
ты сам на свет меня несёшь.
Луна на детские игрушки –
о, спой ещё. Когда глядит –
и шлёт нам поцелуй воздушный,
и ты поёшь, и снег (летит) блестит!

Продолжение седьмой части

1

* * *

У боевых старинных моряков недели под парусами и вдруг: Пушки к бою!

Огонь!

Если б до этого дни были в боевом состоянии. Но, что раз в полгода, в полмесяца и недельные стычки у берегов, потом долгое затишье – нам не объяснить. Что боевой человек делается на всякий миг.

И в штабе при боевых действиях вокруг, а ты на месте. Красавец для артиллерии.

* * *

Страна, мол, поднимается с колен.

– С чего, с чего? Сбрёл, что ли. Ну, хоть с похмелья, что ли.

* * *

Хабаров, Бекетов месяцами шли по дебрям. Совсем огражданишься. А чуть что, казак сразу в стычке.

* * *

Если быстро в голове летает, значит, где надо – везде слетал.

Умнее себя никогда не будешь.

* * *

... Ни хрена не следит, чё делает. Всё замазал, чёрт.
– Старик. Стареет.
– И стареть надо умеючи.
– Как получается.

* * *

Пресс качаешь? Не боишься, – потом пузо будет. Когда надоест. Знаешь, как народ качал? Мужик над полом, на руках и ногах выпрямился. Другой напротив его в линию голова к голове так же на руках и ногах. И давай, кто у кого руку выбьет. Кто значит, оторвет руку от земли, валится. Ни про какой пресс не знали. Не скучали.

2

* * *

Радость, говорит, новая, печаль другая, мысли, главное, мысли свежие. Без конца чтобы быть полну пустому человеку. Новое, по детству помню, не любил. Если только новую рубашку, ну, что вчера сшили, или лучше только-только.

Со мной оставляли домовничать старушек, мать работала, ясно, днем. И, как бабушка менялась, неделю к другой привыкал.

И город не обрадовал. Как в Бийск заехали, в Барнаул, не помню. Маленько пароход помнится: гудел лучше пчел, жу-

ков, быков. С Алтаем ничто не сравнится. Хорошо с одними и теми же людьми, да, Танюшка? У-у, пока ещё нет.

* * *

Эй-й, уже нет ни одного сизого волоска. Белое волосёе осталось. Зато чаще сбиваюсь на свой язык деревенский (русский). Красивые у нас горы. Красиво говорили в них. Выше ничего нет Синюхи, Белухи.

* * *

Идёт оно, Остроумие знаешь куда? Мыслишки нестыкованные, вчера замысленные. Когда же вернется (без нас) незамысловатая шутка?

Ответ: Когда направится жизнь.

– А кто направит?

– Жизнь.

Смотри, последние грузчики словесники уходят, рыбаки. И остаёшься ты, человек, один на один с остряками.

* * *

Или состояние или так есть. Почти всё глупым оказывается

ся. Накопляется и само от себя ищет спасения. Губятся тысячи устоев. То, что осталось – отстояли умные.

* * *

...И скорости ваши, и серёдки притягательные вроде Венеции и Флоренции. Токо не крестовые домики на горке или перед степью.

* * *

Поэты улащали язык – и чтобы сама по себе строка была грамматически ясная, как для туповатеньких. Открывали себя всем, как своим. Следующие, наоборот затемняли. Другие – значит и должны быть иными. Писали как для себя или таких же точно. Седьмые, восьмые пробовали, как он есть язык, красавец наш природный. Но сами не мужики были, получилось приближение, что чуть-чуть, незаметно, а потом сильно отводит, что хуже противоположности.

Ложный баран.

3

* * *

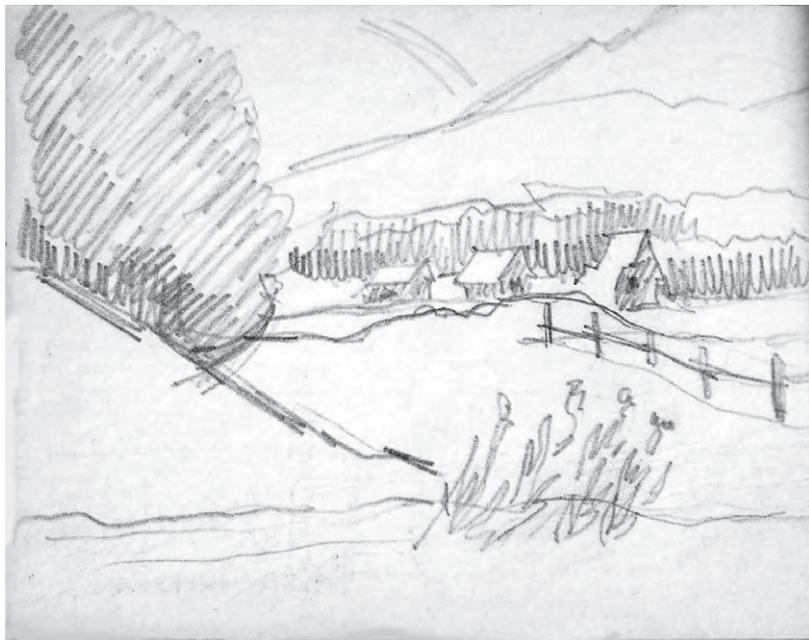
Почему смеются не смешному? А нескладуха, даже маленькая, смешит. Потому что правильный народ.

* * *

Кореец какой-то никак не может назвать улицу. Стоит у киоска, на всех глядит. Вот, вот, она, вот Петухов – она. Продавщица, когда он отошёл, закрыла рот ладошкой и согнулась от смеха. Лет, лет за тридцать, симпатичная такая. И я улыбаюсь.

* * *

Самому смешно, когда иностранец не понимает. Громче говорю.

* * *

Читаешь, читаешь, задумался. Думать бы не больше чем там думано. Была бы земля с одинаковыми людьми.

* * *

Интересно, будет сейчас миллиард гитар?

* * *

Дочка Таня, мамка Маня.
Из окна зелёный лес.
Хорошо вам. До свиданья,
Я поехал в этот лес.

* * *

Дорвались люди до гладкого.

* * *

«Китай-город» – пища для ума у кого есть. Казалось бы, самое время Боборыкина вспомнить. А молчат. При Советской власти, понятно, там про купеческую мощь. Но и сейчас молчат. И тоже понятно почему – честный ум.

* * *

Стараются каждый шагоч, мелочь, озаглавить скорее, скорей, скорее назвать. Как янки. А они озаглавливают: моё, мол.

* * *

Великий русский язык до Петра по всей стране. А в народе до Заславской. Уже забываем её. Подь она. После укрупнения сёл стали стесняться друг друга, своих говоров (мой брат сказал).

А эта излагательщина всёобъяснительная да лёгкая, проносит мимо того, что хотел сказать. Возвращаться приходится то и дело. То-то и оно.

* * *

Листаешь, читаешь, устаёшь листать – река, бесконечный талант – частушки, голова устаёт, а не надоест.

* * *

Народ ни в одной смуте не виноват. Подключают. Не всех, правда. Кто-то в тайгу убежал.

* * *

Хорошо музыка идёт, особенно действует посреди запустения, где штукатурка отбитая, стены без цвета. Как у Бортко в «Собачьем сердце».

* * *

Ты поэт и я поэт,
Оба мы поэты.

Только девочки простые
нам не шлют приветы.

* * *

Общие всего села наработки столетние не дай Бог отдать.
Песни чуть не отдали самоделке.

* * *

Грех задумываться над вздором, над бабьим базаром, оби-
жаться на серого человека, что не бойкий.

* * *

Само то – лучше, чем высшее, что-то умное. Начнут ли,
будут понимать, оценят, наконец, её – середину? Во-о, серёд-
ка, скажут, ну во всех, по всем идёт.

* * *

Со своими-то чё не подраться. Пожалеют, а с чужими, там
по-другому. А то: бей своих, чтоб чужие боялись.

* * *

– Это тебе на будущее.

– Нет, на этощее.

5

* * *

Семилетняя война, столетняя война, Война Алой и Белой розы. Столетия зверства. Они-то и выработали у них эту предупредительность: мсье Доре или мсье Ду, позвольте я встану около Вас. Спасибо.

Как это у Степаненки у Миши изображено этакое: Позвольте прикурить от кончика Вашего удовольствия.

– Отвали, не курю.

* * *

Не смирись, а привыкни, учти – жизнь перетекает. Казаки не виноваты, что Байрона поют на Алтае... распели по-своему: «Последний-то день красы, братцы, моей». Но так и поют, как сто лет назад. Перетекает, но не быстро, намного медленнее марксистской мечты.

* * *

Есть ребяташки маленькие, спросишь их: сколько лет? А они молчат.

– А как звать? – Толя. Наверное, сам был такой. Говорил хорошо. В год уже резонно – мама рассказывала. А вот чтобы по просьбе поздороваться, или сказать что-то, встать куда-нибудь – это стеснялся. И, так, повтор, церемонию до сих пор с трудом выполняю. Молился как все. С удовольствием повторял за тётей молитву, кланялся.

И сейчас, когда со мной по рассеянности, задумчивости ли, не поздороваются, или, вот, ребяташки не поблагодарят за яблочко, то – это, может быть, и не так уж это и плохо. Как есть поведение, пожалуй, дороже. А мастеров этих внимательных... кто их знает, когда у них правда. Да часто они, знаю, равнодушные люди. Проверено и не раз.

* * *

Всё я маленький мальчишечко.
там остался в прятушках.
Моя молодость проходит
без едина пятнышка.

* * *

Я мухлюю, не боюсь
среди товарищей зараз.
Почему же остаюсь
раз за разом третий раз?

* * *

Гадание-то – не языческие времена, они позднее появились вопреки теоретическим опережениям бытия.

* * *

Что люди семьёй живут и вообще стягиваются – это может и природа. А вот когда грустно при рассоединении, – это уже не природа, это уже божественное.

* * *

Чего на все века дала Греция? Портик. Рим поддержал. А от кого пошли упражнения?

Беспричинное образование. Жизнь завалена схемами. Изображает науку. Самоделка с юности захваливает школьников. И, напротив, назло ей дикое инакомыслие. Обивают углы, растягивают рот, скулы одна больше другой.

* * *

Марина Цветаева – Тютчев в юбке. В любви, о любви у неё везде мыслька.

* * *

Ещё почему народ поначалу воспротивился картошке? А безвкусная...

* * *

Почитай у Даля: картошка проклята. Чай двою проклят. Табак да кофе – трою.

* * *

Скоро начало будет понятие условное.

* * *

При великолепном церковном пении не прерывалась народная песня. В селах особенно.

* * *

Если маленько получается, научить можно.

* * *

Бедный литературный язык. Так и не стал народным.

* * *

Не сразу, но тоже к ней, красоте привыкаешь. А потом ски-соешь после красивого. Лучше к повседневке привязываться.

* * *

А всё равно демонстрации были весёлые. Песни кричат. А то и гармошка. Ещё в подъезд забегут, немножко дерябнут, догонят своих и дальше, кто с ребятишками на плечах. А так подумать: при миллионах бы посаженных, погибших там, это, значит, у каждого бы кто-то, такого праздничного настроения бы не было. Хотя кто знает? Года пятидесятые. И еще радость от Победы. И вовсю шло восстановление.

7

* * *

Страшно хочу спать для начала. Во-о-н почему Ключевского хвалят. Потому, что он не всё любил, более того, не любил наши способы в жизни. Как-то Ключевский пересказывал какого-то – давным-давно сбежал с Руси – человека. Тот был обижен на всё. Всё грубое. Ключевский своими словами передал его мысли. Передал как бы суть одного из наших обычаев – сговора. Самое начало свадьбы. В общем, одежда такая-то у нас, и народ наш такой-сякой, «наш цинизм сговора». У него без кавычек. Мог бы по-другому изложить: «Наш, скажем, не мягкий обычай сговора». Нет, так.

Допустим, так и есть. Но почему тогда здоровый народ не взломал такой сговор? Сам почему не переиначился сговор?

Сегодня я шёл по нашей улице, и вспомнил, как не выглядят хорошенькие днём девушки, вечером разнаряженные. Днём такие милашки спускаются с подъёмного крана. Как жаль, что не знаком! Или юркие в белых халатиках продавщицы, которые недолго продают – самих разбирают. Недосягаемые кладовщицы кажутся действительно мудрыми. С кем она дома? Ах...так, три-четыре нежных случая за день. А раньше, о! Белов Василий, видно, что это знал, по жизни да и по старым книгам. Жизнь Руси была гармоничная, разнообразная была. И стало быть тысяча дел. И девушки Руси несколько раз на дню бывали красивыми, ну, притягательными.

И вот когда человек не знал, за кого его сговаривают, кто

там будет с ним, он всё-таки, не так как мы бы уж, не всегда так переживал, потом не все же люди живут формой.

* * *

Прогресс, то есть новые и новые облегчения за счёт рудников, вредных цехов, сантехников.

* * *

Надо было летать наверх, чтобы потом падалью питаться (Ваня Б.).

* * *

«Не обращай внимания». Холодные слова. Понеобращаясь, понеобращаясь и в шесть утра засыпаешь. Тут если только новая сила забьёт голову. Или товарищ единомышленник отведет на другое твое же. Неплохо бы и товарка.

* * *

Крепкий парняга больше, наверное, других любит свое, а вдали – наше.

* * *

Кто со слухом лесным, речным, комариным, осиним, никогда совсем не оторвется от раскатистого пения за столом, или на телеге, за рекой.

* * *

Самый любимый звук надолго, когда солдаты и матросы кричат: Урра-а!

8

* * *

«Пословица и загадки русского народа» В. Даль. Да елки-палки, люди какое-то ещё исключительное иное ищут. Два

метра, подошел к этажерке или книжному шкафу и бери. Андруха, Маринин сын, целый год или даже два не расставался с ними.

Потом, смотрю, ото всех спокойно так отбояривается.

* * *

Веско говорили Дидро, Конфуций. Но нам их переводили без игры. Одну мысль.

* * *

А тут на любую человеческую думку тысячи охов, вздохов готовых.

* * *

Один адвокат не проиграл ни одного дела в суде. Говорят, он наизусть знал полностью все басни Крылова. (То ли даже в газете было)

* * *

Не скучно, но... Хоть одна бы в платье баба прошла.

* * *

Сибири сейчас больше в её восточной половине. А на Алтае, в моём детстве, на удивление часто попадались бирюзовые глаза и кровь с молоком на щеках.

* * *

Слово рассказывает. А предложение двигает. – Как рвану! Всех отодвинул, сбил. На машину запрыгнул. Забудь про это.

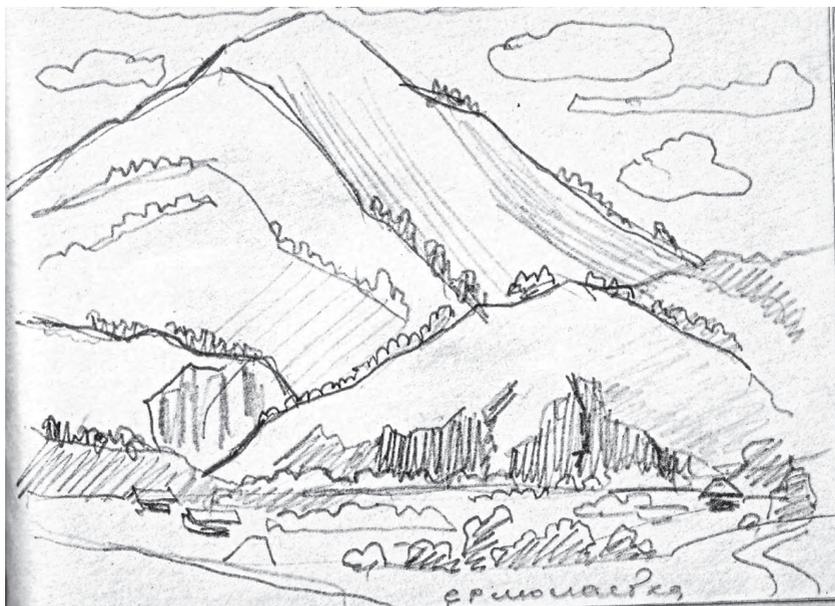
* * *

О! Получилось начало: жил да был ли на этом свете один мужичок...

А это не шутка, начать как бывало в сказках.

* * *

Весёлая обыкновенность ни одной пьесе не под силу.

* * *

Клаузевиц... Хм... может полабский. С Полабы. Значит, поди, наш славянский маленько мужичок. Точно. С Кутузовым вместе воевал.

* * *

Везёт же мне на них, на простых людей.

* * *

Да хоть какая, хоть маленькая точка зрения – давай. Пойдёт на развал, а там, глядишь, и до свидания, народец.

* * *

Спор в здоровом народе может разгореться до драки. Лучше не спорить.

* * *

Ах, что за ахиня! Какой-то камин. Надо так, если очень

неймётся, перестать любоваться лугами, лесами, людьми,
глядишь, и невеста найдётся.

* * *

Эх, опустел, как сарай на пригорке.

* * *

Лабаз. Как много насмешников про него.

* * *

Ты хоть одну видел кузницу, чтоб обгорожена была?
– Волхвы там, чего им бояться.

* * *

Критикам надо нет-нет, да стишок написать, чтобы знали
почём фунт лиха.

* * *

Зачем красивые итальянские дома и дворцы под музыку
показывают? Это же совсем бесшумно. Вдали горы.

* * *

Как я не люблю футуристов! Искажают язык, а думают,
что добавляют. В. Маяковский: «Улица корчится безъязыкая.
Ей нечем разговаривать». Туристы.

9

* * *

Сибирское дворянство было покрепче. Вишневые сады у
них пришлось отбивать.

* * *

Шла орда на армию.
Выстроилась в ряд.
Вряд ли так бы выиграли –
кто во что горазд.

* * *

«Что попало». О вчерашнем.

* * *

Руль рулит.
Конь летит.
Пыль с копыт
век лежит.
А от колеса
Пыль пошла в небеса.
Помутила леса.
Ничё, смоеет роса.

* * *

В экспедиции речь русскую записывал. С гармонистом разговаривали: «А шас старый стал, подносился. Играю да... стал мешаться. Вот, язви те, песня старинная. Мне бы слово из серёдки выхватить, тогда б знал её край. Остарел. Память стала, дык... оттягает.

* * *

А знаешь, почему женщин в киоске девушками называют? А потому что мужиков не боятся.

* * *

Сталинград обратно отобрали чалдоны, и Пермь, и Тверь.

* * *

Где услышал, где записал, не вспомнить: У нас Софронка был. Тоже бой-мужик, тоже в танке сгорел.

* * *

Ну, хлеб – голимая соль.

* * *

А это в Донском полку служил мужик во вторую мировую: «Мри душа всю неделю. Царствуй один день».

* * *

Тоже где-то: Ну, а шофера-то были в то время как космонавты. На почете.

* * *

«Я Богу не молюсь, а верую».

Ну, обувь, а чё ты будешь, из неё сошьём.

Что не нужна, то семья.

Вот, вот, наверное, единственное что люблю – деревенский язык. Он до сих пор нов. А будет еще интереснее рядом с нашим – не нашим наполовину бессмысленным гундежом.

* * *

Лети моё письмо выше леса стоячего, выше облака ходячего. Лети, извивайся, никому в руки не давайся. Дайся тому, кто мил сердцу моему.

10

* * *

Когда у нас греков переводили, чтобы передать древность, старались писать нашим старинным языком. Как в 18 веке. Даже немного по-деревенски. А там как раз наоборот у греков, всё совсем иное. Косо стоит. Как их буквы V или N – косо всё, космическое. Отсюда и слог вверх тянется: Онегин, добрый мой приятель и т. д. Похоже, не правда ль? Я бы на их месте по чужому и переводил. Показённее, что ли. А может быть, быть может, они, умницы, хотели продлить, продолжить русский язык.

* * *

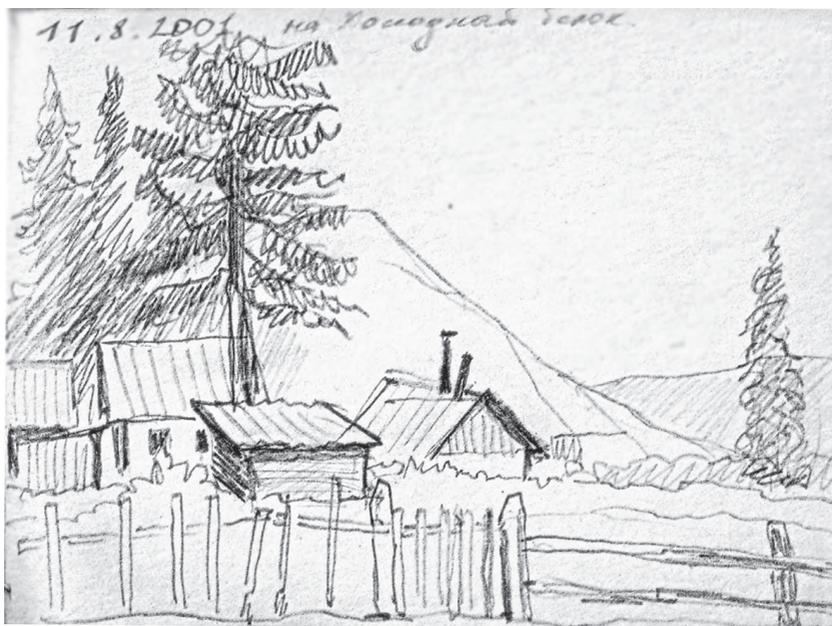
Опять! Опять... шас... подерутся. Точно. Выключай, не могу смотреть. Да и у нас тихо дома всегда, хорошо. И устраивают это в фильмах ребята режиссёры, или старые дураки, или кто нас не любит, как раз, чтоб драка в праздничные дни,

на свадьбе, в день рождения. Даже пакостники так изображают новогодний вечер. Серия за серией. Ссоры-то в жизни бывают. Дерутся, бывает, но не так, не по такой причине. Сколько я ни видел свадеб, никогда там не выясняли отношения, не выставляли взгляды. Вот напьются, тогда и шум бывает, возникнет. От вина. Никто тут не придаёт особого смысла. Ну, вспомнят, поругают буйного мужика. Редко такое, чтобы брошенный в любви человек пришёл к сопернику на свадьбу «выступать». Как в этих фильмах только и ждёшь: вот, сейчас начнут. О-о, фильм по Чехову «Свадьба». Всю душу измотал. Хоть и артисты хорошие.

* * *

Тихо – мирно дома разговоримся. Мама что-нибудь скажет: «Что это за ученье, без конца всё учиться, учиться».

Или, я не могу, настолько хорошо: «Вот чичас Ванька будет пророк. Почему? А вот пишет. Никово ето и не верю».

* * *

Сейчас никому не дадут сказать. Что, как профессора, 45 минут не прервут – и не мечтай. Только то и выпаливай побыстрее, что не успели наивняки.

* * *

Чего не видели, не знают люди и не могут знать. В юбке баба, дед с бородой, а видом не видали, слыхом не слышали протяжной песни. Успокойся.

* * *

Жизнь как жизнь: и тяжесть и веселье, как само собой, с колыбели:

Баю-баюшки-баю,
Колотушек надаю.
Колотушек двадцать пять.
Толя будет крепко спать.
Ты не плачь, не горюй,
Толя маленький.
Во солдатушки пойдешь,
ровно к маменьке.

(Из книжки «Сказки, песни, присловья ленинградской области, записанные Владимир Бахтиным)

* * *

Как другим пели, уже слышал. Чуть-чуть нравилось.

* * *

Мною, значит, уже было высказано: а немецкие, вообще нерусские слова у нас иногда выглядят как неподвижные. Одному настоящему интеллигентному человеку начал это говорить, и он мигом, сразу добавил: шалтай-болтай. Ему все знакомо, все знает, ничего особенного. А меня злят чужие застылые слова, как они лезут к нам бочком.

А знаете, кто сильнее, быстрее других почувствовал? Игорь Северянин. И я уверен, шутя, свои стихи испестрил ими:

Шуршала мгла, придерживая пони...
Что до того что скажет пустота,
под шелестящими цилиндрами в кэпи.
Ну не всерьёз же, выдумка ведь:
элегантная коляска в электрическом биенье
Эластично шелестела по шоссейному шоссе.
Начало считалки, мило получилось.

* * *

А поначалу так напихал этих сюрпризэрок, что... не знаю что. Одним словом – нельзя это за чистую монету принимать. Да люди не знали такое, не хотели знать. Андрей, Андрюха подсказал и тоже вмиг: Палка, палка два струна, я хозяин вся страна.

11

* * *

А это мы с Асановым сочинили вдвоём. На мотив Бодай-бинки.

Ой, да ты сибирская сторонка.
Ой, да вы сибирские края,
там осталася моя девчонка.
Мне не надо было уезжать.

Еду, еду, еду я на время.
Еду я быть может навсегда.
С площади помашет кепкой Ленин.
возвращайся, Ваня поскорей.

Скоро, скоро скорый поезд грянет.
Песня на вокзале прозвучит.
И в последний раз девчонка взглянет,
когда сибиряк меня помчит.

Хороша чужая-то сторонка,
Хороши чужие-то края.
Хороша уральская девчонка.
У сибирской сердце горячей.

Хорошо я, братцы, поработал.
Хорошо я, братцы, погулял.
Но забилось сердце одиноко,
по своей сторонке заскучал.

Я залез в зелёные вагоны.
Скоро будет время выходить
Кончились все мои запасы.
Даже чаю не на что купить.

Проводник девчонка молодая.
И увидела мои глаза.
Поняла что тут такое дело
И с улыбкой чаю налила.

Поезд мчит меня в родные дали.
И колеса весело стучат.
Только бы меня там подождали.
Я уже в Барабинске сейчас.

12

* * *

Ничего никогда не выразишь. Прошло уже. Особенно по задаче. Изобрази, мол, лося. Частички можно какие-то. По ним в восторг приходят.

У бабушки спросишь, какие она знает старинные песни? – Да какие старинные, все забыла. Если получается, разговоришься, сами споём, что знаем.

После того как замолкнем, дождётся ведь, скажет: «А у нас это по-другому пели». Тихонько, ровненьки, спокойно по-своему начнёт. Спела и еще, и ещё, подруг позвала. И до ночи Русь была в самой середине села. И... пять лет к ним ездим, каждый раз новые, новые вспоминаются, правда, как восходят. Так вот между делом и драму показали, «Лодку».

* * *

Когда наши входили в Париж в 1812 году, для шутки припугнули парижан. Первыми пустили калмыцкие казачьи войска, а потом наши бородачи на таких лихих конях. А дальше пехотными рядами солдаты усачи. Каково, а! Предки-деды. Умели шутить.

**Из третьей книги
«Записки из города»**

1 тетрадь

* * *

Культпросвет (пропаганда после успешного мятежа на долгие годы) был и всегда есть, чёрт. Он – она хитрее цыган,

терпеливее картёжников, прозорливее утки, жаднее. И что она кушает? Деньги ест. Но он вынести не может медленно таянья снега. Из-за этого и мятется. Начинает снег, полуледок, долбить возле своего клуба в марте. На смех людям; снова всё заметёт. У нас ведь, здесь ведь – в Сибири. И никак не урвать случай втолковать этим полу ... полукультуркам. Бегут-бегут, потом, не сейчас, не сейчас... Для них – ерунда – ход природы.

* * *

Ничего же вокруг особенно не меняется на глазах. Дома те же стоят. Бабы наши, вразумлённые то ли мужьями, то ли жизнью, на коклюшках вяжут. А что, если это настоящая скорость жизни. Там в жилах, вообще во мне так же всё неявно. Они слушают меня и вяжут. Продвигаются по миллиметру.

* * *

На Руси дольше народов Европы не надо было рельефов, барельефов таких – чтобы нагишом неподвижность.

* * *

Сколько мне крови попортил «Граф Нулин». Когда наедине оставался с дамой, да еще с красивой, не знал – надо не надо что-то делать. Вроде, ей нравился и ничего не делал. И правильно делал. Получил бы по щеке. Это как-то само складывается. Дак и Пушкин о том же. После этого графа немножко вспоминал, колебался, грустил, жалел о случайной встрече. Давно это. Дело молодое.

* * *

Размахались махонькие бабочки.

Детская сказка

Девки захотели курить. А ничего не было у них. Смотрят, мужик бросил окурочек. Еще тлеется. О! Накуримся! А окурочек и говорит:

– Я окурочек, люблю дураков и дурочек.
– Нет, мы умные, не будем его трогать.
Парни тоже мимо шли. Тоже без курева. И им пищит:
– Я окурочек, люблю дураков и дурочек.
– Чё мы дураки что ли? – И не стали подымать.
А потом все перестали курить.

* * *

А тогда легче было выслушивать человека. По-своему
каждый говорил.

* * *

... Челобитная ленского казака... государю царю и вели-
кому князю... русские люди к ним не были... И поставили с
нами крепкий бой.

* * *

А чё это, кто до старости школьницы, любят Чехова?

* * *

Октябрь уж наступил.
Уж листья полетели.
(Дворницкая запись 3 октября 2014 г.)

* * *

Неправильно, конечно, а самое любимое зрелище моё,
когда школьники и школьницы выбегают из школы и разма-
хивают сумками.

* * *

Родители дали ему прекрасное воспитание. Он умел рисо-
вать, играть на пианино, писать стихи, фехтовать ...
– Это красивое воспитание, а не прекрасное.

Родители дали ему красивое воспитание.

* * *

А, наверное, так шло, так было, что попадёшь под пулю

или под приказ дурака. Одинаковая случайность войны. И дисциплины.

* * *

Господи, прости меня грешного, сейчас будет совсем о другом. Совсем другое. На самом деле фехтуют секунд 7 и всё. А мы-то считали, что частичку только показывают, ан, нет. Пара секунд и конец игре. А в кино прошлые поединчики минут пять бьют шпага о шпагу. Зачем скрывали явь? А, вот оно что... Красоту чтобы не затемнить бледной явью.

Про войну ужаса не зря ни в стихах, ни в прозе не было. Да и не получалось.

Зять Иван Михайлович вспомнил раз, как отступали первые месяцы. Вдоль дороги весь кювет красный от рук, ног, от голов. Слезы у него на глазах, у воина. Войну он от начала до конца провоевал.

И правильно было, что не получалось. А то почитают и никуда не пойдут, случись что. А добровольцев-то было много. Хоть как называй – чутьё, инстинкт, спасать надо всё – и колхозниц и музыкантов. Да и подготовка-то к войне была не виолончельная.

* * *

О, как пишет человек! «Приехали де в Тобольск из калмыцких улусов от Дивлеткирея да от Бугая царевичей тобольские служилые люди Федька Волков с товарищи... От Иордени контайши... и от иных живучи в улусах войны они не слышали».

* * *

Мы-то что... Мы не знали такого: 15, да семь на ум кладем. С такими словами легче мне бы, например, понимать арифметику.

* * *

Или вот сумму углов треугольника сосчитать. Взять сначала хоть квадрат, хоть прямоугольник. Он же 360°. И провести линию из угла в угол. И всё. В каждом треугольнике будет по

180°.

Так я и сделал на вступительных экзаменах. И мне сказали: Правильно, главное, истина ... Следующий вопрос.

В НЭТИ – все туда шли и я. Там преподаватель на мои выводы закричал:

– Я сейчас милицию вызову!

* * *

Провести линию, да и всё. А провести прямую линию от угла до угла уже немного сбивает. И так ясно, что прямая. Раз линия.

* * *

Отчего самоуверенность у старших? От школы. Там чётко, определено: сумма углов равна чему.

Тюлени распространены в таких-то морях.

Печорин – типичный представитель и т. д. Год за годом школа стоит на таких несгибаемых выражениях. Потом они как привычка лезут в голову. «Тогда была такая среда». Четверг, пятница.

* * *

А уж такого языка, о таком и не должны были мы знать. 322 страница истории Сибири: «Велено высмотреть того накрепко. Как бы вперёд калмыцких тайшей от того отвесть, чтоб они на Тюмень послов своих ни о каких делах не присылали, и для того, чтоб им тюменских мест и наших слобод не знать и воинский бы их приход на те наши слободы унять».

* * *

А жизнь держали и защищали мужики такие же, как наши ребята добровольцы: «А только с ним с Андреем отобрався, пошли русских людей 80 человек. А не пожалует государь, служилых людей дать им не велит... , и они собою, сколько их зберётся и сколько их мочи будет, хотят идти...»

* * *

Сравнить с нашими лихими перечислениями: И на том,

государь, бою я, холоп твой, убил мужика. А у меня... убили они иноземцы двух коней.

* * *

А складно-то, а благозвучно-то: А стоят де у Иртыша в скопе их сот с шесть.

* * *

Уж лучше по мне широко способные, чем широко образованные.

* * *

Цивилизацию создали резко отличные от других люди, и ниже, и в бок, и выше, и в стороне от среднего уровня. Брали «на ура» облегчения убыстрения. А потом-то усложнения. Как в музыке.

* * *

И прислал утеклца и с полону. (Ист. Сиб.)

* * *

И будет они на Тару идут... (Ист. Сиб.)

* * *

Что у злодеев, что у идеалистов, тому, что они задумали, идёт поправка такая, до какой они даже не доживают, не видят исполнения её.

* * *

А насмешничали сословия друг над другом. Как сейчас мы над интеллигенцией. Лет с тридцать – наоборот, над деревенскими. В XIX веке в конце уже мужики посмеивались между собой над офранцузенными дворянами. С начала XX века поэты – считай – сословие – над купцами косоупызыми. XVIII докатился до Пугачёвщины. В XVII – было не до смеха...

До этого еще, как бояре стали не боевыми, раньше смеялись только над отклонениями.

* * *

Хорошо Хлебников пробил, помял латинские размеры. Но он же, и запустил, несколько лёгких культурных кормушек, оставил. Главная – совмещать далёкое с близким. Разное идёт вперемежку с однородным. В своё время вводить иные времена.

«За 40 вёрст меня Чека позвала на допрос. Где я скакал как бешеный мулла.»

Врёт и не стесняется. А воды в нём, Хлебникове, нет. Или как жизнь идёт она день за днём, день за днём, день за днём. Или как дымок поднимается. Или как егеря с трудом идут.

* * *

Ннда... Никельанжело.

* * *

Почти ото всех казачьих войск выделялись казаки на службу в царском конвое. Жили около роскоши. По возвращении, на Тереке, на Дону в казаках были на почёте. Но никто не хотел бы жить обратно во дворцы.

* * *

Эх! Деньги есть, и девки любят.
И в солому спать ведут.
Денег нет, и всё отрубят
И собакам отдадут.

Да шутим, шутим мы это.

* * *

Забыл – Раскольников своей смертью помер?
Копаться в аномалии – это оправдывать её.

Юриста задорить нельзя – честь интеллигентного человека задевается.

* * *

Если б поэзия полностью вошла в народ со своими хорями, то от русских бы уже и памяти не было.

* * *

Из-за чего Онегин-то с Ленским поссорились? А, по моему, Ленский назвал Онегина гусаком.

* * *

– Что поёте-то?

– Что, что. – Древу́ поём.

* * *

Жить надо, а не развиваться.

* * *

Думал, что весна с потопом будет. А она с притопом. (Сам)

* * *

Да уж, испугалась. Прямо напугал, коршун. (Услышал)

* * *

Тут надо «за добра ума поздорову убираться». (Даль)

* * *

Словесник только тот сможет не оторваться от народа, кто совсем не способен к математике.

* * *

– Девочки, шире шаг!

Давно уже так идут, ходят как мужики.

* * *

Профессиональное искусство создаётся и сохраняется. Народные искусства возникают, самосохраняются, пока не

подкрадываются к ним.

* * *

Зимой, зимой в капроне. Когда-то... Да и сейчас. Не морозец ведь – мороз.

Около глупых бабёнок будто пояс глупости. Подруги глупые. А к умным-то – резкий переход. И он их не подпустит.

* * *

Шуба с кушаком. В рубахе, в сапогах – больше достоинства, чем в куртке. Армяк – яснее одежды нет.

* * *

Красота никогда не спасала мир. Сам спасся.

* * *

Вот и вечер. Три часа уже прошло после «Тихого Дона».

* * *

Как балерины живут на пенсии? Начинают когда стариться. По-всякому, часто очень тяжело. А вообще-то артисты изумляли тогда надолго. Их боготворили. Они были защищены этим обожанием от улицы. Высоцкий был отгорожен заводской стеной от своих героев.

А вот клубные, домкультурные лицедеи, которые сами уже, будучи выходцами из сёл, учили деревенских людей тянуть носки, делать волну, презирать слегка – кто не умеет. Самые недалёкие, но предприимчивые, на пенсии, смело шли завхозами, директорами и пили кровь у слесарей, дворников.

* * *

Герасимов, Аполлинарич ответчик за весь XX век, за всю разницу.

* * *

Умнейшая, глубочайшая, сложнейшая, сама собой изящнейшая классика стоит на зубрёжке и на отъёме детства и

юности. К счастью, не моих.

* * *

В картинной галерее...

* * *

Не надо пытаться чувствовать.

* * *

Зазнался человечешко, телевизор не смотрит.

* * *

На одного учёного кота два неучёных.

* * *

Приветливая скотинка обвешала на 100 граммов.

* * *

Из-за крепких несговорчивых стариков старых фильмов жизнь, кажется, резкой была. Нет, это выбрали режиссёры. Шла такая же, как всегда и спокойная, и всякая.

* * *

Московский переулок... Болванный, Грязный, Кривоколенный, Безымянный. Ничего люди не боялись. Как назвали, так и назывались.

* * *

Вот как надо культурным людям гадать. Приходить под Рождество в оперный на балет, садиться на первый ряд в серединку и ждать, когда танцующая начнёт крутиться на одном месте. Если остановится ровно против тебя, тогда замуж выйдешь на тридцать втором году.

* * *

Когда наши писатели-почвенники были в Италии, они там на всё глядели: и на Адониса, и на Давида, и на Венеру. Они тогда еще не знали, что можно не глядеть.

* * *

И-и-и-раз! И-и-и-и-два, и-и-и-и-и 100.

* * *

Ну, давай! Чтобы наши дети никогда не были хореографами.

* * *

Разболтанность вызубренная. Видно сразу.

* * *

Культура – кульминация.

* * *

Чем меньше бабе объясняем, тем больше нравимся мы ей.

* * *

Ходят и уговаривают друг дружку думать о светлом.

* * *

Общее развитие тупее собственного.

* * *

Вопросы, которые занимают общество... Народ не подразумевается.

* * *

Суют и суют мешанину – хорошее, хорошее и, раз – дрянь! При стократном повторении, долбёжке, отрицательное залазит в положительный ряд.

Снилось, что недавно к Фрейду поехал ... в Америку спорить.

* * *

– Ну что, Максимыч, всё ли благополучно?

– Слава Богу, тихо, – отвечал казак. – Только Капрал Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной из-за шайки горячей воды. – Неужели так длинно и сказал: из-за шайки горячей воды? А если бы так:

– Из-за шайки воды.

– Холодной?

– Нет, нагретой, горячей.

Ну и что? Кто не перебирал по молодости. Пушкину около 30 тогда было.

И море, море, океан стихов. Нельзя много читать. В полном собрании сочинений через 10 страниц отложил, устал от лёгкости, блистательности французской ведь. И создался сначала шумок, а потом несколько сот экземпляров вокруг Психеи, Амура, само собой Зефира и, ах! – Ножкой ножку бьёт (За что?).

И-и! Врасплох всех застала «Капитанская дочка». Никогда не забыть:

– Пойдём ребята на вылазку. Дело служивое.

А вот это, вот здесь уже Чайльд-Гарольд пошёл:

Под небом голубым
Страны своей родной
Она томилась, увядала.
Увяла, наконец, и, верно, надо мной
Младая тень её летала.

Не помню, как напечатано, но так погрустнее.
Да это капля в его море.

2 тетрадь

* * *

Уникальность – это вчерашний день.

* * *

Мне нравится уже снег убирать. Вру – давно нравится. Будто бы и не надо весь участок чистить. Шуршит себе и шуршит под лопатой. Никаких мыслей, что надо. Это у Ста-

ниславского – задача. Запугал актёров. У меня тоже бывает сверх задача – когда буран.

* * *

Музыка хорошо идёт среди запустения, одичания. Как вначале в «Собачем сердце» или в гостях, таких гостях о-о! Песня подлинная в мультфильме про старого пса и волка. «А ты заходи, если что».

Еще про культпросветчицу, коя удивила так, что неделю в 6 утра засыпал. Дом культуры её был далеко от города и не сильно посещался народом. И вот, надо же, деревенская, а ... Правда, отец счетоводом был. На почёте. Ну и, конечно, отослал её в город на что-нибудь такое – на балет, или на пение, только чтобы не деревенское.

Как я там в этом клубе оказался, сейчас не помню уже. А клуб как в городе с дворником, со мной, с отоплением. Вот как-то рано лето наступило, да с ливнями! Уже в мае, в конце в резиновых сапогах добирался домой. А утром я, значит, отмёл, отчистил от грязи своё и так зашёл в клуб. А там потоп. До колен почти. А они – она и двое кружковцев, вычерпывают воду и ведёрками выносят на улицу. Дом же был так построен или покосился уже немного, и воду во всех комнатах чуток тянуло под уклон в одну сторону. Я, значит что, взял свою лопату совковую, в той комнате, что пониже, открыл окошко и давал черпать и выливать на улицу. Она как увидела, замахала руками:

– Вы что, вы, что гоните из середины почти. Надо из углов тоже сдвигать её, воду, к этому окну. Именно так. Я даже застыл первый раз, первый раз такие соображения слышу и, не знаю, что тут ей сказать; сама из углов сойдёт, потом уйдёт отовсюду. О, ой, откуда такая голова одна в сто лет и на моём пути.

В остальном-то ведь и цвета подбирает и уют наводит. Баянистов осаживает, если что. Наверное, от балета (её любовь неразделённая). Там по восемь часов двигаются, двигаются не сами. По росписи. Одна махнула рукой, ясно, что другие побегут – побегут. Она не думает об этом. Даже как не знает. Само собой оно идёт, само останавливается, будто от малейшего мгновения. Она, как море других, балериной, увы, не стала. Да и, слава Богу. Но что стоит сделать что-то, и то само пойдёт, поселилось в ней навек. Двинется как у бурлаков на реке. Или остановится. А, еще там же с улицы вода в дом затекла в полуподвальчик. Он тоже осел уже так, надо по четырём ступенькам спускаться. По ним-то и пошла вода в

дом. Позвали Маргариту Кондратьевну посмотреть, как вода забирается в Дом культуры.

– Нет, – говорит, – я боюсь.

На другой день вообще не пришла, пока не сделали козырёк над ступеньками. Но что там козырёк! Всё равно попадает вода. Мы под горой. И как-то подходит, посмотрела и говорит:

– Надо вдоль порога досточку наложить не плашмя и привалить двумя кирпичами, и вода остановится. Так ведь всё равно просочится под досочку! – Вода же. Перевернёт вашу запрудочку.

– Ну, хоть маленько поменьше будет.

А хитрая. Я ей рассказываю:

– У нас плотину прорвало, и река вниз шире сделалась и на огороды пошла. Что делать! На самом-то деле уже ничего. А одна, – говорю, – женщина предложила бульдозер поставить и направить против течения. Мы ей: Так он же и треть реки не перегородит!

– Ну, всё равно будет не так.

Вот попробуй понять её. Почему, думаете, мужики приходят с работы и не хотят разговаривать. Эх...

Хитрая, хитрая, рассекла вмиг, что я рисую это её. А понятливая, а дальновидная (проработала до 80 лет), а находчивая – купила какой-то вонючий теплоприбор, и когда её спросили: чем это от него несёт, ответила тут же:

– Это озон выделяется.

Как-то рассказывают, приболела что-то, загрустила и говорит:

– Если я умру, похороните меня в городе.

В городе и будет. Он у нас, чёрт, на полста километров раздался. Всех гостей принимает.

* * *

Есть от природы, люди любят чужое только. Или мудрецы – иное.

* * *

Язычество, это уже захват ростков культуры. А может быть – это превращение жизни в культуру. И так еще. Наше язычество – культура.

* * *

Для человека, для мужика, для бабы змея, как ни извивайся – не красивая.

* * *

Жениться надо не на тех, кого любишь, а на тех, кто нравится. Это понадёжнее.

* * *

Сейчас долг историков – достать, или самим догадаться вот про что – где князя уступали трон братьям, или не чувствовали себя управленцами, не брали старшинство в княжении, не шли князь на князя. Тот народ был здоровый. Кто-то один – или Ярополк ли Мстислав был какое-то время, да пусть всегда не в себе, и таких история знает наперечёт. А то сплошь резня. Из кого тогда бы получились мы. В основном здоровые. А кто окаянный-то, Ярополк?

* * *

Когда геометрия пошла по жизни? С Греции. А циркуль с Людовика 14 – балет, круги.

* * *

Гении ускоряют жизнь. А народ не успевает. Живёт по-своему.

* * *

С этой ни в коем случае не делиться – что на душе, или мыслями. У-у-у, лагуна! До сих пор притягивает морячков.

* * *

О, брат... с примерами надо заканчивать. Их никто не до-
слушает. Если только спросят.

* * *

Не спорь, не спорь. Они школьники до старости. Люди из
хрестоматии. Заключают.

* * *

Развитые отодвигают одарённых от природы. На время.

* * *

Почему Пушкин писал стихи? Не знаю. Песни за рекой
поэтам слышались только издали. А многим, многим именно
поэтам казались примитивными. А кто подобрее – наивны-
ми. А стихи им с детства читали.

3 тетрадь

* * *

Передо мною добрая и заметная часть русских дворян 18
века. Гаврила Романович Державин записал: ... или кулачны-
ми бойцами тоже к Орлу относится, который охотник был
до всякого молодечества русского, как и до песен русских.
«Лечу на резвом бегуне» – относится к нему, а более к гр.
Орлову, который был охотник до скачки лошадиной.

* * *

Уж на что Питер Брейгель, у которого противные хоро-
воды, не любил народ, не любил, а был мастером в этом, в
изображении его. Иначе не будут смотреть, помнить не будут
слабого живописания: хоть кутерьмы, хоть хаоса. Упаси Бог
наяву приобщиться к нему. Не дай Бог оказаться в Хиросиме,
в Нагасаки.

Давно уже выровнялись грамотные люди. Договорились, как отличать, что попало от ясного.

* * *

Когда-то и азбука была завезена преждевременно. Жизнь велась умом и чутьём, какие нам не снились и не представить. Довольно многоэтажные дома строились и до сих пор стоят без начертательной геометрии. Теремной дворец в Кремле стоит с 1636 года. Зодчие его Бажен Огурцов и Трефил Шарутин даже не умели расписаться за награду: за шубу, за тафту, еще за что-то, кажется, за крупу.

И какова была встреча с азбукой в те времена. Спустя время это вспоминается как шутка для памяти.

Аз, буки, веди, страшны как медведи.

Аз, буки не избавят от муки.

Аз, буку учат, во всю избу кричат.

* * *

Уже 60 лет называют современной музыкой всё, что связано с барабаном, с гитарой.

* * *

Как они легко произносят: великий русский композитор, великий – поэт. При тиражах 900 книжек – Бахчисарайский фонтан взять. Расцвет поэта. 900 со знакомыми его знали. Это было их счастье.

Русский государственный симфонический оркестр – на инструментах нерусского происхождения. А ты посмотри, посмотри – залы-то полные. Кем? Женщинами больше. Дело-то нежное. А народ – слесаря, токаря, фрезеровщики, монтажники, трактористы все на жизни. Вся округа – дома, холсты, до миллиметра сделано умными мужиками, выткано бабами.

* * *

Пушкин великий советский поэт. Тысячи его книг – дело нашего времени.

* * *

Веселье... Не трогали бы его искусствоведы. «Клюква» не мешала бы веселиться.

* * *

ЮАР. Барокко, оно и в Африке Барокко.

* * *

Возвращаюсь домой. Был в спортивном лагере. Где я только не был! На Телецком озере отдыхал. От чего? Не важно. Главное, побывал около родины километров 70. Выехали на машине. И как только мои места пошли по реке Чое, соскочил и пошёл, пошёл. Ночевал сперва у родни, а потом увидел, что все свои и насчёт ночёвки не раздумывал. Старался подгребать к вечеру в деревню. Иду-иду, лес-лес. Невысокие, но длинноватые горы. Дорогу знал – указывали. Знал-то, знал, а тут она, вдруг, раздвоилась – одна влево, другая вправо. Направо, говорят, будет село – часа три. Да дело-то, вот какое – это не дорога, а какая-то пашня. Лес что ли волоком возят? Ну да. И вдоль неё, этой пашни пошел я кромкой. Мне еще на развилке всё обсказывали: Вот пойдёшь вдоль неё, этими гривами. Две их, вон видно. И там свёрток, там налево. Вот уже вдоль моего пути грива идёт первая, вторая за ней потянулась. И всё не кончаются. Похоже вон, конец. Вроде меньше, пониже. А она снова подымается. И каждый раз в голове: сейчас всё, сейчас всё. Кода это. Финал. Я в оперном осветителем работал зиму и там запомнил кое-какие культурные слова. Дирижёр перед самым концом покрепче начинает махать и музыка замолкает. Тогда-то и на всю жизнь осозналось: в ней, в лесу никакой коды, ни начала, ни конца резкого не бывает. Но там от мыслей тех не было легче. Уж когда совсем перестал ждать, отупел, тогда пашня лесовозная сделала трамвайное кольцо, только пошире – сама в себя вошла. И часика три прошло. Поглядел влево, где сказали деревня. Влево – вниз идти. Так вот глянул туда, за сосны, там внизу-внизу, как на ладони три пятака, три села. Идти всё под уклон, спускаться. Лес там, на Алтае настоящий, но всё же не тайга глухая. Нет бурелома. Ветками похрустываю, иногда пробираюсь, чтобы прямее было. Как-то ни с того ни с

сего над ухом: Ррр. Нее-ет – ффррр! – Птица... В секунду понял. Там ты умнее мигом делаешься. Так же на звуки зря не оборачиваюсь. Так, сама сломалась ветка. Птичка пищит. А время-а-а ... Время-то подходя уже. И гора кончается и, о-о! Вой или рёв неведомый? Собрался, без суеты подготовился. К чему? Хоть к чему. Бывал в зоопарке, а не помню медвежьего рёва. Этот мало на что походит. Помолчало немного и так это: динь-динь. Коровы пасутся с быком. Он и ревел. А вот она и та деревня, и я как раз на край выходил. Подошёл к самому крайнему домику. За воротами в ограде стоит женщина лет за 60. Не всматривается. Спокойно, ровно, мимо глядит. Я вежливо, по-городскому спрашиваю:

– Скажите, пожалуйста, у вас можно переночевать?

А она как-то не глядит на меня и безразлично отвечает:

– Если Витя придёт со смены домой, то не знаю, а так бы можно. Походи пока. Или ладно, на полу у Витьки тебе постелю.

Не помню, то ли пили чай, то ли нет. Давно было, я еще в студентах пребывал. Ночью, настоящей, в первом часу приходит Витя. С комбайна к себе. Здоровый детина, постриженный. Мне из комнаты, наверное, горницы, видно, как он кушает. Через полчаса входит в открытую дверь и направляется в мою сторону. А я вычисляю: Крайний домик. Говорила как-то безразлично. Глаза бездумные. Как в «Полосатом рейсе» у этой девчонки.

А-а-ай, один чёрт ничего теперь не придумать. Поворачиваюсь на бок, будь что будет. Закрываю глаза.

Открываю – солнце, в окне цветы! Бабушка в той комнате печёт что-то.

– Ну, вставай, парень. Видать, намаялся на горах наших. Спал – пушкой не разбудишь.

Накормила меня бабуся оладьями с молоком настоящим. Я, было, давай вытаскивать рубли из карманов. Она как засмеётся:

– Ты откуда такой богатый в наших краях! Господь с тобой. Иди, счастливо. Добирайся домой.

Уже начинаю вдумываться в дурость – прав ли я? У одного композитора есть капелюсенький кусочек в симфонии. Через лет сто этот промельк стал главной темой в другой вещице другого композитора. – Ну и что, это цитата – спорит. Это которая создала целую симфонию – сказал ей. А она ж, хлоп! И за дверь. То ли ей нравится, что ли, меня доводить как говорился до белого каления. Не любит она обыкновенную мысль.

У Глинки в «Славься» там четвёртая строка упорнее первых. Как на одном месте напойте и поймёте. Спорщица моя тут как тут. Выставляет сразу же противовес: – Да этого полно в итальянской музыке. – Но там оно растворяется и не действует. А у Глинки это: ещё, ну ещё, через силу ещё. Решительная музыка есть у Верди, и в Россини есть. Только она не подталкивает. А здесь подниматься надо.

Опять совсем другое, а то же. Пришли три машины. Разгрузили. Маленько устали. А и надо было три, да и сказали: только три. Курим. А тут четвёртая разворачивается с тремя тоннами. Мы же так не договаривались! Ну что, что делать? Срывается работа – говорят. Цех останавливается. Что ж, поднимаемся. Ладно. Ещё, ещё ...

Рассказываю, было, простак, ей. А она уже за дверью. Во-яки же не зря взяли «Славься» в марш солдатский. За этот механизм: ещё, ещё маленько. Немного ещё, ещё. Или: Стоять! Рассказываю, разошёлся, она, тут же припоминает ну, точно такое же (правда не совсем) сбивает...

Не со мной спорит. Не любит наши чувства музыкально теоретическая молодая женщина. Уже за дверью. Ну, вот и дохлопалась дверями. Прочитаешь про себя. Ответили тебе. Ничё, маленько погрусти, пощемись. Не-е-е, не бойся со мной ничего такого особого. Валерьянкой еще не пользуюсь под эти темы. Но раз в полгода можно. А то часа два-три по комнате бродишь. Так что мы знаем, как тут быть.

У неё память – не встретишь такую.

У них музыкантов, художников давно уже не красиво то, от чего нам не оторваться. Прошли они давно.

Но память. Экспедицию помнит подробно пятнадцатилетней давности. На какой машине ехали. Где дождик захватил. Где повторилась бабушка не так. Куда повела голосом тогда. И вот я, чтобы народ к нам потянулся, по-своему, о песнях говорю. Говорю правду своими чувствами. Она, бац! Оспаривает случай. И вот эта мыслительница теоретическая, абсолютно памятливая, опровергает какую-то частичку. – А вот нету такого у курских переселенцев. – И-и ... сбила и «срезала» и правды моей основной меньше. А мы уже были на пути к нам. Дурная память никому покоя не даёт. А то еще проходит и бросает как шутя: «Он вам лапшу навешает». Пару раз в её сторону зыркнул и унялась.

Но Таньку люблю, ценю и обожаю. Ей, солнышку, всегда мой привет за красоту и, пчёлке, за труды.

* * *

Литература не жалеет, раздаёт направо и налево добро или приписывает.

* * *

Никогда никуда не возвращаю. И не хвалю наведённую радость.

* * *

Весь мир состоит из других людей.

* * *

Пока молод, пока и весел. (народ)

* * *

Молодая еще девка, как о Спасе ягня. (у Даля)

* * *

Елизавета царица, она дорогая наша, любила нас. Ходила в хороводах. И учёным тоже помогала. Неужели Ивана Антоновича она заключила. Молодая для этого тогда ещё была.

* * *

Устное ближе к мышлению, поелику...

* * *

Затопило могилу Валерия Золотухина. Превратило во всё. На несколько дней, на месяц, а потом, потом далеко. Потом сделает ничем.

Артисты, единственные, должны быть известны хотя бы тем, кто ходит на спектакли. Кто любит положительное при творство. А жизнью живут миллионы. И их никто не знает. Ну и что! Не знают разведчиков всевозможных, кто не на устах, а голова в кустах. Никто же не знает разработчиков космических, атомщиков; пролагателей, хранителей своей словесности нету в широких книгах. Подлинная жизнь безымянна. А хороший хозяин тайги был.

* * *

Орловы-то, Григорий, Фёдор, Алексей тоже похоронены. В Юрьевом монастыре. Знаю, что любые личности в земле. Но как-то, что Орловы – неожиданно.

* * *

Иду это я так весело по морозцу. А у самого зуб на зуб не попадает. Дай, думаю, дойду, до нашего клуба. Подошёл к воротам, звоню. Выходит Сашка Серов – покойничек – царство небесное, и спокойно говорит:

– А у нас все дома.

– Открывай, давай! – ору.

Он запустил и внутри уже улыбается.

– Чё орёшь-то?

Давно случай был. А я ведь пишу о защитных свойствах наших, что нарочно, для закалки, делается. Начитанных про-свещаю вслух. Кричу им: наша культура иммунная! Двое, до-пустим, встретились и один другому рычит:

– Да вот он где! Да я тебе знаешь, что створю!

– Ты? А знаешь, куда лезешь!

Я-то размечтался, сейчас, однако, драку посмотрю. Какая

драка, ты чё. Трясут руки друг другу, хохочут во всю глотку.

Расписываем народ, а сами не знаем его. Не такой уж он впечатлительный; навеки из-за пустяка не обижается. Бабы не бросают пьяниц. С калекой живут весь век. С наивными всю жизнь.

Начали ремонт у нас. Изо всех комнат стаскали стулья, барахло всякое перед лестницей сложили мужики. Горка получилась метра 2 на 3 и высотой с метр-полтора. Без меня всё. Меня уже шадят. Да я в отпуске. И вот зашёл как-то к Коле чё-то сказать, что ли. Только обговорили, что делать, и тут входит Лариска-танцовщица; как раз приехала со всеми, где «судила» молодняк, подымала мастерство. Зашла и с порога нам с Колей властно эдак:

– Так! Я сейчас буду с вами разговаривать! – показывает на хлам. – Я буду убирать? – А не видит, не хочет видеть – ремонт начался, что обои содраны, из дверей видно зал, а там потолки армяне красят. Беспорядок и всё тут. Ну, раз бы, два. А то, эх...

Ладно, забыли уже. Я не просто восстанавливаю эту заурядную бабью речь. Потом, потом дам пару примеров. Нет, один. Хватит.

Я всегда стулья оттягивал от стены, чтоб не царапали её. Ребятишки бухаются на них, и те спинками стену шоркают. Ничего этого, моих усилий Лилька не знает. Сижу я это, отдыхаю на них после своего снега. Ну и опять как раз она, Лилька заходит. Тоже танцовщица. И давай: «Иван, Иван, ты что со стеной делаешь! Теперь хоть снова штукатурь. У тебя деньги есть на это? Кондратьевна даст? Спишь на стульях, поворачиваешься, они и сдвигаются к стене». Только раскрыл, было, рот. А ее и след простыл. Иногда нарочно затыкают уши. Кайфец что ли у них такой? А маленько есть. Со временем докатилось до того, до того, что, смотрю сердце-то стало ощущаться. И-и-и-ех! – думаю – что такое? Никогда не ем ни валидол, ни вроде его. А тут осенило и правильно, и во время. Взял, купил валерьяночки, глотнул. Упредил, короче, переживания; через полчаса как бык стал спокойный. Так-то

я не сильно говорлив. По зацепке.

Детство своё вспоминаю. Как хорошо, что оно было! Было не как у виолончелистов. За день, за вечер во дворе 20 – 30 игр. Там само собой и нечаянности бывают. Не нарочно задел. Не нарочно ведь! Через минутку забыл. А за вечер 15 обид ушли бесследно. Утром счастье:

– Ну, чё, Ванюшка, выспался?

– Ну, дай ишо посплю ...

И-и-ы-х! Горы ...

И эта набранная в детстве закалка уталкивалась вместе с ловкостью, вдавливалась далеко в угол художественной литературой, хореографией. Хореографиня увидела на моём носке дырку и засмеялась. Я больше не стал туда ходить.

А ведь там, ведь что в этих занятиях, кружках? К, эх, коим кто был склонен сам и родителями. Какой милый мальчик, какой впечатлительный, какой ранимый... Прославлялся мужчина, а не мужик.

А как теперь, что делать?! Переродиться что ль? Мне, писателю, вот что. Начать надо с Асанова. Вячеслава Асанова. Вячеслава Владимировича. Вышла книжка с его переживанием сказок и песен настоящих природных. Для того, чтобы попусту не грустили. «Жил-был Ваня». Изображены там якобы мы. То мы злодеи, каких свет не видывал, разбойники с большой дороги. А то мы лучшие люди.

Ванька-то Овчинников пропащий человек... Ну, пошли к уважаемому человеку, первой гильдии купцу Ивану Афанасьевичу Овчинникову. И Сашка там Кайманаков и Дима Семёнов – все мы там всеми побывали. И маленько научились не сильно задумываться над напраслиной. Не долго чтоб. Теперь баб терпеть легче, когда дурят и когда по запарке пошлют куда-нибудь подальше – не поспешим.

Считалочка

Вышел месяц из тумана,
вынул ножик из кармана,
буду резать, буду бить,

всё равно тебе годить.

4 тетрадь

* * *

Во-он Русь идёт. Семья торопится. Впереди, значит, отец, а с ним лет пяти-шести мальчишка, то отбежит в сторону, то рядом. А позади мамаша быстро коляску толкает. За коляску держится трёхлетний малыш и тоже быстро шагает – надо. Уже за углом? Когда успели? Казаки!

* * *

В прежнее время, да не так ещё давно, кругом всего города Орла стоял лес. Только за Богоявлением и сеяли хлеба, а то всё лес; старики, которые есть ещё, помнят здешние леса, помнят и жителей тех лесов, страшных разбойников. Про злодеяния их и теперь рассказывают со страхом.

(Якушкин Павел Иванович. Путевые записи).

Здесь кругом вёрст на сто, а то и на другие сто всё леса были. (он же)

* * *

Наш разговор давно готовый, только подхватывай. Живут готовые ответы. Маленькие слышали их. Потом из тысяч, тысяч легко выбирались. Главное, быть в нём, в разговоре. Ежели есть о чём речи весть.

* * *

Как только перестал мечтать, что от кого-то отбил, побил, раскидал, значит, стареешь, аспирант, скрипач.

* * *

В мечтах хорошо.
Они поддерживают до смерти.
Радость и, главное, счастье дают.
С грустью воображая до Светлой.
До Центра дойду,

Постою.
Было бы так, чтоб у нас под горою
Жить останавливались
Учителя.
Бог показал бы наш дом,
И другое
Детство, но те же поля.
Я бы поехал с командой в Воронеж.
С нею, все вместе, в купе.
И не ломаясь, а сильно и ровно
Песни о юности пел.
В первой любви и ответное чувство.
Это, пожалуй, и всё.
Зимнесибирское, внешнее чистое
Нехотя к славе несёт.
Тоже мечта – не мечтать
Чуть-чуть уставши.
Пешком. Уже в двери
Взоры вперив, осознаться –
Сей сад и сгубил.
И никто не поверит:
Грёз по четыре часа.

* * *

Чёрну шапку,
А не чёрную
С моей буйной головы.

* * *

Ой, какая я была
И какая стала.
Была кровь с молоком.
А теперь сало.

* * *

Как веник чистой красоты.

* * *

Индейцы – это чуть-чуть горьковатые китайцы на вид.

* * *

Молодость влюбляется в лицо. А ноги могут быть и кривые.

* * *

Л-ом-а-н-у-л-и-сь, бухой в хлам – точные, хорошие слова. Наша волна против англоманской.

* * *

В книжных, важных стихах пока человек дожждётся четвёртой строки, он тысячу раз отлетит и прилетит.

* * *

Скажите, зачем она, поэзия? А на безрыбье, когда фольклор искусственно прерывается у большинства, вытесняется клубами и авторами. Самодеятельность не сама идёт по наряду. Искусства усложняются в соревновании и отрываются далеко от нас.

* * *

По-другому, но тот же путь проходит музыка, художники.

* * *

А шашки-то потруднее шахмат. Шахматы легче вообразить. Там кони, слоны, короли. Легче представляются и держатся в памяти.

* * *

Приходит один дедок в шортах в хороший домашний детдом. Прошёлся и сразу к директору.

– Неважно у вас кормят. (Не как его, видимо.) И всё время шьют. А когда отдыхают?

А там как раз хорошо все заняты. До игры дед не досидел. Шьют, сидят за машинкой девчонки. Знают, что придётся жить своим трудом. А кто читает свои книжки.

* * *

Постойте туры за стольный Киев град.

* * *

Можно бы и правильно, да сбивать себя неохота. Полёт.

* * *

Почему северные русские люди спокойнее на разговор? Знают потому что – не сравняться, не успеть за ней, мыслью. Что бежать?

Вот над чем никогда не задумывался, над букашками, лёгкими бумажками. Всякими зигзагами над рекой. А над быстрой стоял... Там была маленькая тихая заводь, прозрачная с камешками зелёными, серыми, синими, всякими. Хотел стоять...

* * *

Солнце еще не красное. Еще не даёт смотреть.

* * *

Когда школьницы затрагивают Печорина, отвечают когда, говорят, что была такая среда, такое время было. Это вокруг? Тогда бы такими Онегиными и другие были и не на кого обижаться.

* * *

Прохладу обещали, а жарница! Лучше съездили бы куда-нибудь. Эх, кабы знать ё!

* * *

Опять старик в шортах. Смотри, люди полностью отказались от красоты.

* * *

Георгины красивее роз и так далее. Розы. Ну, розы и розы.

* * *

Тяга – главное. Тягами и живём.

* * *

Значит, пишет: В России две беды – дороги и дураки. И всё. А третья? А третья – дурные писатели. Плохо настроенные.

* * *

Ул. Царская.

* * *

В Америке, наверное, тоже, когда земляки наши туда приезжают, хозяин потом кривится: фу-фу, русским духом пахнет.

* * *

В любом месте – центр вселенной.

* * *

Лет бы в пять-шесть услышать по радио отрывки симфонические, красивые отрывки, услышал и стал бы на всю жизнь неженкой.

* * *

Рюрик. Рэрик, явно чужие звуки. И как, и где их приняли? – А я не верю вам, Иван вам Афанасьевич.

* * *

Женщина сидит. Полное безразличие ко мне.

* * *

Язык наш, мужичий, бабий, ребячий, когда мешается с литературным – смешит. «Очень великолепно». А сам по себе, когда – идёт как река. С порогами.

В одно время Ивану царевичу стало скучно. Походил он туды – суды, некуда деваться. Зашёл в кабинет к отцу и увидел лук и стрелы. Взял лук и стрелы, вышел на балкон и пустил стрелу в одну сторону – она не летит; взял другую сто-

рону, пустил – не летит. И так пускал несколько раз – не летит никуда.

Заметил он впереди дубы, рощу в двенадцать дубов, и пустил туды в них ету стрелу. Стрела взвилась и улетела.

Чистый язык русский, богатый по буквам и по звуку. И не угадать, что дальше. При обработке жизнь из него уходит. Только наша великая классика воспроизводит у мужиков «сей момент». Перед барским крыльцом. А как еще будет мужик разговаривать с недосягаемым графом. Из-за границы только: мы ... кубыть, промеж себя ... етаго, миром поставили, чтоб етаго, доставить вам от нас великое удовольствие. (частое писательское изображение)

Да ещё мужики разыгрывали, ещё «темноту» усугубляли. Розенкранц верил. Спросит: вас ис дас? А там горит костёр под вечер. А небо тёмное-тёмное.

– Да вот красивую девку жгут. У нас каждый год это. А то другие бесятся девки, ревнуют. Или ведьму...

– О-о-о!

А то ещё один профессор открыл, что где-то на юге у нас давно ещё лет 1000 назад стариков лобанили. Уведут в лес дедушку и в лоб. А чё, чё с него толку.

Женщина одна, кандидат наук, так же нашла обычай стародавний. Ещё недавно справляли браки предков. Забыл, как это у неё делалось. Понятно, тётя невнятно описала.

А что, если и насчёт Спарты – розыгрыш? Будто бы хилых младенцев со скалы сбрасывали. Не Афиняне ли демократические запустили утку про сильных соседей. А там всего-то мешок с мусором скинули.

Разыгрывать у нас и сейчас любят. О, этот фольклор живёт еще как! Только фольклористы почему-то обходят его стороной. Или за чистую монету принимают. Но нет, есть, появились ребята, артисты, не фольклористы, даже ползала разыгрывают. А весело всем.

* * *

Сколько учили Русь! Аракчеев и Пётр I. Анна учила Ивановна, Леопольдовна. Звучные малоизвестные имена. Пётр

2, 3 совсем, почти совсем ничего не зная, учили. А жизнь возвращала к себе. Но всё равно учитель победил. Стала она грамотная и собралась в городах. А мужик остаётся. Один или три на деревню. На десять лет? На сто?

* * *

Первые появились междометия у медведей. За ними красивые звуки. Они добавлялись, переплетались, убавлялись. И, наконец, пелось. Без названий. К празднику или времени года пели особо. Стали записываться слова добрыми людьми. Павел Иванович Якушин предложил восстанавливать всё, до слогов, говор то есть. Пел знакомым в Питере музыкантам. Насколько можно записывал нотами. Поклон бы ему от нас, хотя бы от словесников. Это одна сторона, одни люди. А другая – другие человечки тоже записывали. Брали себе для рояля, для фагота, для дирижерства. Это же – глянь – целый зал иных людей. Полный отрыв от нас. До свиданья.

* * *

Спасибо, спасибо, наконец-то скажу микрофону. Со сцены кое-где начали говорить человеческим голосом. А там и передвигаться как люди. А зачем тогда сцена? Возвыситься. А природных народных произнесений 57 тысяч. Услышишь, если. А театральных ужимок 250.

* * *

Своротилово.

Это значит перед самым поворотом на Боровлянку.

* * *

Невошедшее в избу.

* * *

Облака, не облака и на тучу не похоже. Нету дождя и всё тут. И народ нет-нет скажет: Нету. У меня никого нет дома. А ребяташки бы так отрубили на этот вопрос:

– Ково, ково? Мать зови! – А нету-ка.

Ой, неправильно: нету-ка чего. Никого нету. Отвечают, еще отвечают они так по природе. Куда смотрит аспирантура?

* * *

Почему часто, кто был в заключении, за сигаретку ни спасибо, ничо не скажут.

За грех не благодарят.

* * *

И правда самый горячий клич советских времён в общагах: «наших бьют!»

* * *

Вот они мне крылышки-то и подцепили. И куда теперь?

* * *

Музыка, художественный свист, голоса со сцены (не рабочих. Хотя тоже интересно) туда же и худоба, и стишки и художники – всё на отрыв от нас. Любимое слово – развитие.

* * *

У них понятия скуки нет, у коров.

* * *

Великий русский поэт. Это значит для всех. А в нашей ограде никто особенно стихи не любил. Разве Павлуха Коломников, брат моего друга Володи Коломникова в 9 классе читал нам Блока. Интересно было как что-то такое. И остальная школа не зачитывалась. Была, чёрт, боевая. Вступала в схватки с водным институтом. Благо, он рядом стоял. В классе два человека, два Женьки: Симаков и Харитонов – отличники – читали на праздники свои стихи. Но в институте на филфаке целый поток ощущал, что все такие же – под стихом. А вышли из дверей и... ни во дворах, ни у сестры в школе, ни у брата в техникуме, ни в трамваях, ни у кого в руках стихов не видел.

Закончили ВУЗ и давай ученикам навязывать *Великую русскую культуру*. Спасибо и на этом. И на том, что слегка похвалили фольклор. А что несколько сотен на селе было распето бабушками песен, да без аккомпанемента, – даже не заикались.

5 тетрадь

* * *

«Разве плохо вам читали? Разве не всё поняли в положении?»

– Да ничего не поняли. Где там понять, мы люди не письменные.»

П. И. Якушкин

* * *

Да не так уж их лихачей любили. Вот смелых замечали.

* * *

Сеял репку и морковку –
Ни котора не взошла.
Сватал русску и мордовку –
Ни котора ни пошла.
Пересеешь, так взойдёт.
Пересваташь, так пойдёт.

(Маша спела, сестра)

* * *

Смелость есть во всяком народе. А удаль – только у русских.

* * *

Старинная ... Далеко на подходе песня. Случалось вам за полторы версты слышать? Лучше всего – за рекой.

* * *

Передо мною написано или напечатано допустим: тра, та ри фа, ва та ра. По буквке читаем, это чтение всё равно медленнее, чем соображения про себя. В голове-то без букв летит.

Теремной дворец в Кремле. Да и Кижы, да много-много не грамотного строения. Древняя, самая древняя дипломатия до письма, пожалуй, была. Воспитание устное. Какой-то умница простую вещь напомнил. Дети до школы уже знают русский язык. До поры до времени этих задержечек – букв, знаков нет. Нет, знаки были, конечно. Роспись появилась – изображение коней, людей, лебедей, морей. Дольше всех у нас обходились собственным знанием и вообще людским чутьём.

Сейчас дело другое, дело сложное. Нельзя иначе. А было можно.

* * *

Вот как не стыдно, не боязно целоваться. Да еще по телевизору. Внаглуую растопырят губы и глаза закроют. Ну не такая же, не такая любовь!

* * *

Как было, так и было. Не по слову. (Народ)

* * *

Не могло быть в России великих поэтов. Русская словесность богаче.

* * *

Когда-то на лихой нашей, неопикуемой словесности появились эти, латинские барабанчики: ямб, дактиль, анапест, хорей. Хотел, было, гекзаметр, да сильно тяжёл.

* * *

Да будет, я говорил ручкой, литература, будет. Навязана или сама как-то оказалась у нас. Теперь уже никуда не де-

нешься. Даже кто разочаровался, не откажется от этого творческого удовольствия.

* * *

Девушки, кто красивее – Лаврентьев или Станиславский?

* * *

Бирон ... Бирон, Бирон ... кто нанёс нам нравственно физически моральный урон. Когда он был? Он ли ввёл французский язык? А зачем его ему, немцу? А, может, Леопольдовна, Иоанновна. Вот вам первые стилиаги.

* * *

После Чайковского «Сладкой грёзы», после Воронежского, Сибирского, Имени Пятницкого хоров, фольклор вдруг – полная неожиданность.

Есть такое голосье –
Дыбом встанет волосье.

* * *

У Ушакова узкоплечий с высоким воротником мундир. Между тем и этим одежды-то менялись. На одном разная бывала. Художнику можно б кое-что подобрать пошире. Не проиграл ни одного боя, ни одного корабля не потерял. Богатырь. Кутузов, Суворов, однако, прилично героям одеты.

* * *

А первые-то битные люди ничё не стеснялись.
– А ты это видел?

* * *

Устное изложение, депутатское, кандидатское получается какое-то нерусское. Ближе к завершению XX века, уже когда умерли основные носители языка, оно построено полностью по Западу. Взять хотя бы: не кажется ли вам и т. д. – французское. Или вот из-за чего я долго не хотел читать «Золотого телёнка»: Киса, вы делаете успехи». Весь юмор английский

там.

Неметчина выразилась в занудной чёткости. То, что вы сказали – это вот что. В неустном изложении сказалась неметчина и в подробном описании облаков над рекой, потом над селом. Получасовые изменения в лице, в расписывании кругов по воде до берега.

Стихи, уже знаем – латынь.

* * *

Это как в том анекдоте.

* * *

Сейчас весь народ говорит: Все мы были в шоке.

* * *

Александр Сергеевич, вспоминают очевидцы, мог и ругаться хорошо. А чё мы хуже? – «Пушкин всё к чёртовой матери облагородил». Красивые сказки, не похожие на тех людей.

Белые были за Пушкина, а деревенские красноармейцы мимо Даля, мимо Якушкина.

* * *

Индийские фильмы это уже потом. Его женщины со слезками смотрели и мы, третьеклассники сочувствовали. А задолго до того был азиатский фильм «Аршин малалан». Его восприняли, особенно мы, так. Распевали: Аршины малалана-н. Хожу по дворам. Куски хлеба собираем на сто грамм.

* * *

Аршин, локоть, сажень, верста, посложнее метра. С ними зорче надо быть. Всё, всё, всё считать. Не лететь по десяткам округляючи, оставили-то купцы молодцы.

* * *

Я геофизик по профессии и я считаю, что... Вы понимаете, о чём я говорю?

– Нет, я даже не геофизик.

* * *

Миллионы, миллионы лет назад что было, знают. Когда, чего. А вот не упомнят, кто автор французского проекта языка на Руси.

* * *

Вы что здесь едите? Как вам не стыдно редьку есть!

* * *

— Где-то в экспедиции, наверное, за чем-то редким.
— А я не охотница за редкостями.

* * *

... В центр стали приходить люди неведомо откуда.

* * *

До чего же много полных женщин-то в городе! В деревне, маленький был, никого таких не помню. Так война! И потом-то, уже в экспедициях, не встречал.

Раз дожидались одну певунью, и выходит, проходит через калитку полная-полная женщина, грузная такая и говорит, представьте, спрашивает: кто такие? А зачем вам наши песни? Умница. Мало ли для чего берут. Подхватили её девки под локотки к другим пошли. Кажется, Кристинья Савельевна или нет, нет, забыл. Она, она. Подруги её Кристей звали. Она полегче на подъём, но полнее остальных шестидесятилетних. Или у неё голос пониже был. Это, значит, с 20 годов сохранили песню подлинным звуком.

* * *

Да что такое! До сих пор ни к одной женщине по-человечески относиться не могу.

* * *

А вот как записывал Павел Иванович Якушкин. С теми же звуками, буквами. С него, с него пошло, как есть писать.

Старенький дедька
По горыду ходя
И арё, и скародя
Канापельки сея.
Мыладая малодка
У ворот стояла,
гылубов зманяла.

Я не умею, не смогу написать совершенно, то есть, точно так, именно как произносится: мылодая.

... Почти как молодая, а молодка примерно: малодка.

Хорошо, я не филолог холодный, привычный к звукам-буквам. Меня они до сих пор трогают, занимают, забавляют.

* * *

Ну чё, надо отметить! А иногда эти голоса были фальшивыми.

* * *

А я нет-нет да рыдаю от слов: Ты жива еще, моя старушка.

* * *

Сегодняшнее художество, артисты и другое – это исполнение. Кто соответственнее, тот заметнее.

* * *

Ой, ой, как здорово! – растения-то тоже думают. Дельфины умные, как мы. Что мы, что осы. Вот бы вдруг это стало явью. Через день или неделю спустя привыкли б. Ясно, когда обыкновенно, чего хочется. А надо хотеть на Венере жизнь. Моря на одной, потом на другой планете. И в море чтоб всё думало. И без конца будут попадаться люди, что не могут без подобия. Чтоб еще красивее были в тех веках. Сам тоже замечтался: вот бы не было таких людей. А были б...

А потом смотрю, идёт, вернее, ведёт мамаша искалеченного мальчика – всё вихляется. Есть это горе, раз есть. Так же никуда не денутся и люди с мечтательными и глупыми надоедливými идеями.

Из блокнота

* * *

Чтобы зацапать страну, сперва подламывают раздумья. Ну, что способы, какие поближе к уму, вроде, а на самом деле – химеры.

* * *

Эх! А жизнь-то идёт через одного человека.

* * *

Если прогресс – естественное явление, то и регресс по-маленьку сам идёт.

* * *

Участились, однако, самоволки из литературы к себе в самовольную словесность.

* * *

Ну не смешно ль – обыкновенные в книге отношения величают конфликтом.

* * *

Непонятки, противоречки.

* * *

Почти вся авторская культура нахвалена, мягко предложена, разнесена, навязана, преувеличена.

* * *

Зачем голландцы парики надели? Ведь флот рядом. Суровая быль, естественность. Но хотелось, кто на берегу, помягче, поплавнее. А некогда морякам вырядаться. Да и противно.

* * *

- Ну, козёл! Встал и стоит козлина.
- Что уж вы так, такой же человек.
- Ну, как ты.

* * *

Широкообразованные, пока не нападут на специалистов.

* * *

- Развиваться надо, видите ль. Чтобы оказаться повыше себя. Крыльцо бы выровнял.

* * *

Сейчас бы кто-нибудь увидел. Поняли б, узнали, что я тут делал. Откуда они, от чего такие мечтания? От старых фильмов. Там каждый раз появляется очевидец. И узнаётся мой вклад. Он говорит, как на самом деле было, а на самом деле никогдашеньки никто ничегошеньки не видел. И люди жили полностью своей реальностью.

* * *

- Хорошо. Как надо сделано, молодец.
- Сразу видно – с любовью.
- С какой любовью? С любовью ничё не сделаешь.

* * *

Запад лето в костюмчиках ходит. Хладнокровные что ли?

* * *

Вишинка, не шуми надо мною. Свекорка, не жури ты меня. Вишинка как шумит – так шумит... не дают... погулять, всё под той зелёною.

(А. И. Глинкина. Изд. Московской государственной консерватории).

* * *

Отчего так покосилось, пошло наперекосяк. Оттого стало

что задлили наслаждение. Начали с картин, со звуков арфы, повторов красивого. В зале по 4 часа для кого-то.

На другое поднимусь. Говорил уже – в Думе кто начинает издали, его тут же перебьют. Пространное объяснение было в неспешном Греко-римском мире. Такова там поэзия, и словесность. А не поэты ли помогли развалить Рим?

Не пространные ли речи развалили и СССР?

* * *

В 905-м году, в 17-м в демонстрациях – началах разрушения кто были? Кто оказались против народа? Студенты. Значит, кто они? Ладно, замнём для ясности. Да им тоже накрутили мозги самым умненьким, самым податливым, самым древнегреческим.

* * *

К обыкновенному будь готов!

– Всегда готов!

* * *

А что, а что... если скрипки... дирижёры, если... ну и пусть оторвались. Стали непостижимые: увертюры, клубки сонетов, арии изо всего. Спокойно же не постигаем речные излучины, облачные сооружения, медвежий сон. Не знаем лес, а уж Арктику... по телевизору видим и больше не надо.

* * *

У Даля умнее лицо, чем у Достоевского.

* * *

И опять, и опять «Всё течёт, всё меняется». Для мыслей. А так ничего на заметно. Течёт река только. Небо и то незаметно меняется. Выражение это знаменитое подгоняет жизнь.

* * *

Были же, не могли не быть отдельные помещики, кто не любили дворянский русский язык из книг. Чувствовали, что чужой.

* * *

Сидим во тьме, как негры в обществе.

* * *

Ярём он барщины старинной
Оброком лёгким заменил.
И раб судьбу благословил.
Зато в углу своём надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед.

Моё сердце всецело на стороне соседа. А раб, не то слово,
не к нашему народу.

* * *

О, Господи, всё советское выступление, стихотворение
строилось, держалось на том, чтобы чувствовать, чего в тебе
сейчас нет. Радостно петь о радостном. Закатывать глаза, буд-
то и сейчас поэт, грустишь.

* * *

Черчилль в 43 году прилетал в Москву к Сталину. Было
тридцать градусов мороза. И он там увидел ужасающую кар-
тину. Солдаты ели голыми руками эскимо и похваливали.
Потом приписывают его слова о нас Даллесу, или ещё кому:
«Русских никто не победит. Это безумие – с ними воевать.
С ними надо по-другому». Уже видим, как по-другому. Ну
– как? А вот так, в Россию везде натолкать бессовестных лю-
дей. Как, допустим, в Германию внедрить всякие опоздания.
Невозврат, неотдача долгов. Китай, чтобы встал в растерян-
ности перед несколькими равноправными руководителями,
вождями страны.

* * *

Живёт медведь в лесу, коли его не зовут в поле.

* * *

А вот наш размах, разлёт:

Рассыпался горох
На семьдесят дорог.
Никто его не подберёт –
Ни царь и ни царица,
Ни красивая девица.

* * *

Гусиные лапки. До чего хорошие конфетки! До сих пор, говорят. А как назвали. О, народ! Поэты брали, брали у него, учились. А сейчас его хоть снова учи гусиными лапками.

* * *

Ул. Стрелецкая.

* * *

Казацкий переулочек.

– Чей, чей?

– Казацкий.

– А чем он лучше. Какой?

– Казацкий.

– Почто?

– Народ казацкий.

* * *

Словесность людская, она со вселенною населённую.

* * *

В сказке сейчас по всем правилам их накажут, голову отрубят или руку. А царь-то добрый, простил кучера, да и наследник будет.

(пересказал Асановскую сказку)

* * *

Шашки, пешки, быстрее, ближе к мысли. Русская игра.

* * *

Литературный язык отстаёт от мысли.

* * *

Родичи не сейчас, не здесь. Не сын, дочь, мать. Они чуть подальше. Сродная сестра у меня там. Тётка тоже в Ёйске живёт. Вот, к родичам и поеду. Не пропаду. Уверенно говорят.

* * *

В Ново-Михайловке тоже древú поют.

* * *

Для счёту у нас голова на плечах (ясно кто. Народ. Сами).

* * *

Не столько охота курить, сколько закурить. (Я?)

* * *

Революции начинались от людей тонких и от писателей с обострённым обонянием. Страницы уходят на трущобы. На людей меньше.

* * *

– А ты помнишь, Ваня, я тебе говорила, что есть письменный и устный язык?

– А ты знаешь, Тань, не говори только никому, интеллигенция на письменном языке говорит.

* * *

За правду Бог лица набавляет (даёт старость и лысину).

* * *

Рыцари XIX века, начала XX кидались перчатками, а познакомиться сами боялись, просили кузин. Или сами на кузинах женились. Порода аристократическая.

* * *

Достаточно ли вы умны, Иван и друг Ивана Миколай?

* * *

Якорь-те съешь!

* * *

Оказывается, Жуковский и Кольцов были большими друзьями. Деревенского тянет ко всему городскому, а городского к деревенскому.

* * *

Ум сообразительный. А замена его ещё сообразительнее. И ей хватает ума ехать на нём.

* * *

Когда-то даже любовался буквой и. Поэтому Италия для меня – красивое слово. А Россини, как Россия. Жаль, они итальянцы себя вылепили, вытолкнули наружу, на стены. Хорошо, что я на Руси.

* * *

И-и-и пошло! некогда ждать органики, соответствия, быть с этим в гармонии. А ведь культурные люди вращены этими условиями, законами искусства. Теряется время. Надо так надо. Не оттолкнулся – сразу пошёл. Мир стоит на силе. Кирпич давит кирпич. Посмотри, ветка сгибается не сама. Много, много чего живёт на произвольном начале, строится.

* * *

Всё про неумелых, неловких. Что, что это даст школьникам – изучать неумелых людей?

* * *

Надо всем миром смеяться над теми, кто хочет еще быстрее, выше. Кому надо быть в центре. Всем, всем... Этим, кто знает, может, и спасёмся.

* * *

– А чё они ничё не делают Онегины, Обломовы?
– Говори спасибо, что хоть честные люди – не воруют, не обманывают.

* * *

Мы из подвалов, из бараков не особенно верили во всё.
Так что по тем киношкам не сильно судите о нас.

* * *

Взять собрать у поэтов тысячу умных строк и поставить
их рядом с пятистами пословиц. И что останется от поэтов?

* * *

А поэты не зря народились, появились не быстрее, не сразу ими начали перекрывать пословицу.

* * *

Растёт, растёт мужик или баба. Стал другим и давай ози-
раться. И потянуло к людям наивным. Похожим на твоё про-
шное. Хотя один и тот же человек в разное время, кто-то
решил соединить полосы жизни, как разные явления. Для
чего-то большего. Себя с собой. От, так они всегда любят
соединять стариков и средний возраст. И так умеет и так не
умеет – всё может.

* * *

Селекции, ассимиляции, родственные браки. Выросшее
с растущим как далёкие дальности. Знакомство через кузин.
По телевизору.

* * *

А где красивые? Растащили по морям. А нам навязыва-
ют средненьких, средних, худых-худых, выше среднего роста
девиц. Действительно, в самом, на самом деле скелеты. На-
конец безобразие получило внимание, как мечтало. Кто хотел
этого? Мы не хотели.

Так же как, как не хотелось читать литературу, стихи 18
века. Такой ёрш, такая галиматья. Тоже высоко, над ними.

* * *

Соседняя деревня всё равно чужая. Сейчас вспоминаю.
Она ведь была живописнее Ашпанака. Тихо так загибалась

между гор их – вон. А чужая. Шёл мимо и с холодком глядел на дома.

В детстве приезжает в наш лагерь волейбольная команда. Девчонки, как теперь помню, были и красивые. А нам – чужие. Наши их обыграют?

* * *

Жили не так уж сытно, а когда товарищи, вернее, их родители приглашали к столу, как-то не по себе было. Не дома... Как у Валерия Малышева в стихе «Суп-лапша на молоке».

* * *

Приснилась под утро знакомая песня. Потом вспоминал, вспоминал, никак не мог что-то вроде такого:

Я вам расскажу,
А лучше спою я,
Как мы уходили от врагов.
О том, как бежали
Из турецкого плена.
Как долго, как долго
До дому, братцы, шли.
Когда проходили
Турецкую границу,
Свирепые турки дали залп.
Ис пушек, ис пушек,
Изо всех пушек ударили по нас,
К земле мы пригнулись.
На землю упали.
А кто-то упал и не встал.
Не встал и слезами сухими заплакал,
Что он не увидит мать-отца,
И что не обнимет родимых детишек,
детишечек своих.
Друзья, передайте,
Моим расскажите,
Как я тут геройски воевал.

Скажите папаше,
Скажите мамаше,
Что ни минутки
Под пулей родных не забывал.

* * *

Дождалась начальница оттепели настоящей – нуля в середине января. Видит: снег, раз подтает, ещё разок. А там и совсем сойдёт, природа-то добрая. Дождалась воды с карнизов. И решила – надо убирать, сбрасывать с крыши. Нашла четырёх мужиков сильных, но с таким «снежком», видать впервые познакомились. На крыше накопилась не меньше метра. А на стыках в углах высотой с человека. И вот эти мощные мужики, мощные, ковырялись в этой уже жижке до поздней ночи, до десяти зимних часов. Осторожно слезли с голой крыши; она уже начала подмерзать. Сил почти не было, слезли и кое-как разбрелись по домам. И тут пошла лирика. Очистилось небо. Засияли звёзды, и ударил настоящий мороз. Всё, что скинули, вокруг дома, схватилось. Утром я это всё тюк-тюк, а оно, как бетон столетний, не продалбливается. Как завалы засеки, надолбы перед всем домом, или хоть скульптуры режь. Подходит она ко мне своим утром – по её в одиннадцать с половиной, и задаёт вопрос: «А вы, почему снег не убрали? – Обычно обыкновенный сброс – управились до вечера». Ну что скажешь? Развел рука... развёл рукой и ломиком. Извините, не успел. Тогда она позвала заместителя, нормального крепыша. Впрочем, человека деликатного. Она-то мечтает проучить меня: «Смотри и бери пример». Он, конечно, всё понял. Перед наваленным снегом еще старый, пушистый откинул и как бы приступил с лопатой ко льду. Она рядом стояла. Видит, что здесь невпротык и прямо охнула: «Ой, у меня телефон!». Ещё раз охнула и убежала. Заместитель поставил совковую лопату и пошёл обедать. Больше к этому не возвращался. И никто, кроме дворника, меня, тот неуспех не видал. Ещё мужика сильного позвала, парня. Тот до обеда раздолбал 1,5 кубометра. И после обеда уже не пришёл на заработок.

Вечером собирает собрание. Все расселись когда и за- тихли, она встала, повернулась ко мне, я сбоку всегда сижу, повернулась и обращается по имени и отчеству, и через две секунды чеканит: «Иван Афанасьевич, вы плохо работаете. Почему снег не убрали?». Я даже не стал переживать, встал и пошёл. Потом убедился, что иногда она видит многое. Но того, как говорится, ей не надо. Надо к телефону бежать.

* * *

Мне бы, моему бы уму никогда не сообразить, не высчитать материковые малейшие изменения. И моим бы потомкам; их поколениям, если сохранится что-то моё, никогда, никогда не быть умным, как Платон.

* * *

В испанском, итальянском, одним словом, – в Латыни много рифм. Вернулись к старому с Танюшкой оборванному спору:

– И у нас тоже много – противостоит.

– У нас даже в пределах падежей разные окончания: копать, молоть, велеть нести, сбросить – только одна неопределённая форма глагола. А у них-то, немцев, что множественное число, что женский род, что неопределённая форма глагола заканчивается на «эн». Стало быть, не сильно ищут рифмы-то. Стало быть, полёту больше. Ну и стих, стих этот лучше для них. Повторяюсь, извиняюсь.

* * *

Верю моему среднему состоянию. В нём и мать, и отец есть, земля и небо. Границы не задетые.

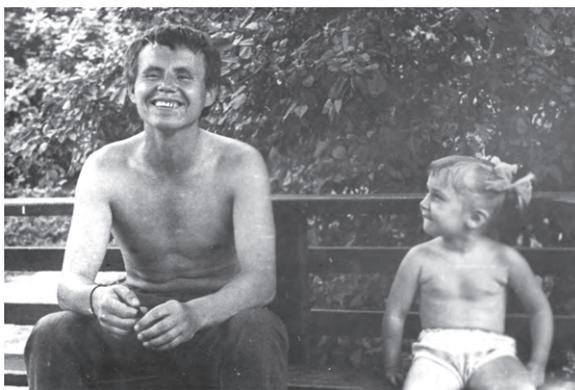

«Это я, Иван, везде... на небе...»

(Стихотворения и поэмы, не вошедшие в книги)

*«Ладно, пусть будет столько.
Любовь моя и любовь, и остатки любви.
Вот перед вами, что никуда не вошло...»*

Иван Овчинников

Стихи разных лет

УТРО В ГОРОДЕ НОВОСИБИРСКЕ

Немки, Немки!
Не терзайте душу
По утрам у культтоваров
Разливаются динамики
Десять чуждых мимов /некто/

В манекенах тихо дышит
Город. Немки и динамики
Но такси, такая разница
Под антеннами особенно
Шофера пока что в праздности
Упиваются рапсодией
А где тени за колоннами
Так в тумане всё, так зябко
Ух, как вытянулись сладко
Вверх карнизы воспалённые
День!
Наподобие подошвы
Встали туфли чёткие
Юмор:
Взяли бы чистильщики
И задумались над щётками.

* * *

Тихо, тихо, мой философ.
Тишина и лень.
Бьются насмерть в окнах осы,
Собирая дань.
Погибая, день, как лава,
Прёт на пулемёт
И слабеет. Снова слава
За руки берёт.
Так иди, иди работай
И, как день прощай,
То ленивой позолотой
Стены омрачай.

1969

МАРТОВСКИЙ ЗАКАТ

Грустнее пленной лани
Ворота у крыльца
Окошечки как в бане
У самого лица.
Её закат. Закончился
И потемнел портрет.
И ей (неправда) хочется
На улицу смотреть.

В ДОМИКЕ

У людей на стене листопад.
Ой, легко! Где-то там и застыл я
Горе горькое – гомеопат
Над латинскими травами, пылью
Эх, лечу я! Volare, лечу
Облетаю, теряюсь, волнуясь
Врач и врун пролетел по лучу
И застыл. Повинуюсь.

* * *

И пошли дожди до Вены
И пускай – обсохну
Нет в Москве тебя – Елены
Вот что плохо.
Фризы... Ох, как ты толково
Про Москву. Завидно
Ничего во мне такого,
Что обидно.
А дожди дошли до Рилы
Уж потом до Эбро
Как ты точно говорила:
– Эх, брат...

* * *

Всё прощай и всё прощается
Тем-то, тем-то, тем-то, тем
Березняк, скосясь, кончается
И мелькает тень.
Вслед за мной, сестрой и лязганьем,
Беготнёй колёс
Стайка белых изоляторов,
Как привет берёз.

* * *

Попишу немного о том
Как кажутся огромными стога
С двух сторон засыпанные снегом.
Прав Маяковский: ничего нет тоскливее
Сельской зимы.
Но в тысячу раз тоскливее
В полях. За селом
За Андреем Белым.
Где и Волга и льдинок ход
(Маленький ледокол)
Не разглядел речников,
Какой у них оклад?
Начинали:
Третий отряд, стройся в ряд,
Пионеры есть хотят.
И зимний день к концу,
Скоро в баню тёмную мыться.
Да, я люблю стога, сознаю, что люблю,
Даже сознаю, что сознаю
(Так играл, заигрался и чуть не)
И всё равно чувствую стог сена.
Сейчас я дико одинокий человек
Как Сартр и Камю на ЗИСе,
Ортега и Гассет.
Еду и слушаю музыку.

Не поверите в столько лет так пишу.
Не знаю, потомки,
Что выдержните, вскрывая
Те ящички с письменами
От поколения такого-то дня
К поколению такого же дня.
Прав Володя, знакомый весьма,
Так сказал,
Что останется самое культурное.
Как сейчас за окном остаётся
Летит остаётся снег
В нашей памяти благодарной
Девятнадцать проникновенных минут пятого...
Прощай, стожишко...

В ИЮЛЕ

Неба небесная высь
Столбов незабвенные меты
И ласковый спрос травы
На дождь, на мои сантименты.

Июль. Я в июле стою!
Стоит в ожидании клевер.
Куда мне идти: на юг?
На север?

Сейчас? Да всю жизнь хоть куда
Привет и прощай, виадук.
И в поле гудят провода.
Медунки... Медунки... Медунки...

* * *

Стены... дали за окнами
Цвета снега без солнца
Не искрит, неподвижно за Обью
День похож на бессонницу
Я как всё замираю
Но в себя не приемлю
Эти тусклые стёкла, сараи,
Посинелую землю.
Тучи маленьких дум
Прилипающих, словно мастика.
Ой, как он поднимается, дым,
А сквозь лохмы играет пластинка.

* * *

В вагон-ресторан не пускают, допустим
И так, а природа скучна.
За ёлками – ёлки, жердины, капуста,
Вторая... седьмая копна.
А вот за неделю кювет порыжелый –
Полметра застыла вода.
Бежать и бежать, отгибаясь жизели
От первого снега, зелёного льда.
На высоковольтные линии
Монтажник залез бы, сказал:
Не даль, не окрест, одни лилии
В моих обалдевших глазах.
С уборкой повсюду так грустно закончено
(это я сам уж гляжу)
Приволье примято, отснято, обмочено,
Забыт лишь небес контражур.
Молчат небеса. И за дальностью,
И не на кого уповать...
Осинка с индивидуальностью
Останется зимовать.

СНИМОК В САНАТОРИИ

Ребяшня, как старички
Ровно. Ручки на коленках.
Сняли к случаю очки.
Их рисуночки на стенках...
Маме показать, своим...
За окном такие виды!
Без очков-то плохо им
Всё охота видеть...

МАЙ

Ну, радостно, советская врачиха?
А порыжеешь на солнце,
Как в поле гречиха...
И я – в золотом плену
Голубого...

* * *

В комнате одной, темнеющей
На столе часы, дымок, альбом.
У альбома цвет такой мерцающий,
Меценирующий он.
Маятник вдали, вдали качается,
Точно так скандируя – Цветаева.
Надоела, но не навсегда.
Отблески военного билета.
Красные земли запросы.
Ой, как ёкнет сердце у поэта:
Мой состав при случае – матросы.
Мать моя всё время в огороде
И ночует в домике в июне,
В августе и даже в сентябре
Подхожу невидимый, не вздрогнет
Тёмная со шлангом на жаре.
Незнакомым кажется сурова,
А я знаю – ко всему готова.

* * *

Нервы, нервы, учитель, нервы.
Надо, как йоги в нирвану.
Поле, учитель, тихое небо
От кургана и до кургана,
Как плохие ученики,
Пусть проходят века бараны
Недоступные чудаки.
А пространство да время
Проверяют пусть дневники.
И несет неизбежно бремя
Исправлять, исправлять у таких
Время, темя, и бремя, и стремя...

УТРО

По виткам
И по всяким бороздкам, овалам
Побежало, поехало утро.
По возможности слаще
Во дворе потянулась черёмуха.
Расширяется солнце. Но трудно
Сдержат свои веки,
Что, наверное, тяжелее
Мутнее безлюдных балконов.

В СЕНТЯБРЕ

Тот развесёлый сброд,
Поглядывая на облака,
Побольше валежника сгрёб
И замер, в руке рука.
Милую не целовать –
Тучами тоже подавлена
Дрожит, как кругом трава
От похолодания.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Осенний лес,
Осенний лист.
Медлителен твой шаг.
И солнце будто без лучей –
Обычный красный шар.
Ещё идёт, ещё урча
Ненужная вода,
Из-за кустов уже торчат,
Синея, холода.
И всё срывается с полей,
Ветвей. Вершит полёт.
Ах, осень-осень, самолёт,
Не зацепи ветвей.

* * *

На запад по улице тихо брести,
Думать вдоль вечера, вдоль огорода.
Я не поэт.
Могу только тень на плетень навести
И окосеет природа.
А запад большого села,
А маленького...

* * *

Уснуло здание
А листья, лес шумят.
До следующего до свидания
До завтрашних тебя, меня.
И море не шумит.
Она вошла в тот дом.
Свет потушила, спит.
Часы, где сон, где сон,
Побили и молчат.
... А я на берегу сейчас.

* * *

Не великий и не малый
По реке Оке плывёт.
А в закатик запоздалый
Пароходик зацветёт.
И скорей идёт волна
К берегу искать чего-то,
Пропадая допоздна...
До семи в посёлке водка.

* * *

Плачут дали. Обнимаются тучи.
Половина домов безмятежно светла.
Солнце. Музыка. Лоджии жгучие.
Говорю – половина, а там уже – мгла.

АЛТАЙСКИЕ ИЗБЫ

Они приветливо к тебе
Еще с пути краснеют.
Там на окне в любой избе
Спят помидоры, спея.

Изба в кольцо окружена
Подсолнухом лохматым,
И георгинами и маком
То там, то здесь подожжена.

Под этим радостным огнём
Своих цветов и солнца
Изба буреет с каждым днем,
Чуть холодея в сенцах.

А вот и дверь, и цвет её,
Как в городе «под дереву».
Входи, входи! Хозяин. Сед.
Степенно дратву дергает.

Ну, а потом куда от нас?
В какую дальше сторону?
Видать из каждого окна
Его седые горы.

* * *

Ой, вечер, ой, вечер,
Ой, садик – обман.
Чернилами не помочь.
Тумана ума талан
Им не очень-то шли привет...
Насильного счастья нет.
Нет, нет, нет такого влияния.
Ой, ветер, ой, ветер, ой, ветер в окно
Майскоиюньскоиюльские танцы стояния.

В КОНЦЕ ДЕКАБРЯ

Не понимая холода
Птицы озлобленно на балконы клевещут
Вечером дети окно теряют
И во всём обвиняют выключатель
Скоро январь.
В лесу хорошо. Тихо.
И обязательно где-то незримо царит трактор.
По дороге обратно баловаться,
Сочинять восторги
Скоро январь.
Мандарины на ёлках
Стихи...
Пересекаемая
Переезжаемая
Перелетаемая
Площадь...

* * *

Серый снег на тёплых улицах
Кто-то высыпал золу.
Вышел мальчик, тихий умница,
Что-то думал на углу.
Погромыхивали мягко
Через рельсы самосвалы,
Шли на Юг, пестря от вмятин,
Неба тёмные овалы
Так и чудилась шарманка
Грустных, старых кинофильмов,
Птичий рынок что-то шамкал
Над толкучкой серый филин.
А поверх, сквозь чьи-то снасти
Далеко виднелись дачи...
Так и чудилось от счастья
От всего сейчас заплачу.

ГРАД

Толик всем помогал,
А потом всех ругал:
– Я тебе помогаю,
Лодку я тебе стругаю
Да и раньше помогал,
Лодку тоже я стругал.
Почему ты в мяч играешь,
Мне сейчас не помогаешь?!
Раз с тобою мы друзья,
Делай то же, что и я.
– Толик, Толик, что ты учишь?!
Видишь – туча, скоро град.
Дай немного поиграть.
Скоро мы уж доиграем,

На веранде достругаем,
Постругаем, попоём,
Стружки вместе подметём.
– Ладно, я вам помогал...
– Да пойми, когда мы сможем
Мы всегда тебе поможем.
Вдруг темно и страшно стало,
А когда загрохотало,
Толик к бабке убежал,
В угол спрятался. А жаль...
Засияла радуга –
Разноцветная дуга.
А от бочек, от оград
Так отскакивает град!
Молния сверкала,
Будто что-нибудь искала.
Ребятишки на веранде
Замерли как по команде.
Как всегда внезапно тихо
О бадью чуть-чуть потинькав,
Дождик кончился. Гляди!
Только! Толик, выходи!
Правда, все уж за оградой
Собирают, будто ягоду,
Крупный, крупный белый град.
– Я... я тоже собирать
Буду... Э, нам надо вазу.
Как же я не вышел сразу.
Надо только поспешить
Бабка вазу разрешит.
Вот красивая какая.
И стекло, и град сверкают,
Но откуда-то взялось –
Солнце в вазу забралось.
В тень её скорее. В тень же!
А то градины всё меньше.
Меньше градинки. И нет...

Лишь холодная, как лёд,
Холоднее, чем в колонне,
Может, даже, чем в колодце,
Лишь прозрачная вода
Оказалась, как всегда.
Жалко всем. И Толе жалко:
– Ну, зачем так было жарко,
И зачем я не играл?
Только думал, только думал,
Кто да кто мне помогал?
Не сердился бы в то время,
Был бы я тогда со всеми,
На веранде бы стоял,
Дождик слушал и молчал.
Вот и в лужах, и в бадейке,
В ведрах, в бабушкиной лейке
От него теперь вода.
Дождик был вот это да!
Если б дома не сидел,
То и я бы посмотрел,
Как летел он, этот град,
Отлетая от оград.

* * *

Ветер сбивчивый
И не холодный
Жмёт окно.
Нет ни горечи, ни злобы,
Просто так темно.
Молоточков, сонных вздохов
Состоялся сейм.
Мне – идти в кладовку,
Пойду яблочко съем.

1969

* * *

Когда спокойный солнечный рассвет
Нам даст понять, что это уж не Август,
А сентября смягчающий момент –
Планирующий с неба ангел
Три летних месяца за ручки спать
Уводит к горизонту, напевая.
Печальным взором это созная,
Как грустно оставаться, остывать.
И думать с каждым днем: последний день,
Последний день тепла в последнем поле
И снег, неинтересность деревень
И детские труды, и детство в школе.
А ожидания того же неизменно,
Когда придет большая перемена.

* * *

Я шёл один, сухарик грыз,
И он трещал весьма.
Ломался лёд. Снег падал с крыш.
Была, плыла весна.

А там, в кузбассовских домах
Жила-была одна
И Герцена в пяти томах
Читала у окна.

И там на час иль полчаса
Я изредка бывал
И через час иль полчаса
Я шарфик одевал.

Я шёл один. Вздымался пар,
Решителен и дик,
А снег летел на тротуар
На надпись: обходи!

Я шёл один, сухарик грыз.
И он трещал весьма.
Ломался лёд. Снег падал с крыш.
Была, плыла весна.

* * *

Николаю Шипилову

Так приятно бредущим мешают листья.
Пойду-ка тихонько к киоску.
Что сегодня распространяет Москва,
Выделяет какую полоску.

На последние деньги уходит в кино
Тихий друг, ему все надоело.
Встал он, скинул на пол одеяло...
Говорят, ему многое было дано.

* * *

Что ж, чудесно у Коли
В два окна зеленеет поле.
Представляете май,
Красивая девушка улыбается исподлобья,
А каждому кажется – мне,
И у каждого тихо милое сердце забилося.
Вчера улетела. С Колей мы её проводили,
Оглянулись, а лето! Ах, ты, побродили.
В два окна зеленеет поле.
Пригоны, отощавшие к маю.
На ветре соломинок гонор.
Отхожу и лежу, разный слушаю гомон
Слипаются веки... как Вознесенский: навеки.
А, между прочим, я, кажется, болен.
И, между прочим, чужие сандалиии.
Поле, поле, кто тебя...
И так далее...

* * *

На стройке стоит 101
Осенняя цифра такая.
А кто-то ее господин
Не помня об этом, шагает.

ПОЭТ И КОРОВЫ

Откуда они набрались,
Обстали и смотрят как люди.
Чего собрались?
– Попить у запруды.

* * *

На лето красивых чернил.
На осень машинку.
Печатать, писать говорил
И думал сквозь синюю дымку.

ОБ ИЗВЕСТНЫХ ПОЭТАХ

Кажется, не представится
К ним подойти – пять минут.
А ведь они состарятся
И никогда неумрут.

ВАРЯ

От мыслей отвяжусь
Тетрадочку помою
Она в варенье, я
Писала, где попало.

* * *

На поэтах Пушкинской поры
Я пишу решительно
В то время, как вспахивают дворы
И дрожит всё оглушительно.
Возвратясь из школы в последний раз,
Ольга улыбается рассеянно –
Подарили вазу, еще нету роз.
Май, – какие розы, том Есенина.
На поэтах Пушкинской поры
В. Высоцкий рисовал портреты.
30° жары,
И число тридцатое на это.

А реченька здесь! Потом,
Как запрудят, будет озеро.
Мы будем купаться и потонем,
Вынырнем, да с арией из оперы.
Был я под водой,
Вкусил возможности,
Что такое омут и, постой,
Испытаешь от безбожности.
Я молитву про себя творю
Я всегда, когда куда-нибудь
Направляюсь, говорю:
Господи, прости когда-нибудь...

* * *

Новый год – это снежное лето.
Как тепло и как лестно, что ты
Всё идёшь, не свернув, и заметно
На щеках расцветают цветы.
Я виною. О, как это зная!
Я скрываю, смеясь и любя.
А в снегу мы-ы-ы, а как мы пылаем!
Что-то помнишь ты, но не себя.

О, какие огромные сосны!
Не шумят – все в снегу, все в лесу...
Разноцветные, многоголосые
Окна песню за песней несут.

* * *

Наденька, апрель! Надежда, – плюс!
На дворе небесное стечение.
Скоро Обь откроет шлюз
И на лёд надвинет наводнение.

Лёд, холодный лёд растопит, понесёт,
Разобьёт о льдины в Карском море!
Веришь? Спишь... Поверила во всё.
Да, Надежда, не сильна ты в споре.

* * *

Около кровати – голубой палас.
Кошки спят, как тапки,
Позабыв о нас.

* * *

Кто-то из весьма знакомых мне верзил
О твоих любимых мною волосах провозгласил:
Ни один троллейбус не возил
Такие чудеса...

* * *

Вчера весь день с Валеркой пили
Как, что, не помним, не поймем,
И хоть бы что на утро, мы давно пьём...

* * *

Мучительна жизнь,
Мучительна, Коля.
Мучительна телочка у плетня.
Мучительно о тебе все думает Оля,
Мучительно далеко от меня.

* * *

Лет через пятьдесят будут любить уродов.
Сам был такой бессовестный в эти годы.

* * *

Женя! Юра! Братцы! Нина!
Отлучающийся Гришка!
В кипе той на пианино
Трудовая моя книжка.
Посмотрите, вспомните
На закатец мой на солнце
В такт ему проговорите,
Вынимая душу Кунцево.
Лихорадит. Абсолютно
Так велосипедит, Колька.
Люди! Люди смеются!
Дети! Люди! Койка!
Неужели нет гармонии
Около одра печального?
За балконом лёт вороны
Майский день. Кончание
Что-нибудь такого, Женя,
Без конца, в традиции,
С голосом ты лучший гений,
Гений репетиции.
Братец, Нина, пианино
Вытри, да, там книжка
Вечер. Больше половины

Так, пора интрижная.
Все равно не уходи ты
Хитрая туда.
Понимаю, вечер дикий
Вот засну, тогда...

* * *

Друзья мои, посветление днем,
вижу, охватывает думаньем,
Снег на домах. На него махнем.
На него. И не будем думать о нем.

Наша зима наступает. Большая.
Дружба сложнее, езда холодней.
Прошлым художникам подражая,
Кто-то постранствует в ней.

Праздники скоро. Повеселеем.
Женщины с радостью придут.
С шубок снег обметут.
Влюбятся в нас под вечер, позднее.

Светлые стены и снежные дни
Новосибирска на это время.
О, подождите, друзья мои!
А странник пускай подремлет.

* * *

С моря всё меньше и тише валы.
Горько из леса кукует кукушка –
Гнездышко смыло. Увы, мне, увы,
Зря я старалась, простушка, простушка.

* * *

В Москве в синеве погулять неделю,
А отъехав – блеск и свет лавр и богаделен.
Беспредельна жизнь... неделя... два дня...
За локоть держись и – помни меня.

* * *

Да я тебя, крылатую,
Люблю, как бог, с тобой
Легко лететь, была ты
На небе надо мной.

А ночью ведь вселенная
Средь звёзд темным-темна.
Ты необыкновенная
Светилась там умна...

Ты улетела, милая,
К другим, таким другим,
С которыми ты в близости
Чужая, что ты им!

А я тебя, крылатую,
Любил всегда, сейчас
Люблю, люблю, оплакиваю –
Бывает в жизни час

* * *

Я, конечно, дождусь. Только я разлюблю.
Так, что можешь уже не спешить.
Появляется грусть – я уже не люблю.
Я спешу, мне сейчас уходить.
А цветы увядают и пахнут, как мёд
На виду положу, если будет, поймет.

* * *

Был апрель или май,
От людей исходил
Золотой, молодой
Блеск и утренний лёд.
Как всегда, невесёлых людей
Всё тянуло в музей. А оттуда - в окно.
Посмотреть на траву.
Как же лето вести на жаре без любви?
Длинной, длинной дорогой, увы, в сапогах
Одному бресть, идти, чтобы музыка, эх
Из транзистора тихо лилась
Вдоль деревни, вдоль речки,
Утопала в черёмухе, в окнах, в горе.
А деревня вся серая – доски белесые.

Ей сочувствие.
За украинской хаткой белёной
Вон, на бревнышке тихо старушка сидит
В ярко-красно-малиновом
Среди пыли и зелени
Одиноко горит.

* * *

Стой, радость, и держи меня,
Неисчерпаемая чара.
Все в той тональности звеня,
Когда мы чокались, как пара.

* * *

Весенний запах пашни, грач,
Лети над чернотой межлесья.
Диск солнца, кроны, листьев плач,
А над обрывом льётся песня.

Ре – гусениц, фа – передач,
До – мощного мотора рок –
Группа трудовых удач
Глаз радует своим напором!

Грузится сочный чернозём,
В отвал, бисквит с начинкой слизи.
Родной земле идет в поклон
Прах и начало сотен жизней.

Мазутный пот стекает с щек,
Рука вибрирует на пульте.
Но сибиряк вперед ведёт
Свой трактор – смысл крестьянских будней.

На радиаторе – флажок –
Лоскут материи, он цветом
Крови припекших коркой щек,
Погибших в сорок первом летом.

Да славится герой труда,
Среди природы благодушья,
Борьбой за статные хлеба
Дающий счастье жить живущим!

* * *

Парижский живописец в парке.
На женщинах надежды тень.
А там сомнения уединений в папке.
У Ренуара шляпы набекрень.

Красивые, такой толпы красивой
На Сене не было, не грелось никогда.
И лип, и кленов, и одежд извивы
С блаженством отражала не вода.
Вот так, таков её любимый.
С бородкой и улыбкой, и она.
А я всё больше нелюдимый
при них – светлее полотна.

* * *

Темнота в глазах туманных
Англия в слезах.
Дома Эля, дома Анна?
В гололедице скользят.
Кто наклеит лейкопластырь
Им, счастливый ли?
Коли не умеешь властвовать –
Здравствуй и вали...

* * *

Айседора Дункан
В своей, нами выпущенной книжке,
Всё боялась в капкан.
Всё боялась плена.
И в прозрачной юбчонке
Полногрудая, л е г к а я
Вышла вовремя, вовремя.
Зала умница лютая
Уж изведалась в корне.
Танец тот сохранили.
Есть последователи
Чудаки изумительные
Исследователи.

* * *

Среди людей стояла девушка,
Не видя лета из-за слёз.
Плакучая на платье ивушка
Нагнула жалобно начёс.

* * *

Бор всю жизнь зелёный
под дремучей тучей.
Пчёлы, пчёлы злёны.
Десять тысяч штучек.

ПИАНИСТКА ЛЕНА

Медленно, медленно, через соты
Вниз пробирается мед...
Лето проходит, кто-то зовет.
Кто-то под небом садится за ноты.

Листья горят и теперь – украшение.
Просто на солнце гладишь.
Больше и дольше, и без мучения.
Радостно гладишь камыш,

Ноты на лодке, холодную речку.
Скоро уедешь. Еще раз на миг
Тихо блеснет золотое колечко.
Месяц в деревне, разлука щемит.

Месяц и правда на небеси светит.
После земли поиграть за рояль
Нежными пальцами. Клавиши светят.
В нотах записана черная шаль.

* * *

Чёрная гармонь – своя.
Полетела, раз ревнув, в огонь.
Что наделал? Деревенская
Извинит его, гармонь его.

Мне это до смерти странно.
Я тихонько вздрогнул, жаль...
Этот человек туманный
Бровью не повел, как сталь.

Суховой сейчас как дунет!
Весь костер поднимет, понесет
На лицо ему – не думай,
Что гармошка спела песню – всё!..

* * *

Гармонь, растянутая круто,
Басы её вниз головой,
Пошла обратно полукругом
После прощания с травой.

За ставень спряталась ветка.
Достань её и подари.
Держи, любимая кокетка,
Хлещи крапиву до зари...

* * *

После дождя – розовый свежий город.
Музыка, стон колонн!
После тебя море ждёт имён.
Мучается с цветами. Волны волнения.
А кому-то никак не хватает волн дойти до поцелуя.
До явной дойти, со слезами, любви, а не уйти...

* * *

Голуби над церковью вьются, словно души:
То взлетают кверху, то, играя, рушатся.
Вот мы вдоль трамвая, вот мы к солнцу, сон.
И луна, бывает, днём горит при нём.
Утопая вместе, освещая лес –
Светлый, светлый месяц в синеве небес!

В ЗАЛИВЕ

Зеленая... выпей шалфею.
Не знаю я, что говорить.
Качается катер, трезвея,
Но горло, как солнце, горит.
Ну, всё? Отогрелись начитанные.
У мачты поют без тоски
О том, как нас видят и любят
На сейнерах рыбаки.

(Это стихотворение имело ещё одно название: «Маркизова лужа»)

* * *

Лягут волосы на травы
Заволнуются рядом глаза.
В это время церковные главы
Напевают, глядят в небеса.

На земле в необъятной поляне!..
Как бывало во все времена,
Расходилось, прощалось гулянье,
Пели главы на светлых стенах.

* * *

По реке плывёт усталый пёс.
Ниоткуда нету помощи.
Вот и всё и среди звёзд,
безразлично близких к тонущим.

Что о них теперь! Грести!
Не до них, а он, сбиваясь,
Из надежды или деликатности
Лапкой еще машет, улыбаясь...

* * *

Зонтики чёрной ночью
Встретись, стекая,
Словно в ресницах очи
Плакали, засыпая.

* * *

Снилось, будто у нас Эрмитаж.
Остальное забылось, не помню.
Край, покинутый нашими, наш
Без домов, без дверей и без комнат...

* * *

Летчик летчику свистит.
Летчик летчику шумит.
В небесах такой же холод! –
А не страшно, летчик молод.

* * *

Таинственная тяга к нам
Красивых любопытных хищниц
Закончилась любовью,
А вчера разбилась...

* * *

Полотенце обнимает бывшую любимую.
Воду с тела отнимает, сушит её милую.

* * *

Это я спал? Ужасно... скоро вечер.
Часы стоят. Учебники стоят.
Я видел Макса что ли? И окно
На древнеримской площади...
Окно... поллитра...
И обо всём, друг, обо всём
Загрезить можно по-другому.
Проснулся... жалко только...существо...

* * *

Полночь Греко... или природа
Или вечер, когда не заснут.
Синева голубого народа
На печальных дорожках минут.
Зелень платья чуть-чуть золотая,
То-то глупый схватил и обнял...
Да не глупый, листаю
А глупый тот, кто отнял.

ЭТО КАЖЕТСЯ

То ли я болею, то ли что это такое?
Мне нисколько, мне не интересно,
Как бы интересно ни было, скажи,
Что это с одним со мною,
Не со всеми – я не знаю жизнь.
Сколько раз угадывал начала
И они сбывались. А делясь,
Выяснял, что думало не мало

Так же, как и я. А это – связь.
Огорчало, что мыслителей-то сколько!
Но и утешало – всё-таки семья!
А теперь боюсь – такие токи
Есть, и всем не интересна явь.

* * *

Скоро..... смотрите.....
Динамик, метель и музыка
В старой избе без огня
Попробуй, найди меня.
Учитель, учебники бросивший,
За станцией за сто вёрст
Пригрелся у печки, бронзовый,
И вот у него недоверие
Грамматике и кино,
Где открываются двери
И входит она, оно.....
.....ещё..... ещё.....
1. Окна закрытые, дождь
Поэма о маленьких шахматах
О потемнении стен
Об отсеках, Гобсеках, об Эנסке, о шахтах.
Грибанов снимает очки.
Наплывом: его близорукие дали...
Ну, вздрогнем а, девочки!
Замолчали.
Это было недавно. Это было в пивной.
2. Ой, какие улицы-то нехорошие, голые!
Ни зима, ни осень – слякоть.
Положите руки на мою голову,
Буду плакать.
Прощаюсь с вами милые редкие люди.
Вижу чуть томимые холодиной лютой!
3. Грибанов: Здравствуйте. Грибанов.
Прораб: а, Грибанов! Заходи, Грибанов.

* * *

Безрадостные дни, скворешни
И все над степью небеса.
Свою дорожку проторивший,
Не поднимаю вверх глаза
Оказываюсь перед дверью.
Собрание, сию, притих.
Забавно, люди не поверят,
Что мог и не прийти...

* * *

Шумела гитара на весь темный лес,
Горели костры, и фонарики где-то мелькали.
А там далеко-далеко в колесе
Неслышно шумели еще и катались.
Там город, там парк, а со спутников
Тот же один хвойный лес
Протянулся на сто километров до тундры,
обратно до парка, где раз – и свисток.

* * *

У линии не сон.
У речки, в стоге сена
Тепло и звёзды вон
Моргнули все мгновенно.
Москва недалеко,
Но далеко Омега.
И месяц высоко,
Мечтающий о небе.

* * *

Лень во мне со времен расставанья.
Далеко та квартира, жильё.
И теперь мне не до обаянья,
Не до обаянья её.
Забываю глаза её горькие.
Серо-синие... лето, зима.
И зеленые. Только ей не хватает команд.
Те попытки её молодые
Я не понял, ни разу не внял.
Только видел, как из бедных её
На прицел кто-то радостно взял.

* * *

Я уже пишу бездумно, каждый день,
Каждый вечер славлю столик
В отблеске от денег.
От любви момент улавливаю,
А на дачах музыка и жизнь.
Между сосен свет экрана,
Через час вдруг итальянский жест.
Под окном в начавшемся тумане
было не ассоциация, а чувство,
То есть не картины, не стихи.
Надо мною нежное и честное,
Надо мною вдруг это духи.
Бог не наделил рефлексией меня
Так зачем на самом деле
Побалтывая, побалтывая, вина,
Вспоминал алтайские ели...

ЛОРА

Слева от нас двери.
Мы открываем и видим горы
Альпы, один вертолёт.
Лампа и тени... звери.
Гений она встаёт.
Встали бы зрители, если
Сороковые годы,
Годы на годы пресс.
Синие вешние воды.
Книги кому интересные?
Слава и страшные годы:
Войска отход от моря.
Прочь от прибоя и шума.
Как изменилась Лора!
Но я не знал её юной.

* * *

Скоро ль заглянет вечер
в Новосибирскую область?
Милый момент на свете –
Только последний возглас!
Всплески от вёсел, несколько
Яркостей, как в кино,
Несколько месяцев
В речке отражено.
И, послезавтра станция.
Солнце на город, а там
Нет ни кустов, ни статуй,
Кроме калек по садам
Зла над руиной звонницы
Вечером нет и нет
Никого, кто вспомнится
Здесь через двести лет.
Трудно знакомиться, жалко
Некому будет жалеть

Вечер, не будет жарко
Бресть по песку тяжелей.

* * *

Наигрался ли герой?
Как мороз Новосибирский?
Жгёт, как дома, ой-ё-ёй!
До подъезда путь неблизкий.
Поздний вечер и каток
Враз погас.
За борт ступая,
Не покатишься, песок
До подъездов насыпают.
По ступенькам вниз и, стоп! –
Есть о чём подумать, право.
Старший брат как взглянет – что,
По истории исправил?

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУСТЬ

Скоро осень... пойдём в кино!
Положи ко мне в сумку Флобера.
Оглядись. Так. Не видишь? – темно.
И печально читать уже в скверах.

Дай-ка руку, поговорим.
У тебя ещё середина.
Жива Бовари.

И пойдём веселее. А тут –
Увядание Скверика водников.
Угасанье и очень скребут
Дорогие товарищи дворники.

* * *

Двести колокольчиков напились
И меня пить зовут у них, звенят.
Я уже пою июнь, июнь, а Синюха южная синееет!
Со столба свисает вьюн и болтается над нею.
Погляди на лён, за ним
Как из моря милая одна.
Лето колокольчиков летит
На учителей в деревне среди нас.
Разве всё упомнишь там, утонешь.
О, а ночью, помнишь, там,
Там, где омут, помнишь мы в воде
Раздвигаем лилии, плывём.
А тепло в воде вдвоём.
И вдруг колокол: анн... анн...
Страшно стало, я ведь анн... Иван...
Молясь, боясь, плывя в закат в полымя!
Грустно-грустные глаза у маргариток,
Тихо-тихие касания листков,
Листиков, часовенок, калиток...

* * *

Когда уже сильно небо позовёт,
И я признаюсь, что не понял бытия,
Одну мелодию пусть Саша пропоёт
Или сыграет, как задумал я.
А можно и при жизни, всё равно
Меня ты не увидишь, уезжаешь.
А мне, как странно, мне повелено
Быть одному в такие дни, не знаешь.
А ты – последняя попытка и
Она не удалась. А я в июле,
В июле знаю: дни уже тихи,
И всё на склон, в калитку и к могилам.
Мелодия простая, где-то трубы
Вообрази, как выпевают, улетают.

И люди забываются, а то бы
Я сбережён был и запоминаем...

* * *

Снимая старые слёзы
Новые слёзы бегут,
С осенней морозной берёзы,
Желтеющей на лугу без шума.
Не узнавая подруг, облетевших вокруг.
Вчера, там, где даль голубая,
Упал её спиленный друг.

* * *

Аля, ты помнишь букварь?
Если не помнишь, тогда ты не Аля.
Ладно, ты Аля, проходим Январь
В нашем красивом журнале.
Садик под вечер, как золото, сад.
Дождь собирался... забыл наши дали...
Думать бы так и писать,
Слушать капли на школу упали.
Алины золотые глаза.
Галстук отчаянно алый.
В сумерках золотые глаза.
Галстук отчаянно алый.
Направо горят облака,
Налево темно уже, луна...
Трижды горнят, и вот слегка
Щемит весна и слава.

* * *

Какими судьбами сюда
Врос уютный камень.
Как хочет под него зайти вода
Зелеными руками.
А я пришел от облаков,
Прилег одной рукой на камень
И пил до неба глубоко
Большими летними глотками.
Своим течением в леса
Она звала с собой,
Но всё стояли те глаза,
Борясь с водой.
И снова неба синий дым,
Соринок с берега отплытие.
Но в жизни маленькой воды
У камня
Произошло событие.

* * *

Как мне плохо вечером...
Вот вечером мне тебя не хватает.
Вот мы втроем, вчетвером
Без тебя. Не такая ночь настает.
В тебя еще двое влюбились,
Теперь мы втроем
В сумерки смотрим июльские, синие,
Не говорим о моем.
Все мы теперь получили права
Думать теперь о тебе: уравнились.
Я не один, бедная моя голова
Душу мою поделила, моя ли?

ПРЕДВИДЕНИЕ

С каждым стаканом теряется память.
Я задаю может пятый вопрос:
Где мой стакан, чей угодно, хоть Танин?
Ты не отпустишь беднягу в мороз?
Или отпустишь, не помню, не знаю:
Вдруг и тебе это передалось,
Что я не пьяный, а пьяных играю...
Всё же вино моё, я не вижу, не знаю
В чьи-то стаканы перелилось...

* * *

Я только развернул Петрарку,
Как интересно: дом, цветы
Он сам слагает к нежной арке.
Всё пролистнул, в конце мечты
Подходит к тем цветам с печалью
Читательница дама, свет...
Да, только развернул с печалью
И рядом вижу чистый-чистый свет.
Любимая людьми на самом деле
Спит у нас. Темнеет небо, Таня!
Ну, господи, бывает же вот так,
Она, моя знакомая такая...
Такая же, как там, в стихах
Минует нас, тихонечко вздыхая.

На одном из листов машинописи стоит следующая приписка:

Стихи Ивана Афанасьевича Овчинникова печатала Таня Флажкова-Матанцева, а на какой машинке, т. е. чьей, – не скажу. Перепечатавающая приносит извинения за скромность «в» и лёгкое заикание «б». 27.02.1978.

(От редакции: Таня, благодаря Вам исторически сохранились эти замечательные тексты. Низкий поклон и сердечная благодарность Вам от многих, многих и многих...)

* * *

Таня приснилась.
Она ведь молчит и вдруг
Взгляд свой задумчивый свой
Погасила, чтобы сознаться:
– Ни с твоей, ни с чьей листвою
Век я не буду шептаться.
Сон мой и Таня, и хорошо, что всё
Объяснил, всё теперь ясно.
Солнечный день спасёт.
Солнечный день прекрасный.

* * *

Татьяна, вставай, вставай:
Уже темнота, темнота-то...
Не знаешь, а встанешь опять
Так поздно, и мы виноваты,
Что не подняли опять,
Расшевелить не успели.
Вставай, ну не надо спать!
Ну, спи и учти – мы не смели...

* * *

Таня смуглый человек. Повод для стихов.
Ей не жаль, что в голове путается ход.
Этот ход мешает жить, не дает любить.
Незаметно для себя жить, разгадывать тебя.
Только время убегает... Да, но снова набегают...

* * *

Я в памяти её.
О, это видно, верно?
Немного, но бессмертие
Безо всего навеяно.
А ещё лучше быть грустнее
И беднее.
Все будут помнить,
Ходить к моей аллее.
Хотя не все, не все,
И не всегда, всегда
В Сибири, мсье, стоят такие холода.

* * *

... Ожидаемый – Петр
лицом как Чуковский
талантами веселей
все у него дураки с Чукотки
проще чем вести с полей
Улыбается коллегиально
Нотр-Дам, говорит
Грамотный стал, у Гали
Мастер и Маргарита
Черный как цвет
У избы в дождь
И от судьбы не уйдешь.
То ли дело Олеся
Под дождем в дальний край
Моментально как есть я
Ей свой плащ, ей и рай.
Высший шик – пропустить
Высший миг.
Так и там было
Осенью съездил
Глядел на дачи
На шест от флага

Что ничего не значит.
Сделал два шага
Тяжело, тяжело
И легко понимать
Что нас с Петькой свело?
Его проза, читать.
Сетуй, сетуй на дни
Все отдельные, одни.
Наступило без слов
Уж второе число.
Так похоже на кризис
То ли лучше не жить
Еле видятся выси
Еле хочется дорожить.
Петька явно не явится
Больно чист горизонт.
А была бы невнятица:
Парикзамиль!
(наплевать!)

ПОДРАЖАНИЕ ХАРИТОНОВУ

В Синано осень наступает рано
О, какая фраза!
Лед пробует народ
Неграмотные люди тихо
Сидят на солнышке.
В любовь не верят, не люблю.
И я не веря, не люблю.
Шесть часов шесток смутили
И запел сверчок
О деревне о Сибири я
Нас Илья учил образам, ловили
А как печататься – не надоумил.

* * *

Независимость ребят с Кубани, с Дона.
И рабская зависимость богемы.
Скоро сто лет их свободы от всего, от дома,
От мамкина, папкина, дядькина вечного плена.

В Питере специально ведь
И вышкурались, и выделывались,
Чтобы солдаты-крестьяне взбесились
И чтобы народа-родителя не стало на треть.

Не, брат, что угодно, но только не этого.
Никогда родного простого не покидать.
Что ты! народ есть народ. А отпетого...
Бог с ним, не знаться хоть, не увещевать.

* * *

Совершенно не новое ожидание
Над рядами серых ступеней.
Под небом темно-серые здания,
далеко троллейбусов грустное пение.
Успение успехов.
Верхогляд по стоквартирному дому
Вниз по проспекту до эстакады
Оби, моста, Комсомольского моста,
Куда друзья убежали и рады.
Есть хорошие, правда, места
В их стихах и рассказах
На этой лестнице
Было и увлечение,
А другу драма,
Сейчас грусть это и панорама.

* * *

Она настолько человек,
мой гений, гений милый!
Я буду помнить через век,
Через свою могилу.
Она кого-то в небесах
Надеется увидеть
И там быть с ним, чтоб не мешать
И не обидеть.

В АВГУСТЕ

Минор пчелы в далеком тихом небе.
Загородный плач.
Прощанье с летом – бездна обещаний!
На случай плащ. На осень это.
Сейчас, сейчас скользнуть глазами.
Много лет идти бы так
Столбами, все столбами
До Пифагора, до Поликлета,
дойти до отдаления от всех:
Уже не видно с электрички,
Что я в осоке по колено,
По пояс, грудь,
Совсем.

ДАМА – ЛЕДИ – БАБУШКА

Некрасиво, очень некрасиво
Зашатались молодые люди
Чьи это такие – так спросила
Вся седая, вылитая леди.
Вместе с появлением дома,
Как всегда на месте котлована,
На скамейку у подъезда поудобней

Села тихая седая дама.
Это дело как-то я заметил
Раз, еще раз, непреложно
На одном и том же месте.
Льщусь, – и я ей не прохожий.
Время преклонить колена. – Ваня.
Но, увы, я пред скамьею
В полосе её вниманья
Пока взгляд её пересекаю.
Мельком схватываю – солнце гаснет.
Алые лицо и руки.
Мальчики неподалеку тоже красные
Так рассеянно дерутся.
Ей вчера сегодня завтра
Запад наподобие камина.
Даже эти над домами залпы!
Маленькая в созерцании заминка.
Бог с ней! Пробегаю мимоходом.
Самосвалы детские, велосипедик –
Быстро ходят молодые люди,
Будто не успеют.
А, допустим, я из Улан-Батора
Возвратился и от счастья еле жив.
Кажется, должны все улыбаться –
То иллюзия приезжих
В нашем типовом квартале
Дом находят неуверенно.
Пробегают часто, стали
Так задумчивы, наверно.
Первый признак нашей местности,
Где приметы в Лету канули –
Бабушка. На том же самом месте –
Это очень успокаивает.
Я недавно понял
Завтра я надолго уезжаю
От антенн, от импортных изделий
И от буклей дамы уезжаю.

* * *

Я шел идти по этажу.
Над осенью, над лесом.
Стоит пансионат и шелестит.
Вся подмосковная Швейцари-и-и-я-а.
СО АН СССР
и я.
Я самая бессмысленная жизнь.
А где С О А Н ? Соан!
С-О-о-о-а-а-н!
Где зал? Столовая? Вокруг?
С-О-О-А-А-Н-Н! Зовет наука академию на ужин.
Садилось солнышко
природушка
и я

* * *

В вашем кино не выходят из ванн.
Чуть что – в постель, в постель.
У вас... этот – Дон Жуан.
А у нас – кобель.

НЕВЕРНАЯ ЖЕНЩИНА

Никогда, ч т о б ы л о, не расскажет.
Как ни бейся, глянет свысока.
Слёзы по лицу себе размажет,
пальчиком покрутит у виска.

Под открытым небом

ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Сено, солома, вдали листопад.
Лягу на листья. – Пусти-ка,
милая, надо поспать.
Не даёт молотилка.
Колотится рядом. Да хрястко так,
густо.
По небу торопится стая.
В соломе наткнуться – ужасно и грустно –
змея засыпает.
Голос,
Когда спишь, над тобой,
Далекий, любой.

ЕЩЁ БЫТЬ

Понимая с великим трудом
сотворённое всласть невеликими –
жизнь, короче, – минуя роддом,
на гармонике сроду не вскликивая,
встанем. Вечером после дождя
на кабине великое зарево.
Ждут ребята у клуба вождя,
глядя на небо, разговаривая.
Но и тут постояв, отойдём,
заалев, как вратарь за околицей.
Пару дней, а по-нашему – дён,
ходим, словно охотники по лесу.

Поглядев на стволы, на себя,
на товарища. До него ли?
Как тогда, в Ленинграде сойдя
вдруг у "биржи" стоял над Невую.
Поглядев... только это – нажим.
Не изменимся, не говорите!
Бросим враз, и быстрее побежим
на трамвай на граните.

ГРАНИЦА

На улице Тиволи, Риволи
смеялись, смеялись и тихо.
Склонилась русская Ивлева.
Её еще радует ихнее!
У нас тоже в полдень луна
бывает и ясное небо.
Под ним – за волною волна –
тебе – колосистого хлеба.
Сколько музык и столько готова
мучиться первые дни.
Сколько синего, золотого
в их костёлах в тени.
В прохладе парижским попам
внимаешь и думаешь лихо:
не твой прародитель Адам,
а католический, ихний.

* * *

Где наши дни?
Где наша не пропадала!
Пока только это – правда.
Бывало, словно, светло,
но счастья – стой!–
ещё не бывало.
Днём так светло, нормально.
Ночь неизвестна – я сплю, спал.
Сколько ещё места
у крымских, байкальских скал?
Дай отвяжусь от мысли:
как, да когда, да мы.
И на месяц, на два,
спокойно раз в жизни,
здоровствуйте, овеваемые мысы,
море и мысли.
Не у окна да стола.
Тогда, значит, наша взяла.
Ну, а как ваш пострел,
езде поспел?

* * *

На постриженных деревьях,
ещё выше – на карнизах,
на ветру, на лёгких снах
встала выпалась весна.
По закаменским извивам,
по нахаловским проулкам,
по ельцовским берегам,
бродит квелый хулиган.
– Ну, волглые крыши над Обью.
Ну, хорошо у реки.
Ну ладно, забились над окнами,
как надо, по двое, флажки.

– Ты сегодня, Толь, не буйствуй.
Двинь-ка прямо на Плющиху.
На день с городом простись.
Там тепло сейчас, prospись.

ПО-ЛЮДСКИ

По душе мне вот так.
И никто, кого спросишь, не спорит.
С годами сильнее пошёл совпадения глас.
Только в юности книжной своей, то есть скорой,
что-то ссорит вдруг с братьями, сёстрами нас.
Какой же абзац, человек соблазнил отличиться,
ценить не любимое многими, всеми почти,
когда на тебя, (а, скажи, есть за что), ополчатся
знакомые люди на старом знакомом пути.
Охота забиться потом, ото всех задеваться
куда-то. А после ... охота пожить по-людски.
Хорошее помню – когда-то годов так в двенадцать
тоже мотался за шайбой среди городских.
Но как на беду, как на грех, был, увы, я не ловок.
Соображать на коньках, на ходу да со всеми, не мог.
И это несчастье не скрыть, и не выразить словом,
особенно деревенским, а милый был слог.
Катил вкривь и вкось. И от шайбы далёко.
Не мог завернуть. Всё по кругу, по бортику, чёрт!
Какая же ненавистная, горькая мука-морока –
не совпадать. Для команды не делать ничо.
И я, как никто, с этих пор не хотел отличиться,
Зато, если счёт добавляли мои, глянь, броски,
что было со мною, со мной настоящее счастье,
когда выходило у нас и на льду по-людски.

* * *

... Где ни одно желание
не перелетало через частокол.

Н. В. Гоголь

Мне не нравится ни Сцилла, ни Харибда
озабоченных или лукавых лиц.
Третий – лишний – правда – кривда
наших перегруженных столиц.
Скопище желающего люда.
Старосветские помещики, меж тем,
люди неплохие были, ну да
как это докажешь сразу всем.

ОБИДА

Я, предположим, постарел.
Лицо – апофеоз заботы.
Живу и тихо жду предел.
Тяну, как тянут до субботы.
А каждый день, часам к пяти
Я появляюсь возле сада –
Привычка лет, по ней найти
Меня легко, кому, вдруг надо.
Всё то же темное пальто.
Где все успеть?
Иду, припоминаю, кто
меня не мог терпеть
и для кого я был весом,
даже где что ляпнул.
Перебираю то и се
И поправляю шляпу.
Примерно десять лет назад
прошло, как ты уехала.

То были добрые глаза,
как эхо...
Все забывается и пусть.
А мы становимся умнее.
хотите слышать, как я злюсь?
Вот трость стучит чуть-чуть сильнее.
Да, я один, седой, бездетный.
В толпе сугубо автономен.
Иду купить себе газету.
Последний номер.

ПРОЩАНИЕ С БЕСПЕЧНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Э, часики, а час который?
А чи то? Не понял, что, как?
Встаю, откидываю шторы.
А за окном закат...
Да под тихим небом
ярко-ярко полоса легла.
Лёг после обеда.
А толпа ушла?
Разлетелись гуси.
Дай-ка почитаю –
На столе записка:
Я пошла, пошла я.

* * *

Жалеешь август, а?
Не грешные вздыханья
в садах, в цветах
о яблочках, в деревнях.
И радостно, и грустно
Опять в дымах
рябина и капуста.
Не надо одному

Быть в августе, не надо.
Последнее тепло
Оно уже с прохладой.
О сельский, сельский люд!
Она у вас в деревне.
А ну как там прильнут
к слабеющей царевне.
Не лепо ли и нам
во дни, еще зелены,
немедля, без письма
лететь к незакалённой.

МОСКОВСКОЕ ЗАСТОЛЬЕ

А в окнах длинная весна
лилась по капле и упала.
Сверкала рюмка,
и сосна качалась у парка.

По тёмной нежности небес
летели радостно просветы.
За город за Москву, за лес,
на родину и в лето.

И кто о чем... И обо мне.
А обо мне еще не надо.
Так и останется в вине.
Вот утром вспомнить – ладно.

Пока по-русски пожалеть
о том, что будет – неизвестно.
И верить долго, долго, ведь
пришел же теплый вечер вешний.

ВЫЗДОРАВЛИВАЮ

Вот и Пасха, солнышко играет.
Некому сказать: Иисус Воскрес.
Некому: Воистину Воскрес.
Все больные веруют в спираль.
В Пасху, правда солнышко играет.
Значит, мир в грехах не так погряз.
Жизнь ещё пойдёт на свете.
А за то, что я хоть так, а выражаю,
тётушка техничка к нам вошла
и сказала: с праздником, а я
сразу ей сказал: Христос Воскрес.
И она ответила: Воистину Воскрес.

* * *

Пошли завтра в музей.
с просьбами, с грустью.
В сияющий синий со снегом Зимний дворец.
Чтоб зимний был только дворец
с десятью, сто двадцатью, пятистами картинами.
А музей пусть уедет.
Доедет, глядишь, до нас.
Надо Рембрандта – поезжай в Новосибирск, в Ачинск.
Любишь Краха... любого –
под Энском стоит часть
и охраняет и умнеет...
Люди! Никто не охватит его, Эрмитаж.
К роскоши с лестницы, тут же
уже привыкаешь. Голова болит.
На Неву глядишь.
А есть ведь, я точно знаю, что есть
деревенские, есть такие ребята восьмиклассники,
увидав только несколько
настоящих картин,
были бы так поражены!
Только несколько.

* * *

Над тихим домиком
Нависли тополя,
Переливаясь по ветру,
Немного веселя.

* * *

К вечеру потеплелые, лиловые
У милых цветы свесились.
Будь добр,
Тих, когда песня.
Когда выделяешься,
Лучше не пой.
С усталости забавляешься,
Как чужой.

* * *

Умный ты месяц мой!
Радостный друг тайги.
Час еще там постой.
Месяц узнать помоги.

ВЕЧЕРОМ

Представляю, как игумен посылал
Пересвета...
Как тревожился.
Всегда были рискованные
ответственные случаи.
И начинали большие люди.

* * *

Переходят песни в залы.
На полянках тихо.
За селом не стало жалоб.
На любовь и жизнь гляди-ка.

Бородатые козлищи
В доме синим летом.
Просят, умоляют, ищут
К музыке поэта.

* * *

Из неохота вряд ли охота выйдет.
Рядом со мною дрожат васильки.
Сейчас засверкает и выедет
Солнце на вас, мужики.
Выезжаем мы в город,
болтая бензином,
в осеннюю пору,
в такую дождину.

* * *

Отвали кольцо от дыма,
Расступись перед другим,
Где-то тут моя любимая
Затерялась с молодым.

* * *

Памяти С. Подъячева

Не бес шумит в голове,
А пьяные, пьяные люди.
В дыму красивая рюмка,
Ваня поёт сам, кабатчик.
Солнце заходит, краснея.
Синь под глазами.
На улице темнеет.
Вань-ка-а-а!
Мягкий невыносимо
Невыразимый зов.
Не лес шумит в голове,
Нелепости, как у всех.

* * *

Эх, если бы из зимы
Сделать лето
И провести денек,
Наломать бы веток
И поспать бы часок.

КОКТЕБЕЛЬ

Сине, сине. Ветерок со вздохом.
И свежо, и жалко
Где-нибудь в горах
Блеснуть ученостью –
Победить собрата
Более усталого, более седого.
Старого, считай, у врат.
Сват у нас нашелся – доброта такая.
Ящериц на ящериц!
Забота – ящерицу жалко.
На трубе – наступишь.

Не наступишь.
Ящерка скользнет
И ты один.
Мало тебе, редко пишут.
Далеко в России,
Друг, такие мужики
Расставлены на пашнях.
Не у моря, не в горах.
И никто тебя, тебя, тебя-я-а-а-а!
Там по-настоящему не любит.

* * *

О! Это дождь! Играют раскаты.
Туда-сюда летает гроза.
Возле окошечка скатерть
В капельках сразу, в слезах.
Эх, бы, около, около окон
Нам бы с тобой замереть.
И, наконец, наконец-то, во как! –
Грянуло – и смотреть...

* * *

Ой, не молись особой силе.
Сперва не складывай свою.
Так ли Пушкин задумывался?
Лермонтов?..
Что думал Аксаков?
Какие надежды питал?
Зимнее окошко тускло-тускло.
Сквозь лунку город,
Город Пушкин.
Еще бы, а? –
Ершов бы город
Да Аксаков.

* * *

Осенний лес. Немного стыдно.
Его легко одолевать –
Идешь, идешь и долго видно –
Еще маячит голова.
Кому бежать – едва ли скрыться.
За лесом только, за горой.
А там... чащобам тем открыться
И замереть с самим собой.

БУРЯ ЗА САМОЛЁТОМ

Ой, да за что, за что же?
Что я тебе, что я тебе сделала?
Заламываюсь. Ломлюсь же!
Не реви, трава, меня, меня
Самого гонят, радуются, гонят!
Так что все впереди –
Выгорит трава, солома свалится,
Лодки почернеют под обрывом.
А на луг идут с конями козы, старятся.
Валятся морским порывом.
Завтра подо мною море
Здравствуй, скажет, а меня там нету.
В облаках лучей прямая прорезь.
Это я, Иван, в Москве, везде, на небе.
Ты еще к валам не разбежалась.
О! и там мои, мои валы,
Пенные, спокойные, в них жалость.
В темных волнах поплыла полынь.

* * *

Что пятиконечная,
Что шестиконечная,
Что настоящая звезда
Светит, но не греет.

* * *

В наибогромном этом городе
Все есть. Глядеть уж неохота.
Мы, дураки, тут сразу гордые.
А дома скажут – полоротые.
Норма города – треть миллиона.
Больше – снова как в дождь,
Заскучаешь у окон, Алена,
Никуда не пойдешь.

ГОРОДСКИЕ ЛУЧИ

Темнеет Оперный. Закат
Ползет по куполу все выше.
Сверкнул флажок и чуть назад
Шатнулся будто. Месяц вышел.
Да так изысканно, красиво
Возник и тихо побежал.
И солнце грустно покосилось
И закатилось за вокзал.

* * *

Сколько я Светок любил!
Только одну не забыл.
Старый ли стал – вспоминаю
Ленок немного, а Майю...
Маек да Таек, Марин да
Не было вовсе. Вообще никогда.
В имени «и» чтоб люблю.
Ирка, что искра в углю.
С Ирками Ваньки, Ивановы
Нравились только болваны.

* * *

Вот так я и начал бы свой роман:
Оставив, не выключив радио,
Я вышел на улицу, спали дома,
Как в синей обложке тетради.
А там, где заносы ещё не гребут,
Я вычитал в свежей складке
Весёлую надпись на чистом снегу
Тонким и твёрдым прутиком «Славка».

* * *

Большевики ведь не Россия,
Совсем малюсенькая часть.
Глаза скосили чуть чужие
На наши дали, мимо мчась.
Нашли же слово, понимали
Как Ельцин этим словом: Чтээ
Купил треть царства. Мы не знали,
Что цифры были там не те...

* * *

Говорят, что Ленин прямо
Не умел совсем глядеть.
Прятал взгляд от нас упрямо
Не поймешь, зрачками где...
Или кадка со спиртами,
Где сейчас он, брезжила,
То ли чувствовал, что с нами
Будет после Брежнева.

* * *

Догорает неукоснительно вся
Искорка, и ничем не помочь.

* * *

Злость любимой – сладость.
Финальный, мучительный вечер –
Наша олимпиада
Прошла, и расслабились плечи.
Боюсь, негодяй, я любить.
Воздух боюсь обнимать.
Вдвойне одному жить.
Не жизнь предчувствовать.

* * *

Отеллась и стоит счастливо телка,
Сено светлое, соломины везде.
А теленок, телочка, а имя Пчелка
Слышит и стоит в углу в избе.

ВОЛНЫ

Слизали пену с галек.
Скатились, а шумели!
А с маяка сигналили,
Светили, песни пели.

* * *

Лесина запела, заныла,
Пила чуть не плавилась, плача.
Потом заржала, как кобыла,
И все. И заржавела, значит.

МОСКВА

Ладно, давай, навсегда!
Я унываю, не знаю
Люблю ли я города,
С глашатаями, трамваями.

* * *

Напоминает ёлку ель.
А дом – о лёгких днях.
Зачем я вспоминаю, а?
Того меня.
Объятья лип, о, память!
На лёгкой горке поцелуй.
Одиноко в реке бакену.
Жалко его дитяте.
Скорее гнать другое,
Чтоб отцеплял, валил.
Никто не вёл в копну её,
В соломе трактор выл.
А листьев, а листьев у стога,
а жёлтых!
Ай, не донимают, умерли комары.
Берега отражают стога.
А летом на дне на носочках,
носочках.
В речке балет.
Люби, что любишь, лес!
А вот и огороды, маки.
А вот и маманька моя.
И солнышко ушло
Красивое домой.
А дома-то темно!
Красное одеяло дай!
Часы, сверчки...
Кто-то поет, а ты спи.
Неохота спать, спать,
Не знать...

* * *

А далеко развилась
Ленточка, ленточка, лента.
Сладкая жизнь началась,
Жизнь театральная, Ленка!
Пиво закроет очи
И не увижу я
Танцы Вальпургиевой ночи.
Черти в огне шалят.
Бешеная хореография.
Грустная, нежная музыка.
Кладбище, фотография,
Адская мука.
Вот начинается опера.
Товарищи, через пять минут
Вы будете свидетели,
Как весь театр сожгут.
А телезрители, вам
Молодое слово.
Театр восстанавливать
Для Мефистофеля снова.

* * *

Там красавиц поле.
Не ходи туда,
Слабый алкоголик,
Свалит лебеда.
И они не любят пьяниц и они
В эти дни не люди,
Жалости вины
В эти дни не знают.
Не ходи туда.
На всю жизнь пылают,
Чтобы навсегда.

* * *

Грешная дама и плиты
Под ногами горят.
Там ее поэты, пииты
Тени их гениев, стад.
А на востоке они седые, седые поэты.
Наши поэты: одна молодая весна!
Сколько скитающихся сейчас?
Считающихся скитальцами нас?
Дали обеты... идем... мы поэты?
Идем, идем и война.
И вон наш враг – вселенная.

* * *

Гляди, как я, сквозь марлю.
Деревню видишь, сосны?
Большие, а вон – маленькие,
Наверно, тоже сёстры.
Мы – сёстры, сосны видим,
А нас они не видят.
Хвоёй своей скрывают,
Но этого не знают.

УЧЕНИЦА

Звучит так звонко, мило: Здравсьте!
Два глаза дружно встали в ряд.
Красивые, но всё равно под властью
Моею радостно горят.

* * *

Старая быстрая музыка
Слушает бес не спеша
Стая кружится над лужицей
Мучается душа.

* * *

Постелили девушки у окон
Стало славно спать, свежо.
На тахте светлеет чей-то локон.
– Чей это? – Ничей, ты спи, ужо.

* * *

Под луною спит девчонка дикая.
Задремали воды, горы, тишь...
Тополь шевельнулся тихо
И прошелестел: сосна, ты спишь?

* * *

А вдруг она тоже богемная.
Не помнится, только смех.
Красивая неоткровенная –
Как жалко, не снится во сне.

* * *

– Саня, ты будешь обрывать фильтр?
– Да-а...
– Ну, так и говори: да, буду!
– Давай драться.

* * *

Контрапункт и сопромат
Рука об руку бежали.
Прибежали в самый ад.
Здесь уж руки-то разжали.

* * *

Банька дожидается до ночи.
Ах, какой дурак я, идиот.
Моются уже, хохочут.
За окошком снег идет.

* * *

Резонные секунды были.
Когда же меня тут не бывает?
Как ни зайдешь, я всё в камерке.
Другой раз даже зло разбирает.
Практически от меня вреда
Никакого, только странно –
Сидит и сидит, или валяется.
В августе у меня осень начинается,
Расплата за несчастное лето.
Листья желтые на меня...
О! идея – поеду по институтам к абитуриентам,
В море волнения.
Да простит одинокого
Бог меня.

ИНОСКАЗАНИЯ ЛЮБВИ

Семь часов. Ожидание солнца.
В октябре всё равно в семь часов!
Что за солнце такое, околица,
Из каких горизонтов, лесов?

А из рыжих, весёлых, багряных
Разгорается и – вперед!

До калиток холодно-упрямых,
Где заснеженный сад-огород.

А в саду никого. Не иначе...
– Дома я! В растворённых дверях –
Сто веснушек и зарева жарче
Тихой, огненной чёлочки взмах.

* * *

Кто-то в самой середине
Шума леса, поля, пенья,
волнования озимых,
галерейного гляденья,
лета, счастья, неба, ночи –
кто он в самой середине,
кто его за это мучает?..

* * *

Да где же бессвязность-то!
В тысяча и тысяча году
Гуси клювами завязывают
Ванину рубашку на лету.

* * *

У меня артистка Таня
Тихо балуясь, живет.
То и дело, что стаканы
Проливает, об пол бьет.
Я прошу её: рубаху,
Другу же! Прошу зашить.
А она артистка: ах, ах,
Ты на студию спеши.
Там поют, там будет Маня.
Дай немного полежать.
– Ну, лежи уж, до свиданья.

* * *

Когда ты вчера была
там, через пять рядов,
когда уже тьма заплыла,
в зале раздался вздох.
Я думал тебя забыть:
Каждому жизнь своя —
В зале вдали побыть,
но ты оказалась я.

* * *

Береза, легка и печальна,
Трогательнее невест,
Ветками машинально
Водит по синеве.
Уходит из зимнего парка
Заветное воскресенье.
Серьёзные мамы и папы,
Их краснощекие семьи.
И сторож всегдашний, тверёзый,
Калитку прижал ногой.
А в парке одни березы
И небо, и снег тугой.
1961

ИЗ ОДНОГО ЛЕТА

1

Тень свою черёмуха качает.
На стене желтеют корабли.
Занавески ветер поднимает,
Гонит за домами ковыли.

2

А на дороге дом в три окна.
Далеко та дорога в горах.

Нечего читать. Нету света. Луна
Наверху – золотая дыра.

3

Лошади чёрная чёлка
В царстве жары и бурьяна.
В небо тяжелая пчёлка
С плачем слетает с поляны.

Почему на воле одиноко?
Божий мир воюет на жаре.
Только дальний самолетный рокот
Мирно канул, в небе поревев.

4

Над землею след белесый, редкий,
И легко, грустя, вообразить –
Наверху, на этом легком небке
Навсегда, на все века уплыть.

* * *

Говорят, она цыганка.
Забывал наши дни.
Чаеглазая студентка,
А ресницы отогни –

Гоголь видел эти очи
У корчмы, где все поём,
После мучаемся ночи
В одиночестве своём.

И в глазах не те огни,
Не далёкий полустанок.
Кто их знает, кто они?
Мало, что ли их, цыганок...

ДЕТСКИЕ ПРИТЯЖЕНИЯ

А помнишь длинный тёмный дом
И длинный сквер, а между ними
В просвете шум и гам, и гром –
Шел товарняк, летел за дымом.
А мы смотрели из окна,
Считали: два сейчас до дома
И два за сквером – во, длина!
Во, – радость выхода вагонов.

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

В трамвае людно и светло.
А за окном туман-туман.
В сердцах протрешь свое стекло,
Но не протрешь туман!
Как быстро все! Поди,
И остановка ваша,
И вам пора уж выходить,
О, девушка! – На «Башне».
А там сегодня хмурый день,
В котором я не властен.
Вы так и будете смотреть
Сосредоточенно и ясно?
Ушла... и новый человек
Сидит напротив.
И я совсем не против.
Я прост, как этот день.
Я знаю: такое дело – выход-вход.
Теперь она одна шагает.
И что ей низкий небосвод,
Что за окном – туман.
И что стекло, пока девчонка за дома
Скрывалась, тихо затекло.

ПРОШЛОЕ В НЕБЕ

Поэты «Плеяды»
Плевали в поэтов Эллады.
Их не было в тысяче лет.
И йссиня день над глазами плавный,
Воображаемый в небе поэт.
На лодке петляли по речке, по лесу,
Когда она стала совсем ручеек.
Лохматые ели. Вверху поэтессы
Шептались: а вечер? – А вон – недалёк.
А как развернуться? Назад надо спятить,
Грести, на корму развернуться. Вперёд!
Плеваться в вечернюю речку... охватит
Вода терпеливая, сносит плевков.
Такие мы в детстве. Скажи, что не правда?
И взрослые в травах, болота вообще.
Вечернее солнце и солнце. Их два, два –
И в речке, и в небе, а в небе – мощней.
Так вот никакие не сумраки лета,
А тёмные тучи, и в тёмном лесу,
А выплыли на опушку – и нету
Вечернего света, весло на весу.
Табань! Только левая, правая тихо,
Да не траву загребай.
И-и, обе! По водам ударили лихо,
Промчались мы вдоль загорающих баб,
И – на Оби мы. А я, как Орфей или Данте,
Сижу на корме, «До свиданья» пою.
Когда надоест загорать-то, и встанете,
Увидите красную спину мою.
А всё-таки вечер. Овечки, как море,
Валами с ягнятами семят,
А их голосочки в пыли в этом хоре,
О, как занимают меня!

Лопаты, ломы наши завтра тяжелые.
Мила ты, мила нам речушка сейчас.
Лиловые, синие, тёмные, жёлтые
Волны на солнышке. В волнах причал.

* * *

Протока ли, речка под хвойным навесом
Петляла и стала совсем ручеек.
Лохматые ели, скучая над лесом
Шептались: а вечер? А вон, недалек.
Ладья закатилась коряге в объятья.
Придется как древле, как исстари – ух!
Мужам, мужикам искупаться – захватит
Вода терпеливый языческий дух.
Бредем, что твои бурлаки, что коняги,
Что скифы, глазами к воде наклоняясь.
Счас, женки, запрыгнем, на весла налягем,
Нажмем на остатки воскресного дня.
Темно от тайги. А не сумерки это.
То сумраки крепкие в темном лесу.
А только уплыли от елей, и нету
Вечернего света, весло на весу.
Теперь по-казачьи особенно тихо,
да не траву из воды! Загребай!
Три раза по водам ударили лихо,
Промчались, оставили лодку у свай.
Пожалуйста, вечер! Овечки, как море,
Волами с ягнятами семят.
А их голосочки в пыли, в этом хоре
Как раз как звоночки в квартире звенят.
Лопаты, ломы наши завтра тяжелые
Забудем об этом? О том, что всегда
Мы есть казаки, голованы полезные,
Глаза наших милых лучатся тогда.
(Стихотворение перекликается с предыдущим).

* * *

А до лилии надо доплыть.
А она не ждала.
Волновалась вода.
Вот я встал на рельс
И вода по грудь
И гляжу на лес,
Загорел, иду...

* * *

Нажил ещё ожидание
Снова в лесу в НИИ
Солнца НИИ догорание
Там, где незнания мои
Теннисных два ствола
Тёмный уж лес, лес...
Славно душа спала
Ес, ес.

* * *

Стекла уже синие
Стали, как в спектакле.
И, запнулись, в инее
Так темнеть, светать ли?
Пение на стенке.
Где-то счастье, бархат...
Сколько времени?
Нет уже азарта.
Что ты состояние?
– Ничего, поэта.
Так же, как крестьянина
Одного без света.
А сейчас стемнеет.
Вечера уж нет.
Те, кто посмелее,
те и включают свет

В КОЧЕГАРКЕ

Вы знаете, не будете не помнить
Как вы столкнули с лестницы меня
Красивую, люблю Вас, о, Меня!!!
Вы сбросили, мгновенно осень,
Что я запомнюсь, помнюсь, помнюсь!
Я поднялась, так долго высока...
Вы подошли, чтоб вытолкать.

* * *

В электричке, в ожидании в Москве...
Мало ль, сказано, а это так!
Через несколько минут, как на Неве
Закачаюсь я с улыбкой на устах.
Несколько минут ещё...
Сколько ещё лет и сколько зим
Колесить?
Подсчет и отвлечет.
Так и быть под солнышком своим.
А осталось только форма, может быть.
Только цели, то есть не мудрец.
Хоть бы раз махнуть на всё, застыть,
Как на церкви нашей мудрой крест.

* * *

На севере горы, где заблудился Слава,
Растут одни ковры, спускаясь величаво.

И я там целый день блуждал с велосипедом
Над речкой, а в воде росла трава всё лето.

В её тепло я въехал, упал и был счастливый.
Кричало где-то эхо, со мною веселилось.

Смеялся дубрава великая со мною,
Шумя, а тихий Слава тут был один зимою.

* * *

Слава осени близкой.
От других ей привет.
Я её уже давно всю испел.
Лучшее лето до самых концов.
Вот все лето, раз лето, все лето!
Социальные явления
Не могу понять, не надо, видно.
Но как чувствую уход лета!
У меня гениальная память на состояния.
Все они у меня бесподобны.
Но, личное достояние.

* * *

Так, утренние часы святые:
Пойдем молиться.
По-нашему молиться – трудиться.
А днем уже биться за жизнь, юдоль.
Жизнь, позволь по утрам, по рассветам трудиться.

* * *

Едем в тучу! Тучу-синеву.
Туча тёмная такая, мрачная.
Из окошка видно самому –
Как поезд осторожно поворачивает.

* * *

Уже вечер, настоящий вечер,
А всего девятый час!
А кому заняться нечем,
Пусть горит свеча.
Старые и молодые люди
В августе на склоне дня
Иногда находят, любят
Свечку для огня.

* * *

Длинный день и светлое окно.
Снег идёт на Сашкину работу.
Я не дворник, не проказник, но
Грустно понимать его заботу.
Саша – бывший журналист.
И поэт. Писал когда-то.
Нет, пошел грести, артист.
Ощущая явь её, лопаты.
Март кончается, а снег!
Край наш в это время тает.
Должен длиться день, вверху сиять, синеть,
Далеко виднеться, до Алтая.
А уже привыкли все
К «проводам зимы сибирской».
Масленка прошла, а валит снег
Этакой пушистый, близкий.
Светлая со снегом серость
Не блестит, ни капельки не тает.
Ты зачем ушел из прессы – смелость?
Хорошо, что я есть – помогаю,
Всё равно уж всё не совпадает...

* * *

Бьют часы, бьют часы, бьют.
Волосы седеют, падают. Моряк
В стороне суровой, суровой, суровой.
Стрелки на стене, на руке, на заводе.
Весёлогрязные вёсны. А сосны
В академгородке, вдалеке.
Так, еще одно лето идет.
Встретится осень, зима, весна.
Я еще лирик, Шурик.
Вот вечернее светлое небо.
Верёвки, прищепки.
Бьют часы... вру – не бьют.
Всё, что было, действительно было.

* * *

Толя, я тебя сейчас читал
В стопроцентном восторге.
Как ты далёк, Толик! Настолько...
Я читал, читал... и надумал: побуду
У этого моря до дней до Саниного Августа.
Странно, у ГЭС пахнет сотами.
Помягчала тут сторона,
Погрустнела под облаками, вот оно...
Моря Обского как в море чаек, их крики у «чайки»
И пьяный над морем: Белы-ы-й,
Андрей, Соловьев, Сергей, По, Адельгейм.
Кто теперь знает, какая красивая Адка Адель была?
В 60-е годы была большая отдельно от Адки богема
Там, где тоске не излиться, выльется в небо талант,
Или забегаешь с блищем перед лицом горожан.
Верно? А наша абстрактная жизнь
Всё ещё неизменна, и я её изменю для измены.
Ну вот, я читал и глядел в окно на север.
Мечтательнее на сей раз...

* * *

Зелень зарделась, еще не разделась,
Но уже накинула сонный убор
Полупрозрачный, воздушно-изящный,
Кристаллов блестящих узорный набор.

Похожих на люстры, в снежной капусте,
Лапки деревьев согнуло дугой
От омраченья пред наступленьем
На лето и осень хозяйки другой.

Воздух натружен от солнечных кружев
Сжался в упругий и терпкий комок.
Растопырило в танце тополя пальцы.
Ветра оркестр на мгновенье замолк.

Природа прикрыла пудрой и гримом
Пятнашку-берёзоньку, деву свою,
И новый такт грянет, и голым лес станет,
И встретит мир лютую, злую зиму.

* * *

Что ты шепчешь, море,
Обласкивая скалы?
Рвешься ли от горя,
Глубины ли мало?

Я тебя к себе бы
Всё забрал на берег,
Коли охватил бы,
Коли бы измерил.

Ты жило бы, море,
В доме-котловане
И плескалось в нём бы,
Как в огромной ванне.

Только не захочешь –
Та любовь сильнее,
Что в глубины тянет,
Где не виден берег.

* * *

О, как ты печальна, паяльная лампа вон там!
И ласточка дальняя стала глазам.
Четыре часа разница с Москвой, но
Там смеркается раньше на час темно.
Москва не точно на поясе –
Там, если в семь темнеет,
В поясе в семь светло.
Я попрощался со всею думой, со всей Москвой.

* * *

Отбывает на родину чувство.
Там оно растворится до дна.
В глубине уже дождик не чувствуется
Тихий, грустный в родной стороне.

* * *

Шесть часов. Ожидание солнца.
Это вечером, в шесть часов!
Что за солнце такое, околица?
Из каких из домов, из лесов.
Из любимых – тепла и покоя,
появляющихся впотьмах.
Это – тело, лицо полевое,
Это огненной челочки взмах.

* * *

Сплошь зарос бы город
Вот такой травой!
Думал я, мотая
Детской головой.

* * *

Наверное, лучшего, легкого не придумать,
Где жить. Жить, где ремонт!
И вот оно это придумано.
Пристанище для таланта:
Кóзлы в извёстке, ботинки на фляге,
На хламе в бумаге.
В обоях всех лет – телефон
Эх! Раскинута раскладушка!
В хаосе, но не в грязи расцветает талант
На белоснежной подушке.
Не замечал кочегарки,
Сторожки, моря. Не видел
Те улицы, те переходы, то небо, – грезил...
А перед извёсткой – не вижу и вижу!
Ну, скорее звонить, скорее, скорее, скорее:
Ира, друг мой нежный, –
То небо, те улицы, те переходы.

* * *

Не слышать фонтана.
Выкинуты лилии.
Мыли неустанно
Их родные ливни.

Солнышко Сибири
Греть уже не хочет.
Как в моей квартире
Батарей к ночи.

* * *

И так, посмотришь, у иглы
Ушко, малюсенькое ушко.
А я с мороза, от игры,
Коряги-пальцы непослушны.

– Ну, то-то, внучек мне помог!
Калеки оба мы попались.
Крутился снег, летел в окно,
А мы всё с бабушкой старались.

* * *

Что за липы, тополя во тьме!
Так и не попасть на счастье.
Осыпается в прибой листва.
Подойдут глаза ко мне любимые,
Я им не поверю, нелюдимые
Дни продлю, люблю.
Сомневаться – удел несмелых.
Таковым я являюсь на данном этапе земли.
Ты поехала – это победа.
Я остался, бедняга, стоять.
Да товарищ со мною Солдатов Олега.
Вот, товарищество опять.

* * *

Голодная кошечка Мурка.
В музее – мяу – никого.
Камзол да сухая тужурка
Висели Петра одного

А к лестнице привыкаешь.
От позолоты тоска.

Как от морали витаешь
В учительской в облаках.

На Невские веские воды
Знакомый уже не глядит.
В далёком тумане заводы,
И дым над заводом летит.

* * *

Разом вдруг вскинутся птицы.
Кажется, что восторг.
Нежная музыка, лица.
Это весна, браток.

* * *

То ли точат, как встарь, во дворе,
То ли крик пароходов в Москве.
Там река, а её не видать.
Рубка движется за домами,
За листвой, счастье, детская благодать.
Агафон, покричи в мегафон:
Что десятое августа, крикни.
Пароходов теперь уже нет
И точильщиков зычных.
И многих на земле уже нет.

* * *

Ты – так? Раз так – и я не вспомню,
Был или не был у тебя.
Забуду выгнанных из комнат
И грустных под окном ребят.

Они ведь спросят: что, уехал?
А ты, задумчивая: Ну,

уехал – ты им скажешь – еха-а! –
Соврешь, на солнышко моргнув.

Мол, во спасение. А годы
В лесок уйдут. Они не в счёт.
Тебе о годах, о народах
О красных солнца думать чё.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

В сумерки сосед уходит за углем
В гаражи с их вечными ночами.
Слышно, как переставляет лом
И стучит какими-то вещами.

Вот умолк, затих , забыт..
Завтра, если надо, так же
Будет завершаться быт
Наших крайних двух пятиэтажек.

(Вариант)

* * *

Вниз – вниз – вниз –
Падает снег – на летящих птиц.

Ты зазевался – и не поймёшь,
Как – потихонечку – кверху растёшь.

* * *

Светает.
Люська,
Уходи!..

ШАБАШКА

Олегу Демидову

Сегодня жарче, чем вчера.
Мы до прохлады отдыхаем.
Я сочиняю. А с утра
Копаем. Ямища такая!
– Кому положено кваску?
– Обоим. Пьём тогда по кругу.
В земле и в глине, и в песку,
Как Святогор с Ильёй. Два друга.

ЖАЛЬ...

Ладно, пусть будет столько.
Любовь моя и любовь, и остатки любви.
Вот перед вами, что никуда не вошло:
... ты зачем Редедю-то зарезал
пред темя косожскими полки...
лет уже восемь строке.
... Громадный дуб. А Наташа в шестом классе...
давным-давно.
А вот это:
...Река Уаза медленно течёт...
Блажь появилась в стихах в Ленинграде.
А сегодня с утра в голове
творится:
И на горах подпевает полковник.

* * *

В три часа я уеду на юг.
Моментально забудется север.
С трех часов обо мне запоют,
Поворачиваясь, посевы.
В смысле севера – Ленинград,
В смысле юга – Москва, может, Кремль...
За Москвою – Урал, за горами – ура! –
Ставим Новосибирское время.

(Раньше был вариант:

... В смысле севера – Ленинград,
В смысле юга – Москва,
В смысле – память –
Она к неземному добра
И готова к траншеекопанью.)

* * *

Ты по утрам проходишь сад,
Который сразу же от дома.
Рассвет и птичьи голоса.
От листьев мокрые ладони.
Минута в окруженье астр,
А обернуться – холодея
Слегка подкрашенный театр
Стоит, разя своих злодеев.
Спросонья смутною ценой
Почти не придаёшь значенья
Забавам. Спит аттракцион,
В росе примолкли развлеченья.
Я помню там из всех аллей
Одна широкая, сквозная
Тиха, задумчива, как Лель,
Из наших вузовских познаний.
Так вот, когда по ней идёшь
Под утро. Тишь. Дрожанье веток,

Определение теней.
Действительно, добра и света
Ты ждёшь.
«О сад!» Твои края
Оглашены грузовиками.
И вот ты в городе. Роясь
По делу думы возникают
Идешь, но как и облака
Сквозь кроны изредка заметные,
Как розоватые слегка
Мелькают пятна Музкомедии.
(Вариант , см. с. 8)

ЛЕС И ПРИЗНАНИЕ

Часть города в лесу.
Спокойно серый дом.
Весенний хвойный лес.
В лесу другая жизнь
Спокойно день за днем,
А я сказал: устал.
А вообще я мог?
Не знаю никогда;
Не знаю глубины.
Надеюсь, как дитя.
Ведь видел работяг
Умнее во сто крат –
Спокойно мимо шли
Консерватории.
А алкоголики –
С признанием вина.

Когда из Вуза выгнали,
лет пять не признавался,
Что вылетел навек.

И лишь сейчас сказал,
Лишь через десять лет.
А сколько раз Володя
Мне предрекал: меня
Через полгода пнут.
Я все не сознавался,
Потом были правы:
Родня, – что тунеядец,
Сестра, – что нет таланта.
Я начинаю думать.
Подумывать.
Итак, ни в чем, ни в чем
Еще не признавался,
Ни разу не сказал.
Мечтал... если... признаться,
то и возникнет то
от чистоты души.
А я же знаю, знаю!
Кто хочет – не получит.
Откуда? – лишь как знание.
И лучше не хотеть.
Такому нежеланию
Не даст бог ничего: не даст.
А что теперь делать?

А, всё неправда.
Ведь было то, в чем точно
Не мог и не умел,
О чем прекрасно знал.
Я сроду карт не помнил.
И ни одной задачи
Не мог решить.
В экзамены меня
К ученикам сажали,
К таким ученикам,
Чтоб списывал.
Из-за литературы,

Где я отлично мог,
И сколько не старались,
Электриком не стал.
И в том не сомневался,
Что не смогу шофером.
Кого там, – кочегаром!
Вот почему, дурак,
Я забываю это!
Забыл, что был я в силах
Сознаться в тех вещах.
Так для чего мне надо!
И как мне сознаваться
Совсем во всем? –
Раз не уверен.
Тем более, что смысл
Во мне, я знаю, есть,
Когда такие люди...
Известный психиатр
Леви сказал:
– Тебе необходимо,
Необходимо верить
В свой гений, гений, гений!
– Леви, я гений? – Гений.
Ну, гений ли – не гений;
А чаще помнить тех,
Кому – не тунядец.
Но только попадетсЯ
Какой-нибудь хитрец,
И я ему поверю,
Что я никто в момент.
А надо – как линкор!
Как броненосец биться!
О гений, гениальность,
Или талант, талант!

СЕЛО И ПРИЗНАНИЕ

Пыльная деревня в мае, серая.
Огородов блеск, как серебро.
Вот, Сибирь, поверь мне
И теперь и исстари.
Что не пашут огород?
Кто не стали – кинули
Тоже серый цвет,
Только темный цвет земли.
А гармонь поет!..
Или там уехали
И не знают, кто
Будет жить и плохо ли,
Что не знают, что.
А глаза, а взоры
Без предвзятости.
Непривычно, сбой.
Что-то шелестит.
Летняя неясность
В небе надо мной.
На лугах лужайки.
Мягкие луга
Легкие для конницы.
Поскакать в них, в майке,
Наверху и понизу
До преграды – горы!
Маленькие, дымные,
В небе за забором.

Перед огородами
Никогда не выйти,
Не отвлечься вглубь,
Не сосредоточиться.
Оторваться в мысли,
Как над книгой, в окна,
В зале, как тогда,

Как, когда счастливый,
Нет вообразить...
Или в беспросветность
Вспомнить свет для спорта
Или едет поезд,
Нет, а едешь ты.
За спиной тут поле...
Или колеса или голоса.

Засыпает русло.
Глина и песок,
И песок, и глина.
Так что я без мысли
Шел за ней в лесок.
Там хотел быть тем,
Кем в лесу, быть выше.
Было лишь, что дальше
Отходил, и лес был.
И одно... одно
Вымыслилось: то, что,
То, что взгляд бежит
Как по репродукциям.
Ну вот, я стою.
Только я скажу
Или просто встану,
Как уже исчезнет
Нечто. Честно перестану.
Я еще подумал
Для того, чтоб долго
Было любоваться,
Нужно внутри этого
Малое мелькание.
Там опять заметил,
Что остановился,
Отрывайся и
Так вот без конца.
Так обречено

Исчезать виденье
И очарование.
Жалость отчего,
Что еще – там было?
Да, да, да!
Изо всех сил к людям,
К случаям заряда.
А тогда кто сам?
Сам никто, лишь рядом
Сам лишь арматура,
но само! – вот тО.
Слава, море, утро,
Море, слава, любовь,
Редко поэзия, – я говорил.
Жалость, вот закрыли
Взяли летом сад.
Сад мы не любили
И вдруг жалко. Рад,
Рад, что жалко, бедный.
Очень часто вредный
Этот человек.
Я вот вредный в строчках,
В жизни – тишина.
Сельская ты, почта,
Никого нет, весна...
Здесь красивых девушек
Нет зимой, весной –
Все они уехали
В августе
В город до одной.
Уж на что, считал,
Что реально знаю,
Где как люди выглядят,
А не ожидал.
Так уже и думал,
Как в кино везде,
Что они красивые
Деревенские.

Оказалось, здесь
Люди все обветренные
Старые, скуластые
Не такие всё-таки,
Как в кино.
Очень видно. Резко.
Жизнь сама жестка –
Выстроилась крепко,
Позабыв века.
Это мы Рублева.
То ли бык... что делать?
Метров десять... до-о
Высоковольтной линии.
Там тоже не влезай, убьют.
Не-е-т, коровы, с титьками.
Сочиняй, поэт.
Что же, что такое
Углубление.
Быть там, в сфере
Как там быть?
Так же как задумался
Нет, не так.
Что-то не представляется
Все над головой.
Дал зарок насильно,
А сосредоточиться,
Быть им тем, чем всем –
это не удастся,
Это не бывает.
Просто это другое,
Чем вот это место.
Но оно такое, другое,
Которого нет.
Только лишь с места
Воображать.
И в самом отвлечении

Там опять другое.
«Я облачко, я ветерка дыханье
И я подписываюсь: правильно».
О, вот, отвязку сделал,
Предстоит роскошное
Творчество в стихах
Все в цветах,
Как пышная
Пламенеющая готика.
Я давно хочу.

Поэмы, не вошедшие в книги

ЗАПИСЬ

Поэма

1

Из больницы выглянешь в окно – больница
бледная на солнце, еле свет
солнца над сознанием – столица,
никого в столице нет.
Нет машин и музыки в Апреле,
бледная два корпуса Москва,
Сколько корпусов всего, смотрели?
Не смотрели, ехали: Москва.

Для стихотворений озеро...
сад, из сада лес
слева утром рано – розовый,
я люблю Москву и лес.

Мост Кузнецкий. Нет таких мостов,

так назвали улицу, любили
изменять, не трогая ничто,
так до нас и сохранили.

Я всегда мечтал забиться
где-нибудь в больницу и читать
целый день над книгой виться
над домами, а потом в стихах.
Домик под горою снизу вверх
георгины, маки, в синем сон,
кто-то говорил и говорил, и веял
ветерок прохлады без конца лесов.

В домике тоскливо жить в селе
в памяти писателя красиво,
но и в памяти и так о!.. шум дождя и леса.
Бегал и пчела, и укусила
в домике теперь слегка
клиника. А синь! Как море.
Лечат без лекарств, да облака...

Воздух не соленый, не на море
дождик на ресницах... ну и ночь!..
утром мы проснулись – белизна
простыней, а мы их прочь.

2

Встали. В окнах желтизна
корпуса другого, восемь дней,
восемь, семь и самый первый...
восемь, девять чувство меры.

Скоро солнце забежит в палату
осень светлая весна
нашему скучнее брату
веселее как кому со сна.

На траве листок осенний

грязный, надо ли ему
вдаль и ввысь потом под сенью.
Лето будет... надо мук...
Адамо вокруг, вокруг
центра пластинки.
Вот, теперь как от иронии
я отцеплюсь? Отцепился.
И уже не ирония –
верьте и вы, отцепился.

Здравствуй, привет опять
лето из наших краев,
сосны шумят и спят,
теплая ночь, поет
кто-то, кому домой
мимо затихших ульев,
спят и гудят, и спят,
как провода без слов
между столбов гудят.

Я вернулся сейчас от окна
на прозрачную простынь,
даже видно матрас и она
не скрывает его, простынь.

Сегодня пятница,
в больнице банный день
меняется белье, светлеет Оливье
учтивый Оливьер, и ты надень бельё.

3

Спокоен сон, отходят шторы,
подходят вновь, то на природе,
то в палате. Шелест, шорох...
страницы о людской природе.

Десять лет назад

и еще назад, тогда
около Катуня, Бии
самые счастливые года.
До обеда в речке маленькой
булькать, гальками играть,
А потом в огромном городе
на песке валяться
и купаться и забыть.
За машинами бежать
То ли стыдно, то ли так и надо.
Никогда я не был просто так простым,
чтобы так бежать до сада.

Утром я проснулся, утром-утром!
Выпил две таблетки, полтаблетки
как никто запил водою, ух, ты!
стал глядеть в окно на ветки.

Книги! Книги! Дали не тревожили,
кажется, я жил бы здесь...
в молодости думать невозможно
где-то провести остаток весь.

Помню, как ворону застрелили...
уж на что она и то, зачем?
Бедная, закаркала, стремилась,
побежала от мужчин.

Бирюзовый цвет в другой палате,
кажется, там и народ другой,
отделяются стеклом палаты от палаты,
видно, что там в пятой, что в седьмой.

4

Метра полтора на три стеклянных
удаляющихся вдаль окон
анфилада: гляну, гляну, гляну,
а последняя со стариком.

Палку нарисуй, вокруг обвод
заштрихуй и скажут – дерево.
Так уже считаем мы и вот
лишь скажи и верят – дверь, стекло.
Я для одного спектакля
сделал для оркестра атональность.
Все спокойно слушали, не улыбались.
А никто не сделал и играл
как случится пальцам, Женья.

Женья сам, а я ни одного спектакля.
Так легко придали смысл,
может, даже в зале и нашли,
то есть мы дошли за века,
пришли в зал лишь бы думать.
Близится блаженство, песня
как всегда, что песня, слышалось.
Ум завидует безумцам смело
и, оказывается, давным-давно.
Занимали учителей их села,
а теперь, что те, что эти – все равно.

Наползает серое
из-за крыши вверх, вверх, вверх
хорошо, что я успел, наверное,
сам себе навеять.
А когда читал «Кавказский пленник»,
представлял Алтай, двух гор отвес.
В горы стадо. Бык-поэма
чуть поодаль, как отец овец.
Вспоминаю, вспоминаю сцены,
но гениальное всегда приходит в центр.

На улицах, на улицах
внешнее сначала, что кругом
началось сначала у лица
не больного с яблоком, с листком.

теперь, теперь, теперь
все слова непредметные –
это у нас будет глубина.
И синее и лес, и солнце
и все сияние и счастливое
и солнца свет с любовью без любви
и лес бездельника не за деньги
не бездельника, грустно все.
Светлей огня светлее солнца нет
в окошках в селах сейчас
в домиках глядит в окно
великий итальянский поэт.

К осени ближе на день
слышится листопад:
шелестят на сарае, солнце,
листья, началась осень.
А летней весной
лето в небесах...
Вода еще серая смелая
мутная, небо мерцает.

Всё. Я утешился, но я хочу еще,
всё еще мало...
сегодня так весело ясно без цели
сейчас так легко говорить.
Что мне мешало?..
И вот до свидания
до такого же.
Договорить, что тетрадь
Буду, как базу держать,
буду еще менять, изменю.
В тихих людях самая горячая,
самая горячая кровь! Я еще
договорю о форме.

Почему-то мне по душе
стало однообразие,
однообразие падежей
в тихих людях, в Москве, в траве.
В споре Виктор один сказал,
что надо сейчас не приток, а отток энергии...
спорил.

6

Сегодня следующий день
Писать буду без тех слов,
Которых рождает лень
тех лет, техлеток техника.
Хлебников, хилый, в тюрьме
домой написал,
что ему там неплохо,
что он теперь в хоре,
у них получается, спевки...
Он сам, кажется, баритон.
А потом в революцию
в Персии, что он сжег за мешок!?
Где-то взгрустнул,
рассказал пресно...

Третье лицо надоело...
Я о технике изложения.
Что же такое! Ну как
сопровождение сбить, не объяснять...
То-то был бы чудак, поэт,
солнце... сияние света.

Вторую неделю в больнице
несколько в детстве, раз во дворе,
где-то еще и вот здесь что-то.
По телевизору то и дело
подводный мир.

Как-то я прозевал, не понял

шутки или что,
ну, а как мы больные –
выхода в драке нет.
Плюс, а здесь – минус
богемство. А я,
коль уж там простота,
так и уж тут дурак.
А быть журналистом не стал.
Преподавать, я имею право не преподавать
с внешним своим легкомыслием,
с настоящей несосредоточенностью,
Но унижительно, унижительно...

7

Кое-как переворачивать баллон.
И вот я тут такой устал
и кому назло, себе
не притворяться стал.
Самое грустное, боль-то вся
то, что никто не убедится, что...
А увидит тетрадь,
скажет: дурак.
Ни за что не поймет,
что специально так.
Что мог, а теперь не могу не так.
И не хочу, как Бурлюк – доказать –
нарисовать отцу
великолепный пейзаж.

А между тем наступает вечер.
Спит человек и вдруг темнота.
Снова заснет, все лечат, лечат...
не спится до ста.

В том краю, где умывальник,
я увидел – есть просвет
между корпусами синий
горизонта светит свет.

В это время электричка
в это время представлять,
что летит она по небу.
Между тем сильнее вечер
К маю выпишут, куда?
Правильно, не притворяюсь,
надо сил побольше там.

Красоты речи превращаются
как микрорайоны в скуку.
Через много или мало лет
без поэта будут снова
в окнах ее нагонять.
А выглядывать в окно
не на поезде неохота.

8

Занавески, шторы, десять
сантиметров между волн
две летают половины,
видно корпус между ними
крыша в дождике блестит,
потемнее, чем малиновая
там, где я, писатель, родился.
Под горой такие крыши.
Бревна красные, коричневые
подгорают на закате.
Что отсюда нас увозит?
Меня родители, поверь.

Светят сумерки,
загорелась лампа,
я не сочиняю
не из-за таланта,
вспомнился мне слабый
днем при свете свет
сумерки палаты

по соседству синь.
Вань? синь как тебе?
никого не помнишь?
Только синь и все?
Ты ее и видишь?
И она как пение
в синеве на столике?
И в плену и
отойди от окон,
подойди к палате,
на окно залезь.
Спать ты думаешь?
Как ты думаешь,
интересно мне?

ОБЛАСТНАЯ ПОЭМА

Я опять в бездействии, твой друг.
На последнем этаже обком культуры
И литературы весь наш сивый
непорочный круг.
Из окна высовываясь хмуро,
По верхам летя, сказать: Верхарн.
По низам: Чикаго. Урбанизм... Урбанский –
Черти позабыли на верхах
Головной убор его кубанский.

Видно дом. За крышей – крест
Бледный очень. Во дворе прохлада.
У всего горячий интерес –
Как там, у поэтов, будет ли эстрада?

А они – бухгалтеры, вожатые,
Экспедиторы, артисты у окон.
В этот листик лихо мною сжатые,
А порву, и будет увлекум.

Литератор, некогда из Ленинграда,
А литфак забудет, всё забыв.
Только оргии июльской ночи ада,
Ла-ла-ла, объятья полюбив.

У одной страница за страницей.
Танин лоб. Луна. Её рука.
Беззащитна девка. Мне и мнится
Жизнь ее на этих облаках.

За рекой под властью женщин
Тихий час. Толкают вспячь
Горны, горны. Чуть поменьше,
Кто играет, будет спать.

Завтра мама приезжает,
Директриссу наругает.
Может, тоже из актрис,
Из балета «раз-два-три-с».

Неугомонно чадо – гений
Разрыва вечности и книг.
Да, если в детстве больше денег,
То легче сговорится – к ним.

Пробуй голос, пробуй голос.
Артист тут всем приятен.
Было бы, в душе имелось
Да и в горле пара пятен
Колебалось. Вот и мелос.

Люди бегают без гула
И не знают, что Катулл я.
Что в обкоме без вина

Сероглазая одна.
Лет ей сорок-сорок пять.
Я люблю её не очень.
И она моя не осень.
Не играет, не поёт.
Наплевать ей на полёт.

Что-то чувствуется в кассе,
В бухгалтерии, в месткоме
В этом роде, в этом вкусе
Пред гастролями в обкоме.

Скоро, милые твои,
Приезжает «Навои».
Дон Жуан не с ятаганом.
Я не ровня с хулиганом.
Пиво больше мы не пьём
Чем бутылку за антракт.
В третьем акте шпага – трах!

Так вот, скоро будет машина.
Готова! Всегда за рулем
Готовый скалымить мужчина.
Мы, умные, не заорём.

А закурим папироску,
В мыслях общество виня,
В гараже напьёмся в доску,
Я моложе, жаль меня.

А я люблю своё детство:
Страшный трактор в горах.
Обуться, одеться – купаться!
Алтайка гола никогда не бывает.
Закурит, уедет и – тишина.

Зеленые и синевелые горы.
Слова лишь: тогда и там.
Река – слышно – пять километров.

У почтальонши сабельный шрам.
Да честное слово, слово: атом,
Не зная сам, всё думал:
Всё мельче, мельче...

Услышу я чей-то лепет,
Зальюсь в три ручья.
Умоюсь, уйду в лето
Все на футболе, а я
С Толей. А Толя со мной, с бутылкой.

Только мы, это, сели. Глядь –
Девка-оторва движется к нам
Тоже в компанию, глянь.
Я-то, дурак, засмотрелся,
А Толик тут засопел, завозился:
Больше не будем пить,
Надо спасать, учить.

По прошествии трёх лет
Повторяется букет.
А на набережной вьюга.
А на ней стоит букет.

.....
Вот сижу я в обкоме профсоюзов,
Только что от Цума добегал
На жаре, как Энрико Карузо.
А потом зеленые лога.

Объ ещё как лёд по нежной коже.
Я топить тебя не буду.
Приезжайте, для чего же
Рвал я столько незабудок.

А кто это там, бездомный,
Около лодки вдруг.
Около тёмный томик.

Толик! Маковский! Друг!
Только от Пиринеев.
Только что перенял
Горнее и... Танеев.
Арии гардеробщиц умнее
Чем Бэрд, Беллерофонт, Беллеройс.
Белла Ахатовна, вам мы
Шлем неизвестный привет
Прямо из зоны.
Лагерь, линейка, совет дружины,
Вожатые – девушки и мужчины,
Девки и бабы из кухни, солдаты, слуги,
Горожане и горожанки
Мечутся слабожанки.

Вечерами светит свет,
А на тумбочке букет.
Тумбочка на две койки.
Юные поломойки
Спят, спят, не до Кольки.

Нежный свет из городского сада
Мне светил с одиннадцати лет.
Но не засветил мне сёла. Ладно,
Вызывают в кабинет.

Снова заперли голые сени.
Потушила уголья свои
Ведьма, фпр! – на зелёные сани.
Начинался сезон «Навои».

На, возьми билет. Давай я
Рубль дам без лишних сцен...
Телевизор водит Саня
Старый друг без всяких смен.

СТИХОТВОРЕНИЕ

Поэма

Для разгона, для разгона
как мне случилось замереть
среди двух стен весной,
а в это время прозвенеть
трамваю под стеной.

Догромыхать вдали
по крышам надо мной –
Ой-ой дрожание земли
вот так, вот так, покой.

Вечерний и весенний звон
от старой церкви свет
велик и синий светлый он
наш мир во цвете лет.

В странном духе тридцатых годов...
А какой он сейчас, я не знаю.
Каждый день познакомить готов
Каждый вечер, а я пропускаю.
Да и ты. Мы бы вялые в зимний
зеленый весенний
прозвучали в любой этот вечер.
И встречали бы нас и ласкали
и палили задумчиво свечи.

От лебедя лес оторвался,
опять отделился назад.
Я тоже грустил, расставался
а оторваться нельзя.

(а это шестидесятые годы подали нам)

Остались мы тихие с лесом,
а лес посмотрел на меня:
Побудь у меня под навесом,
но не кури, без огня.

Перенес на лес
на другое, зная, –
Только человеку
человек сказал бы
не кури, побудь,
А в стихе тут, лес...
Все это настолько
запросто в сознании.
Нет уже поэзии.
Если, пропуская
все сооружения,
только вздохи
оставлять на стих.

Да, а так и за год
не составить столб.
В этом весь и гений,
чтоб уже такой
был тот человек.
Где-то вроде этого,
но еще искусственно
есть поэт-мудрец.
Он легко уже
пропускал контекст.

В жизни тоже могут,
Любят, могут так.
Таня есть, художница,
Таня так пошла бы:

В этом весь и гений...
дальше пропустила и
– где-то вроде...
Я так не умею,
я словесник полностью:
всё всё всё сказать!

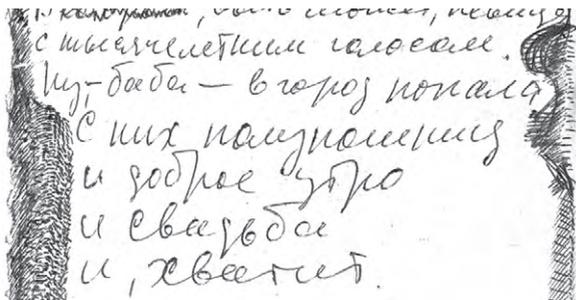
Надо мной играли
сколько раз за это.
Сократят и смотрят...
этот мимо взгляд!
Я им: слушай-слушай!
почему ты
говоришь: содрал,
все содрал у Леночки.
А момент там вот как:
Есть у Лены (Леночки)
просто изумительно!
но на игру, Жан Жак, нет сил,
ты знал бы, как мне мил!
Нет второго «ты».
Ну и вот у Вани
тоже вдруг пропущено:
На высоковольтные линии
монтажник залез бы, сказал...
правильно: залез бы
и сказал...
Правда, случай общий...
В общем, после Леночки.
Но из ста стихов
Это неосознанно,
а не всё содрал!
Тут он соглашается.
Только все ушли
после слов
всё содрал.
Понимаю, бегло,

раз уж видно что.
То – полет, а эти,
я не Таню с Леночкой,
только сократители,
чтобы глупо мы
все из-за студийности
восполняли их.

Это неосфера.
А всегда-всегда
Хитрые кондукторши,
продавцы, чтоб сбить
с толку.
Ты им: так и так. А им
время! время дорого
хитрым на земле.
И нехитрым дорого –
знали бы они.

Есть еще, что будто,
будто бы на горло
собственной я песне.
Нет, только такая
песня и выходит,
это вот и песня.

(Примечание: пунктуация и стихографика даются в большинстве своём в авторской редакции, по оригиналам).

(Рукописный оригинал И. Овчинникова из его литературного архива).

Август и немного сентября

[1980]

(Из подборки стихов Ивана Овчинникова,
опубликованной Иваном Ахметьевым)

ПРАЗДНИК

Дети, сверстники Петра,
Ну-ка, крикните ура!
Как полки, по-молодецки
Раскати орехи грецкие.

Три полка стоят и плачут
Уронили в речку мячик.

* * *

Нет Александра дома.
Царского имени нет.
Ровесника тем балконам,
Где птичкам всегда есть хлеб.

Ахматова – первое имя
Странное в наших стихах.
А уже в наших днях
Странно – Петровские линии.
Ведь Петербург с малярией
Образ болезней, сект.
И Пушкин там жил вдали от
от настоящих нег.
Чуть-чуть не то, не сила.

В селах в темне встают.
Греются в стайке с вилами

в скрипе, во взлете выюг.
Больше в Сибири осталось,
Правда не в городах
и старина и старость,
память в преклонных годах.

Старухи почти не помнят.
Долго живут, а нет.
Редкость, заметьте, полностью
Жизнь посетивший дед.

* * *

Всю жизнь будешь влюбляться
в моих друзей.
А без меня не в кого,
нет идей.

* * *

Да ладно уж, дятлы,
и замши коленей тугих,
после такого спектакля
не расходитесь, круги.

Здесь оставайтесь и ночевать.
Зачем уходить из театра?
Стоит же на сцене кровать.
А вы побрели, как телята.

* * *

Русь, милая, голубушка,
Скорей, скорее вспоминай себя!
Не сонные свои глаза
спокойные слова,
работы, песни.

* * *

(Григорий Распутин)

Начинаю я, мои милые,
Думать о маленьких средневековых,
С башенками, с крепостями городках.
Все бы теперешние миллионы
В них помаленьку бы расселялись.
В изумительных, тихих.

Слышали, что Япония вон
первая поехала в сельскую местность.
Невозможла первая.
А она восходящего солнца страна.

Сдается мне, многие, многие
В шумном огромном скопище
нынче подумывают.

Саша мне говорил:
не в Москву, не в театры
не на ВДНХ надо молодых
провинциалов везти.
Надо сперва для начала
невероятно красиво
сделать все то, что вдали,
что, куда никому неохота.
Куда никто не поедет.
Где 40 градусов.
Где никого, ничего красивого нет.

ЗАСТОЛЬЕ ПОЭТОВ

А в окнах длинная весна
лилась по капле, каркая.
Сверкала рюмка и сосна
качалась у парка.

Скорее не было небес.
С такой надеждою просветы.
За город, за Москву, за лес!
На Родину и в лето.

И кто о чем и обо мне.
А обо мне еще не надо.
Так и останется в вине.
Вот утром вспомнить, ладно.

Пока по-русски пожалеть
о том, что будет, неизвестно.
И верить долго. долго, ведь
кому-то все же интересно.

* * *

Пошли завтра в музеи
с просьбами, с грустью.
В печальный вечерний Зимний дворец.
Чтоб Зимний был только дворец,
с десятью, двадцатью
картинами.
Надо Рембрандта –
поезжай в Ачинск.
Ну в Ачинск далековато...
А в тот же Иркутск.
Любишь Серова, Поленова –
Под Н-ском стоит часть,
своими делами занимается
и охраняет, и умнеет.
Люди слепые что ли?
Ведь никто не охватит его Эрмитаж.
К роскоши с лестницы, тут же!
Уже привыкаешь, голова болит,
На Неву глядишь.
А есть ведь, я точно знаю,
Что есть деревенские, есть

такие ребята восьмиклассники,
увидав только несколько картин,
Были бы так поражены!
Только несколько...
(Вариант)

ИХ ЛЮБИТЬ!

За то, что меня забывают,
думая обо мне.
Любят, стихи мои обнимают,
целуют, а я в стороне.

ЛЕТО

Ну, побежало, встало, вот!
Перед нами и травка и одуванчики.
Дружба, любовь цветет.
Тут и обманщики и обманщицы.
И ваш покорный слуга
с мечтами порвал.
Будет играть, если что бороться.
Мир он и раньше, увы, воевал.
А в одуванчики дождик льется.

* * *

Не надо! Если уж тот ямб,
то и тот день. Вчера, пора, была.
Всем хитрецам не наобъясняешь.
Если бы только бог
мне объяснил, как это в них,
как это они не понимают.
Будь у меня уверенность,
что я что ли выше...

Если во мне возникает нормально,
значит, казалось бы в них.

Не понимают
держат меня
те размеры, те люди

* * *

Сегодня пару валерьяны
Попробовал на вкус.

Смотрите, Ванька на поляне
Как богатырь свалился в куст.

ОТ ПРОШЛОГО ГОДА

В полях шоколадных темнеет
и ржавые травы, и лес
до самых, до самых небес.
А выше до самых комет.

Вот, значит, шли времена.
А где же с водою весна?
А я уже напоена,
на ялики усажена.

* * *

Одинёшенькая женщина
никогда, никогда, как в кино не пленяет.
На то и кино, на то оно и прелестно,
что в жизни почти не бывает.
Редкость, редкость и редкость.

* * *

Когда обманывают месяцами
неприятное, тяжелее сознание
Вот пусть ты юная,
красивая, смешная,
грусть в тебе, своя любовь.
А у меня гадание
гадание, разгадывание без тебя.
Темно как в серую погоду,
как в подвале.

* * *

Нет сил, красивая, не спи, нельзя!
Я свет, огонь не погасил я!
Ведь хочется глядеть в глаза
в лучшие глаза в России.

И закричал, не мог иначе.
Не мог и все, пускай в слезах
лучшие глаза в России
Растревоженные плачут.

* * *

Вот, дочь, письмо на авиа.
Зима была, а лета не было.

Посылку ласково отправила
не ожидая осень хлебную.

* * *

Над широкой речкой
старичок стоит.
радостно, беспечно
на нее глядит.

Хорошо, что лето,
что леса, вода,
ветерком согреты
старые года.

* * *

Здорово, одинокий человек!
Приветливое зеркало весеннее
моей улыбкой улыбается в ответ
и окружает молодой зеленью.

Эй, зелень, ветки, эй, весна,
фигурка там ни разу не мелькала?
Напористая, юная, одна,
Запомнив дом, меня тут не искала?

А, своевольная такая, нет.
Теперь уж в теплом, настоящем мае
боюсь ее потерян след.
Куда она пошла, никто не знает.

ПЛЯЖ ПОТОМ

Так же будут только голые
На песке вокруг лежать.
Так же будут греться головы
у речного галдежа.

Лодки будут сами двигаться
глупых девушек катить,
волны будут важно глыбиться.

Может быть не так, прости.

* * *

Избави бог с художественных образов
земную жизнь пытаться постигать.
С мерцаний, на века написанных.
Пусть будут в памяти, на сердце, на стихах.

А школа, глупая, на эту книгу гнет
и думает, что так же отрицательно
к Ноздреву наш относится народ
младой. А хиппи, например, признателен.

* * *

Никогда не придет ко мне в тот миг
в самую неизвестность, случайно.

Так она думает обо мне.
Мне надо верить и к ней прийти.
Ей привезти и цветы и сладости.
Ей будет изумительно, ей счастливо.
Мне бесконечно любить, всю жизнь.
Соединят нас наши уверенности.

* * *

Отгадать без цыганства
только горькую участь.

А счастливую жизнь
осчастливить и все.

Что же таинства, таинства
нас не коснутся?

На лице лишь печаль
а глаза, как две горькие мысли.

Не простые минуты
не забудешь и все.

* * *

Десять часов.
Что-то темно у меня.
Чуть посветлей за окном.
Двенадцать часов дня.
Так, и на этот раз
вроде не повезло.
Мягкий такой отказ,
вымыслу стоп, слом.

* * *

Танюшка, май ты мой, июнь!
Сейчас была весна.
Я отгадал любовь твою,
ко мне, ко мне она.

Мы разбежимся от меня
из-за меня, увы.
Как люди, вовсе не вина,
С туманом легким головы.

Откроем тайны и слова.
И память будет нам
с тем легким облачком едва,
что нас напоминал.

* * *

Закидают соломой, закроют.
И тепло, не слышать ничего.
И темно, как вечерней порою.
Скажем дождику – нет никого.

ТАМ ПОЮТ

Вот еще немного только, тихо...
Как за раму зарево уйдет.
Все, я знаю, где искать их,
Таню с Женей, новый мой народ.

Там, у каменного памятника
Маяковского и от него на юг
Женя, Женечка и Таня, Танечка
в семь часов, сейчас уже поют.

Там бывают слезы и не знают
в своем светлом зале, что вокруг
вечер, тоже по-казачьи напевает
их печальный и знакомый друг.

* * *

Никогда тебя нормальная
баба не полюбит.
Только лишь для чьей-то ревности
хитро приголубит.

* * *

К радости чая с тобой
наши над чашками взгляды.
Солнце играет отбой.
Прячется за громады.

Наши, сказал, с тобой.
Значит, тебя отделил.
Что я наделал, стой!
Я еще не разлюбил.

* * *

Считай, считай мои годы
которые не твои.
Представь те небесные своды
и тучки прекрасные их.

И стройные в лужицах ножки.
Над ними немые глаза.
И лес и повсюду дорожки
Одна из них на вокзал.

* * *

Зарождается, слава те, злость.
Надо мной, в основном воронье.
И она воронье, лучше брось.
Брось ее – это зверье.

Зря твоя пролетела весна.
Зря июль, а она, ух, ворона,
залетая, глядит, одинока, одна.
Так глядит, как влюбленные.

Но не могут глазами сиять
просто так одинокие люди.
Брось ты... все-таки где они спят
где гнездятся такие, где любят?

ГАД ПОЭТ

Начинает прощаться.
Прочь, чтоб писать о ней
А она ведь его, несчастная
любит намного больней.

ЗАСУХА

Надо мной опять летают тучи
теньевые, треплют волоса.
Не дождят, не балуют, а мучат.
Как покинуть эти небеса!

Как по этой, от вокзала линии.
Покидать их, отказаться и
оказаться за домами длинными
где журчат в смородине ручьи.

* * *

От лени есть снадобье – астра.
Красивая мне память сентября.
В июле, вспоминаясь, здравствуй
ты все качаешься у гряд?

Ни одного не видел желтого листка...
Сейчас конец июля.
Олимпиаду в Август в облака
шары несли уже, тянули.

Забавно бы на эти тополя
взять навязать везде цветов.
Начнет их осень оголять,
как листья, полетят в поток.

* * *

– Не поцелуешь астру? – Астру, нет.
А склоны сельские без нас красивы.
На темы русские нельзя дурак поэт
слагать свои извивы.

Кто издевается, кто издеваемый.
Кто тихий, одинокий человек.
Июльским ветерком тихонько обвеваемый
мой настоящий странник и поэт.

* * *

Пока были наши на юге, на юге...
полоски лежали светились валялись.
Не пылесосили шторы, дерюги
А наши на юге купались, плескались.

Приехали, покраснели и солнышко наше
спокойно и радостно их освещало.
Позагорали еще и уставши,
за пылесосы взялись для начала.

* * *

Охота в осень с головой
сухую, теплую зарыться
И лес зашепчет золотой,
Что хорошо забыться.

С большой любовью к шалашам
лежать в них, засыпая,
во сне соломою шурша,
не слыша и не зная.

МОНАШКА

Что такое взгляды на меня, я знаю.
И как помнят с нежностью вины
запросто обласканные маем
милые счастливицы весны.

Страшно думать, как же с мыслью сладиться,
что во все века, миры, года
мне не испытать ни этой радости,
ни секунды счастья никогда.

* * *

А льда никто не мог
ни воспитать, ни изменить.
Мечтали и над ним летали.
И думаешь, темна душа.
Ну почему же ты темна?

Не бейся, никогда она
не будет той душой,
как у тебя душа.

* * *

В копны бежали от дождика прятаться.
Бедные сена соломы рядки
в поле темнели, валялись как тряпочки
около пузырястой реки.

В дождевиках, в капюшонах колхозники,
мы, в чем попало, глядим на нее
серую-серую, с катера водники
думают что-нибудь тоже свое.

Мы уж студенты и мы не заметили,
что о любви сейчас каждый забыл.
Как на каникулах, все же уехали
мы от любимых и образ застыл.

Значит, студенты не очень пока что...
Жуликам есть колоссальный намек –
в поле, в ромашках, по склонам, по скатам
видеться с ними, пока ты далек.

* * *

Бог мне дал хорошее лицо.
Ежели так, отчего
несколько лет колесо
ежевечернего одиночества.

Правда ли, нет, судьба –
мне не любить а дружить.
И на отшибе изба,
тихого человека жизнь.

* * *

Прославлюсь, растяну я лето
на восемь месяцев, считай:
Сентябрь в Крыму,
октябрь на юге Каспия, ноябрь.
Останется декабрь, январь, февраль.
Ну, март..
С апреля мы и начинали юг
на Каспии... и май в Крыму.
Июнь, июль в Сибири, август.

* * *

Прибежала прошлая любовь моя,
раскидала все, покрасилась, сбежала.
Сумрачные до нее небес края
вдруг исчезли, лампа засияла.

Сто свечей на друга! Попросить бы
в час такой прощения не грех.
Да за лампу, за огонь спасибо,
и за новый, дружелюбный смех.

* * *

Намедни сон летел такой:
в саду играли звери.
И вдруг с пробитой головой
свалился лев у нашей двери.

Страдалец, все еще живет,
шевелит лапами, губами
и грустно так глядит – ну вот,
я умираю, Ваня.

* * *

Не гляди на нас, солнце.
Горите верхние листья в тени.
Не любит Москва самозванцев
в ясные тихие дни,
где пение и вечерня.
Вечером, вот ее звон,
церкви поблизости мерное,
к богу, упорное, он-н-н, он.

* * *

Свеча на бутылку наклеплена.
Светлозеленая свечка.
Хватило горенья на лето,
а осенью светится печка.

* * *

Она на солнцепеке,
вдали Москва-река.
По ней лошадка легкая
плывет – в воде бока.

* * *

Сегодня умер Высоцкий.
Так я его и не повидал.
Тысячи, тысячи, сотни
прощались с ним навсегда.

Земля – это страшная свалка,
выдумка, в несколько лет.
Кружится хриплая галка,
там, где бывал поэт.

Вот уж в осеннюю вьюгу,
мокрые мои вы стекла,
ждете, наверное друга.
Гитара на могиле намокла.

Лампадка на деке темнеет
Ее не зажгут, не смеют.

Советско-русское кладбище,
сколько уже успокоилось.
Через века тут пастбище
Пастыри с кожаным поясом.

* * *

Неужели закон природы,
что безжалостный есть народ?
То есть люди, а их – народы
собираются в худший год.

* * *

Это было, друзья по искусству,
с друзьями по 40 градусам морозу.

* * *

Обнимет бог везде, везде, всюду, кругом.
Но все равно смущенная,
душа моя умрет при виде гроба.
И будет стоять вами.
Вот, сейчас я впал в прелесть.

* * *

Буран и буря, тут уже края
мои холодные-холодные.
Останется Москва твоя
в обидной памяти да ладно.

* * *

В журналах мод прекрасные статьи
из недоступных разговоров.
От пения стихов скорее отойти,
приблизиться, через забор, и
До глупости дойти без счастья
в дождях встречая Новый год.
Ты не по бедности босячьья,
в заплатах. Знаешь, что идет.

Написано письмо,
бросается в ту щелку.
рассеянно прекрасные горят
у выхода у покиданья щечки.
Неужто, кто-нибудь не рад?

* * *

Дайте дорогу храбрым!
поле могучим людям.
Жалко, оставшись, бабы
Слабых сразу полнобят.

* * *

Хватит понимать, не надо!
Лицо. И у меня лицо.
Идет к художнику из сада,
сверкает солнце и кольцо.

* * *

Да, все еще светит.
Все еще не говорит луна.
А скажи, луна, сейчас где эти,
как Родена Вечная весна?
Нет. Роден – весна иная,
стариковская, бесполоая, другая,
вечная, не жалко, не печаль.
Жаль, что там не промахи, не парии,
не отшельники, не гении. Мне жаль!

* * *

Снова сонные липы без солнца,
расходясь и сходясь, шелестят.
Мрак и мрак, словно что-то бесовское
сколько лет в нашем лете подряд.

* * *

От лица отводятся взгляды все выше
за какой-нибудь ласточкой
в небе следят.
В небе бесследно, не видно, не слышно
хор исчезает, не любит тебя.

Цветы засыхают, летят спокойно.
Самые лучшие дни
Нам не достанутся. Львы и кони
снегом покроются, извини.

* * *

Довольно, не надо, нельзя, потом.
О можно, навеки, всегда!

* * *

Покидает пляж красавица.
Солнце семичасовое
красных плеч ее касается
нам невидимой рукою.

Кто очками защищаясь,
кто газетами закрылся,
в лодке с веслами качаясь,
кто-то спящим притворился.

* * *

Итак, катера побежали.
За ними они на досках.
А жены глядели сквозь жалюзи
потом все смеялись в кустах.

* * *

Наврано, а музучилище.
ноты честно пожелтели.
Старичок уже страшилище
среди девочек газелей.

* * *

Саша сложный, сложный
покидал Москву.
Все казалось ложным
только наяву.

* * *

Спать пора! Спать пора.
Только спать пора не нам,
ты не понял – куликам.

КАНИКУЛЫ

Любя, улыбаясь, купался.
Бежал на валы, вон – дрожит.
Онегин, Онегин смеялся?
Не может быть, как, покажи?

* * *

ГДР – года два пешком.
Лиссабон – года три.
В Скандинавию босиком,
на борту босиком
можно все же дойти.

* * *

Не увлекаюсь Ленинградом в мае.
На белое небо зевают мосты.
А спать не хотят, засыпая.
Их бледной богемы черты.

* * *

Алые окраины зеленые,
золотые, синие деньки.
Солнце так спокойно утоленное
смотрит на красивые цветы.

Великий, неземной закат.
Что это? Полностью все небо

горит и встали облака.
Ни звезд ни месяца, ни солнца нету.
Ой, алая везде река.
В кустах сильнее маки алые
краснеют – детская толпа –
испуганно, не балуясь.

КОНЕЦ ЛЕТУ

В тени как-то тихие дни.
Кувшинки плывут – не плывут.
Две дальние соедини
и отпусти – пусть идут.

Нырнул кто-то, крикнул: прощай!
И сзади плывет, улыбаясь.
Ладонь по темным кувшинкам хлеща,
за лодку с любимой цепляясь.

* * *

Я лежу на тахте на траве.
А в пеньке, в серединочке пепельница.
Засыпаю в шумящей листве
Сквозь глаза при закрытых светится.

Как ты думаешь, нет,
что ты думаешь на солнцепеке?
О ботанике детских лет?
о немецком поэте Гете?

Все уносит под горку река
что ни кинь, только вон они волны.
Только волны на месте, слегка,
не плывут, а идут ровно-ровно.

Как толкнули их весла, поддав,
так они без раздумий несутся,
вверх бегут, а навстречу вода
их минуя, несет себя в устье.

* * *

По небу по лесу летают грачи –
недавно влетевшая радость.
Сегодня спокойно речушка урчит
у крайнего домика перед оградой.

И домику наслажденье дано –
реки синева, разнолесье.
Хозяин далеко бросает вино
и слушает, как оно треснет.

* * *

До кипения, до самого шипения
довести и навсегда уйти.
Напевая молодое свое пение
на веселом молодом пути.

* * *

А у поэзии нет ни сладости,
ни оркестровой ямы
черного моря с бабочками
медного океана.
Нет ее среди зелени
и у колонн, и клумбы с цветами
осенними красными алыми.

Изгой, изгойская дорожка.
Где медь? Где я прощаюсь.
Любя, я не бобыль, в сторонку,
к себе в каморку возвращаюсь.

О боже мой, в окне зима!
Те, явные тучи, не летние,
Быстрее, ровнее, стремительней снега
холодный довольно пока еще дождь.
Идеалам поведения птичкам с неба
без этой значительности привет.

Хлеб размокает в кашу.
Птички, попив, полетят, позабудут.

* * *

В школе неясная мысль.
После уроков неясно.
В поле от школы прекрасно.
идти за колосками за речку наверх.
мы в сентябре, как в июне согласны.
глядеть на тучи на горе.
над синевой не июньской.

Слева дорожка скоту.
до одинокой избушки.

Лучше шалашик. Вот тут.
будем смотреть гнилушки.

Речка шумит и сухая листва.
Книга с картинками Наша Москва.
Если бы маленький я тогда
что-нибудь, только нежное, симфоническое услышал,
Было бы все и без этой моей любви
не беда.

АНТИЧНОЕ ОТЧАЯНИЕ

Когда я войду, Лена, ты посмотри, посмотри
Как она по старой памяти вздрогнет.
Вы, как всегда уедете пить до зари,
Лена, взгляни, может она постоит на пороге.

* * *

Зачем от жалости качает?
Зачем стою над музыкой?
Не отвечает, не кивает,
крутясь на столике с тоской.

* * *

Все, Галка, ты,
Ты виноградная умница.
Сливы и к ним цветы.
Есть, отчего задуматься.

Винограда часы
и часы золочеными стрелками.
И от вечерней росы
капельки мелкие.

Лучше, милей голоса
за окошком отворенным.
Как виноградины смотрят глаза
смотрят на зелень во дворике.

Растение уже в руках
корнями пачкает запястья.
Внизу блестит, течет река
и моет, моет руки счастья.

Публикуется по авторской машинописи с правкой, 16 с., 80 стихотворений. Пунктуацию почти везде оставил как в машинописи. Трудно там понять иногда, ошибка или система (пусть даже неосознаваемая). В делении на строфы и иногда даже на стихотворения уверен не везде. В оригинале звездочек нет, я поставил. Все ли стихи писались именно в августе и сентябре? – Тоже не уверен.

Варианты и вариации по книгам:

Мил-человек. – Новосибирск: Детская литература, Мангазея; 1992. – 64 с.

То ли к нам, от нас ли. – Новосибирск: Проселки, 2003. – 144 с.

Праздник (Дети, сверстники Петра...)
«Мил-человек»:

* * *

Все же в Сибири осталась
в селах и в городах
и старина, и старость,
память в преклонных годах.

Бабушку спросишь – помнит:
что было раньше, где.
Если с ней вместе, в комнате
старый веселый дед.

«То ли к нам, от нас ли»:

* * *

Раньше раньше вставали.
Не спеша, одно на друго надевали.
Ко скоту шли в тёмную ночь.
Утро зимнее утешительно
самого подхватывало.
Рукавицами крестьянство похлопывало.
Без тальянки снежок-от потаптывало.
Счас конягу охомуаем.

Хорошо тому, у кого жена
молоко несёт второ ведро.

А грядёт на двор революция.
Рычит собака чужая, сумашечая:
ты пимы снимай, так дойдёшь.
А куды?
Внуки, правнуки будут бесхарактерны.
Скажут им, что они
ни народ, никто.
Часть поверит, а часть
будет воинска.

Россия песенная...

В книге «Мил-человек» убрано:
И где? Да конечно, все в ней. / В Москве.

Бог мне дал хорошее лицо...

В книге «Мил-человек» другая вторая строфа:

Столик, перо, да листы.
Лишь головой не ложись.
Помни, что ропщешь ты,
мил-человек, не на жизнь.

Солнце во всех зеркалах...

В книге «Мил-человек» другая вторая строфа:

В августе всё, да не всё.
Родина в зелени сосен.
Около умных сел
древние песни под солнцем.

Я думал бог за облаками...

В книге «Мил-человек» совершенно другое стихотворение с той же первой строкой:

Я думал, Бог за облаками.

Как, думал, Он там высоко!
Тогда безоблачными днями
Он бесконечно далеко.

По небу по лесу летают грачи...
В книге «То ли к нам, от нас ли» добавлена строфа:

А так как мужик он хороший, то – нет,
пойдёт соберёт те осколки.
За это ему будут тысячу лет
во тьме благодарны лисицы в околке.

(напрашивается «лисицы и волки».)

Радуетя городу новый человек...
«Мил-человек»:

На вокзале

Свете Дегтяревой

Радуетя городу новый человек.
Радуетя лету Алла Пугачева,
да одна воинственная тучка над домами
плавает по воздуху, бравая, над нами.

А моя два дня всего, как знакомая,
дождалась меня,
до сигнала не пошла в вагоны.
Очень, очень нравится человек, но уезжает.
Дали отправление. Целовать? – Не знаю.

Модная певица заставляла,
и она спокойная русская стояла.

Стихотворение в первоначальном варианте подразумевало другую девушку, главную героиню этого цикла.

Все, Галка, ты...
(или последняя строфа как отдельное стихотворение:
Растение уже в руках...)

Предисловие к этой публикации см. на с.568-576.

Об авторе публикации: *Ахметьев Иван Алексеевич. Поэт, антологист, исследователь неофициальной поэзии. Один из составителей фундаментальных антологий: «Самиздат века», 1997; «Поэзия второй половины XX века», «Русские стихи 1950-2000 годов» (в двух томах). Куратор Антологии неофициальной поэзии на сайте «Русская виртуальная библиотека». Живёт в Москве.*

«И это всё – о нём...»

(Воспоминания об Иване Овчинникове)

Данный раздел «Избранного» сложился естественным коллективным способом, потому что и сам Иван Афанасьевич Овчинников был натуральным, тёплым артельным человеком. И хорошо, что каждый вспомнил, написал о нём по-своему: у кого-то это личное глубокое чувство благодарности и симпатии, у другого – почти литературоведческая статья, у третьего живые колоритные подробности и эпизоды из далёкой благословенной юности, ещё у кого-то – поздно созревшее понимание масштаба этого необыкновенно одаренного человека, обаяние его личности. Каждый сказал по-своему, как мог, но были и забавные пересечения: пляшущую Плисецкую и уж совсем ни в чём неповинную Люську упомянули в своих эссе аж пять авторов, а вот снежную Бабу под луной – только двое. Досталось и Зеленому змию: трое авторов не без удовольствия процитировали слова Ивана про отрубленные головы: так сказать, «строили»... Зато все единодушно сходятся в одном: этот прекраснодушный, русский по духу человек оставил всем на память много чудесных мгновений жизни, о которых нам ещё предстоит вспомнить, в том числе и в книгах...

Николай Шипилов

«Друг мой Ванька, Ванька Жуков...»

Было это осенью 1964 года.

Поздним вечером, но магазины ещё работали, мы возвращались с занятий в литературном объединении Ильи Фоянкова, чувствуя себя особенными людьми. Хотели свернуть с Советской на Октябрьскую, но кто-то предупредил:

– Не ходите к гастроному: там стоит Овчинников и стреляет деньги...

Тогда я уже слышал от литературных дам об Овчинникове в паре с Петром Кошелем как о новых гениях. Пойду, думаю, посмотрю на живого поэта.

Из-за овощного киоска выдвинулся невысокий человек в длинном чёрном пальто и шляпе и спрашивает меня:

– Ты с лито?

Точно, мол.

– А я Иван Овчинников. Купишь мне бутылку?

---

* Рисунок Н. А. Шипилова

Потом мы поехали ко мне на квартиру, и я под закуску дал ему прочесть свои стихи. Он начал читать, скривился на первом же опусе: тьфу! При этом его медвежьи глазки окатили меня такой смесью холода и презрения, что хоть в душ беги. Я, тогда грузчик с жиркомбината, убил бы его с первого дубля. Но он был старше меня на семь лет и казался мне стариком – это первое, что спасло меня от тюрьмы, а его от смерти.

Мы дружим уже тридцать лет. Я убедился, что узы дружбы сильнее родственных. Я узнал, что этот человек, считая себя трусом, не дрейфил в самых острых житейских коллизиях.

Ниже – несколько штрихов к его биографии и библиографии.

* * *

Иван – из породы долгожителей. Почти до сорока лет он любил женщин платонически и очень много ночей не спал в размышлениях о значении брошенного на него взгляда. Звонит он как-то по телефону владелице своих грёз. Трубку берёт младшая сестра.

– Лена? Здравствуй, это Ваня. Тома есть?

– Тома нет, но скоро будет.

Иван звонит через час:

– Лена, это Иван. Позови Тому. Ах, ещё не пришла...

Через полчаса:

– Лена, это дядя Иван. Нет? Не пришла?..

Через пять минут:

– Лена, это дедушка Иван... Ах, это Тома. А можно Лену?

* * *

В поисках ночлега Иван пробрался однажды в операторскую студию телевидения, где некогда работал осветителем. Там он уснул на лавке а-ля рюсс. Директор студии Глеб Никодимович Шляк боролся тогда с пианством и ежеутренне совершал обход объекта. В этот раз в его руке был черёмуховый прутик. Этим прутиком он и тронул брезгливо плечо спящего Ивана.

– Кто вы? Что вы здесь делаете?

– Я нештатный автор из райцентра Кочки. Нахожусь в командировке! – не вставая доложил Иван.

– Никакой вы не автор! – оглядел его Г. Н. Ш. – Вы – беглый!

– Ну уж извините! – заявил Иван. – У меня парализованы ноги, и мне велено найти Глеба Никодимовича Шляка, чтобы лично вручить ему пакет с информацией о борьбе с несунами!

– Лично ему? – усомнился Г. Н. Ш. – Где они, эти ... пакеты? Я – Шляк!

Тогда мстительный Иван сказал:

– Никакой вы не Шляк, вы – беглый! Предъявите документы!

* * *

Общественный транспорт уже не ходил. Мы с Иваном стояли на привокзальной площади, и я уговаривал его не идти за мной туда, где меня ждут одного, а вернуться туда, откуда ушли, – в квартиру саксофониста Сашки Лунина.

– Чего ты потащишься за мной, Иван? Её мать знает меня как человека приличного! А ты? Посмотри на себя, пьяного, Иван: ты наглец, ты болтун, ты всю ночь будешь шарашиться, Иван!

Рядом остановился милицейский на мотоцикле.

– Садись, Иван! – пригласил сержант. – Я как раз туда и еду.

– Куда? На Гоголя? – подрастерялся Иван.

– На Гоголя!

Надо сказать, что мы часто выступали по райотделам, читая стихи, и это иногда выручало по мелочам.

– Садись, Иван! – посоветовал и я. – Видишь: сержант тебя узнал...

– Кто ж Ванюшку не знает! – польстил умный сержант и увёз поэта в вытрезвитель.

К утру вся камера пела русские народные песни, а хором

руководил Иван. Работники медвытрезвителя растроганно слушали. Может быть, эта спевка и стала началом артистической карьеры Ивана: теперь он артист Новосибирской филармонии.

* * *

После одной из уличных драк, где нас жестоко избили, мы потащились к Нине Садур: я, Иван и Саша Денисенко, о котором я расскажу отдельно. Стояла срединная ночь. Нина нам открыла.

– Нинка, ты нам пластину «Дунайские волны» обещала! – говорит окровавленный Иван.

– Вы дугаки! – оглядев нас, сказала бестрепетная Нина.

– От садурсы слышим! – отвечал Иван, прежде чем дверь захлопнулась.

Впрочем, это весьма рядовое для тех наших лет происшествие не повредило нашей дружбе с Ниной Садур, несмотря на всю разность наших литературных пристрастий.

* * *

Покойный ныне писатель и режиссёр Евгений Харитонов был школьным товарищем Ивана. Приезжая в Москву, Иван шёл на постой к Жене. У них были разные представления об этике дружеских отношений: Женя – профессорский сын, блестящий выпускник ВГИКа, а Иван: из большой семьи – младший, сын солдатской вдовы, изгнанник из пединститута. Однако оба они – и Евгений, и Иван, как два различных, но одинаково уникальных художника, — очень уважали и понимали один другого. Случались меж ними игры в «кто хитрей», и хитрей неизменно оказывался Иван.

Евгений жил в многоэтажном кунцевском доме. Иван звонит с угла этого дома:

– Женька, здравствуй! Я из Новосибирска... Собираюсь вот...

– А-а! Иван! Опять готовишься вскочить за хребет городугерою? Приезжай, меня дома не будет...

– Да куда ж ты денешься?

– А вот не скажу!

– Ну, так я у Вани Ахметьева заночую... Поживу у него...
– смиренно и степенно говорит Иван, кладет трубку и – бегом в харитоновский подъезд, к лифту.

При встрече оба весело хохочут.

* * *

Сегодня нас назвали бы представителями тогдашнего андеграунда. Никого из нас, уже матёрых, местные издания не публиковали. Боссы и мэтры считали, что мы неправильно живём. И вот приходит Иван с аккуратной газетной трубочкой в руке:

– Гляди, Коля, моё стихотворение напечатали в «Правде».

Это была погромная статья Юлии Друниной по поводу «Дня поэзии», составленного Юрием Кузнецовым. В статье были процитированы кое-какие поэты, а стихотворение Ивана было дано полностью:

Намедни снился сон такой:
В саду играли звери.
И тут, с пробитой головой,
Улегся Лев у нашей двери.
Бедняга всё ещё живет,
Шевелит лапами, губами
И тихо говорит:
– Ну вот...
Я умираю, Ваня...

«Что ж здесь смешного, Ваня?» – спрашивала Юлия Друнина.

– Действительно: что ж здесь смешного, Иван? – спросил и я.

– Сам не знаю, отвечал он. – Но два раза напечататься в Москве! Теперь и умирать можно.

* * *

Первая и пока единственная книга стихов Ивана Овчинникова вышла в Новосибирске несколько лет назад. В прошлом, 1995 году его приняли в Союз писателей России. Недавно он выучился играть на ложках, на пиле, на балалайке, пляшет и поет в одном из лучших ансамблей России под руководством Вячеслава Асанова.

В прошлом году ансамбль был приглашён на гастроли в Америку. Иван не поехал.

– Не люблю, – говорит, – Соединённые Штаты...

В Бельгию же и Францию поехал.

– Эти — культурные страны...

* * *

Род Овчинниковы ведут из порубежных терских казаков.

Пращур Ивана зарубил шашкой есаула и увёл семью на Алтай, в село Ашпанак, где тогда вызревали и виноград, и арбуз, и дыня с огурцом. На земле, да на воле старoverы бытовали зажиточно, но богатству противились.

Отец Ивана, Афанасий, ушёл на войну и пропал.

Мать, Анна, увезла шестерых детей в Новосибирск и, работая кочегаром в элитной части города, из полуподвала всех их вывела в люди.

– Один Ванька у меня безголовый, – говорит она. – Ванька, не дерьгайси!..

Ей – девяносто три года.

«Ваньке» – пятьдесят семь. Он артист, он член Союза писателей. И он сделал для литературного Новосибирска едва ли не более, чем Литературный институт для России: он ставил на крыло начинающих литераторов и делал это походя, без зарплаты и без брака.

(Публикация 1996 года в газете «Литературная Россия»; 15 марта – 5 апреля)

Об авторе: Шпилов Николай Александрович (1946 – 2006) – прозаик, поэт, бард. Автор целого ряда книг прозы и поэзии. Член Союза писателей России и Белоруссии. Избирался секретарём правления Союза писателей России. Лауреат Государственной премии России в области литературы и искусства; Малой российской литературной премии (1997); премий им. В. М. Шукшина (1991); А. С. Пушкина, «Традиция» (1995). Лауреат всероссийских конкурсов «Песня года» (1998 и 2000). В Новосибирске ежегодно проводится международный фестиваль бардовской песни им. Николая Шпилова. Он – автор нескольких стихов и песен, посвященных Ивану Овчинникову.

Иван Ахметьев

«Бог мне дал хорошее лицо...»
(Об Иване Овчинникове)

Иван Афанасьевич Овчинников родился 29 июня 1939 года в селении Нижний Ашпанак на Алтае, в 40 километрах от Телецкого озера. В семье было шестеро детей. Отец не вернулся с войны.

До Ваниных девяти лет жили в деревне, потом переехали в Новосибирск. Там в школе Ваня подружился с Женей Харитоновым (ниже ЕХ).

Затем учился в НГПИ (Новосибирский государственный педагогический институт), на филологии. Не окончил (по словам Петра Степанова, бросил за полгода до диплома).

Вероятно, с начала 60-х участвовал в лито Ильи Фоякова – наиболее продвинутом в городе. Там и произошло, судя по мемуару Степанова, знакомство Ивана с Анатолием Маковским, в 1966 году приехавшим в Новосибирск и сильно повлиявшим на всех, с кем общался.

Связь с Москвой – через Женю. «Уж 30 лет Ваня работает странником» (ЕХ). Точнее, к тому времени, 20.

И мы с Мишей Файнерманом познакомились с Иваном через Женю.

Миша узнал о Жениной методике лечения заикания через пантомиму от кого-то, и познакомился, году в 77-м. Пантомимой не увлекся, но оказалось, что Женя сам непечатный писатель. И они подружились. И очень скоро Женя дал Мише папку или конверт со стихами Вани Овчинникова. Это были разномастные листки с машинописью, довольно потрепанные, представлявшие контраст с бумагами ЕХ, содержавшимися в исключительном порядке.

Мише понравилось, а меня поначалу не очень располагало.

А потом и сам автор появился, и очень расположил. Через это как-то постепенно и стихи полюбились.

– Ваня, кто лучший поэт в России?

– Ванька!

– А на втором месте?

– Мишка!

– А на третьем?

– Ванька!

Это мы едем втроем в гости к девушкам.

Миша, который не ошибался в признаниях (мог ошибиться в отвержении), говорил, что Ваня примерно в 100 раз талантливее Жени, но тот берет дисциплиной письма и сознательностью.

Похоже позже откликнулся Сева Некрасов: «поэт это не столько тот, кто чувствует, а тот, кто выражает. Пусть ты чувствуешь в 100 раз больше, да выразить не можешь».

Но еще позже мне все же удалось его убедить в Ваниной незаурядности, я прочел подборку, и он сказал, «да, действительно, я понял, что это можно любить... то ли ты так составил...». Сева тогда еще не ошибался ни в чём.

как это все объяснить?

Сева понял
что это можно любить
Сева понял
а как всем объяснить?

Лето 1978 года Ваня частично провел у меня, в однокомнатной квартире на Черноморском бульваре. Где-то бывал в других местах, иногда там и ночевал. Потом приезжал ко мне с бутылкой пива и объяснял, что это только ему, потому что это лекарство. Я собственно и не претендовал особенно. Он говорил: «Вот смотри, сейчас я выпью досюда, – показывал черту пальцем, – потом через два часа выпью досюда». Так он лечился после каких-то других гостей. К этому возрасту, под сорок, сердце уже было не очень, он это знал и берегся.

Ваня был крепкий человек небольшого роста, говорил, что когда-то занимался спортивной гимнастикой.

Слушать его надо было привыкнуть, потому что быстро и не по-московски по звуку. Но когда привыкнешь, «Ваня говорит то, что не прочтешь ни в одной книге» (ЕХ).

Однажды приходит:

– Знаешь, я там посмотрел в зеркало и подумал, что у меня самое значительное лицо из присутствующих.

– А как ты думаешь, мое лицо было бы тоже самым значительным?

– Да.

С Женей каждый вечер, иногда довольно долго говорил по телефону. Женя читал написанное им за день, доверяя несравненному литературному уху Ивана.

И один раз мы Женю звали к себе в гости. Он приехал и вытянулся на диване, и так и пролежал в этом положении, оптимальном для его тогдашней постоянной усталости. Вот так мы с ним тогда пообщались, я показал и подборку моих стихов. В общем, они, видимо, ему понравились, но про один листок он сказал «душевно». Это было такое:

Гонцы Касталии в Москве

Найдут мой хладный труп

Потом я провожал его на автобус, до метро «Варшавского», по дороге спросил: «Женя, а что для Вас (или «для тебя» даже, я не помню сейчас) важнее: литература или театр, пантомима?»

Он ответил: «Конечно, литература».

Еще из Харитонова:

...Ваня мир в тебя входит
и выходит (у тебя) из-под пера
мир в тебя вольно входит
и ещё вольней выходит из-под пера

Однажды приезжал к нам Сережа Трофимов, мой друг, поэт и алкоголик. Потом, через пару лет я сказал Ване при встрече, что он погиб, покончил с собой. Ваня очень жалел, что тогда не был к Сереже более внимателен. Я спросил совета, как отбирать стихи из Сережиного наследия. Он сказал: «Ушедшего поэта надо публиковать всё».

В то же лето сделали запись Ваниного чтения на магнитофон. Запись сохранилась. Ваня научил меня, как имитировать аплодисменты: нужно мять целлофановый пакет перед микрофоном.

Тем же летом где-то вместе с ним сидели, читали подборку Губанова. Оба пришли к выводу, что не то. Ваня хвастал, что знает всех московских поэтов, даже Лимонова (это имя впервые услышал тогда от него).

Постепенно пришло понимание, что этот круг – замечательное явление современной литературы, я стал говорить, что Новосибирск – третий центр современной русской поэзии после М. и Л. Канонический перечень трех гениев от Харитонова:

Ваня Толик Денис (Иван Овчинников, Анатолий Маковский, Александр Денисенко) подтвердился коллегиальным отбором нашей антологии «Русские стихи 1950-2000», в которой каждый из них в числе лидеров, как и сам ЕХ.

Про Маковского Ваня с самого начала много рассказывал, из стихов цитируя:

Я пять лет общался с народом
было плохо и хорошо
Пару раз дали по морде
пальтишко я сам прожёл

Народность – это то, к чему Макс (так друзья иногда звали Маковского) всю жизнь стремился, и достиг, по словам Ивана, которому к этому стремиться было не нужно, дано.

Тексты Дениса показала Нина Садур в начале 80-х. Тоже мгновенно убедил.

Большую роль в жизни Ивана играла дружба с Николаем Шипиловым, посвятившим ему песню «Друг мой Ванька, Ванька Жуков...»

Конфигурация творческих взаимоотношений. Полюса – Харитонов и Шипилов. И дружба-вражда с Маковским, изображённая в невероятном стихотворении:

Вот футляр. Положи в него маску,
тыща триста двадцатых годов.
Позови понимальщика Макса
и огромные деньги готовь.

Как понять? – А потом эти деньги
ты получишь за маску и всё
А потом забредешь к нему с ленью
Ну а он кровь уж начал, сосет.

Деньги так – ни себе, и ни людям.
А кому? – А вот так – никому.
Из-за них понимальщиков любишь
и обязан большому уму.

Понял, что он берёт не себе?
Да и не у тебя, понимаешь...
Фокус в том, что он бешеный бес,
любит видеть, как ты всё теряешь.

На футляр. Положи в него маску,
тыща триста двадцатых годов.
Позови понимальщика Макса
и огромные слезы готовь.

Ответы Маковского:

Я ужасно обрадуюсь
когда Ваня умрет
и конечно отпраздную
как он любит с вином

и:

Или Иван босячок богемы
Глаза енота маэстро выпить
Он из канавы зеленой выдаст
Импровизацию в духе Феба

и, видимо, тоже о нём:

Он артистичен был до предела
А я мистичен как крест и дева
Мы были разны всегда ругались
Над человечеством издевались
Однако вместе — всем цену зная
И грязи месиво до трамвая
Крушили весело... и троллейбус
Шел как пингвин вдоль парадных лестниц

Провинциальным живя ампиром
Провинциальным слывя кумиром
Товарищ был мой импровизатор
И рассмешить мог хоть динозавра
Мы все равняли с палеолитом
Допив убогую нашу поллитру
И разговоры чредой о боге
Или какие женские ноги
Считать красивыми — были вечны
Мы собирали поэтов вече
И там где можно рубль занимали
Мы так с посредственностями занимались
...И пирожковую и ту пельменную
Где собирались попеременно мы

И напивались и стих кричали
И тротуары опять качались

Я там встречался с одной обезьяной
Не понимая кто здесь хозяин

Мои стихи о них:

Маковский справедлив,
но необъективен.

Овчинников объективен,
но несправедлив.

Связь с Женей экзистенциальная, сиамская. Пока он был жив, была оглядка на друга, Женя мог остепенить.

На отпевание к Николе в Кузнецях мы ехали вместе.

В середине 80-х у меня в Южном Измайлове пару недель гостил летом Коля Шипилов (жена с дочкой были в отъезде). Однажды ночью собрались вместе Коля, Ваня и Толя. Коля вскоре, надев мою красную рубашку, куда-то уехал, навсегда. А мы втроем просидели до утра. Понятно было, что встреча уникальна. Они читали стихи. Очевидно было глубокое взаимное признание.

Позже, уже я развелся и снимал комнату у старушки-скелетницы*, Иван пришел ко мне с мрачным крупным человеком, без фантазии. Разговор был о евреях. Ваня сказал, не помню, тогда или в другой раз: «Я отношусь к ним мистически». А в тот раз перешло немного за край, я сказал Ване: «для тебя это ведь отчасти игра, а этот принимает все всерьез», и он несколько примолк.

На ту же тему у ЕХ: эх, Ваня, ты всё говоришь жида, жида, а ведь Господь их избрал для откровения и Христос из них вышел — а потому, говорит, и избрал, что самый испорченный народ, с них надо было начать исправлять людей».

Представленный здесь цикл 1980 года, можно сказать, сборник, является, вероятно, этапным и м.б. поворотным.

* Я сначала не знал, но когда прожил у нее месяца два, она стала мне доверять и рассказала, что работала до пенсии на фабрике скелетов, что СССР единственное из государств изготовляло на экспорт натуральные скелеты... Вскоре съехал от неё в другое место.

В нем отразилось знакомство с творчеством Дм. Покровского и его ансамбля, что привело несколько лет спустя к участию Ивана в новосибирском фольклорном ансамбле.

Первое время он говорил, что писать оказывается не надо, там уже всё сказано. Но всё же писал еще.

Можно сказать, что поворот к фольклору и смерть ЕХ изменили Ванину жизнь. Меньше стало и Москвы, и стихов вообще.

Садур сообщает, что Иван по телефону проговорился: «Если б я тогда не нашел фольклорный ансамбль, я бы умер».

Шипилов пишет, что «почти до сорока лет он любил женщин платонически». Видимо, художественный инстинкт требовал аскезы.

В начале 80-х написался такой стишок:

есть и лучше и хуже меня
и глупей и умнее меня
одиноко по жизни иду
сам с собою согласье храня.

когда прочитал это Ване, он поправил:
сам с собой несогласье храня
Таким он был и такому учил.

Но в книге «Мил-человек» (1992) он как бы делает наоборот, превращая сложность, неоднозначность и глубину в почти советское благомыслие. Направление переделок — уменьшение грустного и трагического, в сущности, переписывание советской истории в сторону ее приукрашивания, которым занимались с тех пор, с начала 1990-х, многие.

Судя по книге «То ли к нам, от нас ли» (2003), в поздних стихах язык фольклоризируется, иногда опять до степени авангарда, почти зауми.

(А потом появилась проза. См. две книжки «Записки из города» (2010) и «Записки из города. 6, 7 часть» (2013). Собирался издать продолжение.)

Конечно, я не могу здесь подытожить жизненный и твор-

ческий путь Ивана, который большей частью шел не при мне. Также и тексты, вероятно, не все мне известны неопубликованные.

«Чтобы уловить и описать сдвиги и чудеса, которые происходят в его стихах, нужен аппарат, которого у нас практически нет» (Игорь Гулин).

В декабре 2013 года нам с Татьяной Нешумовой удалось побывать в Новосибирске, увидеться с Иваном Овчинниковым и Александром Денисенко. В частности, я прочел там лекцию о восстановлении подлинной картины русской литературы советского периода. После спросил Ивана, как ему понравилось. Он ответил: «Адекватно!», используя слово, прозвучавшее в лекции...

Умер он 18 февраля 2016 года.

«Об остальном можно узнать из моих стихов».

Литература:

Евгений Харитонов. Под домашним арестом. — М., 1981.

Петр Степанов. «Гнездо поэтов» и лито Фоякова // «Мангазея», вып.1 (1990).

Анатолий Маковский. Заблуждения. — Новосибирск, 1992.

Николай Шипилов. Старая шапка // «Литературная Россия», 15 марта 1996.

Нина Садур. Иван Афанасьевич Овчинников // «Цирк «Олимп»+TV» № 3 (36), 2012.

Игорь Гулин. <https://www.facebook.com/igor.gulin.9/posts/10204746523736862>

«Ифан, это нефозможно!..»

Дядя Ваня... Иван Афанасьевич Овчинников появился в ансамбле как-то незаметно. Поскольку он интонировал не очень хорошо, я его определил во второй состав. Это было условно, потому как репетировали мы вместе, бывали в экспедициях и гастролировали вместе. Что меня сразу поразило в нём, его речь. Я сначала не успевал схватывать смысл его слов. Он говорил быстро, сбивчиво, и пока я «догонял» то, что он сказал, его мысль устремлялась вперёд. Он также быстро читал свои стихи, и я половины не понимал. И только с годами он стал для меня проявляться как глубокий поэт, жизненный философ, фольклорист и народный певец. В поездках по деревням он заворожено слушал, как говорят деревенские жители, хотя и любил подремать во время сеанса.

Когда мы ночевали в интернатах, Ваня всегда переживал за наших девчонок. И, если возле окон появлялись деревенские ребята (а их интерес был понятен – как же, городские приехали!), он строго наставлял девчонок, чтобы не торчали в окнах, а если они его не слушали, он рвал на себе рубаху. Вообще, он любил молодёжь и девчонок молоденьких тоже. Всегда их наставлял, и они его слушали. В связи с этим я стишок сочинил:

Любит Ваня юных дев,
Хоть и старый тетерев!
И девицы, как синицы,
Не боятся улететь:
Вкруг порхают и щебечут,
Начинают песни петь.
Дядя Ваня дело знает:
Безошибочно хватает
Молодых и пылких жён –
В это время дядя Ваня
Очень даже напряжён.
И потрогать он любитель

За доступные места,
Если спрятаться за древо,
За верхушечку куста...
Жёны быстро остывают
К дяди Ваниной любви:
У него на них хватает
Две минуты, или три...
И опять беседы, речи,
Разговоры у реки...
И скучают девьи плечи
Без дяди Ваниной руки...

Были мы и за границей, в Бельгии в 1995 году. Жили неделю на фестивале, катались, как сыр в масле. Там шла дорога, которая разделяла Бельгию и Францию. С одной стороны бельгийские франки, с другой – французские. Была у нас переводчица, уроженка Чехии – Дита. Неплохо говорила по-русски. И вот мы решили с Иваном её «выгулять». Пригласили её попить пива. Взяли гармонь и пошли. Это всё вдоль дороги, по границе. Пришли, взяли пива, угощаем, а Ваня к ней всё ближе и ближе, пытается приобнять. Она ему говорит знаменитую фразу, которая стала летучей в нашем кругу: «Ифан, это нефозможно!» – «Да ты чо, Дита!» – «Ифан, это нефозможно!» А потом мы пошли домой (жили в одной гостинице) по этой заграничной дороге, и в два часа ночи орали саратовские частушки под гармонь. Мимо проносились мотоциклисты с огромной скоростью, а нам было всё равно и весело...

Всё, что связано с Иваном – помнит сердце...

(Асанов Вячеслав Владимирович. Вице-президент Российского фольклорного Союза, основатель Новосибирского областного Центра фольклористики и этнографии, член Союза композиторов России)

Иван: «Учитесь спокойствию у Волги!...»

Который раз пытаюсь придумать, как написать про Ивана Афанасьевича. Не складывается. В душе ясное, тёплое понимание любимого человека, а как через голову пойдёт, так буксует. Многие знали и понимали Ивана Афанасьевича как поэта, как фольклориста ещё. А ведь с ним можно было поговорить на любые темы и получить неожиданные и глубокие ответы. Его взгляд на мир – редкий, очень свой. И когда он пояснял, почему так, а не иначе, то начинало доходить, и некая непонятность его мироощущения таяла, а раскрывалась-разворачивалась завораживающая утонченная логика его восхищённого взгляда на всё вокруг.

Вышли мы как-то неприветливым утром, с большого недосыпа, с тревожными мыслями. Пошли по Твери гулять. И у моста к речке вышли. Стоим, облокотившись на гранит, на воду смотрим. Замерли, молчим.

– Гришка-Гришка! Смотри! – Сказал дядя Ваня, повёл рукой над волжским просторам и на распев прочитал:

– У кого учиться спокойствию!? – У Волги!

Вроде и не сказал ничего особенного...

Посмотрел я на серые речные волны и подумал: – Как же я раньше этого всего не замечал!? Вот так приоткрыл Иван Афанасьевич дверцу своей души и дал взглянуть из неё в окошечко, на Волгу. Вот, что это было? Стихи, не стихи? Теперь всегда, если прохожу мимо этого места, вижу волжскую ширь и отчётливо слышу прямо у себя в сердце: – «Гришка-Гришка! Смотри! У кого учиться спокойствию!? – У Волги!».

Или ласточки его...

Полоснут по небу ласточки, и я Ивана Афанасьевича в тот же миг вспоминаю. Вспомню и помяну про себя. Вот из этого стихотворения:

...Сам уже слабее тусклой лампочки.
А спокойно в летний вечер, ввысь

Молчаливые, стремительные ласточки
Над тобой скорее пронеслись...

Даже кажется мне, что эти птицы – это привет от него и как зов: «а ведь скоро, Гришка, уже и ты...»

– Все мы, скоро, дядя Ваня, тебя догоним, увидимся.

Был у нас шуточный договор. Говорю ему: – Раз ты, Иван Афанасьевич, – поэт, то давай, при каждой новой нашей встречи я тебе буду фразу говорить, а ты, не мешкая, её рифмой продолжай. Договорились?

– Договорились!

И вот хоть бы раз не вышло! Всегда получалось. Без задержки, в тот же миг продолжал: и весело, остроумно! Мало мне этого показалось, решил я доконать поэта. Мы тогда, давеча про поэзию Басё рассуждали.

«Толковали про Басё,
Обсуждали то,
Да сё...»
(моё)

Дядя Ваня тогда стих свой прочитал: «Подражание китайцам»:

Послушай старик,
Научи меня гаммам.
Я из простой семьи.
Вчера как дурак напился.
Сегодня на день предосенний гляжу.

Мастер! Что тут скажешь!

Потом про Пушкина ещё говорили. Мол, Александр Сергеевич писал в ритме русской частушки. А если спеть его стих на мелодию «страданий», то ложится всё идеально. И мелодически, и ритмически. И вот что получается: Пушкин писал в четыре строки. Басё, хоку, в три строки. Ты и в одну шедевры выдаёшь. Типа:

– Светает. Люська, уходи...

– А мог бы ты, Иван Афанасьевич, сочинить «частушку под драку» из одной буквы?

Он, ничуть не смутясь, не мешкая, замахнулся на меня кулаком и выдаёт:

– С!!!..

Так, между разговорами, ещё один шедевр.

Есенин написал «Русь кабацкая», а я уговаривал его написать цикл стихов «Русь кулачная». Он одобрил идею. И даже сказал

– Подумаю!

Жаль не успел написать.

А может и успел.

Не склонен он был свои стихи публиковать. Может, и валяется где-нибудь в черновиках оборванный листочек с «Русью кулачной».

Буду думать, что просто, мы пока его ещё не нашли....

(Григорий Николаевич Базлов, атаман кулачного боя, кандидат исторических наук)

г. Тверь, 2017

Прощальное слово

С уходом Ивана Афанасьевича Овчинникова закончилась эпоха великой войны за русский язык. Ваня ведь тоже (как Денис) в ранней юности почитывал условного Вознесенского. И зачем-то спорил со спущенным на наши головы русые товарищем Фоняковым. О, я помню, как Ваня ему надменно швырнул: «Вы же пишете очень плохие стихи!» Фоняков барственно снисходителен был к Ване. Спросил, красиво модулируя: «Что же мне делать, Иван?» «А вы пойдите на балкон и повесьтесь», — ответил ему Ваня и пошёл кушать фоняковские угощения. Кто-нибудь помнит фильм «Спящий брат»? Там деревенский мальчик не понимает, что с ним происходит. Он даже нот не знает. Но играет на органе свою музыку, которая сама к нему приходит. И совершенно дикие и нищие крестьяне благоговейно.

Я думаю, вот что произошло с Иваном: деревенский мальчик с маленьким лицом Лермонтова насквозь пронзился громадностью прекрасного Алтая, и, долго живя в коконе совершенно деревенского языка, не находя утolenия в книжках, выточил сам себя, как инструмент такой, берущий самый перво-язык и творящий из него небывалую поэзию. Ваня сам написал, что впервые услышав фольклор, заплакал... что думал, это только в нём одном, а тут такое кругом пение.

Ваня жил безупречно. «Ни жены, ни курточки, ни дома — ну даю разгона в листопад!» Не владея ничем буквально, ничего не имея, страшно радуясь летучим мгновенным переживаниям, как единственной своей драгоценности, Ваня был самый настоящий философ и поэт. Ваня своей корректной отстранённостью от всего «бытового человека», включая наши страсти и волнения, всю свою жизнь был занят только одним: великим слушанием родной речи.

И там всё больше и больше пауз, замираний, молчания. Он каким-то образом эти замиранья и молчания умудрился

заковать в свои строчки. Поэтому читать его просто так не подступишься. Не на дураков рассчитано!

В совсем поздних вещах уже видно: Иван совсем позабыл про читателя, про того, кто подглядывает за поэтом. Сам, один-на-один с родной речью бьётся, дерзкий, как не знаю кто! Идёт к тому самому началу, когда было Слово.

Царствие тебе Небесное, дорогой мой товарищ!

Серый гусь

(к выходу Ваниной книги)

Старые гении расталдычены, и мы по лыжне пониманий скользим.

Кроме Пушкина. Он миновал толмачей и вошёл в русское сердце сам собою.

Это моё вступление в литературоведение.

Сейчас вижу так: Ваня держит за нитку Сибирь. Та гуляет, как хочет. Носит её, синюю. Никто внизу не в курсе.

Иван, небольшой алтайский ребёнок, родился в селе под горой. Где скромные русские люди воевали с тайгой, советской властью и войной. Первыми не нападали:

Лето 1946 года

Снова сена хорошие копны
Зашумели, поехали на ветвях.
Мужики у стогов загорелые, потные,
Силачи, побывавшие в страшных боях.

Вот мне, подростку тех 60-х такое совсем было бы скучно и непонятно, и так бы и проскочила в книжный ум, где грёзы о дивном Западе, где я – Моника Витти. Потому что нашу ту реальность любить было совершенно невозможно, и что в ней делать юной деве некомсомольской выправки? Там у них вся

русскость находилась в Хоре имени Пятницкого. Он, конечно, хороший хор, но мне он не нравился. Как и Зыкина. Я её боялась по-своему, и народных писателей поэтому боялась. Тогда ни Солоухина, ни «Плотницкие рассказы» даже не знала. А Лесков с Кольцовым для меня жили своей отдельной жизнью от этих писателей, которых про народ писать поставила партия и хорошо платила. Мне сейчас кажется, что эти, уже скопом безымянные писатели-народники, навредили русскому народу в разы больше, чем горлопаны-диссиденты. Понятие – «пишет о народе» – очень и очень скомпрометировано. И что у меня было? Вся мировая классика, немного Франции переводной прекрасной и компания моих живых друзей. И вот вам гусь... смотрите сами:

Начало Алтайского края

Горы, горы, полугоры,
Полухолмы, полудолины,
Котёл небес и зыбь заборов,
Тыны, смородины, малины.

И обернувшиеся мальвы –
Когда-то были мы друзьями...
Отлётыв белоснежной марли
От двери – настезь над полями.

Сейчас на горку заберусь,
На синь счастливо озираясь,
А мне мешает серый гусь,
Сжимая крылья и кидаясь.

Серый гусь, сжимая крылья, чтоб удар его дородного тела был больнее, он кидается на Ивана, потому что знает – поэт сейчас всю эту безупречную, почти что бессловесную простоту запечатает в изысканнейшие слова и, тем самым, выдернет из правильной, скромно текущей жизни. Жизни, где внизу человек, а сверху Бог. Поэт влезет в это и... и всё испортит как-нибудь. Сдвинет. И серый гусь идёт войной на Ивана за целомудрие деревни – «не лезь, не подглядывай, мы живём тут

для Бога, а не для Поэта. Мы не так, мы не оглядываемся, мы не осознаём себя, не обсматриваем. Ты вон как выписал простым карандашом наш пейзаж! И слова твои так же волнуются вначале, вздымаются, по горам катясь, а потом замедляются, текут потише, когда уже долины... А «отлёты белой марли» ты зачем спёр?!»

Серый гусь знает, что нельзя про это рассказывать! Рассказанное, оно уже чужих привлечёт. Натопчут.

Иван вот какой поэт, мне кажется. Он намертво связан с простонародной речью. Но непостижимого ума человек, легко освоил книжную речь, которая для него орудие труда. Ужасно он на книжную сердился всю жизнь за «сделанность», за дворянскую гордость и обморочно валялся в пустоты простой. Он эти пустоты, замиранья, внезапные замолкания посреди неправильных слов неожиданно для себя, просто взял в плен. Такого до него не сумел никто. Вот, смотрите:

* * *

Ой-ли стали мы на поле, ыэх-ха!
Ивановы мы, литовки – хо! – отбивали.
Бабы наши Ивановы на реке,
Сёдни банный день, одне остались.
Стрешневых-то, глянь – все поколенья
Валят степь. Они в ряд ступают.
У кого какое нонче будет сено –
Бог знает. Бог даст. А что скосили –
Если ведро – хорошо бы – свозим скоро.
Сухова бабёнка, ах ты, вот те ето!
В тягости опеть Марфушка. Верно,
Аль двадцатый будет, али двадцать первый.

Вот такой летний русский пейзаж получился.

Один деревенский день, нарисованный простыми деревенскими словами, совершенно не приспособленными к стихосложению.

Весь фокус, вся соль, вся революция именно в простонародном словаре стихотворения...

Ну, во-первых, они очень рано летом встали. Ещё до зари.

И тихо переговаривались сонными голосами, позвякивали косами-литовками, кто-нибудь вскрикнул, уколотившись, но не сгрудились над ссадиной – скорей-скорей... надсадно раздвигали какие-нибудь осевшие ворота.

И, литовки – хо! – отбивали!»

(Это звон. В полной тишине многоголосый звон)

И, пока звонили – была та самая дивная пауза. Стартовая.

А отзвонив, взметнули литовки и – понеслось.

«Бабы наши Ивановы на реке,
Сёдни банный день, одне остались.» –

Понимаете, они косят степную траву, и вдруг усмехнулись в усы, подумав о своих бабах Ивановых, которые в пятнах света и брызг на узенькой речке, в которую ивы прибрежные ветки опустили, и, значицца, бабы эти Ивановы, как большие розовые тюленихи, поворачиваются животами к облакам, плавают на воле, без присмотра, и одни хозяйки всего там водяного-лугового...

А тем временем солнце уже очень высоко и стало жарко.

«Стрешневых-то, глянь – все поколенья. Валят степь. Они в ряд ступают» –представляете, сколько звуков в ещё молчащем раннем утре уже насоздавали эти Ивановы? Уже какой-то большой звуковой купол надулся над их головами.

И вот: «Ой-ли, стали мы на поле, ыэх-ха!»

Вот же азарт какой! Все деревенские знают, как короток сибирский летний день! Стрешневы на пятки наступают Ивановым! Все повысыпали! А их много!

«У кого какое нонче будет сено –
Бог знает. Бог даст...»

«Сухова бабёнка, ах ты, вот те ето!
В тягости опеть Марфушка...»

Возьмите нищих слов и расскажите о восторге русской жизни...

«...ах ты, вот те ето!»

«В тягости опеть Марфушка. Верно,
Аль двадцатый будет, али двадцать первый.»

И вот она степь. И вся деревня как на ладони.
Трудится. И видят её двое. Снизу – Ивановы. Сверху – Бог.

«ах ты, вот те ето!»

Ещё революционное у Ивана вот это состояние его души
– радость от жизни.

Но это уже совсем непостижимо.

Таких поэтов до Вани был один Ершов.

А после опять мириады печальных пишут.

У японцев единственная ценность поэзии – созерцание мгновения.

Иван, конечно, ловец мгновений. Но и прекрасные летние и зимние, и осенние мгновения, пойманные стихами Ивана, им же и ничуть не ценимы. В его стихах нет остановки. Они струятся и текут, ничего не прося, не виня никого, текут, как Бог даст. Он так решил. Что вот перед ним жизнь, русское говорение уходящих простых людей, дичайшая неправильность такого положения. Война с дворянской культурой. Итоговая истонченность собственной природы.

Непостижимой выписки (какой кисточкой писал?) пейзажи:

Растеплилось да что-то рано,
Да долго так, смотри чего-то.
Тот год метели да бурана
Летело, как в степи, с домов-то.

Абсолютное русское бескорыстие к этому миру, к своей жизни в мире.

Ну, и конечно, серый гусь.

Который не отстанет от Ивана никогда.

11 апреля 2017 г.

Москва

Женя и Ваня

В моей московской жизни самым важным товарищем мне стал Женя Харитонов. Мои новосибирские друзья меня как бы передали ему – из рук в руки.

Женин мир был крайне суров, как в армии, белый шум внешней речи отсекался, как вражеский. Крик и высмеивание за каждую неправильную симпатию в литературе. Было стыдно похвалить, например, Ахмадулину. Пастернака. Женя просто изводился весь от пошлости и меня изводил. Он знал много-много пластических и звуковых способов разбить советский эстетический и идеологический морок. (Женя напридумывал в 60-е годы такого, что только сейчас за авангард выдают). «Очарованный остров», например. Или «Недоросль», который видела я одна! А сегодня Саша Вальц самый-самый авангард, уже давно созданный Женей. Ну, она не могла Женю знать. Ей из космоса пришло, это правда. Но у Жени это был проходной момент, шаг его движения дальше. А здесь вся жизнь талантливого авангардного Запада на нашем «вчера». Нами же и выброшенного. Есть в этом даже какое-то зловещее обаяние наше... Здесь никто ни в чём ни перед кем не виноват. Жизненные законы культуры таковы, что нам тут, внизу, не разобраться в этих движениях никогда. Чудятся пирамиды, гул, звёзды... Зачем Женя приходил со своим «Островом» тогда, в те глухие годы? Как он понял, что тело (глухонемое, к тому же) это буква и звук? И почему никакого развития, традиции у нас от Жениных находок не возникло? А возникло через десятилетия на Западе? У Жени была одна цель – в писательстве обрести свободу. Полную. Идеальную. Абсолютную. Женя страшно злился, когда я называла его режиссёром. Только писателем! Вся его мученическая, аскетичная (в блёстках фольги и огоньках) жизнь была рывком к духовной свободе. Так мне сейчас кажется.

Женя и Ваня как две половины одного лица. Русское лицо, проступившее, наконец, сквозь мрак. Жени половина – аристократическая часть. Ванина – крестьянская. Их предсказал ещё народ в сказке «Иван, коровий сын».

И вот тут начинается бесконечное отхождение их, ближайших друзей и сообщников, друг от друга.

Иван не искал никакой свободы. Ему не надо было. Деревенский ребёнок на краю тайги, из имущества – свобода. Даже в студенчестве, в молодых стихах (я их разделяю на «до фольклора» и «погрузившись в фольклор») Иван уже всё знает про жизнь и движение слова: «Чёрный человек» или «Бродяжка в Коломне». Тут видно, что человек хитроумный, хоть пока ещё доверяющий своей начитанности. Но и тут же уже слова самовольно складывает, разрывает, как хочет, и слышим, как Ваня дышит в пробелах между слов. Это – дыхание поэта в паузах, в замолканиях, в полупроизнесениях слов, в угасаниях и размываниях – с самых первых Ваниных строчек. Иван – поэт дыхания. Помню (на память) его ответ на упрёк, безумно грубого ума, Фonyaкову: «Где ж она, бессвязность-то») В тысяча и тысяча году))Гуси перелётные завязывают))Ванину рубашку на лету)).»

Ваня легко, великодушно поделился своим открытием (про молчание-дыхание) с другом-барчуком.

Два ребёнка из одного младшего класса: барчонок и бедняк. Барчонок медленнее развивался, мне кажется. Бедняцкий же малыш («поэт стоглазый» по определению Дениса) всё знал сразу, с рождения. Компактный, маленький и по началу злой, как бритва, от невозможной-невозможной влюблённости во всё подряд, Иван так удобно для поэзии устроен был, даже телесно, что плюнул в итоге на все личные нужды и – о-о-о! – двинул русскую речь на сто лет вперёд! Сдвинул с советского запора, наконец. И одноклассника увлёк за собой. Мои любимые ранние у Жени: «Так за то, что безразлично око отводил своё...» и целый ряд подобных произведений – в них видна поэтическая наученность. Женя, через много лет, вновь встретился с Иваном, показал ему свои стихи, тот разорвал их на клочки, и с тех пор парни уже не расставались до самой Жениной смерти. Говоря мирским языком, Ваня учил Женю писать неправильно. И вот как стало:

«Разве это лето вот то было да.
То было да. А это не лето.

Это не лето. В прошлом году да.
В прошлом году мы ехали куда-то...
Вот блюдо, лист кувшинки.
А кто его на барахолке купил, его нет.
И с этого времени прошло столько времени.
Не топят, простужаемся,
под слабым солнцем клумбы,
ковёр, на нём узор, моль розы ест.
И вы перед гостями. И вы под слабым солнцем.
Лопатки из выреза. И сердца леденец.»

В первых строчках, где про лето... Точно-точно! Мы так и вспоминаем что-нибудь прекрасное, давясь и толкаясь словами, бессильно сравниваем ушедшее лето и текущее. Большинство нас – так. Голыми словами. Нажимая голосом на пустоты. И доходит! До кого надо – дойдёт! Так же точно Иван пейзажи свои великие пишет серенькими, не главными словами:

* * *

В озёрные тихие дни
Кувшинки плывут – не плывут.
Две дальние соедини
И отпусти – пусть идут.

Нырнул кто-то, крикнул прощай!
И сзади плывёт, улыбаясь.
Ладошкой по тёмным кувшинкам
хлеща,
За лодку с любимой цепляясь.

В первом любовном стихе Женя кривляется лопатками, леденцом, придуманным (я считаю) своим пазолинианством, во втором любовном же, тоже о бесконечной отторгнутости, Ваня много всего наделал: притворился, что утонул, и пока женщина вертелась в лодке в ужасе, вопя: «спасите-помогите», хитрый Иван прицепился к лодке сзади и встретился с ней, обернувшейся и обезумевшей, улыбаясь. То есть наказал за нелюбовь. У Вани радость от всего, что происходит с ним. Там, главное, конечно, летний пейзаж с водой. А война с любимой одушевляет картину, чтоб красивая природа не за-

мирала отвлечённо, а хоть немного волновалась от человека. «Два лебедя волнуют пруд») Пусть отличается от неба.»)) У Жени дивно, даже виртуознее про лето: «Разве это лето. Вот то было да.» Но, всё же он себя жалеет, красоту и изысканность свою жалеет, как почти все поэты. Иван же себя полностью растворил в мире.

Женя пишет про себя в мире.

Ваня пишет про мир почти без Вани.

Такого ещё не было. Он первый.

Женя сказал: «Ваня расселился по всей Москве». Так и было! Я свидетель. В каких-то тонных гостях, с порога Ваня заявил: «Я маленький. Меня нельзя бить». И с третьей рюмочки и понеслось. Ночевать, кажется, оставили. Малограмотные московские мещане имели доверчивую повадку – благоговеть перед богемой... а у Ивана же была ахиллесова пята – он люто-люто ненавидел тупость. И пошлость.

А я, в свою очередь, ненавижу биографии, разные воспоминания о поэтах. Мне это кажется неприличным, как у Чуковского про Блока... Лакейская наблюдательность, и записать мстительно, как и где поэт выпивал. И память у меня ущербная – не помню я ни наших походов, ни кто что сказал. Я помню только огромное пространство моей жизни, заполненное этими людьми. Но что такое – помнить пространство? Женя разбился о собственные страсти (сейчас кажется, что они ему совсем не были нужны. Так, чтоб с кем-нибудь бороться). А Ваня, наоборот – выскользнул из собственного тела...

Ну вот, например. Когда мы с Ваней в предпоследний раз говорили по телефону, он про Толю сказал и рассмеялся: «Макс всегда писал искренне-искренне. Все что-то про себя придумывают, а Макс исключительно искренне! Никаких вторых планов. Ничего такого!»

Говорить с Ваней было исключительно трудно. Он всегда соскальзывал с бытовой темы. А я очень любила про шубу с ним новую, сумочку. Как завидуют соседки. Ваня подхватывал:

«Даже мне слушать тяжело». Да мы, собственно, и не говорили в последние годы. Мы смеялись. Позвоним друг другу и сразу смеёмся.

Какое счастье, что в последние годы Иван нашёлся. После десятилетий молчания.

Женя сказал:

Одни товарищи в первой десятке
Другие пропали
А шли наравне.
Гении. Вдаль. Споёмся. Кто что вытянет.
Ваня, ратуй за лодки.
Толик, не стоит в Москву насовсем.
Гнездятся звёзды на родине.
В гнезде три звезды
И в этом свете я
Ваня Толик Денис

28.04.2017.

Москва

Об авторе: Садур Нина Николаевна – драматург, прозаик, сценарист. Родилась в Новосибирске, где и началась её творческая биография. Закончила Литературный институт им. М. Горького. Классик мировой литературы.

Жизнь в «формате А4»

Смерть поэта всегда трагичнее, чем просто смерть. Поэтам больнее жить и больнее умирать, потому что поэзия — это вечный флирт со смертью. Ещё при жизни поэты раз и навсегда шагнули для нас в вечность и говорят с нами только оттуда, с той стороны...

Я не могу в это поверить, но в Новосибирске умер прекрасный поэт Иван Афанасьевич Овчинников... Я его стихи с детства знала, едва научившись читать... Они, на листах формата А4, лежали по всей нашей квартире, перепечатанные на машинке «Эрика» моей прекрасной матерью Ниной Садур, от подоконников до деревянных, по-сибирски сколоченных табуреток.

В детстве я доверчиво и упоённо думала, что всё такое вокруг, как эти стихи, только что вышедшие из-под клавиш «Эрики», и что все в мире любят Поэтов и всё всегда им прощают.

Мой дед был Поэтом, все друзья моей матери — Поэты. Из детства я помню только их и про них.

Об авторе: Садур Екатерина Олеговна – драматург, прозаик. Родилась в Новосибирске, где прожила до 12 лет. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Автор нескольких книг прозы и драматургии. Лауреат премии журнала «Знамя», премии французского издательства «Роша» за роман «Из тени в свет перелетая». В 1998 году удостоена литературной премии Фонда «Малый триумф» (Москва) за роман «Праздник старух на море». В 2003 году получила награду «Малая пушкинская премия». Член международного Пен-клуба.

Нетакизм Ивана Афанасьевича Овчинникова

Из далекого детства бежит он в сандалиях на босу ногу, в трусиках и маечке. И встречали его в ближайших библиотеках тетеньки пушкинистом, ершовистом, баснопевцем и толкователем бажовских сказок. И вечный друг и критик, Валерий Малышев, будет будить его не по утрам в школу, а мудрая альма матёр не станет отягощать его вольный ум химическими формулами и физическими законами, а математику он изучит по денежным знакам, а вместо пионеров, – в Динамо к Чекису по гимнастике, но будет удивлен детдомовскому парнишке, Славке Галкину, погодкам равный, а чуть ли не в мастерах. И потянет его институт, но, преподавая в сельской школе, поймет он, «детобелизировать» (*ред.*: авторский неологизм) учеников сразу по многим наукам в умников – не его программа, а вытаскать детей на себя в литературу – не дозволено...

И выбрал Иван золотую середину: самообразование и творчество. Уже печатали его стихи вместе с Александром Денисенко в стенгазете пединститута, а Николай Шипилов, обороченный ихними стихами, озвучивал их под гитару.

Литобъединение Фонякова не мешало ему параллельно с друзьями, Валерием Малышевым, Александром Плитченко, Геннадием Карпуниным закончить несколько библиотек по западной литературе и лит. течениям серебряного века. И когда мать, из староверов, сидя на кухне, беззлобно говорила: «Ах, Ванька, окаянный...», – он бежал в дворники.

Но не так все было, не так: приговоренные на систему: школа, институт, семья, дети, служебная лестница, – он свободен. Тем, кто еще цитировал Белинского, он мимолетно говорил, что Пушкин завел литературу в тупик, обыграв все доступные и не доступные формы, закрыл книгу стихов. А теперь, мол, вы поищите. Кто прочитал Писарева о классовой принадлеж-

ности Пушкина, говаривал Иван, «поэзия не принадлежит никакому госстрою, как церковь – она вне государства, она принадлежит народословию, языку, который нас объединяет. Но сказки – наизусть, у Лермонтова – Калашникова, Есенина не произносил, дабы не впасть в подражание музыкальности и душевной открытости – но Черный человек – наизусть. Соплеменники становились членами Союза писателей, а он свободно читал стихи на улицах Новосибирска, в подъездах пятиэтажек и на кухнях. Уже Анатолия Маковского и Жанну Зырянову вызвали на беседу в «кабинет на Коммунистической...», многие рвались в диссиденты, а он знакомил блатных – с интеллигентами, графоманов с педагогами. Если ехал в Москву, – зачем ее завоевывать, там этих завоевателей, как нерезанных собак, – просто погулять, друзей разбудить, других – послушать, с иными – побрататься. С окультуренной поэзией образованной интеллигенции был как-то не в ладах, посмеивался над Крученых и не советовал зачитываться Вагиновым, Введенским, Хлебниковым. Подражал произношением и вычурно напевал Вертинского «Мадам, уже падают листья...» или «Доченьки». В конце 60-х, на кухне у Славы Галкина, в пику тетражизму провозгласил меморандум нетакизма, где всё параграфировал в противу официозу... Может быть, это обстоятельство и отозвалось самиздатом, перепечатками стихов, переписыванием пленок. Из уст в уста. «ЛеС»!

Возле него выросли такие известные поэты как Евгений Харитонов, Николай Шипилов, одним из своих учителей его считает московский поэт Иван Ахметьев, и здесь, и сейчас многие поэты и поэтессы обласканы его вниманием.

С Александром Денисенко они до сих пор оспаривают статус трудоголиков слова – они в НЕМ вместе... Сам себя он называет словесником.

И такую книгу, его книгу, «То ли к нам, от нас ли» Ивану ещё надо раскрыть, прочитать...

Припомнить прежние времена: сидят они с Маковским и играют в карты. А карты – открытки совдеповские с репродукциями великих, – тут Дега, Лентулов, Осмёркин, Рылов, Айвазовский... Блиц, на скорость, кто отгадает вперед. Сдаёт

Толик..., сдает Иван... Ну, а после портвейна: кто первый поэт России? Это вопрос для всех.

Но, когда золотая середина по Акутагаве уперлась в записках идиота: «Вся жизнь человеческая не стоит и одной строки Бодлера», а Иван не очень хорошо относится к людям, вещающим нам о грехах, ступить некуда человеку, да нам сколько напихали этих грехов – нет воды от них. И – он ушел в народ. На ладони своей написал чернилами – ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ – и нынче пишет записки горожанина, поёт казацкие песни и празднует православные праздники. Дай, Бог, ему здоровья. Но мало чеховского признания, – жизнь человека не укладывается в один рассказ, – это краткое прикосновение к образу и творчеству Ивана несколько обедняет его, но личное присутствие неподражаемое, не стилизованное, а штучной выделки продукция, современным языком, органично вписывается в его желания, волеизъявления и реализуется на бумаге легко... «имже вся быша».

И вот «однажды», как это случается, мгновенно, из богемских пирушек, из компанейского колоброжения умов, от сладостных симптомов баловня пиитов и соблазна верховенства, давно прочитанные, устами произнесенные, но невольно подзабытые пробудители русского слова, явились ему Гурилёв, Аввакум, Якушкин, Киреевский, Покровский и Асанов...

Еще не потеряло его сердце ощущение радости, боли, лиризма из деревень от бабушек, а слух и память музыкальная до слез мужика над прощальной песней проводов казака на фронт.

Раньше, какая хорошая строчка в стихе – не пропустит, а здесь сплошь и рядом, да это кладезень, да это – переполнен он текстами петровскими и челобитными, и указами, и многими письмами, и откровениями... Хороши наши просторы, и хорошо что их не закатать в асфальт, и замордованная и заблатованная высь... да много всего, все наше. Для единиц множества:

Сегодня он не так пишет.

Сегодня он не так живет.

Сегодня он не так слышит,

Но он единственный кто смог.

Правда одна: никакой оброк не задушит песню, никакая насильственная подать и дань не зашьет рты говорящим на родном языке. На дефолт откроются покровские голоса до самых до окраин и захватит Заволокиных и Асановых, и жителей фолькло-центра, в народе «фитоцентр», Сибири, где и обитает Иван Афанасьевич Овчинников. Мы не избалованы избытком исторической памяти в информативной быстротечности современного книжного, газетного, теле- и интернетного поля, но тяга потаенная огромна, – только капнуть, – и радость, и гордость охватит любое русское сердце, каждого, заквашенного на родном языке. В том и Иван. И если в нём произойдет что-то не так... к слову, к поэзии, к быту, я не удивлюсь. Спросите красавицу-солистку, она не станет загибать пальцы достоинств, раскроет руки, словно дирижёром вот-вот обнимет невидимый оркестр, и скажет:

Наш Дядя Ваня.
Его знает вся страна.
Его знает вся Россия.

(Эссе из книги Михаила Степаненко «Афиян», 2011.)

Об авторе: Степаненко Михаил Михайлович (1945-2013) – друг и товарищ Ивана Овчинникова. Автор поэтических книг: «На краткую разлуку», «Афиян» (вступление И. Овчинникова), «Растрava». Член Союза писателей России.

Нелли Закусина

*Делается вечер и темно становится.
И плохо. Горестно глядеть во тьму.
Точно, в это время горе ловится,
если не поедешь ни к кому...*

Иван Овчинников

Иван Овчинников – это светлый лучик моей юности... Так, до последних дней, мы обращались друг к другу: Нелька и Ванятка... И друзей общих было у нас много, да и не принимавших нас всерьёз ещё больше. Но знаю, что и он ко мне относился так же нежно, как я к нему...

Помню, как однажды он нечаянно заглянул к нам на, так называемую, дачу. Это был обычный старый-старый деревенский дом... Посидели, поговорили... А на кухонном столе поблескивали две бутылки только что заправленного малинового вина. Вино еще не начало даже бродить, но бутылки выглядели весьма аппетитно. Иван иногда бросал косые взгляды в их сторону... Ситуация для меня, как хозяйки, была не совсем комфортной. Я предложила чаю, Иван как-то со вздохом согласился... И тогда меня озарила просто гениальная мысль. Попросив гостя подождать, я побежала к соседке.

– Ты знаешь, у нас только бражка... поди твой гость и питью её не станет. Поэт всё-таки...

– Станет-станет, – заверила я её.

В общем, налили мы этой бражки трёхлитровую банку и, чувствуя, как соседка мнётся, предложила присоединиться... И опять услышала... Ой, да я... вы же Поэты... Вам и неинтересно будет со мной.

Ванятка заметно оживился, увидев банку и симпатичную женщину... росточком она была ему под стать. А еще больше оживился, когда услышал её отчество – Сильвёстровна.

Через пару стаканов Иван уже читал свои стихи, а потом перешёл на фольклорные песни. Через часок-другой мы от-

правились на моё заветное костровище... В конце усадьбы лежали два ствола изогнутой берёзы – одна была живая, и её прямой ствол и крона служили крышей, а изогнутая в крендель часть ствола много лет исполняла обязанности скамьи. Потом ребята притащили ещё обрубок изогнутого ствола. Посредине разжигали костёр.

Надо было слышать, как среди холмов и долин раздавалось иваново: А-а...е-ей - да...

В общем, просидели мы до петухов. И так это получилось здорово! Потом много лет Лидия Сильвёстровна (царство ей небесное) передавала Ивану приветы...

А встретились мы с Иваном на занятиях легендарного литобъединения, руководимого Ильёй Фоняковым. Мне было лет 18, ему чуть больше...

Об авторе: Закусина Нелли Михайловна – сибирская поэтесса, переводчик, автор поэтических книг: «Мой светлый день», «У сентября спокойное лицо», «Свет любви», «Звёзды в колодце», «Избранные стихотворения», «Зимние письма», «Избранная лирика», «По бесконечной реке», «У снега на краю», «Четыре времени счастья», «Прикосновение». Н. М. Закусина – лауреат премий Губернатора Новосибирской области по литературе имени В. Я. Зазубрина (2004), литературной премии мэрии Новосибирска имени Н. Г. Гарина-Михайловского (2000). Член Союза писателей России. «Сокурсница» Ивана Овчинникова по литобъединению «Молодость».

Евгений Иорданский

Об Иване Овчинникове

Иван Овчинников – настоящий поэт. Русский поэт из сибирской глубинки. Поэт зримых и фотографически точных впечатлений.

В три часа я уеду на Юг,
Моментально забывши про Север,
С трёх часов обо мне запоют,
Поворачиваясь, посевы...

или

Сумерки. Сосед выходит за углём
К гаражам с их вечными ночами.
Слышно, как переставляет лом
И стучит какими-то вещами...

Иван любил помимо своего родного фольклора – задушевные русские песни. С какой доброй улыбкой он слушал эту песню!

Вот и росы вечерние светятся.
Я одна прохожу в тишине.
Раньше сам говорил, где нам встретиться,
А теперь позабыл обо мне...

Иван Овчинников – человек немногословный, любивший краткость речи. Сколько было разных событий и «тусовок», никогда не слышал от него длинных выступлений.

У всех, кто его знал и общался с ним, всегда найдётся в его память добрые слова. Светлая тебе память, Иван!

Об авторе: Иорданский Евгений Павлович – философ, поэт, архивариус, издатель, составитель самиздатовских сборников «ЛеС» (Левая Сибирь), «Зелень». Автор книг «Уроки русского», «Мой друг – Анатолий Маковский». Член Союза журналистов, Союза писателей России. Сохранил со времён фундаментальной юности тексты Ивана Овчинникова.

Воспоминания Лены Васильевой об Иване Овчинникове

(Из личного архива Е.П.Иорданского, 1987 г.)

Евгений: С Ваней как вы познакомились?

Лена: С Ваней через Толика Маковского в Москве познакомилась. И он мне сразу очень понравился. Просто очень! И его стихи до сих пор я очень ценю. И он именно с очень своеобразной манерой... вот такой какой-то его стиль непередаваемый. Очень непосредственное говорение. Как будто свой язык он создал. Ну, мне очень мило вот это:

Девушка кружится с зеркалом,
Вертит такие дома.
То проплывает, то меркнет
Зима.
Девушка остановится.
Видно как падает снег.
Весело с ней становится.
Когда полюблю кого-нибудь,
Других кое-как терплю,
Но снег, синеву подоконника
Невыносимо люблю.

И Иван Овчинников такое сказал, что может сказать только он. И через это уже видишь всё остальное его творчество. И оно приобретает глубокий смысл: поэт из слов как бы заново создает мир. Иван – человек поразительно талантливый. И ты в этот мир действительноходишь, обогащаешься, преображаешься... чужую душу воспринимаешь... Ну вот кто сделал бы такие вещи... как Иван...

Евгений: Как рассказ женщины:

Вон видишь спокойный как сон березняк
Всегда соблазняющий город
И ельник подальше еще до меня
Зовущийся сумрачным бором
Его полчаса обегает трамвай
Среди выступлений окраин

По полю мерцают цветочки, трава
А нынче там дёрн наступает...

Лена: В общем Ваня мне очень нравится. И его гармоничное, русское по духу творчество. У нас с ним было несколько встреч таких, которые навсегда запоминаются...

Евгений: Когда в последний раз вы виделись?

Лена: Давно виделись. Я помню один раз как-то случайно так тоже мы встретились. И шли под дождем. И импровизировали на ходу стихи. И это было совершенно незабываемое чувство. Просто на ходу сочиняли вместе. То он, то я. Перебивая друг друга. Это было единственный раз в жизни такое у меня вдохновение на импровизацию, и именно с ним, с Иваном, вдвоем. Ну и, конечно, он невероятно талантливый поэт. Необычайно интересный и своеобразный.

Примечание: Лена Васильева – московская поэтесса круга А. Маковского – Е. Сабурова – Л. Иоффе, жена литератора Александра Рябикова. В их квартире много лет встречались поэты. Запись приводится в сокращении.

Владимир Берязев

Записки с переплясом. Иван Овчинников

Иван Афанасьевич Овчинников, один из авторов легендарной уже сибирской книги «Гнездо поэтов» (1989, Новосибирск), друг Николая Шипилова и Александра Денисенко, почитай уже тридцать лет пляшет и поёт в ансамбле Асанова в знаменитом на весь мир Центре русского фольклора и этнографии, что в Новосибирске.

Иван — тоже легенда, ибо ему принадлежит строка, ставшая уже пословицей: «Пляши, пляши Плисецкая, всё стерпит власть советская».

А также: «Зелёный Змий, как аэростат, ему отрубят голову — а у него их три вырастат!»

Вот сегодня мне принесли только что вышедшую его книгу прозы «Записки из города», с оглядкой на розановские «Опавшие листья», однако вполне самостоятельные, смелые и талантливые вещи. Ещё продолжаю читать, но уже есть особо понравившееся:

«Не-е, пока наш народ щёлкает семечки по дороге или на скамейке, он непобедим. Меньше ерунды в голове».

«Нельзя восхищаться народом. Народ этого не прощает».

«А не сойти мне с этого места! В трамвае вчера обрывок слышал разговора: — Я сразу дом ставить не стал. Сперва всё кремлём огордил.»

«Ваня, скажи, в чём тайна русского народа:

« В отсутствии сослагательного наклонения...»

Об авторе: Берязев Владимир Алексеевич – поэт, публицист, издатель, исследователь Алтайского эпоса. Основатель новосибирского из-ва «Мангазея» и одноименного альманаха. Избирался председателем Новосибирского отделения СП России. Был директором и гл. редактором журнала «Сибирские огни». Автор книг: «Могила великого скифа», «Посланец», «Тобук», «Магота», «Кочевник», и др. Составитель сборника «Гнездо поэтов».

Юрий Горбачев

Иван, помнящий родство

Он уходил от друзей-поэтов по облакам. Там его увидели в тот момент, когда уже закрытый гроб опускали в свежевырытую могилу. В кучевой рубахе, с перистой сединой на голове и в бородке, весь пронизанный солнечными лучами он удалялся, неспешно, уже не оглядываясь – что там, за спиной. Ступая по небесам, аки по суху, он шёл в сторону храма со злачёным куполом выглянувшего из за тучки солнышка.

Иван Овчинников – из породы калик переходящих земли русской, которые несли на своих плечах меч-кладенец национального возрождения, нянчили в ковшах души живую

воду славянского мелоса, чтобы лежащий на печи в болезнях и немочах богатырь мог испытать и исцелиться. Столь неподъёмная ноша по силам только юродивым, людям не от мира сего, святым.

От Ивана Овчинникова я слышал, что в далёких привасюганских деревнях, в песнях бабушек можно обнаружить отголоски вис викингов. Так он, собиратель фольклора, слышал родную, напоённую сибирскими диалектами речь. И сам он стал своеобразным скальдом нетакизма, очень яркого и насыщенного событиями духовной жизни направления, образовавшегося в шестидесятые-оттепельные в Новосибирске. Бурному потоку иммиграции духовной и культурной во вне он предпочёл иммиграцию внутрь – песенную, стиховую, стихийно-родовую. Чемоданно-выездным умонастроениям столицы – оседлую несуетность провинции. Стихи свои он пел, как Николай Тряпкин, пританцовывая, он ими болел, как Николай Рубцов, он ими бредил, как Лёничка Губанов. И в своих паломничествах по городам и весям, когда он мог свернуться калачиком в любом первом попавшем тёплом углу, он дошёл до Лёнички Губанова, и они побратались стихами.

С другом-поэтом они могли отоспаться на цветочной клумбе.

Так вот в полудрёме здравого смысла, в бродильне творчества, в полупохмелье вдохновения он и жил. Его друзья-поэты Александр Денисенко и Николай Шипилов каждый по своему осмыслил, пережил, промедитировал русскую тему. Но так далеко в древнюю, святую Русь, пожалуй, уходил только он. И там был – и викингом, и монахом, и озорным шутком-перемешником:

«Пляши пляши, Плясецкая, всё стерпит власть совеЦкая...»

Наверное, уйдя в чертоги небесной России, Иван встретился там прежде всего с Николаем Клюевым, чтобы навечно остаться в тех краях, где «на песню, на сказку рассудок молчит».

Думаете, кто там светится,
Крышами сверкает? Кто зовет?
Да никто, а просто грезится,
Грезится который год.

Никого там нет у неба синего,
Где мелькало стеклами село,
Нет его в горах, красивого,
Всё из этих гор ушло...

Ушло. Переселилось. Обосновалось в небесах...

Об авторе: Горбачев Юрий Николаевич – филолог, музыкант, поэт и прозаик. Классик новосибирской журналистики. Автор поэтического сборника «Средокрестье», нескольких романов и повестей. Истинный ценитель творчества Ивана Афанасьевича Овчинникова.

Юлия Пивоварова

Поэты Весны: Иван и его товарищи

Всё, что связано с Иваном Афанасьевичем Овчинниковым, с Иваном, который и был центром цветущей новосибирской поэзии моего детства и юности, можно назвать неофициальным братством. Это были люди, способные учить и учиться, слышать и любить друг друга. Я рада, что моё детство прошло среди друзей моей матери – поэтессы Жанны Зыряновой. Великолепный драматург Нина Садур. Несущий незнакомую в то время в Новосибирске культуру, интеллект и поэтическую виртуозность Анатолий Маковский. Интереснейший поэт Михаил Степаненко. Глубокий, лиричный Александр Денисенко. Дорогой наш Николай Шипилов. И всё же главным в этой вольнолюбивой поэтической ватаге считался патриот ушедших старинных слов, умный, гипнотически притягивающий слух, живой и пламенный Иван Овчинников. Я еще совсем маленькой слушала их споры, их стихи, внимала им. Сейчас это называется «сибирской школой поэзии», а многие из них: Шипилов, Соколов, Денисенко, О. Садур, Степаненко называ-

ли её «Ивановой школой». Тогда никого из них практически не печатали. А наши поэты жили общением друг с другом! Пили вино, подпевали песням Шипилова, влюблялись, расставались, обменивались книгами, делились последним. Я выросла среди них, можно сказать, училась в «Ивановой школе», и поэтому не могла стать никем другим. Несмотря на то, что нам с мамой жилось нелегко, я тогда была счастлива.

Об авторе: Пивоварова Юлия Леонидовна – русский поэт. Автор поэтических книг «Теневая сторона», «Охотник», «Шум» (Избранные стихотворения). Лидер и кумир поэтического Новосибирска. Иван Афанасьевич Овчинников поддерживал Юлию с первых шагов и высоко ценил её дарование, как и она его.

Пётр Степанов

К барьеру: дуэль Овчинников – Маковский

Произошла она в один из «Понедельников» на «элитном» Лито Ильи Фонякова, когда на очередном заседании студийцев неожиданно появился только что приехавший из Москвы поэт и эрудит Анатолий Маковский, который прямо с порога обрушил на провинциалов поток слов о Бальмонте - Хайдеггере - Лимонове - Мандельштаме - Томасе Манне - Пригове - Шиллере - Проханове - Петрушевской - Гольдони - Зыкиной - Стринберге - братьях Заволокиных - Метерлинке и Демьяне Бедном... Бедные сибиряки, ошеломлённые потоком блестящих столичных слов, буквально онемели... И вдруг встает Иван Овчинников в белой рубашке, черном пуловере и начинает быстро и, главное, аргументированно, по всем пунктам спорить с «отцом русской демократии» Ипполитом Матвеевичем... Маковским! Нашла коса на камень! Это был гордо

бросивший за полгода до диплома пединститут, книжный червь, изучивший всю мировую литературу, наш новосибирский эрудит Иван. Слава прекрасному рыцарю, поднявшему перчатку заезжего гастролёра Маковского! Об этом поединке до сих пор ходят легенды. Говорят, что тогда граф Маковский десять раз был бледен, заикался, когда новосибирский Ванька, принц Овчинников, столько же раз успешно садил его в лужу... Гордость за посконную землю была неописуемой!

...На несколько недель они стали врагами, потом на много лет – друзьями...

(Фрагмент из антиэссе Петра Степанова «Гнездо поэтов» и Лито Фонякова)

Об авторе: Степанов Петр Иванович (1932 – 1991) – западно-сибирский писатель, поэт, критик. Оппонент ЦК КПСС. Автор книги рассказов «Слон». В советское время работал на «шабашках» с Иваном Овчинниковым, любил стихи и песни оного и его живой русский характер.

Владимир Землянов

«Люблю, когда сказал, как отрезал».
И. А. Овчинников

Он опять уехал за фольклором...

Слово не воробей... Иван был, есть и будет в моей памяти большим словесником, великим хранителем русского слова, его звучания. Моя мама (по статусу – бабушка, но я с пеленок называл её мамой), Лукерья Карповна говорила на чистом русском, не замусоренном иностранными словами, языке. Иногда Иван в разговорах с ней вставлял слова из древнего говора, а она, поправляя его в произношении этих слов, обращала внимание на мелодику произношения каждого данного

слова в его звучании, доходившего до внутреннего ощущения смысла и пользы сказанного.

Иван же, изучая фольклор, проникался и обогащался его наследием и стремился на нашей грешной Земле оставить слово природоистинное, земляное, поскольку

мы – дети Земли: нашей Мамы.

За наше почти полувекое с Иваном знакомство чаще всего мы общались на ЛИТО Ильи Олеговича Фонякова. После творческих встреч и обсуждений нередко всей гурьбой ехали на окраину Заельцовского района в рабочий посёлок Карьер Мочище, и, как поётся в песне Николая Шипилова: «там в краю бараковом, за отвалом шлаковым был я парнем знаковым, первым парнем был...» – то есть, поэтом и верным, надежным другом, какими и были по жизни Иван и Николай, написавший ему: «...Но тебя не дам в обиду я ни мёртвым, ни живым...» И хотя в этих «Мочищенских посиделках» почти все были «первыми парнями», всё же Иван значительно выделялся своей начитанностью, кругозором и готовностью «круто» поспорить, особенно со своим другом детства, старостой ЛИТО или как по-доброму и уважительно звали его «литовцы»: «бугром» за строгость и прямоту нрава, – Валерием Малышевым. Иван в дискуссиях своими неожиданными точными репликами нередко приводил в замешательство даже искушенных, «подкованных» оппонентов: маститых поэтов и прозаиков, но без ехидства и гонора, а достаточно тонко и деликатно. И уже тогда многие «фоняковцы» осознавали, что Иван для всех нас был учителем, в том числе и для меня.

... В тот скорбный день до самого погребения Ивана, мне пришлось (так распорядилась судьба) находиться в помещении фольклорного Центра наедине с Иваном всю ночь... Я «пытался» с ним говорить, но он «не откликнулся» и тогда я решил обойти вокруг гроба семьдесят семь раз: в знак того, что моему и нашему земному другу Ивану Афанасьевичу летом исполнилось бы 77 лет отроду. Нарезая эти круги, я вспоминал разные моменты нашего общения, его удивительное дружелюбие и жизнелюбие. Наверное, я сбился со счета, но обходя небольшое по физическим измерениям тело Ивана, в

мыслях возникала глыба источника словесности, и Иван вечен в нашей памяти: он уехал за фольклором – устным народным творчеством в неизвестность...

Об авторе: Землянов Владимир Алексеевич – военный корреспондент. Поэт. Автор и исполнитель песенных текстов. Друг друзей, поэт поэтов, среди которых один из самых дорогих – Иван Овчинников.

Антон Метельков

Праздник

Иван Афанасьевич Овчинников – праздник. Не календарный, конечно, – обыкновенный. И речь его такая же. Не то, чтобы нарядная, а прибранная. Пришел Иван Афанасьевич и положил слово на своё место, где оно прежние года лежало, а потом уже только пятно оставалось, да никто ведь и не замечал. Легло оно обратно на место – а никто и не заметит опять.

Порядок. Он в глаза не бросается.

А на речь посмотришь – как на березку. Березка и березка, все при ней. А корни-то, корни? Ну и корни тоже. Березка, под ней подберезовик, на ней сережки. Или вот вышивку взять. Квадратики да квадратiki. Ромбики. А отошел маленько – и гуси-лебеди поплыли, кони поскакали, цветочки опять же – все как на ладони. Вот и у Ивана Афанасьевича. Что за птичье щебечество? Прищуришь один глаз – развернулись горы-долины, второй прищуришь – так и годы клубком покатались, с кочки на кочку, с мякиша на корочку.

Праздник не в кремле, на улице – непоседливый. Озорной. Купил однажды Иван Афанасьевич для фольклорного центра подарочное издание Крылова – того самого, Ивана Андреевича. Чего там только нет – и архитектура петербургская и скульптура. Весь XIX век напомаженный. Глянул Иван Афана-

сьевич на это дело и пририсовал мужикам на портретах усы да бороды, женщин каменных в купальники одел для приличия.

Другой раз сетовал, что не хватает нашим актерам водевильности, легкости – серьезные они больно. И вместе с тем бесконечно любил Евгения Харитонову, изображал его пластические находки, наблюдения. Очень они на народный танец походили, от жеста шли от нечаянного, от оговорки – так, что сам себе удивишься.

Удивишься, поднажмешь – и потекла песня, она же и танец – на долгом дыхании, на размеренном. Так же и стихи Ивана Афанасьевича, и проза. Точь-в-точь дерево, которое, как самовар, кислород выдыхает.

Праздник!

Об авторе: Метельков Антон Сергеевич – поэт, прозаик, знаток и исследователь поэзии, в частности и новосибирской. Организатор целого ряда литературных вечеров и фестивалей. Научный работник ГПНТБ, сотрудник новосибирского книжного издания «КапиталЪ», стипендиат Минкульта РФ, член Союза писателей России. Притяжение и взаимная благосклонность с Иваном Афанасьевичем Овчинниковым.

Юрий Чуванков

Горница русской души

Мы все учимся у природы: через «горницу души, через околицу и окоём жизни». Как Иван: Иван Афанасьевич Овчинников.

О нём я узнал, «догадался» задолго до нашего с ним знакомства, и вот каким образом: я представил его в белой косоворотке на подмостках какого-нибудь районного клуба, поющего старинные русские песни, с переливами и придыха-

нем. Да и свои новые стихи он читал «в захлёб», по-русски, почти скороговоркой, в силу своего открытого и неуёмного характера. Мне вспомнилось: кто-то из сибирских писателей на вопрос: «Кто является Вашим учителем, ответил: «Иванов, Петров и Сидоров» – так вот: у Ивана Овчинникова был бы такой же ответ...

И вообще он был человек действия, поступка, не мирился с несправедливостью. Однажды, увидев на одной из выставок, приуроченных к Дню Победы, «картину» профессионального художника, где среди множества убитых советских солдат был «во всей красе» изображен немецкий танк, Иван Афанасьевич, сын солдата, написал в «Книге отзывов»: «Какое торжество и прославление фашистского оружия!» Этот поступок поэта возымел действие: «непонятная» картина была снята с экспозиции.

И еще в памяти остался один зимний вечер, в Татьянин день отмечали приём в члены Союза писателей, в том числе и меня вместе с Иваном Овчинниковым и Владимиром Романовым. Закуска у нас была незамысловатая: «Бородинский» чёрный хлеб, зелёный лучок и балтийская килька на разновес. И первый тост Ивана Афанасьевича в сей знаменательный для нас день был не за принятие в СП, а за родителей, что у всех отозвалось в душе...

Время бежит неумолимо, но главное – не забывается: где-то там, на Малой родине выросли и окрепли большие деревья, а за извилистой речкой, за белой церквушкой на краю села стоит светловолосый парень в белой косоворотке, и знакомое эхо из детства вторит ему первые, радостные стихи...

Колывань-Новосибирск

Об авторе: Чуванков Юрий Михайлович – художник-реставратор, краснодеревщик, поэт. Член Союза писателей России.

Игорь Гусельников

«А не Бродский ли это был?..»

Как познакомился с Иваном? Сидели в холле телестудии на банкетках в перерыве между передачами. Появился Шура Ромашов – телеоператор, а с ним невысокого роста человек в морской форме и с застенчивой улыбкой... Это был Иван Овчинников. Так и познакомились. Пока на студии работал, общались регулярно. А потом через его друга Малышева, когда Ваня у него в домоуправлении работал. Валера многим помогал, трудоустраивал. У меня была комната на Потанинской, они частенько заходили по-товарищески. Потом Ваня устроился проводником в почтовый вагон. Его «хватило» только доехать до Москвы. В столице он попал в объёты андеграунда, и почтовый вагон, что было вполне естественно, возвратился в столицу Сибири без поэта-вагоновожатога. Всё это было весело, мы смеялись над его приключениями, которые были свойственны его живому, неуёмному характеру. С ним всегда что-нибудь «случалось»: например, в муках творчества напрочь залил чернилами свои последние (у него всегда были единственные) штаны, и столичные поэты, дружно скинувшись, справили ему обнову. В Питере он оказался у какого-то поэта, который произвёл на Ваню особое впечатление: он сидел на британском флаге и печатал на машинке... И вот по сей день меня мучает вопрос: а не Бродский ли это был?!

Сочи, Краснодарский край

Об авторе: Гусельников Игорь Николаевич (литературный псевдоним – Александр Гранов), поэт, сохранивший память о новосибирском романтическом ТВ времен Валерия Халина, Николая Шипилова, Ивана Овчинникова.

Дядя Ваня

Идет Иван по городу, по знакомой улице Кабинетной. С Юлей Пивоваровой и Славой Михайловым. От Асановского фольклорного Центра.... Курсанты речного училища навстречу: Здравствуйте, Дядя Ваня.... Пробегают рыжеволосая порывистая женщина, чем-то схожая с Ниной Садур: Привет, Ванька. Иван улыбается. Водный профессор с супругой кланяются: Иван Афанасьевич, какая встреча! Тощий старик, состоявший возможно в переписке со Словцовым, покривился, а всё-таки:.... 3-з-з-дрась-с-ь. Нам тоже знакомые попадались, но совсем уже не тот ... коленкор, как Ивану...

«Мил-человек» – у меня по прочтении этой книжицы Ивана Овчинникова русского языка стало больше. Меда испил, луковицей закусил. Совсем по-другому язык заплетаться и расплетаться стал. Юлия говорит: Дядя Ваня мой учитель. Мы все, хоть понемногу, учились у Ивана. А кто ложился спать с Толстоевским, во сне пил чай с Ахматовой и Вирджинией Вулф, а утром молодеческим яблом насилывал изящную словесность, так про тех Иван однажды сказал так: «Оне, Слава, не поэты, оне бубны». Такое у меня ощущение, что мил-человек Иван шотландец был как Лермонт. И какая-то клеточка на рубашке играла, и волынка в гортани похрипывала. Может быть, там в небесных вересковых полях тоскует он о тополях своих новосибирских.

И, все вместе – влево!

И, все вместе – вправо!

Ветки над хмельным четвёртым этажом
целый день, качаясь, это повторяют
на ветру июля тихом, небольшом.

Спинки листьев то и дело серебрятся.

В небе светловатом север облаков.

Скоро, значит, будем осыпаться, братцы,

Но отдельно, потому что мир таков.
Час такой, что некуда податься
В гости. День уже кончается везде.
Надо, что уж, откровенно оставаться,
к занавескам руки честные воздев...

Секция поэзии. Комиссии создатель Толя Соколов медленно багровеет, слушая вирши трех девиц, которые лучше бы пряли под окном. Девиц рекомендуют в Союз писателей, неважно кто, но выпрэнно и велеречиво. Дескать это, если и не поколение, то плеяда. И тут Иван покашливает в кулачок и тихо-тихо так ворчит: Ронсар, Жоашен дю Белле, Жак Пелетье дю Манс, Жан де Лаперюз, Жан Антуан де Баиф, Понтюс де Тиар, Этьен Жодель, Гильом Дезотель, Реми Белло, Жан Дора. ПЛЕЯДА.

...Стоит над горою Алеша, сидит на Пикете Василий Маркарович, на холмах Грузии печальной похоронен Грибоед.... Могила Ивана Аванасьевича Овчинникова тоже на крутояре. Хорошо бы поставить просто камень большой. Портрет, даты и надпись: «Ночевала тучка золотая на груди Ивана -великана...»

...Падает, покачиваясь, осенний кленовый лист.... Дворник дядя Ваня смотрит на него, улыбается, опершись на метлу, у фольклорного Дома. Но заметно, что уже изрядно устал... Как тебя не хватает в нашей раскормленной мультимодальной деревне! Спи, Иван. А листья подметать не надо. Пусть себе падают...

Об авторе: Михайлов Станислав Геннадьевич – поэт и теоретик литературы. Театральный режиссер и постановщик. Участник международного биеннале современного искусства в Черногории и конкурса «Король поэтов» в Новосибирске. Автор книг стихов «Июлия», «Долго ли, коротко».

Трояк и Жанна д'Арк

Еще два эпизода с участием Ивана и его товарищей. Одно время я был корреспондентом от Новосибирска в столичном журнале «Пожарное дело», и мы с коллегами имели агитавтобус, весьма схожий с милицейским. Подъезжаем как-то с товарищем к авиационному заводу, где работал мой отец: у проходной стоит мой батя и Толик Маковский. Беседуют.

– Валерка, – говорю я капитану, – возьми микрофон и скажи через динамик: «Гражданин Маковский, подойдите немедленно к автобусу!»

Маковский вздрагивает и ловко что-то сует в карман отцовского комбинезона.

Капитан начинает уже импровизировать:

– Немедленно достаньте то, что вы сунули в карман Александру Николаевичу Шипилову!

– Что ты дядь Саше с перепугу сунул? – спрашивает Валера у подошедшего Толика. – Нелегальную литературу? «Искру»? «Архипелаг ГУЛАГ»?

– Он мне трояк сунул – просил передать Ивану Овчинникову, дружку своему, – свидетельствует отец.

– Зачем, Толик? – спросил я, довольный розыгрышем.

– На водку, – отвечает Толик.

– А что шепнул?

– Прощайте, говорит, прощайте, дядя Саша, передайте Ивану трояк, – улыбается отец. – Он у нас тут программу «Сирена» на заводе внедряет, а вы, охальники, ему и в подметки не годитесь... Молодец, Толик, а трояк Ивану сам отдашь...

* * *

Как-то Жанна Зырянова прочла стихи, посвященные своей французской тезке Жанне д'Арк, в которых в соответствии с

исторической версией Дамьена Грегуара описывала духовную красоту «дочери хлебопашца».

Денисенко сказал:

– Стихи блестящие, но что касается твоей тезки... Тебе, наверное, неизвестно, что фактически она была дочерью королевы Изабо и Луи Орлеанского...

– Ну и что? Это же здорово, что она имела свой королевский герб! Это же не какая-то княжна Тараканова! Спасибо, Денис, за информацию!

– Рано благодарить, – сказал Иван Овчинников. – Орлеанская Девственница была ещё и... того... Одним словом, ни мужик, ни баба...

– Тогда я не Жанна – я Анна, – рассмеялась Жанна.

– Вот это уже лучше, – похвалил несмышлённую Иван. – Тогда я не Иван, а Жан...

– Тогда я не Саня Денисенко, а Сен-Дени, – поставил точку Сен-Дени.

Александр Денисенко

«Я помню, помню всех, кого любил!..»

Иван Овинников

Я тоже вспомнил сейчас несколько историй, как они остались в памяти с нашей далекой общей юности.

Весной 1961 года Иван волею случая оказался в центре Новосибирска и шел от Скверика водников по направлению к старому ТЮЗу, когда вдруг объявили, что Юрий Гагарин находится в космосе. Все помнят это ликование, всеобщий восторг, многие вглядывались в голубое небо, но Ивану показалось этого мало: он сорвал с себя кепку, запустил в космос и с размаху бросился прямо в одежду в фонтан: Ура! Ура!!

Ура!!! Впечатление от этого было сильное, так как в юности Овчинников был весьма похож на Гагарина: оба невысокие, ладные, с чисто русскими лицами и живыми ясными глазами. Но как Гагарин мог оказаться в фонтане, если он на орбите?! Иван же, не обращая внимание на всеобщее внимание, носился кругами по орбите центрального фонтана, пока его не вернули на землю улыбающиеся милиционеры: ура, Ваня!

* * *

Сегодня повезло: после лекций разжились разливным пивом: Женя Лазарчук, Саша Сидоренко и я. 3-литровую банку доверили нести Ивану. У крыльца институтской общаги по Ленина, 48, улыбаясь золотым зубом, нас поджидал Валера Малышев с оттопыренным внутренним карманом. И тут нас настигло возмездие: на радостях потеряв бдительность, на вахте нос к носу мы столкнулись с Верой Ивановной – комендантшей «самых строгих правил», которую Иван увековечил в своем поэтическом шедевре «И приспе осень...», где были такие строчки: ... «А чистоту доказываешь: я, действительно, не крал в восьмидесятой комнате вещей на семьдесят рублей. – А чё скраснел? – Осень, Вера Ивановна...»

И правда: осень... И Вера Ивановна с ужасом смотрит на трёхлитровую банку в руках Ивана, а тот, проходя бочком, «успокаивает» её: анализы...

* * *

Однажды Иван подбил меня, Мишу Степаненко и Колю Шипилова съездить на прогулку в город Москву, мол, Женя Харитонов звал, да и так: поглазеть... Доехали на последних рублях-копейках. В Москве было пасмурно, шел нешуточный дождь. Пока шли к метро, Иван несколько раз порывался лечь в лужу под предлогом, что мы, бессовестные и бессердечные, не покупаем ему беляш. Миша, отслуживший полный срок в ЗГВ, приказывает: Ахтунг! Немедленно встать в строй, сын полкового разведчика! Вперед! Наконец, доехали до Кунцево. Возле харитоновского дома была подходящая для Ивана лужа, но он проигнорировал её, нашел глазами пятый этаж и стал

тщательно приносиваться... Женя открыл дверь, предупредил, что у него гости-актеры. Иван сразу же стремительно прошёл на кухню, где сидели артистические люди и среди них милая женщина с тёмными выразительными очами. Иван сделал «стойку», обглядывая всю её своими медвежьими глазками, подсел к столу и со словами: суп-то у вас, конечно, недосолен, начал уплетать небольшую тарелочку. Коля аккомпанировал ему на гитаре и сразу же обворожил своим чудесным голосом гостей, подсовывавших Ивану разные лакомые кусочки. Иван не отказывался и поочерёдно выпил все столпившиеся на столе рюмочки. Тут зашел Женя и сказал, что это его гениальный друг из Новосибирска, учились в одном классе. Иван быстро снял ботинки, залез в носках на стул и сказал речь о своем гениальном друге Жене, который только что блестяще защитил диссертацию у Ромма. Потом добавил: предчувствие не обмануло меня: здесь тоже нет беляшей...

* * *

Харитонов привел нас в МГУ на лекцию блестящего, особо почитаемого студентами, профессора словесности. Сквозь приоткрытые двери была слышна действительно вдохновенная лекция о сатирических направлениях в творчестве Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Иван, едва просунув голову, прямо с порога начинает напористо и тоже вдохновенно говорить, что никакой сатирой там и не пахнет, а Ноздрёв – так и вообще национальный герой: народный идеал и прототип русского духа... Аудитория оживилась. Профессор, выйдя из ступора, начинает приводить доводы, сыпать цитатами, именами. Иван: зря стараетесь, батенька. Мне лучше знать! Студенты уже смеются, начинают аплодировать. Профессор не выдерживает: да кто вы такой? Иван молчит. В аудитории – тишина. И тут Иван произносит: я – Салтыков-Овчинников и зачитывает свой знаменитый текст: «Был бы я Салтыков-Овчинников...»

В метро мы возвращались все вместе: профессор держался за поручень рядом с Салтыковым-Овчинниковым, оба чему-то смеялись...

* * *

А это было уже в Новосибирске, когда Харитонов, учившийся во ВГИКе, приехав на очередную побывку, пригласил нас на родительскую дачу собирать малину. Грузились мы в сторону Мочище на площади Калинина, и тут произошел странный эпизод: subtilный, артистичный Харитонов, бросив нашу компанию, внезапно подошел к стоявшей в толпе ожидающих юной женщине и, не говоря ни слова, стал её всю разглядывать, смотреть в глаза. Та тоже молчала и тоже смотрела ему в глаза, совершенно не отстраняясь. И так – минут 20 до прихода автобуса. Толпа всё видела... Многие отводили глаза... Не сговариваясь, мы втроём заблокировали Харитонova, не дав ему возможность войти с ней вместе в переднюю дверь. Вообще, как это сейчас помнится, это день был наполнен каких-то тайных знаков: так бывает, когда совпадает то, что в принципе невозможно, и наоборот. И в самой природе что-то происходило: как будто сам воздух на глазах сгущался, затвердевал. Было противоестественно видеть, как по небу летят тюлевые облака, а внизу – марево, духота. Все это чувствовали, и Миша Степаненко, имевший склонность к расшифровке таинственного, по дороге на дачу пояснил: сегодня какой день? – сегодня змеиный день, 20 июля, сегодня все звери и гады выходят невменяемые из нор, будут сползаться на змеиные свадьбы. Позднее, кажется, в 78-ом, Миша в Зеленогорске написал рассказ с таким названием: «Змеиная свадьба». И разогнать её в состоянии только один лишь гром... На дачу мы прибрели несколько удрученные, понюхали мальвы и махом собрали ведро уже опадавшей медвежьей ягоды малины. Один Иван отлынивал и говорил, что в кустах кто-то шипит... оказалось, дырочка в шланге. Женя угостил нас крепким домашним вином и, не помазав губы, с удовольствием рассматривал, как мы «это» делаем. И вдруг Иван, подойдя к Харитонову, стал пристально разглядывать его, повторяя тот трюк на остановке. Мы исполняли роль толпы. Женя исполнял роль девушки, как в стихе Ивана «Среди людей стояла девушка...», то есть Иван имел какой-то психологический замысел и надо сказать, преуспел... Женя, несколько смутившись,

зашел в домик, принёс бумаги и сказал, что прочтёт кусочки из написанной им повести «Духовка» (в противоположность мужскому «Духу» – так он тогда нам пояснил). И тут опять произошло нечто невероятное: на втором или третьем абзаце Иван, расфокусировав глаза и прищелкивая пальцами, начал дублировать текст Евгения в стихах. Все невольно потянулись к стаканам: и было от чего. Это было просто непостижимо: едва фраза слетала с губ, как Овчинников тут же переводил её в поэтическую цифру, в стихи, причем невероятно остроумно, сохраняя и мысль, и саму фонетику, даже как бы сам любясь созданным буквально из воздуха шедевром. Вино пошло нарасхват: мы, битые волки, даже не могли предполагать, что такое возможно: это была не волна импровизаторского восторга, а какой-то пир ума... И так – минут 20... как на остановке... Шипилов, живший рядом в Карьере Мочище, и первый догадавшийся о подтексте дуэли, позвал купаться на Обь. На улице стояла всё та же изнуряющая духота, просто духовка. Мы шли по тропинке мимо пионерских лагерей, и в зарослях крапивы увидели поваленную фигуру Иосифа Виссарионовича Сталина. Гипс до колен был отбит, и Сталин в полунаклоненном состоянии держался на арматурных ногах. Иван остановился и сказал, что хочет поплакать. Подойдя к Сталину, погладил его по нагретой июльским солнцем голове, сказал: «Гроза разгоняет змей...» и совершенно спокойно заплакал. Мы расселись вокруг вождя, размышляя: зарыдать нам под воздействием Ивана или всё же выпить прихваченного в баклажке вина, как вдруг раздался ужасающий грохот грома, и под резкими порывами ветра Сталин начал покачиваться и кивать головой: выпить! Коля Шипилов плеснул в пластмассовый стаканчик, поднес к усам, однако выпить вождю не удалось: Иван перехватил руку и с возгласом: за Женю Харитонова! – выпил до дна.

* * *

Эта история давно уже обросла легендами, но суть её была такова. Иван, зная обширные связи Толика Соколова в культурных, научных и медицинских слоях населения, позвонил ему среди ночи и сказал: всё... конец... поднимай всю меди-

цину до самого Академгородка... у меня на передней части тела появился сам собой, без девушек, странный прыщик, и даже, собственно, ни на самом предмете, а рядом, около, так сказать, на периферии... Толик, естественно «озаботился», и уже к утру почти весь Новосибирск был поднят на ноги: друзья и товарищи, знакомцы и домохозяйки, артисты и ученые, акушерки и доценты кинулись на борьбу «со «странным прыщиком»: кто-то доставал лидазу, другой – мумиё, третий – священную траву драхчампатруанду, некоторые предлагали самый свежий змеиный яд и кокарбоксилазу, другие – самогон и керосин. Пронёсся даже слух, что уже обрезали, что дошло до ЦК ВЛКСМ и даже до ВЦСПС, а оказалось... а оказалось, что в это время сам «пациент», тайно покинув город, уже всюю предавался фольклорным страстям и блаженствовал, обласканный молодыми старушками села Балман – можно сказать, нашей фольклорной Мекки: «Что во Томской во губернии...», «По синим волнам океана...», «Я качу, качу золото кольцо...». Таков Иван: даже с таким таинственным и загадочным заболеванием не предал мечту.

Простите за сухость изложения... Шампанского не надо.

* * *

Однажды, по осени уже, шли к легендарному поэту-программисту Маковскому в общежитие на Плановую: Овчинников, Степаненко, Шипилов, Маковский и я, грешный. Как всегда говорили «за поэзию», как всегда читали стихи собственного изготовления, как всегда Маковский объявлял кого-нибудь гением: на этот раз им оказался Олег Садур, хотя еще утром Макс назначил на эту должность Петра Степанова, и вот – на тебе! А чтоб не зазнавались...

Впереди нас на автопилоте брёл мужчина, который, подойдя к огромной осенней луже, постоял в глубокой сосредоточенности и... всё же пошёл, яко апостол по морю. Милицейский фургон аккуратно объехал его, дверь распахнулась и приняла его в своё лоно. Правдолюб и дон-кихот Маковский ринулся на защиту. Милиция предложила ему место рядом с «апостолом», поехали и мы. В одну камеру мы не поместились, и Иван ока-

зался в соседней. Через некоторое время раздался его бодрый, жизнерадостный голос: «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...» Приободрённые «алкаши» начали присоединяться: «С нашим атаманом не приходится тужить...» Пели всё громче и слаженней. Это было похоже уже на бунт. Нашу компанию вместе с Иваном вывели в коридор, доктор велела всем по очереди показать ей «позу Ромберга» – тест на алкоголизм: с закрытыми глазами, руки в стороны, пройти, не шатаясь, до стены. Прошли! Иван после Ромберга подошел к майору, спросил: за что? Тот полистал журнал: «Шли по улице, размахивали руками...». По домам, господа поэты! Благодарите вашего атамана. Он еще раз заглянул в журнал: атамана Ивана Овчинникова! Хорошо поёшь, брат, душевно! А то оставайся...

На улице шёл мягкий крупный снег, и мы пошли по свежим следам к стоящему напротив вытрезвителя магазину. Неужто «нашего» апостола выпустили раньше?..

ИВАН

...Первый раз, Саша, радио я услышал в девять лет, в другом селе, в Тайне. Припозднился, слава Богу. Место это – Алтай – очень хорошее. Идём с тётушкой, а она как в сказке говорит: «Ты, – говорит, – Ваня, сапожки-то сними, да с камушка на камушек-то перепрыгивай...»

Разулся и побежал. Потом смотрю, даже не заметил сначала, как под ногой оказалась, уже вытягивалась из-под ноги, змея. И как я догадался, что ужалила... Никакой боли не было. Что делать? Давай с тетушкой торопиться до хутора, то ли Сельковского... Там жила слепая, как назвать, знахарка. Все её звали просто Катя Басаргина. И было ей в те поры 70 лет. Ночью пришли к ней. Да, забыл, по дороге встретились три алтайца верхом, вырвали из хвоста пучок волос и перетянули под коленкой. Потом еще парень с девушкой навстречу попались, тряпками перетянули, обмотали. Дохромали мы к бабушке под вечер, нога прямо на глазах пухла.

В этот вечер она ничего не стала делать с ногой. А утром опять как в сказке: истопила баню; обняли меня старушки, повели лечить. Тогда казалось, будто полчаса добирались до бани. Я-то на одной ноге, а другая – как бревно. Зашли, а там у нее уже тазик стоит с травами. И вот она оглаживала ногу, когда перетяжки снимала, и все время шептала. Через два часа уже я специально на бывшей больной ноге доскакал до крылечка один. Нога как и не болела вовсе. Кто знает, может эти первые в моей жизни заговоры и оставили в душе след, который и привёл меня впоследствии к русскому фольклору.

А если говорить точно, из чего сложилась эта книга, почему так стал писать, потому, что до 9 лет так говорил. Жили в самых горах, в 40 километрах от Телецкого озера, а потом только в 40 лет попал туда в фольклорную экспедицию, а после – более 20 лет ездил в экспедиции, учился у бабушек. Дедушек мало...

Поведению, конечно, не научишься, вернее, не научиться, но хоть грех взять на душу: перед ребяташками изображать дедов (если дар есть) – необходимо! Фольклор – это не внешняя, а внутренняя работа. То, что мы видим лихого, буйного, это то, что прорывалось у человека. В народном действии нет НИ НАЧАЛА НИ КОНЦА. Как и в творчестве. За всё течение свадьбы – неделя-две – никто ни разу не крикнет: «Тихо!» Весь будущий интеллект моделируется в детских играх. Берём такую модель: так... так... так... о! Точно так же и в «Краковяке»: два шага вперёд, два шага назад, два вперёд и – нырк! В «Кадрили» дети проходят «квадраты», «параллели» («Бояре, а мы к вам пришли...»). А сейчас «круг» уже почти никто не умеет водить, получается какой-то эллипс с вмятинами. Я считаю, что незачем воспроизводить в зале патриотические чувства, и ещё считаю, что возбуждать образ вредно без немедленного действия: есть быстрые танцы, которые «поются» в пляске (минут 10-15) – это показали нам бабушки на седьмом десятке!!! – из Северного района. Шире брать: например, разговор (часто с грубинкой, для закалки), люди устали, а кто-нибудь говорит: «Ну что, сачки...» Потому, что его послали за инструментом. А

он всё принёс да на час раньше. А дурак из соседней бригады это увидел. Как они сидят, и туда же лезет: «Ну что, сачки...»

И стало быть: русская повесть вся строится на контексте, лучше сказать – на пружине. После летописей уже так никто не писал. Один человек только, земляк мой Николай. Просто удивительно – все пояснения попутные, короткие, нет никакого избытия сослагательного наклонения. Гоголь ведь предупреждал... «...стало быть, если бы он и мог назвать себя молодым человеком, то только относительно, то есть в отношении тех, кому 70 – 80 лет...» Каюсь, грешен, не люблю такую «постройку»: «Пятак упал, звеня и подпрыгивая...»

Ну, всё сказал. А не всё говорят. На Руси об этом хорошо знали, возьмите, к примеру, описание боя. Дословно не помню, но, кажется, у Атласова или Ерофея Хабарова сказано: «...По-сылаю тебе, боярин, 12 пластин соболей, 5 шуб мухояровых, 100 штук белок, 2 однорядки (хотели три, да одна истрепалася, когда от царевича «отсиделись»...» Когда читаешь второй раз: «от царевича... отсиделись»? – а это 12 казаков отбились от полтораста тунгусов...

Когда в Азове казаки (6 тысяч) «отсиделись» от 300 тысяч турок с мая по сентябрь, вот что они писали: «.. И страха-то мы натерпелись, день и ночь бились без перемены, ни пиваючи, ни едаючи...»

Вот так-то, по-отцовски, и надо бы жить и писать. А теперь... что говорить: из города, около города, словарь ушел почти, но ухватка осталась везде. Как только отъедешь от центральной улицы, как пойдут остановки вдоль частного сектора, так сразу видно: девчонки встретились и говорят не громко, не галдят, смеются славно. Парни бурчат. Старики не торопятся садиться. Народности еще много! Спорить, конечно, будут всяко, с пеной... а жизнь – она и есть жизнь!

Вот эту книгу я стал писать... просто очень захотелось таких текстов. А их – то там, то тут мелькнет где-нибудь: какой-нибудь хороший актёр изображает – да у того же Шаляпина что-нибудь необычайно хлесткое, – словом, русская жизнь во всех своих наигрышах прорывается, оттого-то и радостно!

Одного жаль, что все «повороты» в литературе пошли, когда она стала жадничать: «Пятак упал, звеня и подпрыгивая...» Сразу охота всё сказать. Тут же и пошло разбухание придаточного предложения, без всякой меры деепричастные и причастные обороты. В основном – это дворянские грехи, исключая Сергея Тимофеевича Аксакова, а ещё раньше – Андрея Тимофеевича Болотова. Спасибо Чивилихину – открыл! А сейчас начинают писать разговорным языком, завлекут, а уже на пятой странице – «поехали», звеня и подпрыгивая...

Но два человека остались на русском способе: в начале века – Иван Шмелёв: «Няня из Парижа» (от женского лица) – ни единой литературности! А у нас в Новосибирске – Анатолий Трофимович Черноусов: «Исповедь в поезде дальнего следования». Сотворена на тех же основах!

Учился я писать, и сейчас учусь – у прозаиков, – там больше языка. У поэтов (то, что я люблю) есть в двух случаях, но – КАКИХ! «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и «Жили старик со своею старухой у самого синего моря...» Особняком, конечно, – Ершов! Иногда вот так, «еретически» задумаюсь: а что если бы «Сказку о царе Салтане» не преподавали в школе и в институтах «не проходили» – осталась бы эта сказка или нет?

Конечно бы, сохранили. А «Конька-Горбунка» почти нигде не проходят... Он сам прошмыгнёт и доведёт кому куда надо...

Одного жаль: нашей же великой классикой нас же и заслонили. Кто теперь знает о заклинках, кто в жизни водил хороводы? Одно дело бежать после нагана: «На старт, внимание, марш!!!» и совсем другое:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Глянь на небо:
Птички летят,
Колокольчики... звенят!

И – кто быстрее!

Больше не буду о фольклоре – придёте, увидите, сердце забьётся...

– Вот, Иван, — спрашиваю я сам себя, – кем ты себя считаешь? – Учеником народа.

– Эх, был бы мой отец Афанасий Савельевич живой, не погибший в разведке в мои детские годы, тогда бы он сказал: «А вот в Чечне и правнукам пришлось нелегко». Но русский боевой дух остался тот же, – рассказывал мне мой друг Николай из Звенигорода. Потому и пишу такие строки: «Помолись, чтоб не меняться». Мать мне говорила: «Ну весь в отца». А я думаю, что всё у меня от матери, а она с отцом одной веры – русской.

...Мама Ивана справила этой весной своё 100-летие. Помолимся во здравие её.

Сын её – явление в русской литературе. Долгое время о нём шумела Москва, и до сих пор ещё гуляет эхо в её художественной элите. Человек, при жизни ставший легендой, определивший своим редчайшим литературным вкусом ряд направлений неиздававшейся поэзии и прозы, сам при этом сохранивший здоровую, «нечернушную» основу своего творчества и мировоззрения.

Иван Афанасьевич Овчинников, без которого невозможно представить себе культурную жизнь России, вместе со столетней маминой весной издает энциклопедию своей головы. И большого хорошего сердца. Причем, этот энциклопедизм не литературный, он не является никчемной эрудицией любителя кроссвордов. Это энциклопедизм мудреца, видящего суть явлений, влияющего на судьбы дорогих ему людей легко и тактично.

Что касается его литературных трудов – то это неисчерпаемый кладёзь. То, написанное им, казалось бы незначительное, скромно-большое, как и сам он, однако же таково, что уберет его творчество из памяти каждого из нас – и тьма сгустится.

Он не спешит. Он дает себе время жить, размышлять, надеяться, ошибаться, смеяться над собственными заблуждениями

и писать, идя далеко впереди нас по опасному пути непонимания и непризнания. А разведав дорогу, он зовёт: идите сюда! Я уже здесь!

Нам вообще люб этот человек. Иванова неподкупность, ненастырная сосредоточенность благих дум и намерений, энергичное песенное мужество, цельность натуры — всегда внушали духовное желание быть рядом с ним, служить отечеству, жаждать от жизни любви, красоты и надёжности.

Мы люди одной беды и одного и того же счастья, дорогой ты наш товарищ, Иван-чай Овчинников. И лично я, как пережиток позапрошлого, пишуший от лица товарищей и спутников молодой жизни, по-прежнему верен нашим стандартам, нашим девушкам, твоим стихам и нашей дружбе, которая и сейчас, по прошествии многих лет жития, не нуждается в индексации. Спасибо судьбе, что мы вместе с тобой пили рассол обской воды, разлитый по тарелкам, на которых стояло непогасимое тавро тех лет: «Общепит», что мы хлебали стихи оловянными ложками вместе с прекрасными русскими поэтами. Как душа плачет о чем-то несбывшемся, так и твои стихи, как народные молитвы, как песни: тревожат и питают, исцеляют и дают бодрости, разволновывают воспоминания. Лично для меня, Иван Афанасьевич, твоя книга является светлым поклоном нашему Отечеству, провинции, отчему дому, русской идее, русской песне. «Всё новое — добро есть, но ветхое (древнее) — всего лучше и сильней».

Что толку разбирать стихи поэта. Их и так разберут. Твои стихи.

А знаешь почему? Ведь в прежние времена считалось большим несчастьем, если в семье рождался поэт. В Ирландии, например, такой дом обходили стороной, ведь у поэта — длинный язык, который имеет власть над людьми: он может заставить человека плясать без остановки, заряжать ружья, влюблять девушек, топить корабли. Так оно и есть: сила поэзии огромна, поскольку сердце настоящего поэта, не вышедшего из повиновения Богу и Природе, подобно сосуду, всегда переполненному горьким мёдом жизни и не вмещающему уже ничего другого:

«Свободну мужу лепе есть истину глаголати»:

На тонкой речке не утонешь
Не проплывешь до бережка.
А только весело отмоешь,
Эх, глину-грязь от сапожка.

Пишите стихи. Количество слов не ограничено.

Александр Денисенко

(Из Послесловия к книге И.А. Овчинникова «То ли к нам, от нас ли», 2003 г.)

Об авторе: Денисенко Александр Иванович – поэт, прозаик. По профессии – телеоператор. Публиковался в журналах «Новосибирск», «Сибирские огни», «Горница», «Воскресенье. Новая Россия», «Волга», «Знамя», в сборниках «Гнездо поэтов», «Дебют». Автор книг «Аминь», «Пепел», «Провинция». В 2017 году награждён почетной медалью им. В. М. Шукшина. Член Союза писателей России.

Игорь Гулин

Под пеплом – жар костра...

18 февраля 2016 года в Новосибирске умер поэт Иван Овчинников.

Нельзя сказать, что умер в безвестности. У него вышло несколько книг. Он был заметной фигурой на литературной карте Сибири. Небольшое количество почитателей было и за ее пределами. Но исчезающе тихая известность никак не соответствует величине его дара.

Впрочем, эта незаметность объяснима. Новизну стихов Овчинникова сложно зафиксировать. Во многом потому, что он работал в системе координат, в которой новаторство не является ценностью. Оно проникает в такие стихи украдкой.

За близкой Овчинникову группой поэтов (Александром Денисенко, Николаем Шипиловым и другими) ненароком закрепилось обозначение «Левая Сибирь». Такое название для альманаха новосибирского андеграунда предложил в конце 80-х Анатолий Маковский – самый, скажем так, европейский из их круга. Однако в привычных нам эстетических координатах авторы эти – правые.

Овчинников – более всех. Игривая консервативность, тщательно выпестованное народничество приобретает у него манифестарные формы. Он собирал фольклор и сам выступал в фольклорном ансамбле, писал о народном уме и глупости интеллигенции. Наполнял свою поэзию просторечиями, напевами, приговорками, и что важнее – философией внимательного постоянства, мудрой бездвижности, единой у народа и природы. В литературе, принимающей такую систему ценностей, желание отличаться вызывает подозрение. Ценится совпадение, узнавание.

И действительно в стихах Овчинникова многое можно узнать – общие для поколения 60-х поэтические интонации, немножко Есенина, немножко Цветаевой, мелодику русской песни. Тоже общий для многих поиск минимальной меры поэтического, укладывающейся в две строчки, два слова.

Эти стихи – вообще очень простые. Они не требуют от читателя подкованности, усилия расшифровки. Все, что спрятано в них, – спрятано на виду – как в «Украденном письме» Эдгара По. Именно хорошо знакомое, узнаваемое отвлекает нас от чуда этой поэзии.

Чудо это – удивительная переплавка языка, которая происходит в овчинниковских текстах. Ее сила вполне сравнима с открытиями главных новаторов его поколения. Но если в поэзии Айги, Еремина, Некрасова метаморфозы зримы, то у Овчинникова они лукаво прикрыты ворохом пустяков, сиротской простотой.

Странная, немного юродивая хитрость, которая чувствуется в его будто бы простодушных признаниях и любованиях – это

не разоблачительная ирония. Она не раскрывает, но скрывает. Как засыпают пеплом жар костра – приглушая его, превращая в тепло.

Именно тепло – главное свойство стихов Овчинникова. Слова в них как-то по-особому льнут друг к другу. Они теряют наносную гордость крепких значений – как сбрасывают в деревенской неге городской костюм, и с ним – лишние приличия. Однако эта вольность не предполагает отказа от культуры. Напротив – весь большой мир с его музеями, симфониями и книгами она захватывает утопией добрососедства.

Мы привыкли к тому, что хорошая поэзия должна озадачивать, беспокоить. Нам не так просто полюбить и увидеть гармонию. Именно это делает трудным, неуловимым открытие Овчинникова. Оно – в новом, не описанном никем до него счастье.

Об авторе: Гулин Игорь Михайлович родился в 1985 году в Москве. Окончил историко-филологический факультет РГГУ. Публикации в журналах TextOnly, Queerculture, НЛО, Разногласия, альманахе [Транслит], и др.. Работает обозревателем журнала «Коммерсантъ-Weekend». Один из соучредителей литературной премии «Различие», соредактор журнала «Носорог». Лауреат премии Андрея Белого (2014, за критические статьи)

Мил-человеку

(Стихи-посвящения)

Нелли Закусина

Посвящено Ивану Овчинникову

* * *

Иван! Куда ты
по земле ковыльной,
вспушённой от июльского тепла,
помчался?
Не туда ль, к полоске пыльной,
что на краю у неба пролегла.

Среди степи
не угадаешь скорость,
далёкий не догонишь горизонт...

Я вслед смотрю.
В душе тревога, гордость.
Наверно, провожали так на фронт...

Ты так горяч,
мальчишка,
мой ровесник!

Мы у истока жизни –
ты и я.
И летний звон степи –
начало песни.
У каждого она пока своя.

И в той степи...
Тогда я знала точно,
что песня будет общию всегда.

Всё дальше ослепительная точка,
твой образ, исчезающий под солнцем...
Как звезда...

Ивану Овчинникову

Ванька Жуков

Друг мой, Ванька, Ванька Жуков,
Мне сегодня грустно жутко,
Даже некому не в шутку
Написать десяток фраз.
Я не знаю, что случилось –
Жизнь, как «мессер» отдымилась...
Сделай Божецкую милость,
Приезжай ко мне сейчас.

Я куплю крючок и лески,
Леденцов и в цирк билеты,
Золочёные орехи
И зелёный сундучок.
Мы поедем по железке
На другой конец планеты,
И на прошлые огрехи
Плюнем мы через плечо.

Пусть придут из райсобеса
Секретарь и участковый –
Где же им понять повесам,
Чудакам городовым?
Пусть я не имею веса,
Пусть я в жизни бестолковый,
Но тебя не дам в обиду
Я ни мертвым, ни живым.

А пока – писать кончаю.
До свиданья, друг Ванюшка.
Я ночую у подружки,
Ей мешает верхний свет.
Мне сейчас бы рюмку чая,

Или лучше – водки кружку,
И любимую игрушку –
Пачку крепких сигарет.

1976, Новосибирск

Ивану Овчинникову

Что ни говори, а дело плохо...

Что ни говори, а дело плохо:
В облаков небесный контражур
Ускользает в тихом сне эпоха,
Я ж в ее пределы не вхожу.

Кто еще бездомен в эту пору?
Кто еще готов к любому спору?
И кого пугает каждый шорох,
Если с ночью наступает жуть?

Кто всем на удивленье,
Счастья ждет по щучьему веленью?

Это друг мой – он седой писатель,
Старый и бездомный пешеход.
Штопает пробоины на платье,
Собираясь на зиму в поход.

Если будет тёплая зима –
Значит, будут люди и дома,
Значит, будет множество кают,
Где проходим пищу подают.

Он, всем на удивленье,
Обуян художественной ленью...

Автор ненаписанных романов,

Тысячи неизданных поэм,
Думает, собрав табак в карманах:
Может быть, сегодня не поем...

Мысли, как у проруби мальки,
Их так трудно выстроить в полки,
Он идет, бряцая медью шпор,
Чтобы взять за печкою топор

И, всем на удивленье,
Колет им сосновые поленья.

Вот грузин пронес охапку роз –
Начихать грузину на мороз.
Вслед ему мой друг-великоросс
Задаёт неизданный вопрос:

Значит, нету в городе дежурных?
Раз – и стынут журавли на урнах,
Два – а воробьи, поднявшись клином,
Улетают с криком журавлиным.

Что ж, хватит удивляться,
Надо в зиму как-то утепляться...

1982, Новосибирский Академгородок

Студия-фольклор

Мы в Новосибирске. На улице Чаплыгина.
В доме 36 слышен дикий ор:
Там всегда по вторникам студия-фольклор.
Бабы собираются попеть и поплясать.
Мужиков там нету. Где их бабам взять?
Только дядя Ваня – древний сторожил.
Он один всем бабам в день фольклорный мил.
Каждую обнимет, тяжело вздохнет
И по-стариковски к девушкам уйдет.
Снова бабы в кучу, соберутся в круг –
Поорут, повоюют и домой уйдут.

Я – русский

Я – русский!
Неуловимой нитью
Связан с предками моими.
Я – русский!
Через века бежит река
Познания моего.
Я – русский!
История моей страны –
Моя история.
Я – русский!
Пою я песни своих
Прадедов-дедов.
Я – русский!
Я горжусь, что это так!
Другой судьбы не принимаю,
В другой стране родиться
Не желаю!

(Из книги В. Асанова «Жил-был Ваня»,
которая вся посвящена Ивану Афанасьевичу Овчинникову)

Виктор Сайдаков

* * *

*Доброй памяти русского поэта
Ивана Овчинникова,
рожденного в сибирской деревне*

Захочу и сегодня поеду в деревню,
Там меня дожидается русская печь,
Затоплю, и дымок, такой вкусный и древний,
Будет снова над крышей задумчиво течь.
Среди снега пройду по замёрзшему саду,
Разбирая меж яблонь зайчиную вязь,
И знакомый снегирь на крыльцо мое сядет,
Величавый и важный, как розовый князь.
Он на флейте сыграет старинную песню,
Где рефреном звучит восемнадцатый век,
В ней сенатор Державин надменно воскреснет
И посмотрит на нас из-под старческих век.
И в саду, где весёлые снежные горы,
Вдруг Суворов проскачет, воскликнет мурза,
И сама Катерина от счастья и горя
Будет плакать под тополем и замерзать.
А умолкнет снегирь — я возьмусь за лопату
И сугроб по частям буду в санки грузить
И весь день напролёт до густого заката
Буду молча эпоху в проулок возить.
А потом у печи, под уютною крышей,
Буду я улыбаться прошедшим часам
И, уже засыпая, успею услышать,
Как заспорят в саду про стихи голоса.
Но затихнет округа, и дом мой задремлет,
Лишь луна будет свет летаргический лить.
Хорошо, что могу я поехать в деревню,
И с Державиным выпив, про снег говорить.

Об авторе: Сайдаков Виктор Иванович – поэт и прозаик. Служил рядовым в ЗГВ, много лет отдал военной журналистике. В чине полковника вернулся в мирную жизнь и 10 лет возглавлял информационно-аналитический департамент Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», одновременно ведя авторскую программу на радио «Слово». В. И. Сайдаков – дважды лауреат литературной премии им. П. П. Дедова. В 2017 году награждён почетной медалью имени В. М. Шукшина.

Иван Ахметьев

Памяти Ивана Овчинникова

В некотором царстве
В некотором смысле
Кроме тебя, Ваня,
Поэтов то и нет...

* * *

Ванин стишок поскрипывает как снежок

* * *

Приснилось, что я объясняю:
Ваня Овчинников – это такая несостоявшаяся звезда
советского футбола

* * *

Ваня объясняет
Что такое русское

* * *

Почитал
Теперь подумай

Юрий Горбачев

* * *

Ивану Овчинникову

По какому такому колокольному звону
ты уходишь в икону, ты уходишь в икону?
На коне что ли инок иль кольчужка на дружке,
иль на паперти звякнула медная кружка?

Я кружу, возвращаясь из кипенья в терпенье.
Поминаю, прощаясь с непросохшей темперой.
То ли волхв вифлеемский, то ли певчий во храме,
ты уходишь по кромке облаков над горами.

И пока ещё краски мерцают, темнея,
ты расскажешь мне сказку про Царевну, Кощея,
про Ивана на свадьбе да про брагу в ковше.
Про салагу в баклаге. Про камень в праще.

Как сразил Голиафа. Как русалку имал.
Как о бурное море борта обломал.
Как транжирил дороги, как песни копил.
Как пробившимся лучиком светил меж стропил.

Памяти друга

Ивану Овчинникову

Слышь, Ваня, я сегодня не могу,
А завтра утром за тебя я в горы,
Они вон за окном Российские просторы
Хранят. Все белые в снегу...

Слышь, Ваня, не договорили,
Разъехались по разным векторам...
Тебе Господь писать стихи дал силы,
И быть среди нас святым дал дар.

Слышь, Вань... А, впрочем, знаю – слышишь!
Никто так слушать души не умел.
Ты будешь рядом, пусть немного выше,
Мы ж без тебя сироты не у дел...

И завтра, Ваня, будет всё не так,
Ты для меня был Солнца лучик.
Не то чтоб хуже или лучше,
Просто сильнее сгустится мрак...

Ты, Ваня, радость юности моей,
Как будто тризну я по ней справляю,
Неважно, сколько мне осталось дней,
Ну а пока за встречу наливаю.

Слышь, Ваня, ради этой встречи,
Готов поверить хоть в кого,
Пусть это будет миг, не Вечность...
Я не прощаюсь – наилучшего, всего!

Владимир Ярцев

Об Иване Афанасьевиче и его достоинствах

Строфы

В каждой шутке есть доля шутки...

Иван Афанасьич Овчинников
Не пробовал киви и фиников,
А трепетных пробовал дев,
Слегка перед этим раздев.

Иван Афанасьич Овчинников
Не знает Бронштейнов-Ботвинников,
Но в шахматы может играть,
Как вся королевская рать.

Иван Афанасьич Овчинников
Не жалуется пакостных циников,
Но любит казацкий фольклор
Да флаг над страной – триколор.

Поскольку из рода былинников
Иван Афанасьич Овчинников
На печке, как Муромец, спит
И Слово родимое чтит.

*Владимир Ярцев, эсквайр
(Впервые опубликовано в стенгазете
«Гнезда поэтов» в 90-е годы)*

Об авторе: Ярцев Владимир Иванович – поэт, редактор. Автор поэтических сборников «Грустная память», «Над темной водой», «Ожидание в сумерках». Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Товарищ Ивана Овчинникова с молодых лет.

Антон Метельков

Что за слово такое –
Лунь?
Иван бы Афанасьевич показал
По-своему, конечно.
По-человечески...

Сергей Донбай

И. О.

Мои друзья

Мои друзья не примеряли кресла,
Садись в них и так недолго жили,
Что, перепутав Богово и Кесарево,
Из жизни без примерки уходили.

Мои друзья еще все ходят в дворниках,
Метели подмести в стране стараются.
На лавочках под звёздами во двориках
Новосибирских, кемеровских маются.

Они плащи носили из болонии,
В карманах не звенели гонорары.
Они настолько этим избалованы,
Что до сих пор не ездят на Канары.

Мои друзья – поэты, архитекторы –
В Новокузнецке, Барнауле, Томске,
Социализмом, перестройкой тёртые,
Чтоб были там стихи и перекрёстки.

Они не будут старыми и мрачными
Расплескивать в руке дрожащий кубок,
Ведь я их помню девочками, мальчиками,
Смеющихся в застолье белозубо.

Они со мной, живые и ушедшие.
Друзей не отчищаю от пороков.
В своем отечестве, в моем отечестве –
Друзей не отличаю от пророков.

Кемерово

Об авторе: Донбай Сергей Лаврентьевич – поэт, художественный лидер Кемеровской писательской организации, гл. редактор журнала «Огни Кузбасса». Принадлежит к поколению Александра Плитченко, Геннадия Карпунина, Нелли Закусиной, Ивана Овчинникова. Член Союза писателей России.

Олег Садур

Ивану Овчинникову

Мелодия народная
Начнет во мне звучать.
Её спою, и, вроде бы,
Приятнее дышать.

Слова скупыми буквами,
Как будто на века.
И женщины с покупками
Летят под облака.

На улицах, по площади
От них такой уют...
Скажите мне, хорошие,
Где это продают...

За русский гений пил Тургенев, и за кириллицу - Кирилин.
– Какое счастье: мы – славяне! – исторгнул Игорь Северянин.
– Давайте выпьем за Победу! – воскликнул с ходу Грибоедов,
А Тютчев, склонный к афоризму, добавил гордо: За Отчизну!
– Ура! – воскликнул Маяковский. – И за солдат! –

твердил Твардовский.

– И за Москву! И за народ! – вскричал Аксаков-патриот.
– Пока свободою горим!.. Уж мы пойдём ломить стеною!..
– За Родину! И за Сибирь!.. а он вчера не вернулся из боя...
– Мы – Русские! –какой восторг! – слова Суворова исторг
Иван Овчинников, чей полк фольклорный, знает в Слове толк.
– Я помню всех за Далью-Даль, – перекрестился грустно Даль.
– Калина красная... – вздохнул Шукшин, а с ним и Пушкин,
и Шеншин...

... На небе высветились Знаки, взошла Алтайская луна.
Все полегли на бивуаке и пили воздух допьяна.
Поэты спали... Что им снилось? Во сне за Родину молились...
Они давно в неё влюбились, они за гордость её бились...
... Уж с ними месяц прикорнул. Есенин встал на караул,
И на груди его светилась медаль за город Барнаул.

Владимир Берязев

Иван Овчинников

Подмигнет сухопарый пенёк,
Сымет кепку и оземь с размаха!
Старичок, мужичок, паренёк,
Неваляшка – расшита рубаха.

Вдарь копытом, сосновый конёк!
Спой зарю, деревянная птаха!
Край сосновый. И дом. И полук.

Крест сосновый. И лодка для праха.

Ой, не хватит ли Митьку валять?!
Меж невестой и словом на «ять»
Раскатилось дурацкое поле.
Как ты звать? Скоморох или тать?
Что поешь ты опять и опять
То о волюшке, то о неволе?..

(Из «Венка сонетов» об авторах книги «Гнездо поэтов»)

Александр Тарараев

Морская песня

Слова Ивана Овчинникова

Музыка Александра Тарараева

Камень и волна.
Шторм идёт всю ночь.
Белый беспокойный берег.
За волной волна... То гром, то тишина.
Мачта корабля с матросской почтой не видна.

Припев:

А на Жёлтом море – золотой туман.
На Курилах непогода.
И опять волна качает океан.
Встречи жду с тобой полгода.

Всюду океан. Всюду корабли.
Из красавиц – лишь тревога.
Нас она коснется только иногда.
Вот уж час прошел, как тишина... и тишина.

Припев.

Доля правды есть. Доля нелегка.
Служба иногда такая.
Шторм идёт, шумит прибой, волна звенит.
Думал, что волна, а бьёт тревога... Извини.

Припев:

А на Жёлтом море – золотой туман.
На Курилах непогода.
И опять волна качает океан.
Встречи жду с тобой полгода.

(Песня написана к годовщине памяти Ивана Овчинникова)

Об авторе: Тарараев Александр Александрович – новосибирский композитор, исполнитель песен на свои стихи и музыку. Друг Ивана Овчинникова, как человека и поэта.

Делается вечер...

(Стихотворение Ивана Афанасьевича Овчинникова)

Перевод от руски език на български език: Красимир Георгиев

Идва вечер...

Идва вечер, ставо тъмно. Мрачновато е
И лошо. Тъжно е сред здрача сам.
Точно време да ловиш тъгата си,
Няма при кого да идеш там.

Вече си по-слаб от бледа лампичка.
А към лягната вечерна степ
Мълчаливи и игриви лястовичките
Прелетяха устремно над теб.

Об авторе: Георгиев Красимир – известный современный болгарский поэт, переводит из русской поэзии, в том числе и российских авторов. Автор переводов на болгарский язык стихов новосибирских поэтов: Николая Шипилова, Михаила Степаненко, Петра Степанова, Жанны Зыряновой, Александра Денисенко, Анатолия Маковского, Ивана Овчинникова.

Надо русских поэтов беречь
(Песня)

Зафольклорил Овчинников Ваня,
Угощал меня складным стихом.
Всенародное он достоянье,
Но народ наш не знает о нём.
А поэту и надо немного –
Лишь тепла на родимой земле,
Ведь поэты общаются с Богом, } 2 раза
А нуждаются в нашем тепле. }

Барражируют сонмы лукавых,
Над Парнасом Пегасов загнав,
Добиваясь, кто денег, кто славы,
Все приличья людские поправ.
А потом вся компания эта
За поэтов себя выдает.
Если совесть народа – поэты, }
Значит снова обманут народ. } 2 раза

Сколько жить только сменой гарантов,
Все другое подвинув плечом?!
Тыщу лет, как в России таланты
Выжигают огнем и мечом!
Настоящих поэтов немного
Те поэты – как Божия весть!
Вряд ли значатся в списках у Бога }
Генералы поэзии здесь. } 2 раза

Невесомою тайной объята
Чистой русской души красота.
Даже Нобелевским лауреатам
И не снилась поэзия та.

На таланты Россия богата,
Для неё невозможного нет –
Вновь родится с душою крылатой }
Русским Духом зачатый поэт! }2 раза

И с небес ему Пушкин помашет,
Близоруко очками блеснет
Долговязый Карпунин Генаша
И «Синильгу» ему пропоёт!
Подарите поэту немного
Вы тепла на родимой земле,
Ведь поэты общаются с Богом, }2 раза
А нуждаются в нашем тепле! }

Об авторе: Ащеулов Владимир Николаевич – разносторонне одаренный человек: поэт, гармонист, песенник, декламатор. Автор нескольких сборников стихов, басен, пародий, эпиграмм. В предисловии к одной из книг В. Ащеулова Иван Овчинников написал: «Стихи у него яркие, остроумные, а задору – на десятерых...»

Русское одиночество

(От составителя)

Настоящий сборник избранных произведений Ивана Овчинникова представляет собой наиболее полное на сегодняшний день издание Автора. Составлен он в классической хронологической традиции, то есть в той последовательности, как выходили его книги.

Необходимо отметить, что его поэтическая дорога, судьба шли по нарастающей, в гору. В молодые годы в силу своего художественного темперамента он писал практически беспрерывно, заражая и заряжая товарищей по поэтическому братству своею неуёмной энергией, о чём они единодушно свидетельствуют. Но с годами, не растеряв своего юношеского вольнодумия, он погружается в философскую поэзию, его позиция становится более ответственной, более строгой и воинственной, сохраняя пластичный, почти неуловимый характер по существу своему, глубине и скрытной осведомленности в главном: пиши правду.

Эта книга важна еще и методологически, чтобы открытия И. Овчинникова в области стихосложения не выпали из кумулятивного развития современной поэзии. Он создал свой, отличный от других способ письма: моделирование текста неуловимыми переходами от слова к слову, от мысли к мысли через скопление и расстановку необычных слов при полном соблюдении принципа фазового соответствия всех компонентов данного текста с непрерывным количеством смыслов. И при этом, что удивительно, в каждой вещи сохраняется морфологическое и смысловое равновесие, несмотря на сильный внутрстихотворный ветер, что говорит о чрезвычайно гармоничном творческом мышлении автора. Текст всё время остаётся неисчерпаемым. Это тот случай, когда говорят о вещи, которая, чем больше от нее отнимается, тем больше она растёт... И еще одна особенность творчества И. Овчинникова, наглядно проявившаяся в последние годы: тяготение к разговорной ритмике, к простонародной фонетике. Иногда

складывается впечатление, что эти вещи ведут свое происхождение напрямую от русской архаики и аксиоматики и чуть ли не заимствованы непосредственно у самой природы.

Нам не нужен волосатый текст, нам – материнский вздох и отцовский выдох. Мы имеем мало, совсем немного чувств, чтобы отобразить действительность, мы слишком рано сорвали цветы наших произволений, оборвали весь нежный ЦВЕТ вещества – до срока, потому что были счастливы, хотя и догадывались, что плоды земные зреют не для того, чтобы их безжалостно обманули, и принимают свое исчезновение, как поэт принимает исчезновение своих стихов в народе. Поэзия всегда страдала самыми стойкими и ироничными фобиями, но именно Иван Микельанджело Овчинников придал ей основательные формы любви, тепла и русской храбрости. Именно он своей подборкой «Бесценные весны деньки» отцентровал «Гнездо поэтов», стянул, как стрелка кристаллизации, все остальные, что позволило показать «объёмную» поэзию с разных точек пристрастия и, одновременно, явилось отличительной, фамильной физиономией этого сборника.

И всё это Иван, его неистовый дух и личный пример, внушавший нам, что основная задача тех дней – писать стихи на пределе эмоций, далеко отметающих мысль об образной упорядоченности и ритмичности стиха.

Ивановы стихи, особенно ранние, нарисованы нередко языком неистовым и необузданным, но при этом, что удивительно, всегда с оттенком невыразимой кротости и ясности – то, что и надо для Родины. Он имел высокоразвитые органы поэтических чувств и был создан именно для разведения стихов, которые читал друзьям чуть-чуть привстав от волны восторга на цыпочки – пожалуй, один из лучших акустиков и импровизаторов нашего времени.

Еще в одной своей художественной ипостаси: в «малоформатной» высококонцентрированной прозе, которой он в последние годы отдавал предпочтение, Иван Овчинников показал себя мудрым толкователем подробностей русской жизни, с его восхищением и любованием подвигами великого народа. Фрагментарность его прозы не внешняя, а именно

принципиальная, как особенность его творческого мышления, а именно: монополярная взаимонапряженность смыслов при максимальной лаконичности текста. Два-три метких и образных ивановых выражения, замечания – и сразу всё озаряется, словно в горницу внесли свечу. Для примера: «Маленький, я бы испугался балерины», «Как веник чистой красоты!». И вот поэтому Овчинникова, на манер древнегреческих мудрецов, можно назвать трисмегистом, то есть «трижды великим», ибо он везде преуспел: и в поэзии, и в прозе, и в фольклористике. Хотя в стихах признавался: «...Не знаю, потомки, что выдернете, вскрывая те ящички с письменами: от поколения такого-то дня к поколению такого же дня...»

Наследие это – замечательное и столь обширное, что потомкам есть над чем поработать, пребывая в состоянии творческого блаженства, в котором сам Иван понимал толк, еще в юности написав: «У меня гениальная память на состояния. Все они у меня бесподобны...» Но позже он сформулирует еще пронзительнее: «Верю моему среднему состоянию. В нем и мать, и отец есть, земля и небо...». К этому он пришел своим царским путем во времена служения фольклористике.

Что касается последней, то всё собранное Иваном по деревням и весям от отцов и матерей наших, можно так же уподобить Ивangelию от фольклора, от корней слов. А Слово Иван, как славянин, понимал как никто другой. У него даже родовая фамилия вся состоит из жизнерадостных частей: Овчин-ник-ов! Чин – чинный, основательный. Чин-чинарём. Чинит сломанные стихотворения, причиняет им добро, победу: Нику, которых по бокам сторожат, охраняют два ов – Овна. Да и сама Овчина – символ и залог тепла. Руно. Золотое руно российской поэзии. Достояние России.

У него, как и у Николая Шипилова, волшебное имя: Иоан Овчинников: семь гласных на семь согласных. Гармоническое равновесие. Оно разлито во всех его прекрасных текстах, многие из которых ещё ждут неперенной встречи с читателями, чтобы погрузить их в светлое состояние «русского одиночества», по названию одного из ранних стихов И. Овчинникова:

... Поют вверху и заодно
оттуда майский дождик льётся.
Участье, счастье за окном
Со всех сторон ко мне несётся...

Это однотомное издание названо Избранным по той причине, что далеко не всё удалось вместить в одну книгу. При этом будущим публикаторам обширного творческого наследия Ивана Афанасьевича Овчинникова нужно иметь в виду, что на сегодняшний день, судя по появляющимся рукописям, не все его тексты выявлены и введены в литературно-художественный оборот.

В Избранном раздел «Стихи и поэмы, не вошедшие в книги» составлен из текстов, привлечённых из творческого Архива поэта, некоторые воспроизведены по его черновым записям, другие – из сохранившихся авторских оригиналов у друзей по перу. При наличии нескольких вариантов стихотворения, в настоящем издании отбор делался на основе версий, которые предпочёл сам автор, интерпретируя или коренным образом перерабатывая базовый текст.

Издание дополнено воспоминаниями современников, близко знавших Ивана Афанасьевича Овчинникова и разделом поэтических посвящений, адресованных ему.

В сборе текстов, фотоматериалов и их непосредственной подготовке к печати принимали участие Ю. В. Гуров, Е. П. Иорданский, А. С. Метельков. Особая благодарность И. А. Ахметьеву за неоценимую помощь в экспертизе текстов, комментариям к ним и составлении библиографии.

В счастливую или трудную минуту жизни, когда вас настигнет русское одиночество, возьмите с полочки книгу прекрасного поэта Ивана Овчинникова «Я помню, помню всех, кого любил...» и прочтите:

Хорошо, когда люди дружат.
Но, когда ты долго один,
Даже тот, кто был очень нужен,
Станет просто необходимым.

Овчинников Иван Афанасьевич

(1939 – 2016)

Биографическая справка

Иван Афанасьевич Овчинников родился 29 июня 1939 года в селе Нижний Ашпанак Алтайского края в большой старообрядческой семье, где он был последним, шестым ребёнком.

Отец, Афанасий Савельевич, фронтовой разведчик, смертью храбрых погиб на войне. Мать, Анна Иосифовна, поднимала детей одна, у нее хватило сил всех поставить на ноги, дать образование, привить им веру и трудолюбие. Она ушла из жизни в возрасте 100 лет. Иван до 2-го класса учился в местной Нижне-Ашпанакской школе Чуйского аймака, потом в селе Тайна в школе-семилетке. Когда ему было 9 лет, семья переехала в Новосибирск, и Иван по месту жительства попал в знаменитую в городе школу № 10, где учился с будущим известным писателем и драматургом Евгением Харитоновым, а во дворе крепко сдружился – и на всю жизнь – тоже с будущим замечательным поэтом Валерием Малышевым. Здесь, «на соревновании» с ними, он и начал писать стихи. В 1957 году поступил на завод «Коминтерна», где работал и параллельно учился до десятого класса в 6-й школе рабочей молодёжи, которую закончил в 1958 году.

1 ноября 1961 года был призван в армию, служил матросом-сигнальщиком на малом ракетном катере в составе Каспийской флотилии. По состоянию здоровья 22 сентября 1962 года был досрочно демобилизован.

Далее – учеба на филфаке Новосибирского педагогического института, откуда он ушел с 4 курса. В эти же годы он активно участвует в литературном семинаре И.О. Фоякова, где знакомится практически со всем кругом новосибирских поэтов, в том числе и с будущими авторами сборника «Гнездо поэтов». На этот период приходятся и его «вылазки» в Москву и Ленинград, где он, желанный гость в столичных художественных

кругах, сводит знакомство со многими примечательными личностями того времени: Леонидом Губановым, Венедиктом Ерофеевым, Иваном Ахметьевым, Людмилой Петрушевской, Евгением Сабуровым, Леонидом Иоффе, Эдуардом Лимоновым, Валерием Беляковичем, Владимиром Леви, Леной Гулыгой и др.

В творческом отношении эти годы, судя по рукописям, были пиком его поэтической активности, а многое из написанного теперь считается классикой. Однако в этот же период он начинает остро ощущать «недостаток воздуха» в однокомнатной квартире поэзии, его алтайская душа мучительно жаждет и ищет новой свободы самовыражения, как это было при первой встрече с фольклорным ансамблем Дмитрия Покровского в Москве в семидесятых годах. И вот ещё одна, в 1982 году – судьбоносная встреча с Вячеславом Асановым – основателем Новосибирского областного Центра русского фольклора и этнографии, ныне вице-президентом Российского фольклорного Союза, членом Союза композиторов России.

И получается почти 35-летнее служение Ивана Афанасьевича Овчинникова русскому фольклору, корневому жизненному укладу, народной традиционной культуре.

Он лауреат многих песенных фестивалей и конкурсов. Но и свою первую любовь – Поэзию он не покинул и не оставил: свидетельство тому – участие в коллективном сборнике «Гнездо поэтов», две самостоятельные поэтические книги и три книги прозы. В 1995 году был принят в члены Союза писателей России.

Для Новосибирска Иван Афанасьевич Овчинников – светлое имя.

Дни памяти И. А. Овчинникову: 29 июня родился, 18 февраля ушел из жизни.

Библиография:

ЛеС (Левая Сибирь) Антология неофициальной поэзии 1960–1986 гг. – т.1 /Составитель Е. П. Иорданский/. – Новосибирск-Сокур, 1988.

Гнездо поэтов (Коллективный сборник). – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1989.

Иван Овчинников. Мил-человек. – Новосибирск: Детская литература; Мангазея, 1992.

Иван Овчинников. То ли к нам, от нас ли. – Новосибирск: Просёлки, 2003.

Иван Овчинников. Записки из города (1–5 части). – Новосибирск: РИЦ НПО СП России, 2010.

Иван Овчинников. Записки из города (6–7 части). – Новосибирск: РИЦ НПО СП России, 2013.

Иван Овчинников. Записки из города (из третьей книги). – Новосибирск: РИЦ НПО СП России, 2015.

«Новое литературное обозрение», №23 (1997).

«Сибирские огни», №4, 1999.

Перестал и смеётся // «Носорог», №5 (осень-зима 2016/2017). Публикация и предисловие И. Гулина.

Август и немного сентября // «Митин журнал», №69 (2017). Публикация и предисловие И. Ахметьева.

Сказки без подсказки: Рассказы, сказки, стихи. – М.: Детская литература, 1981. /Сост. Вс.Н. Некрасов/.

День поэзии 1983. – М.: Советский писатель, 1983.

Другая традиция. – М., 1992. Буклет. Сост. В. Куприянов.

Самиздат века /Сост. А.И. Стреляный, Г.В. Сапгир, В.С. Бахтин, Н.Г. Ордынский. – Минск-М.: Полифакт, 1997.

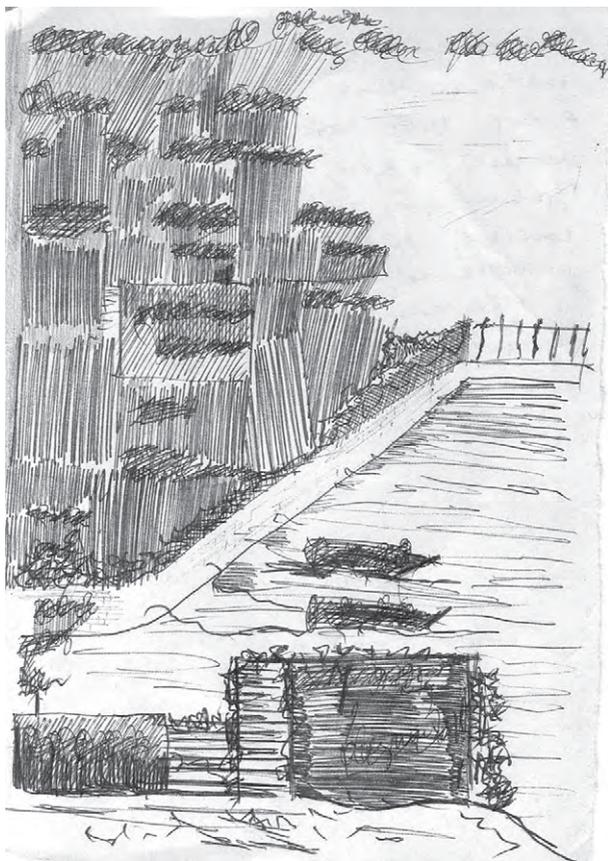
Русская поэзия. XX век. Антология /Под общей редакцией Владимира Кострова, Геннадия Красникова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Солнечное подполье. Антология литературного рок-кабаре Алексея Дидурова «Кардиограмма». – М.: Academia, 1999.

Нестолничная литература. Поэзия и проза регионов России /Сост. Д.Кузьмин/. – М.: НЛЮ, 2001.

Ось бытия. Сибирская поэзия. — Новосибирск: РИЦ НПО СП России, 2006.

Русские стихи 1950–2000 годов. Антология (первое приближение) в 2 т.– М.: Летний сад, 2010. /Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий/. Т.2.

Сдин из рисунков (пером) И. А. Овчинникова из его рукописного архива.

Содержание

Для знакомства (<i>Автобиография</i>)	3
Из книг	
Из коллективного сборника «Гнездо поэтов»	
«Хорошо, когда люди дружат...»	5
Незнакомец	6
В отпуске	6
Чёрный человек	6
«Нечего делать – воображаю...»	7
Первокурсница-горожанка	8
«Достраивают цирк. Достроят...»	9
«Из Новосибирска выходит корабль...»	9
«Наш вуз на самом берегу...»	9
Поют по-старинному	10
«Девушка кружится с зеркалом...»	10
Если обмен, то...	10
Полустанок	11
В деревне	12
У родителей	12
«Уже давно и далеко...»	12
Выходной в тайге	13
Внизу во дворе	14
Доброе утро	15
Сухо	16
Два осенних леса	16
«Разбросанная баня...»	17
Домой на снопах	17
«Всё реже туристы...»	18
«Зима. Как-будто так и было...»	18
Рассказывали в Колывани	19
«Люблю за деревней лежать...»	19
В избушке	20
«Деревня цвела, наслаждалась...»	21
«Рос телёнок среди роз...»	21
Ребята	22
Послевоенный цвет земли	22
«Осень за школой. Вот она...»	23
Деревушка на пенсии	23
«Ах, представлю лето...»	24
«Ах, милей, ещё милее!..»	24

Русское одиночество	25
Эпилог одного села	26
«Бредёт ли старый человек...»	26

Из книги «Мил-человек»

«Бог мне дал хорошее лицо...»	27
Бродяжка в Коломне	28
«Прямо на краешке крон...»	29
«Россия песенная...»	29
«На область прислали 120 Бальмонтов...»	30
«Спит моя рыжая, спит...»	30
«На футляр. Положи в него маску...»	30
В детстве	31
«Делается вечер и темно становится...»	32
Не бойся ничего	32
Прощальный взгляд на себя	33
«Солнце во всех зеркалах...»	33
«Самолёт сел в сумерки...»	34
«Светило село...»	36
Первая любовь	36
Исчезнувшим из двадцатых – тридцатых годов	37
В память о Нижнем Ашпанаке	38
Первые годы в Новосибирске	39
«Всё же в Сибири осталась...»	39
Настенька (<i>Шутка</i>)	39
Владимир Мономах	40
Машина с вином	40
«Желтей скорее, Летний сад!..»	40
«Эх, иду вдоль розовых рядов!..»	41
Баба-ягодка	41
«В озёрные тихие дни...»	41
«Мало ли гадов в лесу...»	42
В какое-то время	42
Не наш браконьер	42
«Вот слушай, вот как на море-то было...»	43
«Дальше так быть не должно...»	43
«Мечтая, любя и динамя...»	43
«Самая прихотливая Муза...»	44
Начало Алтайского края	44
Лето 1946 года	45
На вокзале	45
«Никого нет дома...»	46
Далеко послевоенное	46
На отшибе	47

Любовь Катулла	47
На это стихотворение	48
«Я думал, Бог за облаками...»	48
В новом районе	48
Мысль на празднике	49
Подражание китайцам	49
«Таня тоже в зеркале...»	50
Гостя нашей библиотеки	51
«Любишь... И он тебя...»	52
«Цветочек ехал по ручью...»	52
«Ещё кого-нибудь боготворя...»	53
«Стараюсь не думать о том, что придёт...»	53
«Слепили снежную бабу — оставили под луной...»	54
«Тина пруда. Ряска...»	54
На Лиховом переулке	54
«Флаг.. флаг.. флаг...»	55
В Москву	55
...И приспе осень...	55
«В старой тихой комнате...»	56
«Сам Орион засиял...»	57
«Я помню, помню всех, кого любил...»	57
Причины поражения России в Японской войне (<i>Из билетов</i>)	57
«Гляди-ка, дом твой облетел...»	59
«И, все вместе — влево!...»	59
«Я, как будто лебедь — однолюб...»	60
«Неужели поздно!...»	60

Переводы на стихи с прозы и фотографий журнала

«Музыкальная жизнь»

Наказание оперой	61
Колокола в опале	61
В квартире (<i>перевод с фотографии</i>)	62
«Уехала не прощаясь...»	63
«Забудь, забудь, о счастье забудь!...»	63
«Чем отличаются утки от крякв?..»	63
Встреча со своими цветами	64
Бутылка лимонада	64
Ушла	65
Конец того века	66
Новогоднее	66
Со стороны	67
Бродяги (<i>заметки</i>)	68
О паспорте (<i>поэмка</i>)	73

«Любо-дорого река...»	77
«До Милославских – миллион...»	78
Фольклор	78
«Закинуть, что ли, удочки...»	79
Будущие воспоминания	79
«Ну-ка, помолись, чтоб не меняться...»	80
Басня	80
«Ой, какое небо мягкое и грустное...»	80
«Распечатали – нате – дорогу...»	81
«Девки, девки, помогите...»	81
«Красным макам, розам...»	81
«А как мечталось, ково?...»	82
«Жили-были, значит, все...»	82
«Куда пойти? Куда бежать?...»	83
«Сухие стихи в сторожке...»	83
«Сашке да Андрюшке, да тебе, да себе...»	84
«Мельчайший снег идет. Просто мельчайший...»	84
После свадьбы	85
«Бас-балалайка – что попало...»	86
«Дети гнали колесо железкою...»	86
«Я, сказать, не видел так уж...»	87
«Я ли не умею лить на грудь...»	87
«Ай, как не в городе на зорьке громкой...»	88
«Не лай, собака, я пошутил...»	88
«Забор-забором, а забавы...»	89
«Расгашите нас, добрые люди...»	89
«Да иди они с их современностью...»	90
«– Ну, как самочувствие?...»	90
«Мать ты моя – медведь!...»	91
«Не наши дни. Не наше время...»	91
«Легко ли отнаться от роз...»	92
«Раскрепостился берег, разбежался...»	92
«А я, давечь, как ты сам...»	93
Решение	94
В рядах	94
«Помаленечку вьётся метелица...»	95
«Крестьяне не любили дворян...»	95
«Я, мол, птица, мол, ночная...»	95
«Всяко говорят. Только не говорят...»	96
17-й год	96
«Что грядёт, никто не знает...»	96
«Раньше раньше вставали...»	97
«На память нам, живущим в серебре...»	97
«– О-ох, ох, дядя Ваня, дядя Ваня, ей худо...»	98

«Весело, аляписто пошла...»	98
«Доставляют, заставляют...»	99
Между небом и землею	99
«Задождило. Задождило...»	99
«Трое шли. Один отстал...»	100
«Бредни, сети, невода, а то – взрывают...»	101
«Среди дремучих всяческих лесов...»	101
«Расширяется улица, что ли?...»	101
«Сад-от голай. Совсем голай...»	102
«– У меня умное поле...»	102
«Помнит она о нас...»	103
Нагнал	103
«Когда кому захочется понуть...»	104
«Ржаная ты, ржаная, милая да сильная...»	104
В 98 году	105
«Того же разу, тот же час...»	105
На юге	106
«Ой, сельская, сельская песенка...»	107
«Прощай, февраль московский! Тает всё...»	108
«Солончаковая степь...»	108
«... И тогда тепло, счастливо...»	109
Осень. На земле	110
«Не лети, Надя...»	110
«Куда ушли армянки молодые?...»	110
«Столетия, события, сосны и ночь...»	111
«Июль и пение плывёт!...»	111
Студенты	111
«Проезжаем улицу Есенина...»	112
Две избушки	112
«По дороге в деревню позёмка...»	113
Бродяга	113
На Алтае	114
«Мне так понравилось у моря...»	115
«Разлетелась ваша, как её, Евразия...»	116
«Дом учёных. Дом учёных...»	116
«Согласен, ты эти слова...»	116
«– Легостаево? Не знаю...»	117
«Кош-Агач, или Агаш...»	117
«К-э-э-э-к даст! И чурка – на две...»	118
Между полами	118
«На тонкой речке не утонешь...»	118
«Хорошо бы на Чаусе побыть...»	118
«Есть, правда, старое...»	119
«Папку с мамкой не спросили...»	119

Казак Аникеев во тьме	120
«Зелёный змий, как аэростат...»	121
«Сколько время?...»	121
Самоанализ	121
У кандидата наук	122
«Кто-то едет как попало...»	122
«Пролегала не дорога...»	122
«Как по западной группе войск...»	123
«Казачья лава с зелени вулкана...»	124
«А у нас цыганы...»	124
«Нарисуют бродягу. А ему не покажут...»	125
«Ой-ли стали мы на поле, ыэх-ха!...»	125
«Ясно было, весело на небе...»	125
«Легче лёгкого лежать...»	126
«— Э, а Ивана-то Андреевича, забыли!...»	126
«Чтоб дома был твой дом...»	127
«Растеплилось, да что-то рано...»	128
«Неприличные телодвижения...»	128
«Не кричи, не трогай лень...»	128
«Оля, аля с двумя эл?...»	129
«Простите, летние деньки...»	129
«Если голые стали опушечки...»	129
«Кто любит свет...»	130
«Не заря, братцы, занималась...»	130
Летом	130
«Ну, совсем, гляди, как лунь...»	131
Двое в жилмассиве	131
Пришли	131
«Путепроводы, пути...»	132
Правила	133
«Опеть гремит. Как в бубен...»	133
Родные фотографии	134

Записки из города

Первая часть	136
Вторая часть	166
Третья часть	197
Четвёртая часть	235
Пятая часть	263
Вячеслав Владимирович и серый волк	284
Шестая часть	289
Седьмая часть	313
В гостях у Славы (Сюжет Е. Харитоновой, слова И. Овчинникова)	336
Продолжение седьмой части	343

Из третьей книги «Записки из города»	365
Тетрадь 1	365
Тетрадь 2	376
Тетрадь 3	380
Тетрадь 4	389
Тетрадь 5	397
Из блокнота	404

«Это я, Иван, везде...на небе...»
(Стихотворения и поэмы, не вошедшие в книги)

Стихи разных лет

Утро в городе Новосибирске	415
«Тихо, тихо, мой философ...»	416
«В сад вышли бояре...»	417
Ренессанс	417
Мартовский закат	418
В домике	418
«И пошли дожди до Вены...»	418
«Всё прощай и всё прощается...»	419
«Попишу немного о том...»	419
В июле	420
«Стены... дали за окнами...»	421
«В вагон-ресторан не пускают, допустим...»	421
Снимок в санатории	422
Май	422
«В комнате одной, темнеющей...»	422
«Нервы, нервы, учитель, нервы...»	423
Утро	423
В сентябре	424
Осенний лес	424
«На запад по улице тихо брести...»	425
«Уснуло здание...»	425
«Не великий и не малый...»	425
«Плачут дали. Обнимаются тучи...»	426
Алтайские избы	426
«Ой, вечер, ой, вечер...»	427
В конце декабря	427
«Серый снег на теплых улицах...»	428
Град	428
«Ветер сбивчивый...»	430
«Когда спокойный солнечный рассвет...»	431
«Я шёл один, сухарик грыз...»	431
«Так приятно бредущим мешает листва...»	432
«Что ж, чудесно у Коли...»	432

«На стройке стоит 101...»	433
Поэт и коровы	433
«На лето красивых чернил...»	433
Об известных поэтах	433
Варя	433
«На поэтах Пушкинской поры...»	434
«Новый год – это снежное лето...»	434
«Наденька, апрель! Надежда, – плюс!...»	435
«Около кровати – голубой палас...»	435
«Кто-то из весьма знакомых мне верзил...»	435
«Вчера весь день с Валеркой пили...»	435
«Мучительна жизнь...»	436
«Лет через пятьдесят будут любить уродов...»	436
«Женя! Юра! Братцы! Нина!...»	436
«Друзья мои, посветление днём...»	437
«С моря всё меньше и тише валы...»	437
«В Москве в синеве погулять неделю...»	438
«Да я тебя, крылатую...»	438
«Я, конечно, дождусь. Только я разлюблю...»	438
«Был апрель или май...»	439
«Стой, радость, и держи меня...»	439
«Весенний запах пашни, грач...»	440
«Парижский живописец в парке...»	440
«Темнота в глазах туманных...»	441
«Айседора Дункан...»	441
«Среди людей стояла девушка...»	442
«Бор всю жизнь зеленый...»	442
Пианистка Лена	442
«Чёрная гармонь – своя...»	443
«Гармонь, растянутая круто...»	443
«После дождя – розовый свежий город...»	443
«Голуби над церковью вьются, словно души...»	444
В заливе	444
«Лягут волосы на травы...»	444
«По реке плывет усталый пёс...»	445
«Зонтики чёрной ночью...»	445
«Снилось, будто у нас Эрмитаж...»	445
«Летчик летчику свистит...»	445
«Таинственная тяга к нам...»	445
«Полотенце обнимает бывшую любимую...»	446
«Это я спал? Ужасно... скоро вечер...»	446
«Полночь Греко... или природа...»	446
Это кажется	446
«Скоро... смотрите...»	447

«Безрадостные дни, скворешни...»	448
«Шумела гитара на весь темный лес...»	448
«У линии не сон...»	448
«Лень во мне со времен расставанья...»	449
«Я уже пишу бездумно, каждый день...»	449
Лора	450
«Скоро ль заглянет вечер...»	450
«Наигрался ли герой?...»	451
Литературная грусть	451
«Двести колокольчиков напились...»	452
«Когда уже сильно небо позовёт...»	452
«Снимая старые слёзы...»	453
«Аля, ты помнишь букварь?...»	453
«Какими судьбами сюда...»	454
«Как мне плохо вечером...»	454
Предвидение	455
«Я только развернул Петрарку...»	455
«Таня приснилась...»	456
«Татьяна, вставай, вставай...»	456
«Таня смуглый человек. Повод для стихов...»	456
«Я в памяти её...»	457
«... Ожидаемый – Пётр...»	457
Подражание Харитонову	458
«Независимость ребят с Кубани, с Дона...»	459
«Совершенно не новое ожидание...»	459
«Она настолько человек...»	460
В августе	460
Дама – леди – бабушка	460
«Над осенью, над лесом...»	462
«В вашем кино не выходят из ванн...»	462
Неверная женщина	462

Под открытым небом

«Сено, солома, вдали листопад...»	463
Ещё быть	463
Граница	464
Где наши дни?	465
«На постриженных деревьях...»	465
По-людски	466
«Мне не нравится ни Сцилла, ни Харибда...»	467
Обида	467
Прощание с беспечным человеком	468
«Жалеешь август, а?...»	468
Московское застолье	469

Выздоровливаю	470
«Пошли завтра в музей...»	470
«Над тихим домиком...»	471
«К вечеру потеплелые, лиловые...»	471
«Умный ты месяц мой!...»	471
Вечером	471
«Вынужден, слушаю Влаха...»	472
Вот она	472
«Переходят песни в залы...»	473
«Из неохота вряд ли охота выйдет...»	473
«Отвали кольцо от дыма...»	473
«Не бес шумит в голове...»	474
«Эх, если бы из зимы...»	474
Коктебель	474
«О! Это дождь! Играют раскаты...»	475
«Ой, не молись особой силе...»	475
«Осенний лес. Немного стыдно...»	476
Буря за самолетом	476
«Что пятиконечная...»	477
«В наогромном этом городе...»	477
Городские лучи	477
«Сколько я Светок любил!...»	478
«Вот так я и начал бы свой роман...»	478
«Большевики ведь не Россия...»	478
«Говорят, что Ленин прямо...»	479
«Догорает неукоснительно вся...»	479
«Злость любимой – сладость...»	479
«Отелилась и стоит счастливо тёлка...»	480
Волны	480
«Лесина запела, заныла...»	480
Москва	480
«Напоминает ёлку ель...»	481
«А далеко развилась...»	482
«Там красавиц поле...»	482
«Грешная дама и плиты...»	483
«Гляди, как я, сквозь марлю...»	483
Ученица	483
«Старая быстрая музыка...»	484
«Постелили девушки у окон...»	484
«Под луною спит девчонка дикая...»	484
«А вдруг она тоже богемная...»	484
«– Саня, ты будешь обрывать фильтр?...»	484
«Контрапункт и сопромат...»	485
«Банька дожидается до ночи...»	485

«Резонные секунды были...»	485
Иносказания любви	485
«Кто-то в самой середине...»	486
«Да где же бессвязность-то!..»	486
«У меня артистка Таня...»	486
«Когда ты вчера была...»	487
«Береза, легка и печальна...»	487
Из одного лета	487
«Говорят, она цыганка...»	488
Детские притяжения	488
День поэзии	489
Прошлое в небе	490
«Протока ли, речка под хвойным навесом...»	491
«А до лилии надо доплыть...»	492
«Нажил ещё ожидание...»	492
«Стёкла уже синие...»	492
В кочегарке	493
«В электричке, в ожидании в Москве...»	493
«На севере горы, где заблудился Слава...»	493
«Слава осени близкой...»	494
«Так, утренние часы святые...»	494
«Едем в тучу! Тучу-синеву...»	494
«Уже вечер, настоящий вечер...»	495
«Длинный день и светлое окно...»	495
«Бьют часы, бьют часы, бьют...»	496
«Толя, я тебя сейчас читал...»	496
«Зелень зарделась, еще не разделась...»	497
«Что ты шепчешь, море...»	497
«О, как ты печальна, паяльная лампа вон там!..»	498
«Отбывает на родину чувство...»	498
«Шесть часов. Ожидание солнца...»	498
«Сплошь зарос бы город...»	499
«Наверное, лучшего, легкого не придумать...»	499
«Не слышать фонтана...»	499
«И так, посмотришь, у иглы...»	500
«Что за липы, тополя во тьме!..»	500
«Голодная кошечка Мурка...»	500
«Разом вдруг вскинутся птицы...»	501
«То ли точат, как встарь, во дворе...»	501
«Ты – так? Раз так – и я не вспомню...»	501
Размышление	502
«Вниз – вниз – вниз...»	502
«Светает, Люська, уходи ...»	502
Шабашка	503

Жаль	503
«В три часа я уеду на юг...»	504
«Ты по утрам проходишь сад...»	504
Лес и признание	505
Село и признание	508

Поэмы, не вошедшие в книги

Запись	512
Областная поэма	521
Стихотворение <i>Поэма</i>	526

Август и немного сентября (Из подборки стихов Ивана Овчинникова, опубликованной Иваном Ахметьевым)	530
Праздник	530
«Нет Александра дома...»	530
«Всю жизнь будешь влюбляться...»	531
«Да ладно уж, дятлы...»	531
«Русь, милая, голубушка...»	531
(Григорий Распутин)	532
Застолье поэтов	532
«Пошли завтра в музей...»	533
Их любить!	534
Лето	534
«Не надо! Если уж тот ямб...»	534
«Сегодня пару валерьяны...»	535
От прошлого года	535
«Одинёшенькая женщина...»	535
«Греюсь на солнце, а солнце на небе...»	536
«Блажь у меня была – море...»	536
Я очень люблю её...	536
«Когда обманывают месяцами...»	537
«Нет сил, красивая, не спи, нельзя!...»	537
«Вот, дочь, письмо на авиа...»	537
«Над широкой речкой...»	537
«Здорово, одинокий человек!...»	538
Пляж потом	538
«Избави бог с художественных образов...»	539
«Никогда не придет ко мне в тот миг...»	539
«Отгадать без цыганства...»	539
«Десять часов...»	540
«Танюшка, май ты мой, июнь!...»	540
«Закидают соломой, закроют...»	540
Там поют	541
«Никогда тебя нормальная...»	541

«К радости чая с тобой...»	541
«Считай, считай мои годы...»	542
«Зарождается, слава те, злость...»	542
Гад поэт	542
Засуха	543
«От лени есть снадобье — астра...»	543
«— Не поцелуешь астру? — Астру, нет...»	543
«Пока были наши на юге, на юге...»	544
«Охота в осень с головой...»	544
Монашка	544
«А льда никто не мог...»	545
«В копны бежали от дождика прятаться...»	545
«Бог мне дал хорошее лицо...»	546
«Прославлюсь, растяну я лето...»	546
«Прибежала прошлая любовь моя...»	546
«Намедни сон летел такой...»	547
«Не гляди на нас, солнце...»	547
«Свеча на бутылку налеплена...»	547
«Она на солнцепеке...»	547
«Сегодня умер Высоцкий...»	548
«Неужели закон природы...»	548
«Это было, друзья по искусству...»	548
«Обнимет бог везде, везде, всюду, кругом...»	549
«Буря и буря, тут уже края...»	549
«В журналах мод прекрасные статьи...»	549
«Дайте дорогу храбрым!...»	549
«Хватит понимать, не надо!...»	550
«Да, всё ещё светит...»	550
«Снова сонные липы без солнца...»	550
«От лица отводятся взгляды все выше...»	550
«Довольно, не надо, нельзя, потом...»	551
«Покидает пляж красавица...»	551
«Итак, катера побежали...»	551
«Наврано, а музучилище...»	551
«Саша сложный, сложный...»	551
«Спать пора! Спать пора...»	552
Каникулы	552
«ГДР — года два пешком...»	552
«Не увлекаюсь Ленинградом в мае...»	552
«Алые окраины зеленые...»	552
Конец лету	553
«Я лежу на тахте на траве...»	553
«По небу по лесу летают грачи...»	554
«До кипения, до самого шипения...»	554

«А у поэзии нет ни сладости...»	554
«В школе неясная мысль...»	555
Античное отчаяние	556
«Зачем от жалости качает?...»	556
«Всё, Галка, ты...»	556
Варианты и вариации по книгам	557
«И это всё – о нём...» (Воспоминания об Иване Овчинникове)	561
Николай Шипилов. «Друг мой Ванька, Ванька Жуков...»	562
Иван Ахметьев. «Бог мне дал хорошее лицо...»	568
Вячеслав Асанов. «Ифан, это нефозможно!...»	577
Григорий Базлов. Иван: «Учитесь спокойствию у Волги!...»	579
Нина Садур. Прощальное слово	582
Серый гусь (<i>к выходу Ваниной книги</i>)	583
Женя и Ваня	588
Екатерина Садур. Жизнь в «формате А4»	593
Михаил Степаненко. Нетакизм Ивана Афанасьевича Овчинникова ...	594
Нелли Закусина. Иван Овчинников	598
Евгений Иорданский. Об Иване Овчинникове	600
Воспоминания Лены Васильевой об Иване Овчинникове	601
Владимир Берязев. Записки с переплясом. Иван Овчинников	602
Юрий Горбачев. Иван, помнящий родство	603
Юлия Пивоварова. Поэты Весны: Иван и его товарищи	605
Пётр Степанов. К барьеру: дуэль Овчинников – Маковский	606
Владимир Землянов. Он опять уехал за фольклором...	607
Антон Метельков. Праздник	609
Юрий Чуванков. Горница русской души	610
Игорь Гусельников. «А не Бродский ли это был?...»	612
Станислав Михайлов. Дядя Ваня	613
Николай Шипилов. Трояк и Жанна д'Арк	615
Александр Денисенко. «Я помню, помню всех, кого любил!...»	616
Иван	622
Игорь Гулин. Под пеплом – жар костра...	628
Мил-человеку (Стихи-посвящения)	631
Нелли Закусина. «Иван! Куда ты...»	631
Николай Шипилов. Ванька Жуков	632
Что ни говори, а дело плохо...	633
Вячеслав Асанов. Студия-фольклор	635
Я – русский	635
Виктор Сайдаков. «Захочу и сегодня поеду в деревню...»	636
Иван Ахметьев. Памяти Ивана Овчинникова	637
Юрий Горбачев. «По какому такому колокольному звону...»	638
Игорь Гусельников. Памяти друга	639

Владимир Ярцев. Об Иване Афанасьевиче и его достоинствах.	
Строфы	640
Антон Метельков. «Что за слово такое...»	641
Сергей Донбай. Мои друзья	641
Олег Садур. Ивану Овчинникову	642
Александр Денисенко. «Барнаул»	643
Владимир Берязев. Иван Овчинников	644
Александр Тарараев. Морская песня	645
Красимир Георгиев. Делается вечер... (на болгарский язык)	646
Владимир Ащеулов. Надо русских поэтов беречь	647
«Русское одиночество» (<i>От составителя</i>)	649
Овчинников Иван Афанасьевич (1939 – 2016) Биографическая справка	653
Библиография	655

**Иван Афанасьевич
Овчинников**

Я помню, помню всех, кого любил...

Избранное

Ответственный редактор А. Б. Шалин

Редактор-составитель А. И. Денисенко

Технический редактор Н. В. Васильев

Корректор А. С. Орлова

Сдано в набор 02.05.2017. Подписано в печать 22.08.2017. Формат 84 x 108/32. Бумага
офс. № 1. Гарнитура «Таймс». Печать цифровая. Усл. печ. л. 43,5.

Тираж 50 экз. Заказ № 1566.

РИЦ «Новосибирск». 630099, Новосибирск, ул. Орджоникидзе, 33.

Типография «Манускрипт».